

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русского языка имени В. В. Виноградова

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
V. V. Vinogradov Russian Language Institute

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русского языка имени В. В. Виноградова

Труды
Института русского языка
им. В. В. Виноградова

№ 4

МОСКВА
2021

Журнал основан в 2013 г.

Главный редактор

А. М. Молдован, доктор филол. наук, академик РАН (Москва, Россия)

Ответственный редактор номера:

Ж. Ж. Варбот, доктор филол. наук (Москва, Россия).

Редакционная коллегия выпуска:

А. Ф. Журавлев, доктор филол. наук (Москва, Россия);
Л. В. Куркина, доктор филол. наук (Москва, Россия) (ответственный секретарь);
Д. И. Эдельман, доктор филол. наук (Москва, Россия);
М. Н. Белова, кандидат филол. наук (Москва, Россия);
О. М. Сергеева, кандидат филол. наук (Москва, Россия).

Редакционный совет

А. Е. Аникин, д. ф. н., академик РАН (Новосибирск);
Ю. Д. Апресян, академик РАН, профессор (Москва, Россия);
Синтия Вакарелийска, PhD, профессор (Орегон, США);
Ж. Ж. Варбот, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия).
Бьёрн Вимер, доктор филологии, профессор (Майнц, Германия);
Марчелло Гардзанити, PhD, профессор (Флоренция, Италия);
А. А. Гиппиус, член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия);
Ольга Йокояма, PhD, профессор (Лос-Анджелес, США);
М. Л. Каленчук, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия);
А. П. Майоров, д. ф. н., профессор (Улан-Удэ, Россия);
Ольга Младенова, PhD, профессор (Калгари, Канада);
Туре Нессет, доктор филологии, профессор (Тромсё, Норвегия);
В. А. Плунгян, академик РАН, профессор (Москва, Россия);
Ахим Рабус, Dr. habil., профессор (Фрайбург, Германия);
Ф. Б. Успенский, д. ф. н., член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия);
Майкл Флайер, PhD, профессор (Кембридж, США);
Вацлав Чермак, доктор филологии (Прага, Чехия);
А. Д. Шмелев, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия).

Ответственный секретарь

канд. филол. наук А. Е. Журавлёва

Выходит 4 раза в год

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-76037

Адрес редакции:

119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
E-mail: ruslang@ruslang.ru

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
V. V. Vinogradov Russian Language Institute

**Proceedings
of the V. V. Vinogradov
Russian Language Institute**

№ 4

MOSCOW
2021

The Journal was founded in 2013

Editor-in-Chief

Alexandr M. Moldovan, D.Sc., Full Member of the RAS (Moscow, Russia)

Editor of the Issue

Zhanna Zh. Varbot, D.Sc., Professor (Moscow, Russia)

Editorial board of the issue

Anatolij F. Zhuravlev, D.Sc. (Moscow, Russia);

Liubov V. Kurkina, D.Sc. (Moscow, Russia);

Joy I. Edelman, D.Sc. (Moscow, Russia);

Maria N. Belova, PhD (Moscow, Russia);

Olga M. Sergeeva, PhD (Moscow, Russia).

Editorial board

Aleksandr E. Anikin, D.Sc., Full Member of the RAS (Novosibirsk, Russia);

Yury D. Apresyan, D.Sc., Full Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);

Václav Čermák, Ph.D., Professor (Prague, Czech Republic);

Michael S. Flier, Ph.D., Professor (Cambridge, USA);

Marcello Garzaniti, D. Sc., Professor (Florence, Italy);

Alexey A. Gippius, D.Sc., Corresponding Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);

Maria L. Kalenchuk, D. Sc., Professor (Moscow, Russia);

Alexandr P. Mayorov, D.Sc., Professor (Ulan-Ude, Russia);

Olga Mladenova, Ph.D, Professor em. (Calgary, Canada);

Tore Nettet, D.Sc., Professor, (Tromsø, Norway);

Vladimir A. Plungian, D.Sc., Full Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);

Achim Rabus, D. Sc., Professor (Freiburg, Germany);

Alexey D. Shmelev, D.Sc., Professor (Moscow, Russia);

Fjodor B. Uspensky, D.Sc., Corresponding Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);

Cynthia M. Vakareliyska, Ph.D., Professor (Oregon, USA);

Zhanna Zh. Varbot, D.Sc., Professor (Moscow, Russia);

Björn Wiemer, D. Sc., Professor, (Mainz, Germany);

Olga T. Yokoyama, Ph.D., Distinguished Professor (Los Angeles, USA).

Executive secretary

Alexandra E. Zhuravleva

The journal is registered by the The Federal service for supervision
of communications, information technology, and mass-media.

Registration certificate ПИ № ФС 77-76037.

Address:

18/2, Volkhonka street, Moscow, 119019

E-mail: ruslang@ruslang.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>Н. С. Арапова (Броудлендс, США)</i> К истории слова <i>местность</i>	12
<i>А. М. Белов (Москва)</i> Греческий τίμλησι: чередование или аналогия?	26
<i>К. Л. Борисов (Лондон)</i> On the etymology of Proto-Slavonic *bĕda	38
<i>Ж. Ж. Варбот (Москва)</i> К вопросу о происхождении праслав. *rǫka	45
<i>Т. И. Вендина (Москва)</i> К вопросу о хронологической стратификации материала «Общеславянского лингвистического атласа»	49
<i>И. А. Горбушина (Москва)</i> Проблема морфоделения лексем в этимологии	88
<i>Т. В. Горячева (Москва)</i> К этимологии рус. диал. <i>фарботы</i> в свете некоторых особенностей освоения иноязычных слов в русском языке	94
<i>Л. П. Дронова (Томск)</i> К истории слова <i>gazda/gazda</i> в славянских языках	99
<i>А. Ф. Журавлёв (Москва)</i> Из материалов к 12 выпуску ЭСРЯ МГУ	108
<i>Л. Кралик (Братислава)</i> Праслав. диал. *meldъ ‘мягкий’ (> *meld-ьль, *meld-жь, *meld-рь)	118
<i>Л. В. Куркина (Москва)</i> Праславянские лексические диалектизмы восточнославянского словаря (по материалам ЭССЯ, вып. 1–41)	128
<i>К. Лейбер (Берлин)</i> Опыт классификации языка древнейшего пастушеского населения в Юго-Восточной Европе	154
<i>О. М. Сергеева (Москва)</i> К семантике индоевропейских наименований ветра (в связи с этимологией рус. диал. <i>орбный, ребушко</i>)	177
<i>М. Фурлан (Любляна)</i> Словенское <i>bic</i> ‘баран’ — древнее славянское <i>nomen agentis</i>	182
<i>М. И. Чернышёва (Москва)</i> Проблемы описания старой иноязычной лексики в русской исторической лексикографии	196
<u><i>А. К. Шапошников (Москва)</i></u> Скифский и прабалтийский языки — соседи или родственники? Земля будинов — промежуточная прародина прабалтийского этноса	211
<i>Д. И. Эдельман (Москва)</i> Ареальные и этнокультурные инновации в лексике иранских языков	234

Е. И. Якушкина (Москва)

Общая лексика сербскохорватских говоров (опыт генетической классификации общесербскохорватской лексики на материале диалектологических анкет) 251

Критико-библиографический отдел

- Мызников С. А. Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. — М.; СПб.: Нестор-История, 2019. — 1064 с. — ISBN 978–5-4469-1552-1. (*А. К. Шапошников*) 258.
- Санскритско-сербский словарь с этимологическим комментарием. Рец.: Никић, Момир, Санскритско-српски речник. — Нови Сад: Прометеј, 2020. — XXIII, 1261 с. — (Библиотека Речници / Прометеј, нови Сад; кнь. 8). — ISBN 978-86-515–1665–1. (*А. К. Шапошников*).. 265
- Человек в зеркале русского диалектного языка. Рец.: Т. И. Вендина. Антропология диалектного слова. — М.; СПб.: Нестор-История, 2020. — 684 с. (*Е. И. Якушкина*) 278

CONTENTS

Articles

<i>N. S. Arapova (Broadlands, USA).</i> To the history of the word <i>mesnost'</i>	12
<i>A. M. Belov (Moscow).</i> Greek <i>πίμπλημι</i> : alternation or analogy?	26
<i>C. L. Borisoff (London).</i> On the etymology of Proto-Slavonic <i>*běda</i>	38
<i>Zh. Zh. Varbot (Moscow).</i> On the origin of Proto-Slavic <i>*rōka</i>	45
<i>T. I. Vendina (Moscow).</i> On the Question of the Chronological Stratification of the "Common Slavic Linguistic Atlas" Data	49
<i>I. A. Gorbushina (Moscow).</i> The problem of morphological division of lexemes in etymology	88
<i>T. V. Goryacheva (Moscow).</i> To the etymology of Russ. dial. <i>farboty</i> concerning a pattern of assimilation of loanwords in Russian	94
<i>L. P. Dronova (Novosibirsk).</i> On the history of the word <i>zazda/gazda</i> in the Slavic languages	99
<i>A. F. Zhuravlev (Moscow).</i> From the working materials for Issue 12 of MSU's Etymological Dictionary of the Russian Language.	108
<i>L. Králik (Bratislava).</i> Proto-Slavic dial. <i>*meldŭ</i> 'soft' (> <i>*meld-inŭ</i> , <i>*meld-jŭ</i> , <i>*meld-rŭ</i>)	118
<i>L. V. Kurkina (Moscow).</i> Proto-Slavic lexical dialectisms of the East Slavic vocabulary (based on the data of the ESSJa, vol. 1–41)	128
<i>K. Leschber (Berlin).</i> An essay focusing on the classification of the language of ancient shepherds in southeast Europe.	154
<i>O. M. Sergeeva (Moscow).</i> To the semantics of Indo-European words for 'wind' (concerning the etymology of Russ. dial. <i>orebnyi, rebushko</i>)	177
<i>M. Furlan (Ljubljana).</i> Slovenian <i>bic</i> 'ram' as an old Slavic nomen agentis	182
<i>M. I. Chernysheva (Moscow).</i> Problems of old foreign language vocabulary description in Russian historical lexicography ...	196
<u><i>A. K. Shaposhnikov</i></u> (Moscow). Scythians & Balts — neighbours or relatives? The land of the Budini as an intermediate homeland of a Common Baltic ethnos	211
<i>J. I. Edelman (Moscow).</i> Areal and ethnocultural innovations in the Iranian lexicon	234
<i>E. I. Yakushkina (Moscow).</i> Common vocabulary of Serbian-Croatian dialects (an attempt at genetic classification of the common Serbian-Croatian vocabulary based on dialectological questionnaires)	251

Reviews

- Myznikov S. A. Russian dialect etymological dictionary. Lexicon of contact regions. — Moscow.; Saint Petersburg : Nestor-Istoriya Publ., 2019. — 1064 p. — ISBN 978–5-4469-1552-1. (*A. K. Shaposhnikov*) 258
- A Sanskrit-Serbian dictionary with etymological commentary. Review of: Nikić, Momir. Sanskritsko-srpski rečnik [Sanskrit-Serbian Dictionary]. — Novi Sad: Prometej Publ., 2020. — XXIII, 1261 p. — (Biblioteka Rečnici / Prometej, Novi Sad; Book 8). — ISBN 978-86-515-1665-1. (*A. K. Shaposhnikov*) 265
- A person in the mirror of dialect Russian. Review of: T. I. Vendina. Antropologiya dialektного slova [Antropology of a Dialect Word]. Moscow — Saint Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2020. 684 p. (*E. I. Yakushkina*) 278

К 90-ЛЕТИЮ ОЛЕГА НИКОЛАЕВИЧА ТРУБАЧЕВА

Этот том Трудов ИРЯ посвящен памяти выдающегося ученого академика О. Н. Трубачева (1930–2002) — слависта-этимолога, исследователя истоков и истории праславянского языка и славянского этноса, славянской материальной и духовной культуры, основателя фундаментального «Этимологического словаря славянских языков (праславянский лексический фонд)», методика составления которого исходит из новаторской концепции праславянского языка как языка с развитой словообразовательной системой и диалектным варьированием, что связано с углубленной разработкой проблемы праславянского общества с развитой социальной системой, материальной и духовной культурой. Авторскую работу над первыми 13-ю выпусками ЭССЯ О. Н. Трубачев осуществил единолично, и далее по 32-й выпуск выступал в роли одного из соавторов и ответственного редактора. Многочисленные труды О. Н. Трубачева опираются на колоссальный практический опыт этимологизации, продвигают вперед разработку теоретических и методических аспектов этимологических исследований и являются животворным источником идей для лингвистов-историков языка и историков-славистов.

Важнейшей заслугой О. Н. Трубачева является создание первого в науке специализированного этимологического периодического издания «Этимология» (ныне выпуски, посвященные этимологии, в составе издания «Труды ИРЯ им. В. В. Виноградова»).

Трубачёв выступил инициатором и руководителем первого этимологического симпозиума (Москва, 1967).

В настоящий том входят работы российских и зарубежных исследователей, посвященные разработке вопросов, которые входили в сферу исследовательских интересов О. Н. Трубачева: этимологизация лексики русского и других славянских языков, включая диалектную лексику, этимологизация лексики других индоевропейских языков, методы и проблемы реконструкции праславянского лексического фонда.

СТАТЬИ ARTICLES

Н. С. Арапова
(Броудлендс, Вирджиния, США)
arapovans@gmail.com

К ИСТОРИИ СЛОВА *МЕСТНОСТЬ*

Статья посвящена истории слова *местность* в русском языке. Уточняется, что появление существительного *местность* ошибочно относится к XVIII в. Оно фиксируется с начала XIX в. в двух значениях: 1) в значении ‘местный колорит’, которое не закрепляется в русском; 2) в «военно-топографическом» значении (*гористая, болотистая, лесистая местность*), которое постепенно осваивается языком в первой половине XIX в., покидая узко-военный ареал употребления и приобретая современные значения.

Ключевые слова: история слова, семантика, словообразовательная калька.

В вышедшем в 2007 г. десятом выпуске «Этимологического словаря русского языка» (ЭСРЯ) слово *местность* трактуется как собственно русское производное от прилагательного *местный*. В статье приводятся данные «Этимологического словаря славянских языков» (ЭССЯ), где указывается на наличие точно такого же образования в ряде славянских языков: чеш. *místnost'*, словц. *miestnosť*, в.-луж. *městnost'*, болг. *местност*, макед. *местност*, серб.-хорв. *mјестност*, словен. *mestnost* [ЭССЯ 18: 208]. На основании этих данных авторы ЭССЯ реконструируют праславянское **městnostь*, однако делают весьма существенную оговорку: во всех указанных языках интересующее нас слово носит книжный характер, так что признается «большая вероятность межславянских заимствований и калек с зап[адных] прототипов» [ЭССЯ 18: 209]. Итак, возможность калькирования этого слова в славянских языках не исключается. К сожалению, время появления этих слов в соответствующих языках ЭССЯ не указывает.

ЭСРЯ в своей точке зрения на собственно русское происхождение опирается на то, что слово *местность* известно русскому языку не с первой четверти XIX в., а существенно раньше. Согласно данным [СлРЯ XVIII в. 18: 145] слово «МѢСТНОСТЬ, и, ж. Край, место, принадлежащее кому-л.» отмечается в Путешествии стольника П. А. Толстого 1697–1699 гг.

Обратимся к тексту этого памятника: «Послѣ обѣда из села Романова проѣхалъ в мѣстность гетмана Литовского Сапѣги, в деревню Котелеву. Пут. Тлст. I 179».

Это единственный пример на слово *местность* в указанном значении. Вместо слова *местность* здесь просто напрашивается слово *маетность* (польск. *majętność* ‘имение’). Полонизм *маетность* широко представлен в русских текстах начиная с XVI в., см. [СРЯ XI–XVII вв. IX, 7]. Он включен во второе издание Словаря Академии Российской 1814 г. [САР III: 666] и в Словарь Академии наук 1847 г. [САН II: 279]. Его можно найти даже в «Бодуэновском» издании Словаря Даля [Даль³ II: 750]. Но и в старых текстах, и в текстах конца XIX в. *маетность* обычно встречается только тогда, когда речь заходит о владениях польских вельмож. Текст Путешествия стольника П. А. Толстого 1697–1699 гг., согласно Указателю источников Словаря русского языка XVIII в., расписывался не с подлинника, а с издания в Русском архиве 1888 года. Петербургский наборщик публикуемого памятника вполне мог не знать слова *маетность* и прочесть его как *местность*.

Для истории слова *местность* показательны и то, что его нет ни в первом (1789–1794), ни во втором (1806–1822) издании Словаря Академии Российской. По данным ССРЛЯ, оно впервые фиксируется в Словаре П. Соколова 1834 г.¹

В исследовании «Кальки в русском языке послепетровского периода. Опыт словаря» [Арапова 2000: 142] мною высказано осторожное предположение, что русское существительное *местность* может быть словообразовательной калькой немецкого *Ortschaft*, появившейся в русском языке в первой четверти XIX в. В пользу этой гипотезы говорит совпадение времени появления слова с правлением Павла I и его увлечением прусской военной доктриной. Впервые мы находим слово *местность* в Кратком начертании главнейших правил военачальнической науки А. де Романо 1802 г.:

«Командующій генераль не рѣдко находить себя принужденнымъ перемѣнять боевые свои порядки, а не менѣе и другія свои движенія, и имянно: или по различію тѣхъ мѣстъ, гдѣ располагаетсяъ стать лагеремъ или того пространства, чрезъ которое распоряжаетъ свои путевые переходы, или той мѣстности, гдѣ ему случается сойтисъ съ неприятелемъ для сраженія» [Романо. 16–17].

И несколько позже, под 1811 г.:

«...укрѣпленіе можетъ... находиться на мѣстности низшей, чѣмъ его окрестности...» [П. В. Баженов. 3].

Все приведенные примеры взяты из текстов, посвященных военному искусству. Однако слова *местность* нет ни в одном из писем и документов, написанных А. В. Суворовым на русском языке. Он пользовался словом *местоположение*. Так, в письме А. В. Суворова графу Ф. В. Ростопчину 9 окт. 1799 г. сообщается: «Немцы в здешних местах навькли: они знают местоположение, марши, продовольствие» [Суворов. Письма, 362]. В реляции А. В. Суворова Павлу I о сражении при Нови

¹ Нам возражат — а как же данные НКРЯ, где мы находим:

П. С. Пущин. Дневник (1812): «От Порхова до Кузнецова местность очень живописная, но сильный холодный ветер и дурная погода сделали переход не совсем приятным».

Подлинник дневника, написанный автором на французском языке, не сохранился. НКРЯ публикует перевод, выполненный во второй половине XIX в. (!). Об истории публикации текста дневника см. предисловие В. Г. Бортневского к книге [Пущин. Дневник].

14 августа 1799 читаем: «Она [армия Жуберта. — Н. А.] расположилась на хребтах высоких, утесистых... Такое самою природою укрепленное местоположение, доставляя неприятелю всевозможные выгоды оборонительной позиции, содействовало всякое покушение на него неприступным» [Суворов. Документы. IV, 272].

Сущ. *местоположение* — древнерусская калька греч. *τοποθεσία* [Срезневский II: 249]. По данным Словаря русского языка XI–XVII в., впервые слово *местоположение* фиксируется в Ефремовской кормчей. Оно отмечается и в более поздних памятниках, а в XVIII в. и в начале XIX в. это слово часто встречается в самых разных книгах по военному делу, географии, минералогии и добыче полезных ископаемых, см. [СлРЯ XVIII в. 18: 149].

Обратимся к первым лексикографическим фиксациям существительного *местность*:

П. Соколов Сл. 1834, I, 1465: *Местность*. Состояние или положение места.

САН 1847, II, 340: МЕСТНОСТЬ. Состояние или положение места. *Это хорошо да неудобно по местности*.

В обоих словарях *местность* — синоним слова *местоположение*. Словарь Даля это подтверждает: «МЕСТНОСТЬ. Состоянье, положенье места, местоположенье... *местность гористая*...» [Даль II: 963].

Вернемся к слову *местность* в текстах начала XIX в. Любопытный пассаж мы находим в одном из первых изданий пушкинского «Бахчисарайского фонтана»:

«Отпечаток народности, местности: вот что составляет, может быть, главное существеннейшее достоинство древних и утверждает их право на внимание потомства». — стр. VII. «...наш поэт очень хорошо сделал, присвоив поэзии бахчисарайское предание и обогатив его правдоподобными вымыслами; а того лучше, что он воспользовался тем и другим с отличным искусством. Цвет местности сохранен в повествовании со всею возможною свежестью и яркостью. Есть отпечаток восточный в картинах, в самых чувствах, в слого» [Бахчисарайский фонтан XIV–XV]. Прозаический текст, озаглавленный «Вместо предисловия», не имеет подписи. Эта часть написана П. А. Вяземским [Гроссман. У истоков, прим. 82].

Из всего контекста и особенно из словосочетания *цвет местности* ясно, что речь идет о том, что по-французски называется *couleur locale* ‘местный колорит’. Это подтверждается данными французско-русского словаря И. И. Татищева: «Localité. Свойство места, местное обстоятельство, местность; — приличие красок; *pl.* Положение места» [Татищев. Фр.-рус. II; 139]².

Сущ. *местность* у И. И. Татищева и П. А. Вяземского — производное от прил. *местный* ‘свойственный именно данному месту’, как *ветхость* — от *ветхий*, *прочность* от *прочный* и т. п. (значение отвлеченного качества?).

Близкое (но не тождественное) употребление интересующего нас слова находим в другом тексте того же 1824 г.: «Соединенные области Северной Америки, образовавшиеся мало-помалу из обломков старого света, отделенные от Европы и от

² В предшествующее издание этого словаря (1798 г.) слово *localité* не включено; нет его и в Словаре С. Волчкова 1764 г.

гражданского ее состава не столько пространным океаном, сколько первым своим началом, принятыми по необходимости формами правления, частными выгодами, неизгладимым характером местности, во все времена чужеземным преступникам давали убежище в гостеприимном своем недре» [ВЕ 1824, март и апрель, 62–63].

Тремя годами позже слово *местность* фиксируется в значении, точно соответствующем тому, в котором мы употребляем его в настоящее время:

«Есть несколько средств занять известную местность: глазомер, опытность и гений главнокомандующего определяют оные. ... Не одна местность определяет боевой порядок...» [МТ 1827 г., XV, май, 12].

Характерно, что чаще всего мы находим его в «военном» контексте. Здесь оно сопровождается определениями. Так, в описании Бауценского сражения 8 и 9 мая 1813 года читаем:

«Французы повсюду следовали за движением союзников, особенные же усилия направили на левый фланг Милорадовича, где пересеченная и лесистая местность весьма способствовала их пехоте» [ВЭнциЛ V:109].

«Днем, и на местности открытой они [ведеты. — Н. А.] часто взглядывают друг на друга; на местности же закрытой, а также ночью... один из них должен проезжать вдоль цепи до соседнего ведета...» [ПСЗ, собрание второе, XXIV, 268].

Исчерпывающее толкование дает [ВЭнциЛ IX; 188]. Прочитируем начальную часть этой большой статьи:

«МЕСТНОСТЬ. Под этим названием обыкновенно разумеют поверхность какого-либо земного пространства со всеми многообразными ее видоизменениями. *Наука о местности* (Terrain-Lehre), имеющая целью исследование местных свойств и влияния оных на военные действия...» (подписано М. И. Б. — Модест Иванович Богданович, русский военный историк).

Калькированное с французского сущ. *местность* в значении ‘местный колорит’ просуществовало в русском языке недолго и полностью исчезло к второй половине XIX века, в то время как «военное» значение из узкоспециального термина быстро превратилось в общеупотребительное. Мы находим его уже в Хозяйственных записках 1815 г., стр. 68, где говорится о желательности перевода на русский язык книги А. Таера Grundsätze der rationellen Landwirtschaft (Основы рационального сельского хозяйства) 1809 г., уже переведенной на французский и английский языки. Автор книги — преподаватель домоводства в Могелинском институте. Рецензент пишет:

«Преподавание было совершенно практическое, утверждавшееся на особенных местностях и личных видах...»

И словарь П. Соколова, и САН 1847 г. приводят сущ. *местность* без пометы *воен[ное]*. ССРЛЯ VI, 883 выделяет у слова *местность* два значения: 1. Какое-либо определенное пространство на земной поверхности. 2. Край, район.³ Приведем пример необычного употребления слова *местность* в значении ‘адрес’:

³ Показателем освоенности того или иного слова (или его нового значения) является употребление его для толкования заимствований. В нашем случае показателем следующий пример из книги для детей: «Топографию называется описание местностей» — [Бурьянов 68].

«Местность С.-Петербург[ских] почтовых отделений. В С.-Петербурге, Почтовые отделения находятся: 1) Литейной части 4 квар. в Сергиевской улице... 2) московской части 2-го кварт., близь Владимирской церкви...» [Книга для купцов].

Приведенные данные относительно позднего появления существительного *местность* в современном значении однозначно указывают на то, что включение его в ЭССЯ как продолжения праславянского образования не оправдано.

Литература

Арапова 2000 — Арапова Н. С. Кальки в русском языке послепетровского периода. Опыт словаря. М., 2000.

Баженов — *Баженов П. В.* Искусство дефилирования или краткое руководство как располагать укрепления в гористых местах. Из лучших авторов-инженеров заимствовано и издано инженер-капитаном Баженовым. СПб.: 1811.

Бахчисарайский фонтан — Бахчисарайский фонтан. Сочинение Александра Пушкина. Москва: 1824.

Бурьянов — *Бурьянов В.* Прогулка с детьми по земному шару. Ч. I. Издание второе, исправленное. СПб.: 1836.

ВЕ — Вестник Европы, издаваемый Николаем Карамзиным. М.: 1802–1830.

ВЭнциЛ — Военный энциклопедический лексикон. Т.1–14. СПб., 1852–1858.

ВЭнциЛ² — Военный энциклопедический лексикон. 2-е изд. 1855 г.

Волчков Сл. — Новый лексикон на французском, немецком, латинском и на русском языках, переводу ассессора Сергея Волчкова. СПб.: [1755]-1764. Ч. 1–2.

Гроссман. У Истоков — *Гроссман Л. П.* У истоков «Бахчисарайского фонтана». // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский дом). М.-Л.: 1960, т. 3.

Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М.: 1863–1866. Т. 1–4.

Даль³ — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка / Изд. 3-е. под ред. И. Бодуэна де Куртенэ. СПб.: 1903–1909. Т. I–IV.

Книга для купцов — Книга для купцов, купеческих прикащиков, конторщиков и комиссионеров, содержащая в себе 1) подробную коммерческую переписку... Ч. I, М.: 1848.

МТ — Московский телеграф, издаваемый Николаем Полевым. М., 1825–1834.

ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. СПб: 1830.

Пушин. Дневник — Дневник Павла Пушина 1812–1814. Издание подготовил В. Г. Бортневский. Л.: 1987.

Романо — *Романо А.* Краткое начертание главнейших правил военачальнической науки, сочиненное... Антоном де Романо. СПб.: 1802.

САН — Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Академии наук. СПб.: 1891–1929. Т. 1–35.

САР — Словарь Академии российской по азбучному порядку расположенный. Ч. 1–6. СПб., 1806–1822.

СлРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. / Отв. ред. С. Г. Бархударов, Ф. П. Филин, А. Д. Шмелев, Г. А. Богатова, В. Б. Крысько, Р. Н. Кривко. М.: 1975–2020–. Вып. 1–31–.

Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1–22.– Л. (СПб.), 1984–2019–.

Срезневский — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб.: 1893–1903. Т. I–III.

Суворов. Документы — *Суворов А. В.* Документы. 1799–1800. Под редакцией полковника Г. П. Мещерякова. М.: 1953. Т. IV.

Суворов. Письма — *Суворов А. В.* Письма. Издание подготовил В. С. Лопатин. М.: 1986.

Татищев. Фр.-рус. — *Татищев И. И.* Полный французско-русский словарь, составленный по новейшему изданию Лексикона Французской академии... Иваном Татищевым. М.: 1816. Ч. 1–2.

Татищев. Фр.-рус.³ — *Татищев И. И.* Всеобщий французско-русский словарь, составленный по изданиям Раймонда, Нодье, Боаста и Французской академии... Иваном Татищевым. Изд. 3-е, вновь доп. и испр. М.: 1839–1841 Т. 1–2.

Энциклопедический лексикон. Т. 1–17. Изд. Плюшара. СПб.: 1835–1841.

ЭСРЯ — Этимологический словарь русского языка / Под ред. А. Ф. Журавлева и Н. М. Шанского. Вып. 10. М., 2007.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева, Ж. Ж. Варбот. М.: 1973–, вып. 1–41–.

N. S. Arapova

(Broadlands, Virginia, USA)

arapovans@gmail.com

TO THE HISTORY OF THE WORD *MESTNOST'*

This article is devoted to the history of Russian word *mestnost'* ('area, location, terrain'). It is pointed out that dating of this word's origin in Russian to the 18th century is in fact erroneous, and that actually, the word emerged as late as the early 19th century: 1) used in the sense 'local color', which became obsolete by mid-19th century, and 2) as a military term denoting 'terrain', which was gradually assimilated by the language and took on the meaning 'area' in the general sense.

Key words: word history, semantics, loanword.

References

Bazhenov P. V. *The art of defile or brief guidance on how to position fortifications in mountainous places*. Borrowed from the best authors-engineers and published by Engineer-Captain Bazhenov. St. Petersburg: 1811. (in Russ.)

Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Live Great Russian language]. Moscow: 1863–1866. Vols. 1–4. (In Russ.)

Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Live Great Russian language]. 3 ed., ed. I. Baudouin de Courtenay. Saint Petersburg: 1903–1909. Vols. I–IV. (In Russ.)

Dnevnik Pavla Pushchina 1812–1814. [Journal of Pavel Pushchin 1812–1814]. Ed. V. G. Bortnevskii. Leningrad: 1987. (In Russ.)

Enciklopedicheskii leksikon [Encyclopedic lexicon]. Ed. Plushar. Saint Petersburg: 1835–1841. V. 1–17. (In Russ.)

Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka [Etymological dictionary of the Russian language]. Ed. N. M. Shanskii, A. F. Zhuravlev. Issue 10. Moscow, 2007. (In Russ.)

Etimologicheskii slovar' slavyanskikh jazykov. Praslavyanskii leksicheskii fond [Etymological Dictionary of the Slavic Languages. Proto-Slavic Lexical Stock]. Ed. by O. N. Trubachev, A. F. Zhuravlev, Zh. Zh. Varbot. Moscow: 1973–. (In Russ.)

Grossman L. P. *U istokov «Bakhchisarajskogo Fontana»* [At the origins of *Fountain of Bakhchisaray*] // Pushkin. Explorations and Materials / AS USSR. Institute of Russian Literature (Pushkin's House). Moscow; Leningrad: 1960, Vol. 3. (In Russ.)

Kniga dl'a kupzov, kupecheskikh prikashchikov, kotorshchikov i komissionerov, sodержashchaja v sebe 1) podrobnuju kommercheskuju perepisku... [The book for merchants, merchant clerics and mediators containing 1) detailed commercial correspondence...]. Moscow: 1848. P. I. (In Russ.)

Moskovskii telegraf izdavajemyi Nikolajem Polevym [Moscow Telegraph published by N. Polevoj]. Moscow: 1825–1834. (In Russ.)

Novyi leksikon na francuzskom, nemeckom, latinskom i na rossijskom jazykax, perevodu assessora Sergeja Volchkova [New dictionary in French, German, Latin and Russian languages, translated by Assessor S. Volchkov]. Saint Petersburg: [1755]-1764. P. 1–2. (In Russ.)

Polnoje sobranije zakonov Rossijskoi imperii s 1649 goda [Complete Code of the Russian Empire's Legislation since 1649]. Saint Petersburg: 1830. (In Russ.)

Polnyi Francuzsko-rossiiskii slovar', sostavlennyi po novejschemu izdaniju Leksikona Francuzskoj akademii Ivanom Tatishchevym [A Complete French-Russian dictionary composed according to the newest edition of French Academy's Lexicon by I. Tatishchev]. Moscow: 1816. Vols. 1–2. (In Russ.)

Buryanov V. Progulki s detjmi po zemnomu sharu. [Walks with children across the globe. By Viktor Buryanov]. 2 ed., correc. Part 1. Saint Petersburg: 1836. (In Russ.)

Pushkin Alexander. *Bakhchisarajskii fontan* [Fountain of Bakhchisaray]. Moscow: 1824. (In Russ.)

Slovar' Akademii possijskoj po azbuchnomu porjadku raspolozhennyj [Dictionary of the Russian Academy arranged in alphabetical order]. Saint Petersburg: 1806–1822. P.1–6. (In Russ.)

Slovar' russkogo yazyka sostavlennyj Vtorym otdelenijem Akademii Nauk [Dictionary of Russian language compiled by the Second department of Academy of Sciences]. Saint Petersburg: 1891–1929. V. 1–35. (In Russ.)

Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of the Russian language of the 11th–17th cent.]. Ed. S. G. Barkhudarov, F. P. Filin, F. P. Sorokoletov, A. D. Shmelev, G. A. Bogatova, V. B. Krysko, R. N. Krivko. Moscow: 1975–2021–. Iss.1–31–. (In Russ.)

Slovar' russkogo yazyka XVIII v. [Dictionary of Russian language of the 18th cent.] Iss. 1–22–. Leningrad (Saint Petersburg), 1984–2019–. (In Russ.)

Suvorov A. V. *Documents. 1799–1800.* [Edited by Colonel G. P. Meshcheryakov.] Moscow: 1953. Vol. IV. (In Russ.)

Suvorov A. V. *Letters.* [Publication prepared by V. S. Lopatin.] Moscow: 1986. (In Russ.)

Sreznevskii I. I. *Materialy dl'a slovarja drevnerusskogo yazyka* [Materials for the Dictionary of Old Russian language]. SPb: 1893–1903. V. I–III. (In Russ.)

Vestnik Evropy [Messenger of Europe] / ed. N. Karamzin. Moscow: 1802–1830. (In Russ.)

Vojennyi enciclopedicheski leksikon [Military encyclopedic lexicon]. Saint Petersburg: 1852–1858; 2nd ed. 1855. Vol. 1–14. (In Russ.)

Vseobshchii francuzsko-russkii slovar, sostavlennyi po izdanijam Rajmonda, Nodje, Boasta i Francuzskoj akademii Ivanom Tatishchevym [Universal French-Russian dictionary composed according to editions of Raymond, Nodier, Boast and French Academy by I. Tatishchev]. 3rd ed. Moscow: 1839–1841. Vols. 1–2. (In Russ.)

C. L. Borissoff

(Surbiton, London, United Kingdom)

leo@gir.me.uk

ON THE ETYMOLOGY OF PROTO-SLAVONIC **BĚDA*

This paper is a review of the etymology of PSI. **běda* traditionally derived from the IE nominal root **b^hoid^hā* < **b^hoid^h-* and associated with Goth. *baidjan*. After a detailed analysis with particular attention to semasiological aspects, Baltic and Indo-Aryan materials the author concludes that the traditional etymology of Slav. **běda* was based on a formal phonetic concordance but without an in-depth semantic analysis, using only one notion ‘necessity’. The paper demonstrates that this phonetically flawless etymology appears too simplistic and contradictory requiring new approaches and solutions. The author supports separating the OBulg. and OCS verb **biditi* > *bǫditi* ‘to convince, force’ and its derivatives (e.g. *нобѣда*) from **běda* and its adnominal derivative *бѣдѹму* ‘to torment, harm’. Possible effects of such division for Lith. *bėdà* and Latv. *bēda*/*bēda* are briefly outlined.

Keywords: Indo-European comparative linguistics, isogloss, archetype, reconstruction, etymon, semantics, word formation, etymology.

Introduction

The last half of the 19th century can be rightfully called the “golden age” of Indo-European etymology. By this time most of the “sound laws”, the action of which was at a certain point absolutised, had been discovered bringing etymology almost to the level of an exact science. It was at this period that the main etymological dictionaries of Indo-European languages were created and the core of the pra-Slavonic lexicon was determined.

The scientific method of etymologisation using regular historical sound changes for reconstruction of etymons is indeed an effective working tool but its primary goal is the reconstruction of a phonetic form [Трубачёв 2004–2009: 1, 108]. Since any good etymology rests on a balance of phonetic and semantic aspects “to be truly real, a reconstruction of fully notional elements of a language should also be a reconstruction of meaning¹” (*idem*).

¹ чтобы быть действительно реальной, реконструкция полнозначных элементов языка должна быть также реконструкцией значения.

Sound laws work relatively reliably in the field of phonetics but similar “laws” regularising semantic changes cannot be postulated in principle. This does not mean that semantic reconstruction has no solid ground whatsoever. Trubačev believed that “a profound understanding of the contemporary meaning of a word is thereby its reconstruction²” [idem 1, 108]. This is an important issue that was not given due attention by the 19th century etymologists. The practice was (and it remains to a great extent today) to require exact phonetic correspondence but “in semantics to be content with more or less easily found parallels” [Jespersen 1922: 310]. In many cases this attitude can lead to semantic mistakes because, citing Trubačev again, “knowledge of meanings of etymologically related forms will never completely replace the knowledge of the real meaning of the word under study³”.

One of the cases of a formal application of the comparative method lacking semantic profoundness could be the generally accepted etymology of PSI. *bēda. The scope of this paper is to review various approaches to its etymologisation with particular attention to semasiological aspects.

Semantic aspects

The noun *bēda* is attested in the ORus. language of the XI–XVII centuries with the meanings: ‘misfortune, grief, calamity [несчастье, горе, беда], ‘harm, damage [вред, урон]’ [СлРЯ, 1975– : 1, 87]. Rarely and only in a few ecclesiastic texts it was recorded with the meaning ‘without necessity [без беды]’ (idem) and ‘by necessity [бедою (по нуждѣ)]’ [Срезневский 1893: 1, 214] often spelled in these instances with *e* not *ѣ*.

The cardinal meaning of Rus. *bēda* is ‘accident, misfortune; an evil, disastrous event or adventure causing harm, loss, grief [несчастный случай, несчастье; происшествие, приключение злыдарное, гибельное, несущее вред, убыток, горе] [Даль 1863–1866]. Very illustrative is the ideographic definition of Rus. *bēda* as “a grave incident, accident, event, usually unexpected, worsening, complicating or destroying the established way of life, its usual course [тяжёлое происшествие, случай, событие, обычно неожиданное, ухудшающее, осложняющее или разрушающее собою сложившийся ход жизни, её обычное течение]” [Шведова, Белоусова 2011]. This definition is in line with the adjectives taken from *Russian Idiomatic Dictionary* [Кустова 2021] which are most often used with *bēda*: “big, great, fierce, real, irreparable, terrible, severe, grave [большая, великая, лютая, настоящая, непоправимая, страшная, суровая, тяжелая, тяжкая]”.

This central meaning is further confirmed by a set of synonyms of *bēda* extracted from *Thesaurus of Russian language RuWordNet* [Лукашевич 2021]: ‘grief, sorrow, sorrowful event, cruel blow, cruel blow of fate, adversity, misfortune, mishamis’ tragic situation, tragedy, tragic event, strike, blow of fate [горе, горести, горестное событие, жестокий удар, жестокий удар судьбы, жизненный удар, невзгода, несчастье, несчастье, трагедийная ситуация, трагедия, трагическое событие, удар, удар судьбы]’. It is

² углубленное понимание современного значения слова есть тем самым его реконструкция.

³ знание значений этимологически родственных форм никогда полностью не заменит знания реального значения исследуемого слова.

noteworthy that the meaning seems to gravitate to the notions “blow” and “strike”. This significant fact should be kept in mind for the following discussion.

Rus. *bedá* is supported by Bel. *бяда́* ‘misfortune, misery, sorrow [няшчасце, нядоля, гора]’ (ТСБМ, 1977–1984) and Ukr. *бiда́* ‘unfortunate incident, an event that causes someone suffering; misfortune, calamity [нешаслива пригода, подія, що завдає комунебудь страждання; нещастя, лихо]’ [СУМ 1970–1980]. The complete list of correspondences in other Slav. languages is detailed in ЭССЯ [1984–2012, 2: 54] and other dictionaries. These are the most characteristic examples: Cz. *bida* ж. р. ‘poverty, need (lack of necessities of life) [(nedostatek životních potřeb)]’, ‘wickedness, decay, misery [špatnost; zchátralost; ubohost]’ [Havránek 1960–1971]. Slov. *béda* ‘great material or spiritual distress [velika materialna ali duhovna stiska]’ [SSKJ2, 2014]; ‘poverty, distress [revščina, stiska]’ [SSSJ, 2016]. Serbian *beda*, *bjeda* ‘evil, misfortune [zlo, napast]’ [Skok, 1971–1974, 148]. Bulg. *бeдá* f. ‘misfortune, adversity, unhappiness [нешастие, злополучие, злочестина]’, ‘hardship, woe [тегло, неволя]’, (dial.) ‘guilt, accusation on someone [вина, обвинение върху някого]’ [РБЕ 2001], Pl. *bieda* f. ‘scarcity, poverty [nedostatek, ubóstwo]’. There also is a colloquial and dialectal Pl. *bida* considered a later (from the 15th century) an irregular form of the more archaic *biada* attested from 14th century [Sławski 1974–1995, 1, 221]) originally meaning ‘misfortune, misery, poverty, hardship [nieszcześnie, niedola, ubóstwo, nędza]. In modern Pl. it is only used as an interjection ‘Woe!’ [WSJP 2021].

As one can see, there is a semantic division between the Southern and Eastern Slavonic languages: the primary meaning in the first group is ‘calamity, misfortune’ while in the Western Slavonic it appears to be shifted more towards ‘poverty, scarcity’, however, this may be a later dialectal development as it is partly confirmed by the Polish material.

This division is also obvious in OCS so while in Vostokov’s [Востоков 1858–1861] dictionary the cardinal meaning was defined as ‘danger [опасность, κίνδυνος]’, in Miklosich [1886: 52] it appeared as ‘force, constraint, necessity [ἀνάγκη, ἀναγκαίη, necessitas] with the secondary meanings ‘danger [κίνδυνος]’, ‘evil [κακόν]’, ‘strike, beat, damage [affligere]’ in relation to ‘whip [μαστίχ flagellum]’. Although Miklosich placed ‘necessity’ as the primary meaning, it did not appear as such or can have different interpretations in many examples he quoted. A simple statistical analysis of attestations of occurrences of the word *бѣда* in OSL, in *Dictionary of the Oldest Old Church Slavonic Manuscripts* conveniently provided at the on-line portal GORAZD, demonstrates that the instances with the meanings ‘distress, unrest, misery’ and ‘danger’ considerably outnumber (17 to 6) those with the meanings ‘necessity, force, compulsion’. Nevertheless, it was this one-sided definition translated into German as “Not” and into English as “need” that became widely quoted by successive linguists and used for comparison with other etymologically related words.

Prevailing etymology

As for the etymology, if purely phonetically the PSl. etymon can be confidently reconstructed as **bēda*, there are certain morphologic and semantic difficulties in converging it to a non-conflicting IE reconstructed etymon. The apparent consonance of *бѣда*

and the verb *бѣдѹму* with Goth. *baidjan* ‘to force, compel [zwingen]’ was first briefly mentioned by Schmidt [1870: 273] but it was Brugmann who provided this comparison with a thorough phonetic grounding.

In the chapter dealing with the *i*-diphthongs, in particular, reflexes of IE *oi*, Brugmann put Goth. *baidja* ‘I force [ich zwingen]’ next to OCS *běditi* translated as ‘to force [zwingen]’ assigning both to the same IE verbal root **b^heid^h* [1897: 178]. A few pages further in a paragraph dedicated to reflexes of IE diphthongs in Albanian, Brugmann listed as cognates: “**bhoidha* : got. *baidjan* ‘zwingen’, aksl. *běda* ‘Not’ *běditi* ‘zwingen’, W. *bheidh-*” [idem, 183]. It should be noted that *běda* was translated only as ‘need [Not]’ making the association with Goth. *baidjan* quite natural.

This unequivocal connection with Goth. *baidjan* and the IE **b^heid^h*- was later “canonised” in the authoritative dictionaries by Erich Berneker [1908–1913], Alois Walde [1927–1932] and Julius Pokorny [1959] so it became customary to derive **bēda* from the IE nominal base **b^hoid^hā* reconstructed as an extension of the verbal root **b^heid^h*- ‘to persuade, force [jemandem zureden, zwingen]’ [Pokorny 1959: 117].

This traditional and phonetically flawless etymology was fully supported by Vasmer [1961–1973] and further elaborately detailed and well argued in ESSJa [ЭССЯ, 1984–2012, 2: 54–57]. However, it is obvious that there is a significant difficulty in bringing together into a single semantic field such different meanings as ‘to persuade, compel’ on the one hand vs. ‘to cause harm, disaster’ and ‘misfortune, grief, poverty’ on the other.

The position of the authors of ESSJa on this matter is ambiguous. In the main article *běda* it is confidently asserted that “the whole complex of meanings of the Slav. noun *běda* (‘calamity, misfortune’, ‘need’, ‘disaster’, ‘danger’) is well explained from the verbal meaning ‘to compel, force’⁴” (p. 55). Contrarily, in the entry on the verb *běditi* there are, in fact, postulated two separate verbs: **biditi*, directly continuing the IE root **b^heid^h*- ‘to persuade, force’, and a secondary verb **běditi*, which is considered a “denominative derivative⁵” from noun **bēda* [ibid. p. 57]. Further, they assume the possibility of “restructuring of the named hypothetical PSI. **biditi* > **běditi* under the influence of the noun **bēda* against the background of the obvious denominational origin of another part of continuations of pra-Slav. **běditi* and their meanings (<**bēda*)⁶”.

Although the above explanation of the irregular *i* > *ě* change seems plausible, it does not add much clarity to the main semantic problem of the original meaning of **bēda* and the nature of its semantic relation to the verb **biditi/běditi*. The question arises whether it was justified to unite these two verbs with hardly compatible meanings into a single entry instead of separating them as it was done, for example, in СлРЯ [1975– : 1, 87] having *бѣдѹму*¹ ‘to convince, persuade [убеждать, уговаривать]’ and *бѣдѹму*² ‘to torment, harm [мучить, причинять вред]’.

⁴ весь комплекс значений слав. имени (‘беда, несчастье’, ‘нужда’, ‘бедствие’, ‘опасность’) хорошо объясняется из глагольного знач. ‘принуждать, заставлять’.

⁵ деноминативным производным.

⁶ перестройки названного гипотетического праслав. **biditi* > **běditi* под влиянием имени **bēda* на фоне очевидного деноминативного происхождения другой части продолжений праслав. **bediti* и их значений (<**bēda*).

Another important complication is the areal character of the meaning ‘to compel, persuade’ which had been attested in OBulg. and OCS ecclesiastic texts and was later introduced into ORus. where its prepositional derivatives (*убедить, убеждение, победить, победа* etc.) became well established. In Bulgarian one can see a different spectrum of meanings. Along with verbs *убеда, убеждавам, набеждавам* ‘exhort with words [увещавам с думи]’ БЭР [1971: 39] which obviously derive from the OBulg. болг. *бѣдѣти* ‘to compel [cogere]’, there is also *беда* ‘slander, accuse unfairly [набедявам някого в нещо, несправедливо го обвинявам в нещо]’ [РБЕ 2001]. This is in stark contrast with Western Slavonic languages where the meaning ‘to compel’ seems to be unknown although there is no uniformity either. While the apparently cardinal meaning ‘to be in (or bring to) poverty’ is attested in Cz. *běditi, bíditi* ‘pauperize [дovодить до нищеты]’ (but also, *běditi se, bíditi se* ‘suffer, be in poverty [мучиться, бедствовать]’, Slk. *biedit’* ‘be in poverty, live in need [бедствовать, жить в нужде]’ we find yet another meaning in USrb. *bědžić* ‘fight, strain or torment (oneself) [бороться, напрягаться, мучиться]’, LSrb. *běžiš* ‘suffer; fight, struggle [мучиться; биться, бороться]’ (cited after ЭССЯ [1984–2012, 2: 57]), OPl. *biedzić* ‘to struggle [бороться]’ and Pl. *biedzić się* ‘to struggle to remedy something, devoting a lot of time and effort to it [z trudem starać się zaradzić czemuś, poświęcając na to dużo czasu i wysiłku]’ [WSJP 2021].

The limited initial dialectal area of the meaning of *běditi* ‘to compel, persuade’ and its striking phonetic and semantic agreement with Goth. *baidjan* ‘to force, compel [zwingen] may indeed appear as a borrowing from Germanic (“emprunté au germanique”) as asserted by Meillet (1905: 252).

Compared to ESSJa, the entry “беда” in the dictionary by A. E. Anikin (АНИКИН 2009, 28) seems more reticent with the author refraining from making definite conclusions. Regarding the relations between **běda* and **běditi* Anikin notes: “the relationships between the noun and the verb are not quite clear⁷”. He rightly pointed out the additional complications caused by the Baltic evidence demonstrating exact phonosemantic matches with Slav. **běda*: Lith. *bėdà* and Latv. *bēda* [*bēda*].

Earlier, Max Vasmer (1961–1973) cautiously avoided discussing this matter by simply mentioning the Baltic words alongside Slav. cognates. In ESSJa, Lith. *bėdà* is flatly dismissed from the comparison as a Slav. borrowing with a reference to the opinion of Vittorio Pisani (1951, 164) briefly expressed (objecting Vasmer) as: “*bėdà* ‘necessity’: the Paleo-Slavic *běda* and Alb. *bē* presuppose **b^hoida* : therefore cannot be compared with Lith. *bėdà*, Lv. *bėda* which will be borrowings from Russian.⁸” yet omitting the opposite opinion of Būga [1958: 345] which will be discussed in the following section.

The reason for such apparently biased support of the Slav. loan theory in ESSJa is obvious since the “assumption that **běda* (b) derives from **b^hoid^hā*, cf *πειθω*

⁷ отношения между именем и глаг. ясны не вполне.

⁸ *bėdà* ‘necessità’ : la forma paleoslava *běda* e l’alb. *bē* presuppongono **b^hoida*: non può confrontarsi pertanto il lit. *bėdà* lettone *bėda* che saranno imprestiti dal russo.

‘überrede, überzeuge’, Goth. *baidjan* ‘zwingen’ [Pokorny 117] can only be maintained if one sticks to the view that Lith. *bėdà* and Latv. *bēda* are borrowings from Slavic” [Derksen 1996: 257].

Baltic evidence

Because of the crucial importance of Baltic data for the viability of the mainstream etymology of **bēda*, it should be reviewed in more detail. This word is not included in Toporov’s Prussian dictionary [Топоров 1975–1990] but Lith. *bėdà* with the meaning ‘severe condition, disaster, failure [sunki būklė, nelaimė, nepasisekimas]’ was attested as early as 1591 [LKŽ 1941–2002]. In contemporary Lithuanian it is also used as an interjection and adjective: *bėdūs* ‘troubled, severe [vargingas, sunkus], *bėdinas* ‘having troubles, unhappy, miserable [turintis bėdą ar bėdų, nelaimingas, vargingas]’ and complemented by an extensive set of verbs: *bėdauti* ‘moan, grieve [dejuoti, bėdoti]’, *bėdavoti* ‘to complain, moan, cry [skųstis, aimanuoti, dejuoti, krimstis], *bėdinėti* ‘keep in trouble, moan [nuolat bėdoti, dejuoti]’ and *bėdinti* ‘push into trouble, bother, torture [stumti į bėdą, varginti, kankinti]’. Importantly, there also is an adjective *biėdnas* ‘penurious, poor, miserable [neturtingas, vargingas]’ with a different vocalisation which is generally recognised as a Slavic borrowing [Būga 1958; Fraenkel 1955: 38] despite the early attestation around 1599 [LKŽ 1941–2002].

According to Būga, Lith. *bėdà* and its derivatives featuring *ė* (= *ē* in Eastern dialects) cannot be Slav. loans [Būga 1958: 346]. The presence of the Lith. diphthongoid *ie* which is phonetically contrasting Lith. *ė* is indeed one of the distinctive signs of Slav. borrowings [Kregždys 2014: 207], however, it is only true for loanwords borrowed from certain Slav. dialects where *ě*(*ѣ*) still retained some diphthongal colouring differing it from the monophthong *e*.

The historical period of borrowing and the dialectal source of loanwords are other important issues. Many of the difficulties in identification and stratification of Baltic loans into Russian detailed by Anikin [Аникин 2014] can be reversely applied to Slavonic loans into Baltic. One may hypothesise, for example, that in the case of borrowing from certain Slav. dialects directly bordering the Lith. area and having PSI. **ě* reflected by a jotted *a* (Bel. *бяда* and OPl. *biada*) the outcome could well be *ė* as in Lith. *mėtà* ‘mint’ < Rus/Bel. *мята* ‘mint’ [Būga, 1958: 346].

Semantically, Lith. derivatives from the root *bėd-* are clustered around the notion ‘disaster, trouble’ while the meaning ‘penurious, poor’ may be a secondary development under the influence of the borrowed *biėdnas*. Latvian cognates lacking the notion ‘scarcity, poverty’ provide some additional support for this. They also demonstrate an interesting gradation in meaning between the singular form *bēda* ‘unpleasant event, condition, circumstance to be tolerated or to be prevented [nepatīkams gadījums, stāvoklis, apstākli, kuri jāpacieš vai par kuru novēršanu jāraizējas]’ and the plural *bēdas* ‘an emotional state caused by, for example, an accident, a loss [emocionāls stāvoklis, ko izraisa, piemēram, nelaime, zaudējums]’ [Grabis 1972–1996]. As for verbs, although Latvian does not have such an extended set as Lithuanian, the corresponding verb *bēdāt -āju* displays some

fairly well developed semantics: ‘feel anxious (because of), worry, grieve [izjust nemieru (kā dē)], uztraukties, bēdāties], ‘to be desperate, unhappy [būt izmisušam, nelaimīgam] (idem).

The older Latv. spelling *bēda* conveys a syllabic intonation which, according to Karulis [2001: 1, 117–118], is not characteristic of borrowings. Based on this and the “broad, nuanced semantics” (idem) differing from the meanings attested in Slavonic, Karulis firmly rejected the chances of it being a Slav. borrowing. Syllabic intonation truly is at the forefront of today’s etymological research but in this particular case, especially taking into account the Lith. data, it can hardly be considered a decisive argument.

Although this view about the inherited nature of Baltic **bēda* seems to be widely accepted now with this word included in Derksen’s dictionary of the Baltic inherited lexicon [2015: 85], his comments on this entry are far from conclusive.

Generally supporting the direct IE origin of Lith. *bėdà* and Lv. *bēda* [*bēda*], Wojciech Smoczyński [2018: 106] summarised two views on their etymology. The first solution would be to consider the Baltic root *bēd-* as a lengthened *e*-grade deriving from the IE root **b^hed^h-* ‘to pierce, dig’ (**bhedh⁻* ‘prick, esp. into the ground, dig [stechen, bes. in die Erde stechen, graben]’ in Pokorny [1959: 1, 113–114]) “standing in an ablaut relation to **bad-*, *bādas* ‘hunger’”. It should be noted that Lith. *bādas* is usually connected with OInd. *bādhá-* ‘< IE **bhedh⁻²* not **bhedh⁻¹*. Linking Lith. *bėdà* with *bādas* and Latv. *badš* is supported in Fraenkel [1955: 39], although a few pages earlier in the entry about *bādas* Fraenkel expressed this view less categorically as: “probably in the ablaut to lit. *bėdà*”¹⁰ and “the connection with *bėdà* seems more likely to me”¹¹ [idem 29].

Choosing expressions like “probably” and “seems more likely” is indeed appropriate in this context. It is not unusual to engage apophony to explain IE vowel reflexes but, as it was rightly noted by Otto Jespersen [1922: 311], “it is difficult to find its true limitations”. In this particular case, it is already hard to explain different vocalisations of Baltic nominal derivatives assigned to **b^hed^h-* in similar environments (root position before a dental *-d*): *bādas* ‘hunger [Hunger]’, *bēdrė* ‘pit, pothole’ [Grube], OPr. *boadis* ‘prick, sting [Stich]’ (quoted after Pokorny [1959, 1, 114]). Adding Baltic *bėdà/bēda*, PSI. **bēda* and also OInd. *bādhá-* to this row would mean pushing the apophonic explanation to the extreme limit. Commenting on this, Smoczyński [1982] reasonably complained (with an exclamation mark) that Fraenkel did not provide an explanation for discrepancies of vocalism. The same may be said about the presupposed semantic development “prick, esp. into the ground” > “hunger” > “disaster” which seems to be taken for granted. Explaining Lith. *bādas* ‘hunger’ as “a lexicalised abstraction, originally meaning ‘stomach piercing, appetite’” [idem] is far from convincing.

The second approach would be to view *bēd-* as a reflex of an *e*-grade going directly to **b^heh^h* defined as ‘push (against something), press; torment, prosecute’ (probably corresponding to **bhedh⁻²* ‘bend, press, plague [krümmen, beugen, drücken, plagen]’ in

⁹ plašā, niansētā semantika.

¹⁰ wohl im Ablaut zu lit. *bėdà*.

¹¹ mir Zusammenhang mit *bėdà* wahrscheinlicher vor.

Pokorny [1959: 1, 114]). This solution is not free from phonetic difficulties either. Firstly, it requires a modification of the traditional reconstruction of **bhedh*-² to **bhēdh*- (*eh*₁ = *ē*) with all the consequences for cognates traditionally related here (OInd. *bādhatē* ‘throngs, presses, plagues [drängt, drückt, plagt]’, Goth. *bida* ‘prayer [Gebet]’, *bidjan* ‘bid, beg, ask, pray [bitten, beten]’, Lith. *bodūs* ‘unsavory, distasteful [widerwärtig]’ (after Pokorny, *idem*)’. Secondly, even if this is explained, there still remains an accentuation problem because, as Smoczyński fairly admitted in his earlier paper, “the authentic Lithuanian reflex should be **bēda*¹²” [2006: 116]. As for semantics, Smoczyński seems to deliberately avoid the meaning ‘to bend’ which is central in Pokorny. As the result, there is an apparently better concord between ‘press; torment’ and ‘severe condition, disaster, failure’ but even more so with Pokorny’s **bheidh*- ‘to advise, force [jemandem zureden, zwingen]’. Perhaps the newly proposed **b^heh₁d^h*- and **bheidh*- could be somehow related at some deeper elementary level?

Because the OInd. verb *bādh*-, *bādhaté* is often quoted in Baltic etymological studies it deserves a more detailed treatment. It is well attested in Vedic with the following meanings: ‘to press, force, drive away, repel, remove’; ‘to harass, pain, trouble, grieve, vex’; ‘to force asunder’ (quoted after Monier-Williams [1899]). In Sanskrit it developed some additional meanings ‘to resist, oppose, check, stop, prevent’ and ‘to suffer annoyance or oppression’. The causative *bādhayati* (morphologically related to Slav. iterative) is attested only in Sanskrit with the meanings ‘oppresses, harasses, attacks, troubles’. The adverbial noun *bādhā*-, *bādhāḥ* (m.) is attested in Vedic with the meanings ‘annoyance, molestation, affliction, obstacle, distress, pain, trouble’ and in Sanskrit as ‘injury, detriment, hurt, damage’. As one can see, the above meanings are quite compatible not only with the central meanings of Baltic *bēdā*/*bēda* but also with that of Slav. **bēda*.

As for etymology, the root *bādh*- may be reconstructed as **b^hād^h*- (Grassmann’s law) for Indo-Iranian but there is no clarity about the original vowel vocalism [Mayrhofer 1986–2001 1: 222]. Traditionally, *bādh*- is derived from IE *bhedh*-² ‘bend, press, plague [krümmen, beugen, drücken, plagen]’ in Pokorny [1959 1: 114]). Mayrhofer [*idem*] allows a possible kinship with Lit. *bēdā* and *bādas* but, in his view, the connection with Germanic “asking” words (Goth. *bida* ‘prayer’, OHG. *beta* ‘request’, Goth. *bidjan* ‘bid, beg, ask, pray’ etc.) usually interpreted as “kneeling to beg” and compared with Vedic adj. *jñu-bādh* ‘knee bending’ is dubious. Separating *bādh*- from these Germanic words would partly reduce phonetic difficulties mentioned above, potentially strengthening the arguments in support of Smoczyński’s second solution.

Traditionally, Slav. **bēda* is not assigned to IE *bhedh*-² so the acceptance of a direct IE origin of Baltic words would effectively mean that the “Lith.-Latv. word would have accidentally converged with OCS noun **bēda*” [Smoczyński 2006: 116]. АНИКИН [2009: 29] did not exclude contamination of IE **b^hoid^h*- and **b^hēd^h*- in Slavic. Derksen [2015: 85] commented that in this case “OCS *beda* ‘distress’ and ‘necessity’ would continue different roots”. The latter appears a sensible proposal but it needs a proper grounding.

¹² utentiškas lietuviškas atspindys turėtų būti **bēda*.

Although this brief survey of the Baltic material provides a wealth of interesting linguistic facts it does not give a definite answer to the main question of whether Lith. *bėda* and Lv. *bėda* [bɛ̃da] are Slav. borrowings or inherited words.

Alternative etymology

There were alternative approaches to the etymology of **bėda*. Perhaps most clearly they are listed in ESJS [1989: 60–61]. One of them was expressed in a brief message by Hofrat Šuman [1909], published posthumously by Vatroslav Jagić with his comments. Šuman proposed, although without a detailed argumentation, that **bėda* could originally mean ‘blow’ relating it to the root *bi-* ‘beat’ with the strengthening to *bě-* before a consonant of a suffix *-da* (*bě-da*). Commenting on this Jagić wrote: “it would probably be more correct to start from the root *bid* and not from *bi*.¹³”. He also mentioned that the root **b^hid* was associated by some with Slav. **biti* ‘beat, hit’.

Regretfully, after Šuman passed away there was no further discussion but this idea surfaced again elaborated in more detail in a comment by B.M. Ljapunov [Ляпунов 1926: 40–42] whom O.N. Trubačev held in high esteem as an etymologist distinguished by “sobriety, good material and validity of generalisations¹⁴” [Трубачёв 2004–2009: 1, 37].

Discussing the need to etymologically separate PSI. **obida* ‘offence’ from **bėda* Ljapunov proposed a possible genetic unity of IE verbal roots **b^heid^h-* and **b^heid-* with the more elementary root **b^hei(ə)-*, *b^hī-* ‘beat, hit [schlagen]’ attested in some IE languages (but not in Slav.) with the extension *-d-* (*b^heid-*): OInd. *bhid-*, *bhedati*, *bhinatti*, *-e*, lat. *findere* ‘split’ (with nasal infix); Goth. *beitan*, Old Norse *bita*, Germ. *beißen* ‘bite’, PSI. v. **biti*, and m. **bojъ* (quoted after Pokorny [1959 1: 117–118]).

As for the etymology of **bėda*, Ljapunov believed that since the Baltic and Slavic **d* could be a reflex of either IE **d* or **d^h*, the only obstacle for deriving it from the *-d* extended root **b^hei(ə)-* was the long established tradition set up by Brugmann to link **bėda* to Goth. *baidjan* and the nominal base **b^hoid^hā*. It was at this point that Ljapunov made an important comment: “[...] we should leave, although with some semasiological stretching, also a possible comparison with OInd. *bhédati* (“split”), Lat. *fīdi* (perfect. to *fidere* “split”), Goth. *beita*, NHG *beisse* ascending to IE *bheid-*¹⁵” (p. 37).

Following Josef Zubatý [1912: 60], Ljapunov was inclined to include here also Lith. *bijóti* ‘to feel fear, be afraid’ and *baidýti* ‘to frighten, intimidate’ considering it a *-d* extended pure elementary root **b^hei(ə)-*, *b^hī-* with apophonic alternation **bhej/*bhoj*. This is an interesting question deserving a special treatment which it is out of the scope of this paper.

What is of particular interest for this semaseologically oriented research is the Ljapunov's remark “[t]he concept of “disaster” is not far from the concept of “splitting”,

¹³ Es wird wohl richtiger sein, von der W. *bid* auszugehen und nicht von *bi*.

¹⁴ трезвостью, доброкачественным материалом и обоснованностью обобщений.

¹⁵ [...] мы должны оставить, хотя с некоторой семасиологической натяжкой и возможное, сопоставление с др.-инд. *bhédati* (“расщеплять”), латин. *fīdi* (perfect. *κ fidere* “колоть”), готск. *beita*, ново-в.-нем. *beisse* “кусаюсь”, восходящими к праиндоевроп. **bheid-*.

“breaking”¹⁶ (ibid., fn. p. 36). In this respect it would be worthwhile to have a closer look at the OInd. verb *bhid-* and its nominal derivative *bhedá-*, *bhedah*, which may help to diminish the above-mentioned “semasiological stretching”.

The elementary IE root **b^hei(ə)-*, *b^hī-* is preserved in OInd. with the *-d* extension as the Vedic verb *bhid-* (also *bhed-* in Mayrhofer [1986–2001 2: 273]), *bhédati*, *bhinátti*, *bhintte* (Pres. 3 p. sing.) ‘to split, cleave, break, cut or rend asunder, pierce, destroy’. Historically, OInd. *e* is considered a high or accented grade (Guṇa) of *i*, etymologically reflecting the Indo-Iranian diphthong **āi* < IE **ei*. As mentioned above, it is considered cognate with PSl. **biti*, **bъjetъ* having a similar meaning but deriving directly from the IE **b^hei(ə)-* without an extension.

The nominal derivative *bhedá-*, (m. sing. Nom.) *bhedáh* is attested in Vedic with the meaning ‘a cleft, fissure, chasm’. In Sanskrit this primitive meaning had undergone a series of interesting semantic developments which may be revealing for this discussion. Already in Epic Sanskrit (circa 400 BCE — 300 CE) one can see a process of a gradual tendency towards increasing abstractness and development of such secondary meanings as ‘separation, division, partition, part, portion’; ‘distinction, difference, kind, sort, species, variety’ reaching an even higher degree of abstractness in Classical Sanskrit: ‘change, alteration, modification’; ‘disturbance, interruption, violation, dissolution’. Although it clearly was an independent development, this example serves to demonstrate how a primitive notion “split, crash” changed into more abstract notions “disturbance”, “interruption” semantically compatible with “disastrous event destroying the established course of life”.

Another example of a similar semantic development is the well-known etymology of Lat. *calamitās* ‘loss, damage; disaster’ from **calamo-* < **calimo-* < IE. **kele-mo-* ‘beaten’ < **kel-*, *kelə-*, *klā-* ‘hit, hew [schlagen, hauen]’ [Pokorny 1959: 545–547]. Although Lat. *calamitās* comes from a different root, the semantic development could be parallel with that of PSl. **bĕda*.

Perception of life as a continuous course of repeating and cyclical events is as natural for us as it had been for our ancestors from the earliest days of humanity. In simple terms, it is what one may call “the usual (habitual) course of life” so it would only be natural to perceive an event that suddenly intervenes and changes, to put it more expressly, “breaks” this normal course of life for the worse as “disaster, misfortune” or “blow”. The notions “calamity, disaster and misfortune” are thus quite compatible with “hitting, breaking” so the aforementioned “semasiological stretching” should not be an obstacle for linking **bĕda* to **biti* < **b^hei(ə)-*.

In place of a conclusion

Although based on scientific principles and methods of research, etymology is not an exact science. As a rule, it cannot give a single and conclusive answer and allows for more than one solution [Трубачёв 2004–2009: 1, 112]. This explains the title of this

¹⁶ От понятия “расщепления”, “разбивания” недалеко понятие “беды”.

section. Its aim is to summarise and systematise, as much as possible, the results of the above research adding the author's subjunctive comments wherever it seemed appropriate.

The initial association of Slav. **bēda* with Goth. *baidjan* 'to force, compel [zwingen]' and the the IE root **bheidh-* 'to persuade, force [jemandem zureden, zwingen]' was based on a formal phonetic concordance but without an in-depth semantic analysis, using only one notion 'necessity', translated into German as 'Not'. It has been demonstrated that at a closer look this phonetically flawless etymology conceived in the 19th century appears too simplistic and contradictory. It requires new approaches and solutions.

To facilitate the task of systematisation and analysis it would be convenient to, at least formally, separate PSI. **bēditi* into **bēditi¹* 'to compel, persuade' and *bēditi²* 'to torment, harm'. Similarly, **bēda* can be divided into: **bēda¹* 'need, necessity', **bēda²* 'calamity, misfortune' and **bēda³* 'scarcity, poverty'.

****bēditi¹* and **bēda¹***

Three solutions appear equally possible:

1) Both are inherited words deriving directly from IE **b^heid^h* and its *-d^h* extension **b^hoid^h-* (*o*-grade). There are no major phonetic or semantic difficulties here.

2) The verb **bēditi¹* is an old borrowing into Southern Slavic (OBulg.?) dialects from Germanic (Goth. *baidjan*?). It is generally accepted that the transition of IE **oi* to PSI. **ě* happened through an intermediate stage **ai*. Germanic **ai* was also conveyed as **ě* in early borrowings e.g. Slav. *česarjъ* < Goth. *kāisar* 'emperor'. This solution still allows for the direct IE origin of the noun **bēda¹* (see 1).

3) The verb **bēditi¹* is a Germ. borrowing so **bēda¹* is a deverberative created in OBulg. or OCS to convey certain meanings in Greek translations converging later with **bēda²* and **bēda³*.

All these solutions are phonetically and semantically viable and leave the door open for the possibility of a direct IE origin of Lith. *bėdà* and Latv. *bēda*.

****bēditi²* and **bēda²***

The following solutions are possible:

1) Both are inherited words deriving from a *-d* extended pure elementary root **b^hei(ə)-*, *b^hī-* with apophonic alternation **b^hei/*b^hoi*. This works fine for the nominal form (**bēda²* < **b^hoidā* < **b^hoid-* < **b^hei(ə)-*) but it is less plausible for the verb because the expected reflex of IE *b^heid* in PSI. would be **biditi* requiring an explanation.

2) The noun **bēda²* is inherited (see above) but the verb *bēditi²* is a later nominal derivative. This explanation appears preferable from both phonetic and semantic points of view, however these solutions do not leave much chance for a direct IE origin of Baltic words without resorting to a dubious hypothesis that Slav. and Balt. words derived from separate roots and accidentally converged with Slav. words.

To be fair we should allow yet one more possibility:

3) Slav. and Balt. forms derive from a lengthened *e*-grade **bhēdh-* of **bhedh²* (**b^heh,^da* in Derksen [2015: 85] who reconstructed a common BSl. etymon **b^hēd*?). This solution with a lengthened *ē* is possible phonetically but problematic semantically

because the cardinal meaning of *bhedh-² is reconstructed as ‘to bow, to force’. Perhaps a proper grounding postulating a separate IE root *b^heh₁d^h- with the meaning ‘push (against something), press; torment, prosecute’ could help to bridge *bēda² with the Baltic words so the question of a direct IE origin of Lith. *bėdà* and Lv. *bēda* [bėda] is still open pending further research.

***bēda³**

The limited areal spread could point to a secondary origin from *bēda¹. More likely there could be a fusion of *bēda¹ and *bēda² in certain Slav. dialects. In any case it should be grouped with the matching adj. *beděmь ‘poor, miserable’ and Lith. *biėdnas* ‘penurious, poor’.

Abbreviations

aksl — alte kirchenslawisch; Balt. — Baltic; Bel. — Belarus; BSl. — Balto-Slavic; Bulg. — Bulgarian; Cz. — Czech; got. — gotisch; Goth. — Gothic; IE — Indo-European; Lat. — Latin; Latv. — Latvian; Lith. — Lithuanian; LSrb. — Lower Sorbian; NHG — New High German; OBulg. — Old Bulgarian; OCS — Old Church Slavonic; OHG — Old High German; OPl. — Old Polish; OPr. — Old Prussian; ORus. — Old Russian; Pl. — Polish; PSl. — pra-Slavonic; Rus. — Russian; Slav. — Slavic, Slavonic; Slk. — Slovak; Slov. — Slovenian; Ukr. — Ukrainian; USrb. — Upper Sorbian.

References

Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 3 (Бе-Болдыхать). М.: Языки славянской культуры, 2009.

Аникин А. Е. Проблемы изучения балтизмов в русском языке // Сибирский филологический журнал. 2014. Т. 4. С. 189–195.

БЭР. Български етимологичен речник. / Вл. И. Георгиев. София: Издателство на БАН, 1971. Т. 1.

Востоков А. Х. Словарь церковнославянского языка. Т. 1–4. СПб. : 2-е отд-ние Имп. акад. наук, 1858–1861.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М.: Типография А. Семена, 1863–1866.

Кустова Г. И. Словарь русской идиоматики. Сочетания слов со значением высокой степени. Режим доступа: <http://dict.ruslang.ru/magn.php.25.04.2021>

Лукашевич Н. В. Тезаурус русского языка RuWordNet. Режим доступа: <https://ruwordnet.ru/en/search/беда> (online; accessed: 03.04.2021).

Ляпунов Б. М. Поправки и дополнения к этимологическому словарю Преображенского // Изв. ОРЯС Рос. АН. 1926. Т. 31. С. 40–42.

РБЕ. Речник на българския език. Т. 1 (А–Б). 2. доп. и прераб. изд. София: АИ “Проф. Марин Дринов”, 2001.

СлРЯ. Словарь русского языка XI–XVI вв. М.: Наука, 1975–.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1–3, кн. 1–6. Санкт-Петербург: Типография Императорской академии наук, 1893.

СУМ. Словник української мови: в 11 тт. / Ред. І. К. Білодід. К.: Наукова думка, 1970–1980.

ТСБМ. Глумачальны слоунік беларускай мовы. У 5 т. Менск: Беларуская Са-
вецкая Энцыклапедыя, 1977–1984.

Топоров В. Н. Прусский язык. Словарь. Т. 1–5. М.: Наука, 1975–1990.

Трубачёв О. Н. Труды по этимологии. Слово. История. Культура. Том 1–4. М.:
Языки славянской культуры, 2004–2009.

Шведова Н. Ю., Белоусова А. С. Русский идеографический словарь. Мир челове-
ка и человек в окружающем его мире. Москва: Российская академия наук, Инсти-
тут русского языка им. В. В. Виноградова, Азбуковник, 2011.

ЭССЯ. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексиче-
ский фонд. Вып. 1–41–. Москва: Наука, 1984–2018–.

Berneker Erich. Slavisches etymologisches Wörterbuch. Band 1. Heidelberg: Carl
Winters Universitätsbuchhandlung, 1908–1913.

Būga Kazimieras. Rinkiniai raštai. T. 1. Vilnius : Valstybinė politinės ir mokslinės
literatūros leidykla, 1958.

Brugmann Karl. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen
Sprachen. Strassburg: K. J. Trübner, 1897.

Derksen Rick. Metatony in Baltic. Rodopi, 1996.

Derksen R. Etymological Dictionary of the Baltic Inherited Lexicon. Brill Academic
Publishers, 2015.

ESJS. Etymologický slovník jazyka staroslověnského. Seš. 1. Red. Havlová E. Praha:
Academia, 1989.

Fraenkel Ernst. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg; Göttingen: Carl
Winter-Universitätsverlag, 1955.

GORAZD. Elektronický slovník jazyka staroslověnského. 2016–2020. Access mode:
<http://gorazd.org/?q=cs/node/20>.

Grabis Rūdofs. Latviešu literārās valodas vārdnīca. 1–8. Rīga: Zinātne, 1972–1996.

Havranek Bohuslav. Slovník spisovného jazyka českého. Praha: Nakl. Československé
akademie ved, 1960–1971.

Jespersen Otto. Language. Its Nature, Development and Origin. London: George
Allen & Unwin Ltd, 1922.

Karulis Konstantīns. Latviešu etimoloģijas vārdnīca. Rīga : Avots, 2001.

Kregždys Rolandas. Методика и критерии идентификации полонизмов литовско-
го языка // *LingVaria*. 2014. Vol. 18 (2). P. 195–217.

LKŽ. Akademinis lietuvių kalbos žodynas. t.1–20. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas,
1941–2002. — Access mode: <http://www.lkz.lt/dzl.php71.15.05.2021>

Mayrhofer Manfred. Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen. Band 1–3.
Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1986–2001.

Meillet Antoine. Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave. Tome 2.
Paris: 1905 (Bibliothèque de l'école des hautes études, № 139).

Miklosich Franz. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien: W.
Braumüller, 1886.

Monier-Williams Monier. A Sanskrit-English Dictionary: Etymologically and Philologically Arranged with Special Reference to Cognate Indo-European Languages. Clarendon Press, 1899.

Pisani Vittore. Max Vasmer: Russisches etymologisches Wörterbuch. 1. Lieferung (Vorbogen, Bogen 1–4); 2. Lieferung (Bogen 5–9). Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1950, pp. XXXIX-64 e 65–144, DM 6.8 e 5.7 // Paideia. Rivista Letteraria di informazione bibliografica. 1951. Anno VI. №2–3.

Pokorny Julius. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern; München: Francke, 1959.

SSKJ2. Slovar slovenskega knjižnega jezika. Druga, dopolnjena in deloma prenovljena izdaja. Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU, 2014.

SSSJ. Sinonimni slovar slovenskega jezika / Ured. Jerica Snoj. Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša, 2016.

Stawski Franciszek. Słownik prasłowiański. Tom 1–8. Wrocław, Ossolineum: Polska Akademia Nauk, Komitet Językoznawstwa, 1974–1995.

Schmidt Johannes. // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete des Deutschen, Griechischen und Lateinischen. 1870. Bd. 19, no. 4. S. 268–296.

Skok Petar. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, t. 1–3. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1971–1974.

Smoczyński Wojciech. Staropruskie lekcje i etymologie I // Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego. 1982. T. 40. S. 167–183.

Smoczyński Wojciech. Laringalų teorija ir lietuvių kalba / Wojciech Smoczyński ; [autorizuotas vertimas iš lenkų kalbos; iš rankraščio vertė Veslava Čižik-Prokaševa, Diana Šileikaitė ; moksliniai redaktoriai: Diana Šileikaitė, Axel Holvoet]. Bibliotheca Salensis t. 2. Vilnius : Lietuvių kalbos institutas, 2006.

Smoczyński Wojciech. Lithuanian Etymological Dictionary. Berlin: Peter Lang GmbH, 2018.

Šuman Hofrat. Kleine Mitteilungen. Etymologische Erklärungsversuche // Archiv für slavische Philologie. 1909. Bd. 30. S. 293–301.

Vasmer Max. Wörterbuch der russischen Gewässernamen. Wiesbaden [etc.] : Harrassowitz, 1961–1973. Bd. 22 von Veröffentlichungen des Osteuropa-Instituts an der FU Berlin.

WSJP. Wielki słownik języka polskiego. Red. Piotr Źmigrodzki; Instytut Języka Polskiego Polskiej Akademii Nauk. Access mode: <https://www.wsjp.pl/>.

Walde Alois. Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen. 3 vols. / Ed. by Julius Pokorny. Berlin: de Gruyter, 1927–1932.

Zubatý Josef. Výklady etymologické a lexikální. 1. vyd. Česká akademie věd a umění, 1912. T. 2.

К. Л. Борисов
(Surbiton, United Kingdom)
leo@gir.me.uk

ОБ ЭТИМОЛОГИИ ПРАСЛАВ. *BĚDA

Данная статья рассматривает этимологию праслав. **běda*, которое традиционно производят от именного корня и.-е. **b^hoidhā* < **b^hoidh-* и связывают с гот. *baidjan*. По итогам подробного анализа с особым вниманием к семасиологическим аспектам, балтийским и индоарийским материалам, автор приходит к выводу, что традиционная этимология славянского **běda* была основана на формальном фонетическом согласии, но без глубокого семантического анализа, используя только одно понятие «необходимость». В статье показано, что такая фонетически безупречная этимология представляется слишком упрощенной и противоречивой и требует новых подходов и решений. Автор поддерживает разделение др.-болг. и старослав. глаголов **biditi* > *bǫditi* ‘применять силу’ и его производных (например, *нобѣда*) от **běda* и его отыменного производного *бѣдѹти* ‘мучить, вредить’. Кратко очерчиваются возможные следствия из такого деления для лит. *bėdà* и латв. *bēda/bēda*.

Ключевые слова: сравнительно-историческое индоевропейское языкознание, праславянский, сопоставление, изоглосса, архетип, реконструкт, этимон, семантика, словообразование, этимология.

References

Anikin A. E. *Russkii etimologicheskii slovar'* [Russian Etymological Dictionary]. Iss. 3 (*Be-Boldykhata*). Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2009.

Anikin A. E. *Problemy izucheniya baltizmov v russkom yazyke* [Issues in Studying Baltisms in Russian] // *Sibirskii filologicheskii zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2014. Vol. 4. P. 189–195.

B'algarski etimologichen rechnik. / VI. I. Georgiev. Sofia: Publication of BAS, 1971. Vol. 1.

Vostokov A. Kh. *Slovar' tserkovnoslavyanskogo yazyka* [Dictionary of Church Slavonic]. Vol. 1–4. Saint Petersburg : 2nd Department of the Emperor's Academy of Sciences, 1858–1861.

Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Interpretative Dictionary of the Live Great Russian Language]. Vol. 1–4. Moscow: A. Semen's Typography, 1863–1866.

Kustova G. I. *Slovar' russkoi idiomatiki. Sochetaniya slov so znacheniem vysokoi stepeni* [Dictionary of Russian Idioms. Word Combinations with Elative Meaning]. Access mode: <http://dict.ruslang.ru/magn.php.25.04.2021>

Lukashevich N. V. *Tezaurus russkogo yazyka* [Thesaurus of the Russian Language] *RuWordNet*. Access mode: <https://ruwordnet.ru/en/search/beda> (online; accessed: 03.04.2021).

Lyapunov B. M. *Popravki i dopolneniya k etimologicheskomu slovaryu Preobrazhenskogo* [Corrections and Additions to Preobrazhenskii's Etymological Dictionary] // Bulletin of RAS's Section for Russian Language and Philology. 1926. Vol. 31. P. 40–42.

Rechnik na b'algarskiya ezik [Dictionary of the Bulgarian Language]. Vol. 1 (A–B). 2nd revised and augmented edition. Sofia: Prof. Marin Drinov Academic Publ., 2001. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVI vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th — 17th Centuries] Moscow: Nauka Publ., 1975–.

Sreznevskii I. I. *Materialy dlya slovara drevnerusskogo yazyka* [Materials for the Dictionary of Old Russian]. Vol. 1–3, Books. 1–6. Saint Petersburg: Typography of the Emperor's Academy of Sciences, 1893.

Slovník ukraïns'koi movi [Dictionary of the Ukrainian Language]: in 11 vols. / Ed. by I. K. Bilodid. Kiev: Naukova dumka Publ., 1970–1980.

Tlumachal'ny slounik belaruskai movy [Interpretative Dictionary of the Belarusian Language]. In 5 vols. Minsk: Belaruskaya Savetskaya Entsyklapedyya Publ., 1977–1984.

Toporov V. N. *Prusskii yazyk. Slovar'* [Prussian Language. A dictionary]. Vols. 1–5. Moscow: Nauka Publ., 1975–1990.

Trubachev O. N. *Trudy po etimologii. Slovo. Istoriya. Kul'tura* [Works in Etymology. Word. History. Culture]. Vol. 1–4. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2004–2009.

Shvedova N. Yu., Belousova A. S. *Russkii ideograficheskii slovar'. Mir cheloveka i chelovek v okruzhayushchem ego mire* [Russian Ideographic Dictionary. Human World and Human in The Surrounding World]. Moscow: V. V. Vinogradov Russian Language Institute; Azbukovnik Publ., 2011.

Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov: Praslavyanskii leksicheskii fond [Etymological Dictionary of the Slavic Languages. Proto-Slavic Lexical Stock]. Vyp. 1–41–. Moscow: Nauka Publ., 1984–2018–.

Berneker Erich. *Slavisches etymologisches Wörterbuch* [Slavic Etymological Dictionary]. Vol. 1. Heidelberg: Carl Winters Universitätsbuchhandlung Publ., 1908–1913.

Būga Kazimieras. *Rinktiniai raštai* [Selected Writings]. Vol. 1. Vilnius : State Political and Scientific Literature Publishing House, 1958.

Brugmann Karl. *Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen* [Foundations of Indo-European Comparative Grammar]. Strassburg: K. J. Trübner, 1897.

Derksen Rick. *Metatony in Baltic*. Rodopi, 1996.

Derksen R. *Etymological Dictionary of the Baltic Inherited Lexicon*. Brill Academic Publishers, 2015.

ESJS. *Etymologický slovník jazyka staroslověnského* [Etymological Dictionary of Old Church Slavic]. Iss. 1. Havlová, E. (Ed.). Praha: Academia Publ., 1989.

Fraenkel Ernst. *Litauisches etymologisches Wörterbuch* [Lithuanian Etymological Dictionary]. Heidelberg; Göttingen: Carl Winter-Universitätsverlag, 1955.

GORAZD. *Elektronický slovník jazyka staroslověnského* [Electronic Dictionary of Old Church Slavic]. 2016–2020. Access mode: <http://gorazd.org/?q=cs/node/20>.

Grabis Rūdolfs. *Latviešu literārās valodas vārdnīca* [Dictionary of the Latvian Literary Language]. 1–8. Rīga: Zinātne Publ., 1972–1996.

Havranek Bohuslav. *Slovník spisovného jazyka českého* [Dictionary of the Czech Literary Language]. Praha: Publication of Czech and Slovak Academy of Sciences, 1960–1971.

Jespersen Otto. *Language. Its Nature, Development and Origin*. London: George Allen & Unwin Ltd, 1922.

Karulis Konstantīns. *Latviešu etimoloģijas vārdnīca* [Latvian Etymological Dictionary]. Riga : Avots Publ., 2001.

Kregždys Rolandas. *Metodika i kriterii identifikatsii polonizmov litovskogo yazyka* [Methods and Criteria for Identification of Polonisms in Lithuanian] // *LingVaria*. 2014. Vol. 18 (2). P. 195–217.

LKŽ. *Akademinis lietuvių kalbos žodynas* [Academic Dictionary of the Lithuanian Language]. Vols. 1–20. Vilnius: Lithuanian Language Institute, 1941–2002. Access mode: <http://www.lkz.lt/dzl.php71.15.05.2021>

Mayrhofer Manfred. *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen* [Etymological Dictionary of Indo-Aryan]. Vols. 1–3. Heidelberg: Carl Winter, Universitätsverlag, 1986–2001.

Meillet Antoine. *Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave* [Studies in Etymology and Vocabulary of Old Slavic]. Vol. 2. Paris: 1905 (Bibliothèque de l'école des hautes études, №139).

Miklosich Franz. *Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen* [Etymological Dictionary of the Slavic Languages]. Wien: W. Braumüller, 1886.

Monier-Williams Monier. *A Sanskrit-English Dictionary: Etymologically and Philologically Arranged with Special Reference to Cognate Indo-European Languages*. Clarendon Press, 1899.

Pisani Vittore. *Max Vasmer: Russisches etymologisches Wörterbuch* [Review of: Max Vasmer. Russian Etymological Dictionary]. 1st Issue (Frontmatter, Bundle 1–4); 2nd Issue (Bundle 5–9). Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1950, pp. XXX-IX-64 e 65–144, DM 6.8 e 5.7 // *Paideia. Rivista Letteraria di informazione bibliografica* [Literary Journal for Bibliographic Information]. 1951. Anno VI. №2–3.

Pokorny Julius. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch* [Indo-European Etymological Dictionary]. Bern; München: Francke, 1959.

SSKJ2. *Slovar slovenskega knjižnega jezika* [Dictionary of the Slovene Literary Language]. Second, augmented and updated edition. Fran Ramovš Institute of the Slovene Language, Research Centre of the Slovenian Academy of Sciences, 2014.

SSSJ. *Sinonimni slovar slovenskega jezika* [Dictionary of Synonyms in the Slovene Language] / Ed. by Jerica Snoj. Fran Ramovš Institute of the Slovene Language, 2016.

Sławski Franciszek. *Słownik prasłowiański* [Proto-Slavic Dictionary]. Vol. 1–8. Wrocław, Ossolineum: Polish Academy of Sciences, Committee for Linguistics, 1974–1995.

Schmidt Johannes. // *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete des Deutschen, Griechischen und Lateinischen* [Journal for Comparative Language Studies]. 1870. Vol. 19, no. 4. P. 268–296.

Skok Petar. *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika* [Etymological dictionary of the Croatian, or Serbian, language], vol. 1–3. Zagreb : Yugoslav Academy of Sciences and Arts, 1971–1974.

Smoczyński Wojciech. *Staropruskie lekcje i etymologie* [Old Prussian Readings and Etymologies] I // *Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego* [Bulletin of the Polish Linguistic Society]. 1982. Vol. 40. P. 167–183.

Smoczyński Wojciech. *Laringalų teorija ir lietuvių kalba* [Laryngeal Theory and Lithuanian]; [authorized translation from Polish; converted from manuscript by Veslava Čižik-Prokaševa, Diana Šileikaitė; editors: Diana Šileikaitė, Axel Holvoet]. Bibliotheca Salensis Vol. 2. Vilnius : Lithuanian Language Institute, 2006.

Smoczyński Wojciech. *Lithuanian Etymological Dictionary*. Berlin: Peter Lang Publ., 2018.

Šuman Hofrat. *Kleine Mitteilungen. Etymologische Erklärungsversuche* [Small Communications. Essays in Etymology] // *Archiv für slavische Philologie* [Archive for Slavic Philology]. 1909. Bd. 30. S. 293–301.

Vasmer Max. *Wörterbuch der russischen Gewässernamen* [Dictionary of Russian Water Body Names]. Wiesbaden [etc.] : Harrassowitz, 1961–1973. Vol. 22 of *Veröffentlichungen des Osteuropa-Instituts an der FU Berlin*.

WSJP. *Wielki słownik języka polskiego* [Comprehensive Dictionary of the Polish Language]. Ed. by Piotr Źmigrodzki; Polish Language Institute of the Polish Academy of Sciences. Access mode: <https://www.wsjp.pl/>.

Walde Alois. *Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen* [Comparative Dictionary of the Indo-European Languages]. 3 vols. / Ed. by Julius Pokorny. Berlin: de Gruyter, 1927–1932.

Zubátý Josef. *Výklady etymologické a lexikální* [Studies in Etymology and Vocabulary]. 1st ed. Czech Academy of Sciences and Arts, 1912. Vol. 2.

А. М. Белов

МГУ имени М. В. Ломоносова,
Институт языкознания РАН
(Россия, Москва)
indogermanica@yandex.ru

ГРЕЧЕСКИЙ $\acute{\pi}\acute{\iota}\mu\pi\lambda\eta\mu$: ЧЕРЕДОВАНИЕ ИЛИ АНАЛОГИЯ?

В статье рассматривается фонология чередования древнегреческого глагола $\acute{\pi}\acute{\iota}\mu\pi\lambda\eta\mu$ ‘наполнять’. Показана невозможность выведения краткого [a] из ларингала и необязательность ларингальной интерпретации этого глагола в греческом. Предложена аналогическая модель выравнивания $\acute{\pi}\acute{\iota}\mu\pi\lambda\eta\mu$ по типу $\acute{\pi}\acute{\epsilon}\rho\upsilon\eta\mu$.

Ключевые слова: древнегреческий язык, индоевропейские чередования, атематические глаголы, ларингальная теория, аналогия.

Одной из сильных сторон ларингальной гипотезы для индоевропейского языка считается вполне удовлетворительное объяснение чередований в санскритских и греческих атематических глаголах, таких как $\acute{\delta}\acute{\iota}\delta\omega\mu$, где чередование долготы/краткости рассматривается на более раннем этапе как чередование полной и нулевой ступеней. Такой подход предлагается как стандартный в современных греческих и латинских грамматиках (например, [Sihler 1995]), этимологических словарях [Beekes 2001; de Vaan 2008]), его приводят новейшие учебные пособия [Янзина 2018: 210, 232].

Однако среди глаголов существуют весьма проблемные случаи, в которых ларингальный подход оказывается не только не выигрышным, но, похоже, просто неудачным; и это при том, что такие глаголы имеют хорошую индоевропейскую этимологию и, казалось бы, должны были лучше других подтверждать правильность ларингальных построений. К ним относятся греч. $\acute{\pi}\acute{\iota}\mu\pi\lambda\eta\mu$ ‘наполнять’ и $\acute{\pi}\acute{\iota}\mu\pi\eta\eta\mu$ ‘сжигать’. Рассмотрим кратко первый из них.

Новейший словарь Р. Бекеса [Beekes 2010, s.v.] справедливо указывает на одну из проблем, возникающих в связи с этим глаголом:

•ΕΤΥΜ The conjugation has parallels in e.g. Indo-Iranian, viz. 3sg. aor. $\acute{\epsilon}\text{-}\pi\lambda\eta\sigma\text{-}\epsilon$ = Skt. $\acute{a}\text{-}pr\acute{a}s$ < * $\acute{\epsilon}\text{-}pleh\text{-}s\text{-}t$; 3sg.pres. $\acute{\pi}\acute{\iota}\mu\text{-}\pi\lambda\eta\text{-}\sigma\iota$ = Av. $ham\text{-}p\acute{a}\text{-}fr\acute{a}i\text{-}ti$ ‘fills up’ < * $pe/i\text{-}pleh\text{-}ti$, but the zero grade 1pl.pres. $\acute{\pi}\acute{\iota}\mu\text{-}\pi\lambda\alpha\text{-}\mu\epsilon\nu$ cannot regularly be from IE * $pi\text{-}plh\text{-}$

mé, because this should have become ***πίμπλημεν* (the ablaut was restored). Some nominal suffixations can be dated back to the parent language: e.g. πλή-ρης, Arm. *lir* 'fullness', Lat. *plērus* 'for the greater part', *plēri-que* 'most' < **pleh₁-r-*; πλήμα < **pleh₁-mn* is echoed by the Lat. gloss *plēminābantur· replēbantur*. The theta as a suffix occurs in a number of presumably young formations, viz. πλή-θος, πλή-θ-ω, πέ-πλη-θα (cf. βρῖ-θος : βρῖ-θω : βέ-βρῖ-θα), but πληθύς is comparable with Lat. *plēbēs* < **pleh₁-d^huh₁-* (on the original inflection, see Pok. 799f., Schrijver 1991: 38of., Kortlandt 1997b: 160, and De Vaan 2008: 471). See ► πολύς.

Иными словами, по Бекесу, глагольные формы типа **pe/i-pleH₁-ti* видятся вполне согласными с таковыми у других атематических глаголов (**de/i-deH₃-ti* > *δίδωσι*), то формы множественного числа типа *πίμπλαμεν* не могут быть, по аналогии с другими атематическими глаголами, получены напрямую из нулевой ступени **pe/i-p_lH₁-me*, так как по имеющимся правилам мы должны были бы получить форму ***πίπλημεν*. В самом деле, важное отличие этого глагола от остальных в том, что корень у него заканчивается на сонорный, отчего мора в нулевой ступени не убывает, тогда как постулируемый теорией ларингал должен прибавлять еще одну мору. В результате мы получили бы долгий слоговой сонорный, рефлексом которого в ионийско-аттическом диалекте было бы *λη* < *λᾱ*. Тем не менее, в спряжении этого глагола в ионийско-аттическом мы имеем *πίμπλημι* etc. в единственном числе акт. залога и *πίμπλαμεν* etc. во множественном числе, *πίμπλατο* etc. в формах медиа и пассива, где альфа, по всей видимости, обозначает *краткий* гласный¹.

Бекес разумно полагает, что аблаут в этом глаголе был восстановлен по аналогии. Однако это ставит перед нами новые вопросы, ответов на которые уже не предлагается: является ли это единственным возможным решением и, если аналогия все же предпочтительное объяснение, то что послужило основанием для нее.

Для начала следует указать, что в наших источниках вообще чрезвычайно мало хороших свидетельств о ларингальных чередованиях в этом глаголе. Весомым аргументом в пользу этого было бы изрядное число форм с особыми нулевыми ступенями, построенными по ларингальным правилам, или форм, имеющих не объяснимые без ларингальной гипотезы тембровые характеристики. Однако интересующий нас глагол как будто назло демонстрирует противоположные свойства: там, где в греческом или в когнатах других языков мы бы ожидали ларингальные рефлекссы, мы наблюдаем либо долгий [**ē*], либо какие-то особые рефлекссы сонорного, напрямую ларингал не предполагающие.

Например, от корня **pleH₁* было бы разумно ожидать в латинском языке форму супина на *-ī* < **ā* < **H*: подобно тому, как рефлекс **deH₃* 'давать' мы обнаруживаем в *red-di-tum* (от 'отдать'), а рефлекс **dheH₁* 'ставить, класть' — в *con-di-tum* (от 'заложить > основать [город]'), мы наблюдаем супины *supplētum* 'дополненный',

¹ Вообще, формы этого глагола не часто встречаются в метрике, которая могла бы внести большую ясность в его просодику. Тем не менее, есть некоторое число хороших контекстов, указывающих на очевидную краткость [a]: например, *Eur. Hel. 1575; Hes. Scut. 429, Opp. Hal. III, 413* etc.

opplētum 'наполненный', но никак не ***supplitum*, ***opplitum*². Это положение вещей видится разумным объяснять так, что в «архетипе» двух этих ветвей (т. е. фактически в позднем индоевропейском) мы имеем дело не с ларингальным чередованием, а с уже установившимся долгим *ē*.

В этом отношении совершенно ожидаемыми видятся и формы, собранные Бекесом, в которых мы наблюдаем почти полное торжество *-πλη-* над другими вариантами корня: греч. *πλήρης* 'полнота > большинство' = лат. *plērus* 'представляющий большую часть'; *πληθύς* 'полно народу > толпа' (несмотря на старую окситонезу) сохраняет *-η-* и соотносится с *plēbēs* 'плебс, народ'. Отдельные случаи, где в греческом в этом корне мы наблюдаем не *-η-* не меняют картины; вторичность тембра [a] в *πίπλαται* делает необязательными ларингальные объяснения в этом случае, оставляя фактически только весьма запутанный случай сравнительной степени *πλέων*, которая трактуется [Beekes 2010: 1206] как утрата ларингального перед гласным:

**pleH₁- + is + to* → **ple-isto-s* → *πλεῖστος*;
**pleH₁- + is + on* → **ple-ih-on* → *πλέων*³.

Это действительно могло бы быть так, однако формы скр. *prāya-* и авест. *fraīiah-* 'more, much, many', которые там приводит сам же Бекес, как будто свидетельствуют об обратном: если бы ларингал выпадал в них перед гласным, то в индо-иранских тоже не было бы долготы. Если же суффикс сравнительной и превосходной степени может выступать в своем варианте с сонантом (ср. *μέγας* : *μεῖζων* ← **μεγ-yon*⁴), то того же самого можно было бы ожидать и для **πλη-yon*, допускающего преобразование: **πλη-yon* > **πλει-ων* с возможными разнообразными аналогическими последствиями. А поскольку мы знаем для положительной ступени прилагательного такие варианты, как ион.-атт. *πλέως* (с «метатезой долготы»), ион. *πλέος* (с утратой долготы), эпич. *πλεῖος* (вм. **πλήος* [Beekes 1191] с не совсем ясной природой *-ει-*), то приведенный выше переход **πλη-yon* > **πλει-ων* > *πλέων* не кажется чем-то фантастическим и может иметь различные объяснения.

Не в пользу исконного спряжения по атематическому типу с чередованием ступеней свидетельствуют и аористные формы: эпич. *πλήντο* ведет себя как корневой аорист с долготой (типа *βλήτο*); сигматический аорист *ἔπλησε*, похожий по типу на *ἔστησε* 'поставил' едва ли доказывает что-то сам по себе, однако санскритская параллель к нему *a-prā-s* (← **e-plē-s-t*) должна свидетельствовать, по крайней мере, об относительной древности этой формы, косвенно предполагая и древнюю долготу гласного [ē]. Все эти соображения не отменяют существования некоторых редких форм, имеющих *-α-* (например, эпич. *πιμπλάνω*),

² На этот важный момент во время обсуждения моего доклада на Чтениях памяти Августа Лескина (2020) обратил мое внимание д.ф.н. И. С. Якубович, за что я приношу ему благодарность.

³ *πλέων* трактуется как аналогия к *πλεῖστος*.

⁴ Удлинение в *-ει-* в *μεῖζων* трактуется как аналогия к формам типа *κρείσσω* [Schwyzer 1977: 538].

происхождение которых настолько запутанно, что не позволяет сказать, первичны они или вторичны⁵.

Знаменитые фортунаговские соответствия лит. *pilnas* = скр. *pūrņah* = слав. *пльнь* при лат. *plēnus* свидетельствуют, на мой взгляд, главным образом о подвижности слоговой вершины в этом корне при фиксированном числе составляющих его мор: двуморная последовательность реализуется то долгим согласным, то долгим гласным при обычном согласном (иначе в латинском было бы ***plānus*); т.е. мы имеем как бы разные стратегии реализации двуморности, которые в прошлом, разумеется, могли бы быть связаны с ларингалами, но это не выглядит в общем случае непременно обязательным.

Итак, мы видим, что греческий материал, хотя и не бесспорно, свидетельствует скорее в пользу долгого *-πλη-* (**plē*) в относительно ранний период истории этого слова. Это не запрещает выводить его из еще более ранней группы с ларингалом, однако данные греческого языка не столько требуют это, сколько этому противоречат. Соответственно, важным вопросом об истории этого слова в греческом будет объяснение того, отчего это слово, будучи изначально иным, в греческом перестроилось по атематическому типу с чередованием, причем по самому изощренному из них — по типу *ἵστημι* ‘ставить’.

Будучи еще весьма далеким от разрешения этого действительно сложного вопроса, выскажу здесь лишь некоторые соображения.

1. Прямая аналогия *πίμπλημι* с *ἵστημι*, даже несмотря на наличие у обоих сигматического аориста, не видится возможной. Эти глаголы слишком разные по форме и значению. Конкретно, в случае *πίμπλημι*:

а) непонятно основание аналогии;

б) непонятна необходимость аналогического выравнивания;

в) сомнительна аналогия более продуктивных/прозрачных моделей к менее продуктивным.

2. По типу *ἵστημι* в греческом спрягаются и некоторые другие важные глаголы: *δάμνημι* (и другие с этим суффиксом), *ἔγραμαι*, *δύναμαι* и др. без суффиксов и удвоений. Все они еще хуже подходят как образец для аналогического выравнивания. Последние вообще ведут себя как отложительные и потому по определению не могут иметь чередования η : α. Глаголы с *-νη-* внешне (фонетически) действительно похожи своим исходом на *πίμπλημι*, однако морфологически *λη* в *πίμπλημι* — это совсем не то, что *νη* в *δάμνημι*, и потому невозможно поверить, чтобы эти два типа могли быть отождествлены только лишь на основании этого сходства.

3. Однако основания для аналогии не всегда должны быть тривиальными, сводящимися к сходству с отдельными словами; основанием для аналогии может быть и наивная интерпретация некоторых моделей, представляющихся народному сознанию значимыми или продуктивными.

Так, весьма известны два примера, приводимых на своих публичных лекциях акад. А. А. Зализняком [2014–2015, устное сообщение]. Это перенос ударения

⁵ *Πιμπλάνω* выглядит как поздний дублет к другой вторичной форме — *πιμπλάω*, встречающейся во фрагментах Ксенакса и корпусе Гиппократы.

в слове *дружба* по аналогии к *служба* в древнерусском и это трактовка индийскими грамматиками чередования ступеней в атематическом склонении санскрита (слова типа *bhagavant* ‘мудрец’). Последний случай интересен тем, что если исторически нулевая ступень суффикса (например, в *bhagavad-gītā*) имеет [a] из вокализовавшего [n], то санскритская традиция рассматривала такие случаи как прибавление [n] в ступени *gūṣa* и его усечение в «начальной» форме.

Индоевропейцы смотрят на древнегреческие глаголы с позиции индоевропейской грамматики, видя в атематических формах чередование ступеней. Однако если посмотреть на них глазами носителей наивного сознания (такими «носителями» могут оказаться и начинающие изучать греческий язык первокурсники, не раз высказывавшие мне изложенное ниже мнение), мы легко можем увидеть, что в парадигме греческих атематических глаголов странным образом чередуются: долгота в ед. числе активного залога и краткость в остальных формах. Греческий язык в своих относительно продуктивных формах как будто представляет чередование гласных по количественному параметру. Это так, как если бы мы наблюдали чередования:

δί-δο:-μι : δί-δο-μεν
τί-θε:-μι : τί-θε-μεν
ῥρ-υυ:-μι : ῥρ-υυ-μεν

При этом глаголы на *νη* чередуются с *να*:

δάμ-νη-μι : δάμ-να-μεν

Точно так же спрягается и

ἴ-στη-μι : ἴ-στα-μεν

При этом грамматическое противопоставление долготы/краткости не было для греческого чем-то экзотическим: его мы можем увидеть, например, в именном склонении при различении по роду (*λύων* m. ~ *λύον* n. ‘развязывающий, -ее’) или в оппозиции конъюнктив : индикатив (*λύωμεν* conj. ~ *λύομεν* ind.). Перед нами как бы первая посылка для аналогии.

Помимо этого, наивным носителям языка должны были бы быть очевидными еще два обстоятельства.

Во-первых, для ионийско-аттического очевидно, что удлинение *α* нормально дает *η*; это хорошо видно в аугментации и перфектной амплификации, при этом большинство глаголов, начинающихся в таких формах с *η-* имеют как раз *ά-*.

Во-вторых, со спряжением атематических глаголов во многом сходны корневые аористы, перфектные формы и ряд случаев слияния⁶: в них нет строгого чередования «долготы/краткости» как в атематических глаголах типа *δάμνημι*, однако могут наблюдаться разные другие чередования, в т. ч. *α* : *η* (*βαίνω/βάσκει/βιβάσκει* ~ *έβην, βέβηκα* от ‘идти’). Такого рода чередования особо характерны для глаголов

⁶ Ср., например, образование опатива в атематических глаголах, корневых и пассивных аористах и слитных глаголов.

VI класса, склонных к корневому аористу и, помимо перфектного, еще и к презентному удвоению.

Наконец, нам известны примеры некоторых атематических глаголов с суффиксом *-νη-*, способных к аналогическому «дрейфу» через формы перфекта в сторону тематических образований VI класса. Это, в частности, глагол *πέρνημι* ‘вывозить, продавать’ с перфектом *πέπρᾶμαι* (ион. *πέπρημαι*), от которого в дальнейшем получились тематические формы *πιπράσκω* (ион. *πιπρήσκω*); при этом стоит указать также на наличие аориста *ἐπράθην* и эол. инфинитива *πόρναμεν*, который соотносится с корнем *πρᾶ-* почти так же, как *πολυ-* с *πλη-*⁷. Вероятно существование и других подобных случаев.

В итоге представляется правдоподобной такая картина, что глаголы *πίμπλημι* и *πίμπρημι* выровняли парадигму с глаголами на *-νη-* из-за сходства, особенно последнего, с формами глаголов типа *πέρνημι*. Возможные аналогические колебания форм подобного типа между собственно атематическими и слитными могли послужить причиной относительно раннего появления таких дублетов, как *πιπλάω* и *πιπλάνω* (мнимый VI класс).

Литература

- Beekes 2010 — *Beekes R.* Etymological dictionary of Greek. Leiden, 2010.
LSJ — *Liddell H. G., Scott R., Jones H. S.* Greek-English lexicon. Oxford, 1982.
Sihler 1995 — *Sihler A.* New comparative grammar of Greek and Latin. N. Y. ; Oxford, 1995.
Schwyzer 1977 — *Schwyzer E.* Griechische Grammatik auf der Grundlage von Karl Brugmanns Griechischer Grammatik. München, 1977.
de Vaan 2008 — *De Vaan M.* Etymological dictionary of Latin and the other Italic Languages. Leiden, Boston, 2008.
Янзина 2018 — *Янзина Э. В.* Учебник древнегреческого языка. Часть I. Основы грамматики. М.: Р. Валент, 2018.

A. M. Belov

*Lomonosov Moscow State University,
RAS Institute of Linguistics
(Moscow, Russia)
indogermanica@yandex.ru*

GREEK *πίμπλημι*: ALTERNATION OR ANALOGY?

The paper discusses the phonology of root alternation in the Greek verb *πίμπλημι* ‘fill up’. It shows the impossibility of the laryngeal interpretation of *[a]* and the optionality of the laryngeal explanation of this word in Greek. Analogical levelling model according to the type of *πέρνημι* is proposed.

⁷ Подробный обзор форм см. в [LSJ s.v.].

Keywords: Ancient Greek, Indo-European alternations, athematic verbs, laryngeals, analogy.

References

Beekes 2010 — Beekes R. *Etymological dictionary of Greek*. Leiden, 2010.

LSJ — Liddell H. G., Scott R., Johnes H. S. *Greek-English lexicon*. Oxford, 1982.

Sihler 1995 — Sihler A. *New comparative grammar of Greek and Latin*. N. Y. ; Oxford, 1995.

Schwyzler 1977 — Schwyzler E. *Griechische Grammatik auf der Grundlage von Karl Brugmanns Griechischer Grammatik* [Greek Grammar Based on the Groundwork of Karl Brugmann's Greek Grammar]. München, 1977.

de Vaan 2008 — De Vaan, M. *Etymological dictionary of Latin and the other Italic Languages*. Leiden, Boston, 2008.

Janzina E. V. *Uchebnyk drevnegrecheskogo jazyka* [Textbook of Ancient Greek]. Part 1. *Osnovy grammatiki* [Basics of Grammar]. Moscow: R.Valent Publ., 2018.

Ж. Ж. Варбот

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

zhannavarbot@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ПРАСЛАВ. *RŲKA*

Ситуация с происхождением праслав. **rŲka* специфична: не вызывает сомнения первичная производность от и.-е. **uer-* ‘вертеть’ > **urenk-* ‘сгибать’ и генетическая связь с лит. *riĩkti / reĩka* ‘собирать’ и *rankà* ‘рука’, однако остается предметом обсуждения природа соотношения славянского и литовского слов: генетическое тождество или заимствование славянского слова из литовского. Автохтонность праслав. **rŲka* подвергается сомнению, поскольку в славянских языках не было обнаружено потенциального производящего глагола, родственного лит. *riĩkti / reĩka*.

Русск. диал. глаголы новгор. *порякнуть* ‘уяснить себе, усвоить смысл’, *упорякнуть* новгор. ‘догадаться, понять’ и волхов., ильмен. ‘свернуть, повернуть куда-л.’ побуждают возобновить обсуждение проблемы праслав. **rŲka*. Диалектные глаголы могут рассматриваться как префиксально-суффиксальные производные от праслав. **rekti*, а последний — как генетически тождественный лит. *riĩkti / reĩka*. Таким образом, есть основания для реконструкции балтослав. глагола **renk-*, а праслав. **rŲka* является продолжением производного от этого глагола имени балтослав. **raĩkã*.

Ключевые слова: этимология, балто-слав. родство, заимствование, диалектная лексика.

Связывающие славянские и балтийские языки отношения двоякого рода: общность происхождения из праиндоевропейского языка при реальности периода балто-славянского единства и отношения длительного территориального соседства, — обуславливают трудности определения природы соотношения многих структурно и семантически подобных лексем двух языковых групп. Соответственно

* Статья написана при реализации проекта «Лексика славянских языков как наследие и развитие праславянского лексического фонда: словообразовательный, семантический и этимологический аспекты анализа в лексикографическом представлении», поддержанного грантом РФФИ № 19-012-00059.

для образований, потенциально существовавших в праславянский период и имеющих родственные соответствия в балтийских языках, нередко затруднительно выяснение происхождения: является ли слово продолжением балто-славянского образования или заимствованием из определенного балтийского языка.

Одним из подобных случаев является ситуация с праслав. **rōka*. Большинство исследователей признается родство **rōka* с прабалт. **raĩkā* 'рука' (> лит. *rankà*, лтш. *roka*, прусск. *rancko*) и происхождение из гнезда и.-е. **urenk-* 'вертеть' > 'сгибать', давшего глагол лит. *riĩkti / reĩka* 'собирать, выбирать'. Далее, реконструируется и.-е. **uronkā* > балтослав. **rankā*, к которому возводится и слав. **rōka* [Pokorný 1155; Mažiulis. Pr. kalb. etim. 4: 11]. При этом Покорный, судя по расположению материала в его словаре, предполагал для **rankā* мотивацию по сгибанию; однако при учете семантики литовского глагола *riĩkti / reĩka* 'собирать, выбирать', первичное значение обычно определяется 'собирающая, схватывающая' [Karulis LEV II: 128], к чему весьма близки значения слова *рука* в русских диалектах: чкал., урал. 'удар по мячу (при игре в лапту); право такого удара', новосиб. 'удачный удар, попадание (при игре в чижика)' [СРНГ 35: 242]. Изложенное толкование происхождения праслав. **rōka* встретило критику со стороны некоторых славистов, указавших на отсутствие в славянских языках глагола, который соответствовал бы лит. *riĩkti / reĩku*, то есть был бы производящим для **rōka*, так что более вероятным было сочтено заимствование славянского слова из литовского языка [Rozwadowski 35; Бернштейн. Очерк 92].

Публикация многочисленных диалектных словарей различных славянских языков, особенно русских, ввела в научное обращение обширный объем диалектной лексики, которая стала ценнейшим источником для этимологических исследований, в том числе для реконструкции праславянского лексического фонда. Сколь бы ни были многочисленны обнаруживаемые критиками диалектной лексикографии ошибки при записи диалектных слов, ошибки при расшифровке записей лексикографами, ошибки самих лексикографов, диктуемые благими намерениями сделать слово более понятным носителю литературного языка, — все это не может нивелировать ценность диалектной лексики как потенциального хранилища утраченных литературными языками слов, восходящих к различным периодам истории славянских языков, даже к праславянскому. Невозможно исключить все перечисленные искажения диалектных слов, но нельзя и свысока отвергнуть предоставляемые диалектными словарями возможности. Ниже предлагается учесть такую возможность при суждении о происхождении праслав. **rōka*.

Диал. новгор. *порякнутьь* 'уяснить себе, усвоить смысл, содержание и т. п. чего-л.' [Новг. Обл. Сл. 8: 135] и *упорякнутьь* новгор. 'догадаться, понять' [там же 13: 107], волхов., ильмен. 'свернуть, повернуть куда-л.' [СРНГ 47: 280] являются префиксальными производными от *-рякнутьь*. Далее структура глагола позволяет реконструировать производящий праслав. глагол **rękti*, сопоставимый с лит. *riĩkti / reĩka*. Семантика русских глаголов двойственна, и эта характеристика глаголов имеет принципиальное значение для рассматриваемого вопроса. Значение русских диалектных глаголов 'уяснить себе, усвоить смысл, догадаться, понять'

представляется выводимым из ‘собирать(ся)’: ср. *собраться с мыслями, ухватить смысл*, что также сближает потенциальное праслав. *rękti с лит. *riñkti / reñka*. Очевидно, можно даже заподозрить, что и русский глагол *порякнуть* является литуанизмом: ср. лит. *pariñkti / pareñka* ‘подобрать’. Однако другое значение русского диалектизма — ‘свернуть, повернуть куда-л.’ — предполагает семантическую связь с и.-е. *ǫrenk- ‘вертеть’ > ‘сгибать’. Этот семантический архаизм русского диалектизма исключает вероятность его заимствования из литовского языка и укрепляет позиции для реконструкции праслав. *rękti как генетически тождественного с литовским глаголом и соответственно для признания балто-славянской глагольной основы *reñk-, производным от которой является балто-слав. *rañkā > лит. *rankà*, лтш. *roka*, прусск. *rancko* и праслав. *rǫka.

Литература

Бернштейн. Очерк — *Бернштейн С. Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М.: 1961.

Новг. обл. сл. — *Новгородский областной словарь* / Авт.-сост. А. В. Клевцова, В. П. Строгова; отв. ред. В. П. Строгова. Новгород: 1992–2000. Вып. 1–13.

СРНГ – *Словарь русских народных говоров* / Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Л. — СПб.; М.: 1965–2019–. Вып. 1–51–.

Karulis. LEV — *Karulis K.* Latviešu etimoloģijas vārdnīca. Rīga: 1992. S. I–II.

Mažiulis. Pr. kalb. etim. — *Mažiulis V.* Prūsų kalbos etimologijos žodynas. Vilnius, 1997. B. 1–4.

Pokorny — *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern: 1949–1969. B. I–II.

Rozwadowski — *Rozwadowski J.* O pierwotnym stosunku wzajemnym języków bałtyckich i słowiańskich // RSI V, 1912.

Zh. Zh. Varbot

V. V. Vinogradov Russian Language Institute RAS (Russia, Moscow)
zhannavarbot@yandex.ru

ON THE ORIGIN OF PROTO-SLAV. *RǪKA

The origin of Proto-Slavic *rǫka ‘hand’ is a special case: its derivation from Indo-European *ǫer- ‘turn’ > *ǫrenk- ‘bend’ and its relationship with Lithianian *riñkti / reñka* ‘collect’ and *rankà* ‘hand’ are undoubted, but there is no consensus as to the exact nature of relation between Slavic and Baltic words: whether both are direct continuations of a common Balto-Slavic *rankā, or Slavic *rǫka is a Baltic loanword. The latter is commonly argued on account of the fact that Lit. *riñkti / reñka* has no known Slavic verbal cognates.

Russian dialectal verbs Novgor. *порякнуть* ‘understand’, *упорякнуть* Novgor. ‘understand’, Volkhov., Ilmen. ‘turn’ impel to renew the discussion concerning Proto-Slavic **roka*. These verbs may be interpreted as prefixal/suffixal derivatives of Proto-Slavic **rekti* and the latter as genetically identical to Lith. *riñkti* / *reñka*. Thus a reconstruction of a Balto-Slavic verbal stem **reñk-* becomes possible, which would mean that Proto-Slav. **roka* indeed goes back to a common Balto-Slavic **rañkã*.

Key words: etymology, Balto-Slavic relationship, loanword, dialectal vocabulary.

References

Bernshtein S.B. *Oчерк сравнительной грамматики славянских языков* [Essay of Comparative Grammar of Slavic Languages]. Moscow: 1961. (In Russ.)

Novgorodskii oblastnoi slovar' [Novgorod Regional Dictionary] Compiled by A.V. Klevcova, V.P. Strogova; ed. in chief. V.P. Strogova. Novgorod: 1992–2000. Iss. 1–13. (In Russ.)

Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian dialects]. Ed. in chief. F.P. Filin, F.P. Sorokoletov, S.S. Myznikov. Moscow, Leningrad / St.-Petersburg: 1965–2019-. Iss. 1–51-. (In Russ.)

Karulis K. *Latviešu etimoloģijas vārdnīca* [Latvian Etymological Dictionary]. Rīga: 1992. S. I–II.

Mažiulis V. *Prūsų kalbos etimologijos žodynas* [Etymological Dictionary of the Prussian Language]. Vilnius: 1997. B. 1–4.

Pokorny J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch* [Indo-European Etymological Dictionary]. Bern: 1949–1969. B. I–II.

Rozwadowski J. *O pierwotnym stosunku wzajemnym języków bałtyckich i słowiańskich* [On the Early Interrelations between Baltic and Slavic Languages] // RSI V, 1912 (In Polish).

Т. И. Вендина

*Институт славяноведения РАН
(Россия, Москва)
vendit@rambler.ru*

К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ СТРАТИФИКАЦИИ МАТЕРИАЛА «ОБЩЕСЛАВЯНСКОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АТЛАСА»

Статья посвящена проблеме хронологической интерпретации материала, представленного на картах «Общеславянского лингвистического атласа». Автор считает, что изоглоссы межславянских лексических соответствий проецируются в разновременные плоскости. При решении вопроса о хронологической стратификации материала должен быть задействован комплексный подход с использованием как собственно лингвистических, так и пространственных критериев. По мнению автора, ключ к решению данной проблемы дает лингвогеография с ее методом картографирования и рекартографирования, методом изоглосс и их ретроспективного анализа.

Ключевые слова: лингвистическая география, диалекты, картографирование, хронологическая стратификация, Общеславянский лингвистический атлас.

XX век в историю российской славистики вошел двумя крупномасштабными проектами — «Общеславянским лингвистическим атласом» и «Этимологическим словарем славянских языков». Оба проекта концептуально связаны между собой, поскольку в конечном итоге нацелены на решение проблемы дифференциации славянских языков и их распределения на карте праславянского. Не случайно после IV Съезда славистов, на котором было принято решение о начале работы над «Общеславянским лингвистическим атласом», О. Н. Трубачев пишет статью «Лингвистическая география и этимологические исследования», в которой прямо говорит о необходимости учитывать ареальный аспект в изучении древнейшего словарного состава славянских языков. «Лингвистическая география сказала очень много нового и ценного для этимологии, выдвинула ряд положений, значение которых трудно переоценить: соотношение форм, которое застает в определенный момент лингвист-наблюдатель, как правило, чуждо какой бы то ни было случайности, но объяснимо в свете данных истории, культурных влияний и взаимоотношений форм между собой» [Трубачев 2004: 212]. В связи с этим он выдвигает

задачу изучения состава праславянского словаря методом изоглосс и реконструкции древнего славянского диалектного членения. Решению этой задачи, по его мнению, во многом будет способствовать развернувшаяся работа над «Общеславянским лингвистическим атласом». Приводя мнение С.Б. Бернштейна, он считает, что изоглоссы Атласа должны дать материал для изучения диалектных различий праславянского языка, поскольку изоглоссный метод как способ изучения древнего словарного состава, а также древнего диалектного членения давно уже получил признание в индоевропеистике. «Этимология и лингвистическая география связаны подчас отношениями тесной взаимозависимости, причем этимология может также вносить существенные коррективы в построения лингвистической географии, уточнять направление древних изоглосс и хронологию отдельных черт. Этимология приобретает значение важнейшего критерия в опытах реконструкции географии слов в отдаленные эпохи [Трубачев 2004: 220]. Поэтому при разработке «Вопросника» Атласа учитывались данные славянской этимологии.

В основе Атласа, как известно, лежит этимологический критерий, ориентированный, прежде всего, на праславянские языковые явления, реализация которых привела к дифференциации славянских языков. Причем это относится не только к фонетике, но и к лексике. Однако, несмотря на принцип диахронического тождества общеславянских корней и лексем, отобранных для картографирования, на картах Атласа наряду с праславянскими оказались и лексемы более позднего образования, являющиеся свидетельством собственной истории славянских языков и их диалектных контактов. В связи с этим истинная картина связей и отношений славянских языков периода праславянской эпохи оказалась во многом затемнена более поздними временными напластованиями.

Карты Атласа показали, что изоглоссы межславянских лексических соответствий проецируются в разновременные плоскости:

одни из них детерминированы факторами генетического порядка (они имеют глубокие корни и восходят часто к периоду праславянской языковой общности);

другие определяются факторами ареально-типологическими, связанными с независимым и параллельным развитием сходного явления;

третьи — факторами пространственно-генетическими (они во многом порождены явлением интерференции славянских диалектов и восходят к эпохе самостоятельного развития славянских языков);

четвертые — факторами культурно-историческими, связанными со становлением национального самосознания и оформления государственности и т. д.

А это значит, что межславянские ареальные связи невозможно рассматривать только в одной плоскости — статистических соответствий, ибо они не укладываются в какой-либо один ареальный сценарий, кроме того, происходит отождествление разных по времени изоглосс, которые отличаются друг от друга и по своей древности, и по устойчивости, и по количеству и употребительности охватываемых ими слов, и по своему значению для разных уровней языка [Жирмунский 1954: 23].

Для осмысления этой картины простое суммирование выявленных изоглосс мало что дает. Кроме того, механическая кумуляция этих изоглосс «без учета их

возможной хронологической соотнесенности отражает пережившие себя атомистические установки традиционного языкознания, не согласующиеся с принципами системного описания всех уровней языка» [Макаев 1965: 15].

Поэтому чтобы понять эту сложную картину, необходимо обратиться к хронологической стратификации материала и провести своеобразные «лингвистические раскопки». В связи с этим закономерно встает вопрос о хронологической интерпретации материала.

Известно, что по технике своего исследования лингвистическая география обращена прежде всего к синхронии. Это ощущение синхронного состояния, совпадения во времени присутствует у читателя при знакомстве с атласами, составленными даже в начале XX в. Между тем в этом синхронном отражении «живого» слова на картах Атласа запечатлена вся его история, а это значит, что сама лингвистическая география прокладывает путь исследования от синхронии к диахронии. И поскольку на картах Атласа эксплицитно выражена топологическая и имплицитно хронологическая маркированность диалектных явлений, исследователь имеет уникальную возможность изучать механизмы развертывания диахронии в синхронии.

Трудность, однако, заключается в том, что в лингвистической географии еще довольно плохо проработаны методологические основы приемов и принципов научного осмысления картографических данных в ареальном аспекте, а тем более методика чтения карт разного типа. Возможно, именно поэтому материалы атласов еще довольно медленно вводятся в научный оборот.

И в этом смысле слова С. Б. Бернштейна о невостребованности диалектологических атласов, высказанные им более тридцати лет назад, остаются актуальными и сегодня [Бернштейн 1986: 3]. Причина, по мнению Самуила Борисовича, кроется в том, что пока еще не разработана новая методика чтения лингвистических карт, в связи с чем исследователи, и особенно историки языка, не могут в полной мере использовать все факты, которые им дают диалектологические атласы.

Характерно, что об этом же говорилось и раньше, однако в лингвогеографии мало что изменилось и она по-прежнему остается в известной степени «закрытой» областью языкознания, а атласы имеют сравнительно ограниченный круг пользователей.

Действительно, лингвистическая карта трудна для восприятия, причем не только для неподготовленного читателя, но и для специалиста, так как это довольно «специфический текст, несущий слишком большой объем разноплановых языковых сведений, зачастую не только не известных ранее из других источников информации, но и противоречащих устоявшимся языковедческим стереотипам и постулатам... Кроме того, невостребованность атласов может быть объяснена и недостаточной разработкой приемов истолкования данной информации» [Гриценко 2004: 86].

Существующий сегодня разрыв между эмпирическими успехами лингвистической географии и состоянием разработки ее теоретическо-методического аппарата является одним из парадоксов ареальной лингвистики. Будучи увлеченной своими реальными достижениями в решении масштабных задач, связанных с изучением

территориального варьирования единиц того или иного языка, лингвистическая география довольно долго шла по пути экстенсивного развития, оставляя без должного внимания вопросы, связанные с используемым ею методическим инструментарием. В результате сложилось неадекватное соотношение диапазона накопленных диалектных фактов и их интерпретации, которая в лучшем случае имеет описательный характер.

Между тем лингвистическая география не сводится лишь к картографированию, а это значит, что это не только «составление атласов, — как говорил О. Н. Трубачев, — но и их интерпретация, использующая понятие ареала, изоглоссы, очага распространения и такой критерий, как обращенность в прошлое» [Трубачев 2002: 7].

Однако в настоящее время разработка методов лингвистической географии является по существу своеобразным «побочным» продуктом ареальных исследований, хотя нельзя не признать, что ее успехи были бы более впечатляющими при целенаправленной разработке теории и методов.

Таким образом, само развитие лингвистической географии требует сегодня разработки методов интерпретации выявленных диалектных фактов, поскольку эти методы имеют свою специфику по отношению к методологии общего языкознания.

Как известно, в соответствии с постулатом лингвистической географии карта, являясь пространственной проекцией элементов языковой системы диалектов, позволяет исследователю описать формирование диалектных различий в их исторической перспективе, поскольку фактор пространства всегда неразрывно связан с фактором времени. «Нынешний славянский диалектный ландшафт в отношении многих явлений представляет собой нечто вроде развернутой в пространстве диахронии, в которой временная последовательность развития систем или их фрагментов манифестируется в территориальной проекции» [Толстой 1968: 342]. А это значит, что языковые различия в пространстве тождественны языковым различиям во времени: «существование языка в пространстве и существование языка во времени — одно и то же явление существования языка во времени-пространстве» [Степанов 1975: 304]. Это соответственно допускает возможность стратификации диалектного материала в пространственно-временном аспекте, разграничения архаизмов и инноваций, определения центров иррадиации новых явлений. И эту возможность предоставляет только карта. Она позволяет не только установить пространственно-временную локализацию изучаемого языкового явления и представить его в виде хроно-топо-изоглоссы, но и объяснить это явление. И в этом проявляется такое ее свойство, как **экспланаторность** (или «объяснительность»). Таким образом, карта является безальтернативным источником информации, так как ни один диалектный словарь не дает возможности визуально оценить картину выявленных схождений.

Это прекрасно осознавал еще А. Мейе, который говорил, что Ж. Жильерон создал «лингвистическую геологию», интересующуюся лексическими наслоениями и с помощью карты показывающую, как различные лексические слои оседали

с течением времени один за другим. Поэтому чтобы говорить о хронологической стратификации материала, необходимо провести «лингвистические раскопки».

А это значит, что и карты «Общеславянского лингвистического атласа» нуждаются в таких «лингвистических раскопках». Разрозненная фиксация диалектно-языковых фактов, представленных на картах разных томов Атласа, требует сегодня своего теоретического осмысления, декодирования их в логически последовательные цепи, отражающие реальную связь изучаемых явлений во времени и пространстве. Только тогда лингвистические карты Атласа могут стать надежным инструментом сравнительно-исторических и этимологических исследований.

В связи с этим встает вопрос: какие критерии являются надежными, необходимыми и достаточными при хронологической интерпретации картографируемого материала? Можно ли вообще найти такие критерии или вслед за Н. С. Трубецким, повторяя, что «каждое слово распространяется в своих собственных границах», следует признать, что оно имеет и свою собственную топографическую историю. А потому от поисков таких критериев следует отказаться.

Думается, однако, что чрезвычайно продуктивным в поисках этих критериев является прием **рекартографирования**, имеющий своей целью поэтапное прочтение карты путем упорядочивания представленных на ней материалов, укрупнения ареалов картографируемых лексем, а значит — адекватной интерпретации развернутой на ней экспозиции языковых явлений в пространственном и временном аспекте. Прием рекартографирования позволяет выявить роль конвергентных процессов в формировании статистической близости языков, особенно пограничных диалектов (при отсутствии подобных схождений в других языках), и тем самым сделать выводы о языковых «предпочтениях» тех или иных диалектов более строгими и убедительными. Более того, этот прием позволяет выяснить, **действительно ли ареалы каждого картографируемого слова являются индивидуальными** или же все-таки они повторяются? Если они повторяются, то можно говорить об их типологии и, следовательно, искать объяснения их повторяемости.

Благодаря этому приему карта из иллюстрации превращается в самостоятельный объект анализа, и факты, отраженные на ней, становятся особенно значительными благодаря избранному масштабу исследования.

Думается, однако, что при решении вопроса о хронологической стратификации материала и шире — при описании типологии ареалов должен быть задействован комплексный подход с использованием как собственно лингвистических, так и пространственных критериев.

Среди формально-картографических признаков важную роль играет, прежде всего, **топографический критерий**. Этот критерий позволяет установить место локализации ареалов, а также их топографические характеристики: находятся ли ареалы в трех славянских языковых группах — в восточной, западной, южной, в двух — в восточной и западной, в восточной и южной, в западной и южной или только в одной — восточной, западной или южной группе? Какова степень плотности этих ареалов: являются ли они сплошными, размытыми (или разрушенными), островными или даже мерцающими, точечными?

Объективность топографического критерия связана с тем, что он дает возможность выявить закономерности в формировании ареальных сценариев, существующих в разных пространственных контекстах, поскольку именно пространственный контекст во многом определяет статус ареала. При этом диагностирующей силой при определении относительной хронологии соотносительных явлений обладают не только масштабные, но и дистантные островные ареалы, ибо наличие изоглосс, связывающих языки, удаленные на очень большое расстояние, говорит о том, что «языковая общность, сосредоточенная первоначально на сравнительно ограниченной территории, с течением времени рассеялась» [Принципы 1976: 184]¹. Языковые явления, отмеченные в дистантных ареалах, могут сигнализировать, однако, не только о древних контактах между двумя этносами или этническими группами в пределах одного этноса, но и о независимой параллельной инновации, а также о сохранении общего архаического фонда, подробнее см. [Гриценко 1988: 104–105].

Немаловажной является и качественная характеристика ареала, так как микроареалы, существующие в рамках диалектов одного языка, являются, как правило, территориальными величинами позднего времени, поскольку репрезентируемое ими языковое явление как новое, только нарождающееся, не получило еще в них широкого распространения из-за наличия других, более употребительных и лингвистически активных форм.

Лингвистические критерии отсылают к самому картографируемому явлению и предполагают выяснение типа основы лексемы (производная/непроизводная); ее этимологии (в частности наличия или отсутствия у нее индоевропейских соответствий, определение самого характера ее значения — прямое или переносное); наличия/отсутствия у нее дериватов; локализации дериватов (в рамках одной или разных языковых групп); наличия/отсутствия явления конкуренции с другой лексемой в данном ареале; определение характера диалектного противопоставления, представленного на карте (двучленное или многочленное); самой типологии лексических соответствий (являются ли они случайными или вписываются в некую микросистему); определение количественного показателя этих соответствий (являются ли они массовыми или единичными: массовость выявленных сходжений трудно приписать случайности, поэтому она лежит за границей произвола исследователя) и др.

Среди этих признаков чрезвычайно важным является словообразовательная структура слова, поскольку определение словообразовательной структуры слова очень существенно для относительной хронологизации образования. Нельзя не согласиться с Ж. Ж. Варбот в том, что «первые сведения об относительной хронологии возникновения слова дает круг родственных слов, его объем, его распределение по родственным языкам. Наличие однокоренных слов в различных славянских

¹ Ср. в связи с этим следующий тезис: «Когда в лингвистическом пространстве могут быть найдены два или более ареала с тем же явлением, это указывает на то, что данное явление существовало на промежуточной между ними территории» [Бородина 1980: 34].

языках свидетельствует о праславянской принадлежности корня, наличие в славянских языках одной и той же производной основы при сохранении соответствующей непроизводной (корня) может свидетельствовать о праславянском происхождении соединения морфологических составляющих этой основы, но правильность этих предположений должна быть проверена анализом на индоевропейском уровне» [Варбот 2012: 20]. Вот почему при описании межславянских лексических соответствий особенно важно учитывать цельнолексемные номинации (а не только корневые при наличии производной основы, как это обычно делается в подобных исследованиях). Цельнооформленные лексемы позволяют определить характер основы картографируемого слова, поскольку славянские лексемы с непроизводной основой (особенно если они имеют дериваты в диалектах разных языковых групп) и индоевропейскими соответствиями будут обладать бóльшим классификационным весом при хронологической стратификации материала, нежели их производные. И наоборот, «лексемы, строение которых в плане их словообразовательной структуры является прозрачным, оказываются более поздними» [Климов 1990: 122].

Важным (хотя и не определяющим) является и характер условий бытования картографируемого слова, в частности, отсутствие явления конкуренции с другой лексемой в данном ареале, что свидетельствует о его своеобразной «стойкости», устойчивости к переменам, ибо хорошо известно, что чем больше зафиксировано лексем в том или ином ареале, тем больше оснований говорить о нестабильности языкового явления в этом ареале. Таким образом, при использовании лингвистического критерия важное значение приобретает и фактор системных отношений.

В этой связи существенным признаком является этимология лексемы, характер ее значения, так как диалектные названия, «возникшие в результате метафорического употребления, эвфемизации, табу и проч., обыкновенно являются более поздними сравнительно с обыкновенным названием на широком ареале» [Дзэндзевский 1963: 97].

Наконец, чрезвычайно важным критерием, позволяющим провести стратификацию материала в хронологическом аспекте, является тип диалектного противопоставления, зафиксированный на карте — двучленный или многочленный, так как двучленные противопоставления хронологически являются более древними, чем многочленные².

Эти классификационные признаки не претендуют на статус единой всеобъемлющей модели интерпретации лингвистической карты (тем более что создание такой модели в связи с многообразием типов атласов вряд ли выполнимая задача). Однако они позволяют, как представляется, соотнести генетический и ареальный критерий и установить относительную хронологию выявленных ареалов, ибо «смысл лингвогеографического метода — в его эвристических возможностях,

² Эти наблюдения, свидетельствующие о существовании связи между типом ареала и хронологией репрезентируемых им явлений, носят предварительный характер, так как для выявления типологии этих связей необходимо изучение и каталогизация максимально большого количества ареалов.

в том, что пространственное распределение языковых феноменов диагностирует их временную развертку, их генезис» [Мартынов 1983: 5].

Вместе с тем следует отчетливо осознавать, что провести хронологическую стратификацию представленного на карте материала и решить вопрос о времени возникновения межъязыковых лексических соответствий по-прежнему трудно³. Думается, однако, что в решении этого вопроса важная роль принадлежит ареальному критерию, ибо локализация лексемы на всем пространстве *terra Slavia* (даже если она будет представлена в виде островных ареалов) является убедительным свидетельством ее архаичности (при условии, конечно, что это не позднее заимствование из неславянских языков). Поэтому именно пространство является центральным понятием для всего комплекса проблем, связанных с диалектным членением языковой общности и хронологической стратификацией картографируемого материала, «именно оно структурирует многообразные микросистемы тех языков, которые по ряду причин оказались втянутыми в данное языковое пространство, накладывая на них неизгладимый отпечаток пространственной характеристики» [Макаев 1965: 18].

Поскольку материал Атласа огромный, а надежные критерии разграничения праславянских архаизмов от более поздних инноваций отсутствуют, мы ограничились анализом только одной ситуации, а именно, когда лексема:

- 1) имеет общеславянское распространение или локализуется в диалектах трех славянских языковых групп;
- 2) является производной;
- 3) имеет индоевропейское соответствие;
- 4) значение лексемы является прямым, переносным.

Эти критерии дадут возможность, как говорил О.Н. Трубачев, «опрокинуть» современные диалектные данные на карту праславянского и рассмотреть вблизи картину лексических схождений славянских языков на основе самого древнего лексического фонда. Они позволят увидеть, как распределяются праславянские лексемы на карте современной Славии и где до сих пор сохраняются своеобразные «очаги» праславянских диалектизмов.

Картографирование лексем с производной основой и индоевропейскими соответствиями показало, что они могут образовывать ареалы разных типов, среди которых выделяются:

I. Ареалы лексем, имеющих общеславянское распространение;

II. Ареалы лексем, которые не являются общеславянскими, но локализируются в диалектах трех славянских языковых групп⁴.

³ Некоторые исследователи даже считают, что «по материалам атласов задача хронологического расслоения межъязыковых лексических связей не может быть решена в полном объеме, поскольку атласы оперируют ограниченным материалом. Основным источником материала для атласов служит живая славянская речь, полевые записи, сделанные исследователями в последние десятилетия. И это обстоятельство ограничивает возможности моделирования диалектных отношений применительно к праславянской эпохе» [Куркина 2012: 140].

⁴ Выделение этих ареалов и повышенное внимание к ним связано с существующей в славистических исследованиях традицией, поскольку во многих из них, как совершенно справедливо

1.1. Лексема имеет общеславянское распространение и равномерно покрывает всю территорию Славии. Эта ситуация характерна в основном для фонетических карт Атласа, где исключена лексическая вариативность, так как предметом картографирования является рефлекс той или иной праславянской фонемы, представленной именно в данной словоформе, ср., например, распространение таких лексем, как *pol-j-e* к. 29 **polje* т. 5 «Рефлексы *о», *mor-j-e* к. 29 **morje* т. 5 «Рефлексы *о», *nos-ъ* к. 21 **nosъ* т. 5 «Рефлексы *о», *ostr-ъ* к. 9 **ostrъ* т. 5 «Рефлексы *о», *sol-ъ* к. 19 **solъ* т. 5 «Рефлексы *о», *snop-ъ* к. 20 **snopъ* т. 5 «Рефлексы *о», *rog-ъ* к. 23 **rogъ* т. 5 «Рефлексы *о», *ros-a* к. 43 **rosa* т. 5 «Рефлексы *о», *kor-a* к. 45 **kora* т. 5 «Рефлексы *о», *vod-a* к. 33 **voda* т. 5 «Рефлексы *о», *kon-j-ъ* к. 26 **konjъ* т. 5 «Рефлексы *о и др. в фонетическом томе «Рефлексы *о» или распространение лексем *zem-j-a* к. 47 **zemja* т. 6 «Рефлексы *е», *devet-ъ* к. 43 **devetъ* т. 6 «Рефлексы *е», (*j*)*ezer-o* // *ozero* к. 5 *(*j*)*ezero* т. 6 «Рефлексы *е», (*j*)*elen-ь* // *olen-ь* к. 6 *(*j*)*elenъ* т. 6 «Рефлексы *е», *med-ъ* к. 12 **medъ* т. 6 «Рефлексы *е», *per-o* к. 29 **pero* т. 6 «Рефлексы *е», *sestr-a* к. 44 **sestra* т. 6 «Рефлексы *е» и др. в томе «Рефлексы *е», которые представлены на всем пространстве terra Slavīa.

На лексических картах такой ареальный сценарий встречается редко. В опубликованных томах лексико-словообразовательной серии Атласа встретилось лишь несколько таких лексем: *mal-in-a* к. 39 ‘малина’ т. 3 «Растительный мир» (см. карту-схему 1), *buk-ъ* к. 3 ‘бык’ т. 2 «Животноводство», *nēm-Ъ* к. 8 ‘*nēm(-jъ)*’ т. 12 «Личные черты человека». Не случайно такой тип ареала представлен, как правило, на тех картах, где вопрос имеет индекс F, т. е. является фонетическим (см., например, материалы к карте *bez-a* т. 3 «Растительный мир», *vъrb-a* т. 3 «Растительный мир»; или FP 2254 *trqb-a* т. 10 «Народные обычаи»). Вместе с тем нельзя не отметить, что при передаче абстрактных понятий такой тип ареала встречается чаще (ср., например, распространение лексем *mъrt-v-ъ*, *съ-mъrt-ъ*, *živ-ъ*, *rad-ost-ъ*, *рѣ-sn-ъ* = -a, *рѣ-sn-a* в т. 10 «Народные обычаи»).

Системный характер ареалов этих праславянских лексем, многие из которых имеют индоевропейские соответствия, ср. *polje* < и.-е. **p(e)lā-* или **pel-/pol-* [Фасмер III: 307], *morje* < и.-е. **mōri* [Фасмер II: 654; ЭССЯ 19: 227], *nosъ* < и.-е. **nās-* [Фасмер III: 84; ЕСУМ 4: 102], *solъ* < и.-е. **sal-* [Фасмер III: 715], *snopъ* < и.-е. *(*s*)*nē(u)-* [Фасмер III: 700; ЕСУМ 5: 335], *rogъ* < и.-е. **rogo-s* [Фасмер III: 489; ЕСУМ 5: 88], *ostrъ* < и.-е. **ak-r-os* [Фасмер III: 166, ЕСУМ 1: 576], *rosa* < и.-е. **ere-s-/rēs-/rōs-* [Фасмер III: 503], *kora* < и.-е. *(*s*)*ker-/*(s)kēr-/*(s)kor-* [Фасмер II: 321], *voda* < и.-е. **uēd-*, **uod-*, **ud-* [Фасмер I: 330], *konjъ* < и.-е. **ka(n)k-* [ЭССЯ 10: 197], *zemja* < и.-е. **ghēm-*, **ghōm-* [Фасмер II: 93], *medъ* < и.-е. **medhu-* [Фасмер II: 589; ЭССЯ 18: 68], (*j*)*ezero* // *zero* < и.-е. **eĝhero-* [Фасмер III: 125], *pero* < и.-е. **per-*, **pet-* [Фасмер III: 243; ЕСУМ 4: 352], *sestra* < и.-е. **sue-* (*se), **sor-* [Фасмер III:

замечает Л. В. Куркина [2021: 659], «устанавливаемые лексические соответствия вычлняются из круга славянских соответствий и рассматривается изолированно, без учета полной географии. А между тем при наличии широкого славянского фона изолекса может быть понята как общеславянское наследие, при ограниченном же наборе соответствий возникает необходимость в выявлении однородного контекста в виде пучков однонаправленных изоглосс».

612], *veselъ* < и.-е. **uesu-* [Фасмер I: 303; ЕСУМ 1: 362], *malina* < и.-е. **mel-* [ЭССЯ 17: 160], *berza* < и.-е. **bherəgā* [ЭССЯ 1: 201], *vъrba* < и.-е. **uerb-* [Фасмер I: 293] и др. и равномерно покрывают всю территорию Славии, отсутствие конкуренции с другими лексемами является убедительным свидетельством не только их архаичности, но и жизненной стойкости.

1.2. Лексема имеет общеславянское распространение, но в ее локализации на территории Славии существуют ограничения. Значительно чаще на территории Славии встречаются разрушенные ареалы лексем, имевших ранее общеславянское распространение. История славянских диалектов свидетельствует о том, что праславянские лексемы постепенно вытеснялись региональными диалектизмами, так как язык находится в постоянном развитии. Карты Атласа указывают на такую яркую особенность славянских диалектов, как их динамичность, которая проявляется в том, что диалекты всех славянских языков способны к активному порождению локально ограниченных лексем. Более того, материалы Атласа говорят о том, что на современном этапе развития славянских языков возникает некая новая диалектальность, связанная с утратой архаичной лексики и появлением новых диалектизмов, имеющих существенные отличия, как от литературного языка, так и от других диалектов.

При этом на картах Атласа хорошо видно, что в эволюции лингвистического пространства Славии прослеживается повторяемость, что позволяет говорить о типологии ареалов лексем, имеющих общеславянское распространение. Об этом свидетельствуют следующие ареальные сценарии:

1.2.1. Лексема широко распространена в восточно- и западнославянских диалектах, но имеет ограниченный ареал в южнославянских. Этот ареальный сценарий встречается довольно часто, ср. распространение следующих лексем:

dqb-ъ (**dqbbъ* < и.-е. **dheubh-*) [ЭССЯ 5: 97] к. 26 ‘дуб’ т. 3 «Растительный мир» (см. карту-схему 2): лексема широко распространена в северной Славии и имеет разорванный ареал — в южной, в частности, в словенских, хорватских и сербских диалектах, где с ней конкурируют лексемы *xvōst-ъ*, *gor-un-ъ*, *ser-ъ*; о былом существовании этой лексемы в южнославянских диалектах свидетельствуют возникшие на ее базе дериваты, ср. серб., хрв., мак. *dqb-ov-in-a*, серб., мак. *dqb-ov-o dev-o* к. 28 ‘древесина дуба’ т. 3 «Растительный мир»; серб., мак. *dqb-ov-a šuma*, серб., *dqb-ov-a gor-a* к. 27 ‘дубовый лес’ т. 3 «Растительный мир»;

ovъs-ъ (**ovъsъ* < и.-е. **jewo-*: **jew-es-*: **jow-es-*) [Фасмер III: 113] к. 50 ‘овес’ т. 4 «Сельское хозяйство»: лексема плотно покрывает территорию восточной и западной Славии и имеет разорванный ареал — в южной: она широко представлена в словенских, македонских и болгарских диалектах, тогда как в сербских и хорватских ее ареал ограничивает лексема *zob-ъ*;

dъxor-ъ (**dъxorъ* < *dъxati*) [ЭССЯ 5: 177] к. 8 ‘хорь’ т. 1 «Животный мир»: лексема широко распространена в диалектах восточной и западной Славии и имеет ограниченные ареалы в южной (в сербских, болгарских, македонских диалектах), где с ней конкурируют лексемы *dъxor-ъk-ъ*, *dъxor-ak-ъ* (серб.), (*kokarž*)-*a*, (*kokarž*)-*ę* (болг.), *smъrd-uš-ъk-a* (блг.)

slěp-ъ к. 10 ‘слепой человек’ (**slěp-ъ* < и.-е. **leip-*) [Фасмер III: 669-670] т. 12 «Личные черты человека»: лексема имеет плотный ареал в восточно- и западнославянских диалектах и разорванный — в южнославянских, где с ней конкурирует заимствованная из турецкого языка лексема (*kjor*)-*av-ъ*.

Примечательно, что непроезженные основы этих лексем образуют многочисленные дериваты, локализующиеся в диалектах разных славянских языковых групп, ср.: *dqb-ic-a* (мак.), *dqb-ъc-ъ* (хрв.) ‘дуб’, *dqb-in-a* (чеш., слц., плс., блр., укр.), *dqb-ъn-ъ=-ak-ъ* (плс., блр., укр., рус.) ‘дубовый лес’; *ovъs-išč-e* (рус., укр., мак., блг), *ovъs-isk-o* (плс., слц., укр.) ‘поле с которого убран овес’; *dъxor-it-j-ъ* (хрв., серб.), *dъxor-ъc-ъ* (хорв.), *dъxor-ic-a* (рус.) ‘хорь’; *slěp-ъc-ъ* (слн., хрв., серб., мак., чеш., слц., плс., блп., укр.), *slěp-ak-ъ* (плс., укр.), *slěp-an-ъ* (слц.) ‘слепой человек’ и т. д.

Особенно много ареалов такого типа представлено на картах фонетических томов Атласа, ср., например, карты *on-ъ* (**onъ* < и.-е. **eno-/*ono-/*no-*) [Фасмер III: 140] к. 1 т. 5 «Рефлексы *о»; *ogn-ъ* (**ognъ* < и.-е. **ognis /*egnis*) [Фасмер III: 78; ЕСУМ 1: 414] к. 3 т. 5 «Рефлексы *о»; *stol-ъ* (**stolъ* < и.-е. **st(h)el-*) [Фасмер III: 764; ЕСУМ 5: 419] к. 17 т. 5 «Рефлексы *о»; *dom-ъ* (**domъ* < и.-е. **dōm-, dēm-, *dŋ*) [Фасмер I: 526; ЭССЯ 5: 72] к. 18 т. 5 «Рефлексы *о»; *dъn-o* (**dъno* < **dъbno* < и.-е. **dhubh-/dheubh-*) [Фасмер I: 519; ЭССЯ 5: 174] к. 50 т. 5 «Рефлексы *о»; *gor-a* (**gora* < и.-е. **g^uer-, g^uor-*) [Фасмер I: 438; ЭССЯ 7: 29] к. 47 т. 5 «Рефлексы *о»; *sox-a* (**soxa* < и.-е. **kāk-*) [Фасмер III: 729; ЕСУМ 5: 362] к. 38 т. 5 «Рефлексы *о»; *nog-a* (**noga* < и.-е. **onogh-, *ongh-, *ŋgh-*) [Фасмер III: 78; ЭССЯ 25: 161] к. 39 т. 5 «Рефлексы *о»; *kost-ъ* (**kostъ* < и.-е. **kost-*) [ЭССЯ 11: 167] к. 25 т. 5 «Рефлексы *о»; *gost-ъ* (**gostъ* < и.-е. **ghost(i)s*) [ЭССЯ 7: 67] к. 27 т. 5 «Рефлексы *о»; *pot-ъ* (**potъ* < и.-е. **poktos*) [Фасмер III: 342; ЕСУМ 4: 417] к. 10 т. 5 «Рефлексы *о»; *voj-ъn-a* (**vojъna* < и.-е. **uceia, *ucei-*) [Фасмер I: 334; ЕСУМ 1: 431] к. 16 т. 5 «Рефлексы *о»; *topor-ъ* (**toporъ* < и.-е. **ter-/*top-*) [Фасмер IV: 79] к. 36 т. 5 «Рефлексы *о» или карты *led-ъ* (**ledъ* < и.-е. **ledu-*) [ЭССЯ 14: 91] к. 23 т. 6 «Рефлексы *е», *perel-ъ // ropel-ъ* (**perelъ // *ropelъ* < и.-е. **pel-/pol-*) [Фасмер III: 234] к. 9 т. 6 «Рефлексы *е»; *med-j-a* (**med-j-a* < родств. др.-инд. *mādhyā*, греч. *més(s)os* ‘средний’) [Фасмер II: 591] к. 35 т. 6 «Рефлексы *е» и др.

Интересно, что все они демонстрируют ограничения в распространении указанных лексем именно в южнославянских диалектах, т. е. на одной из периферий современной Славии.

Плотный ареал этих лексем, имеющих праславянское происхождение, в восточно- и западнославянских языках и дискретный в южнославянских является свидетельством тех древних диалектных отношений славянских языков, которые оказались разрушены их многовековой историей. О том, что эти лексем уже утратили свою жизненную силу, свидетельствует факт нестабильности их существования в языковом пространстве южной Славии, поскольку все они находятся в отношениях конкуренции с другими лексемами.

Такая ареальная картина говорит о том, что ареалы этих лексем сформировались в достаточно древний период, еще до того, как венгерские племена вклинились

между словаками и южными славянами, вследствие чего южнославянские диалекты оказались оторваны от севернославянских. Показательно, что разрушение ареалов общеславянских лексем происходит во всех южнославянских диалектах, и на юго-восточной периферии (ср. ареалы лексем *онь, отьсь, домь, кость, нога, гора, дьно*), и на юго-западной (ср. ареалы лексем *гость, соха, дробь*), и в их центральной части (ср. ареалы лексем *огнь, овьсь, поть, столь, топорь*).

1.2.2. Лексема широко распространена в восточно- и южнославянских диалектах, но имеет ограниченный ареал — в западнославянских.

Таких ареальных сценариев отмечено сравнительно немного. В качестве иллюстрации можно привести ареалы следующих лексем из фонетических томов Атласа: *kor-a* (**kora* < и.-е. **ker-*) [ЭССЯ 11: 44] к. 45 **kora* т. 5 «Рефлексы *о», *moj-a* (**mojь*, **moja* < и.-е. **mojos*) [ЭССЯ 12: 128] к. 32 *Nsg f *moja* т. 5 «Рефлексы *о» и др., а также следующих лексем лексико-словообразовательной серии Атласа:

smol-a (**smola* < и.-е. **smelti*) [Фасмер III: 690; Черных II: 180] к. 3 ‘смола хвойного дерева’ т. 3 «Растительный мир»: лексема широко распространена в восточно- и южнославянских диалектах, но имеет ограниченные ареалы западнославянских, где с ней конкурируют лексемы *živ-ic-a, plusk-yr-ic-a* и *kblěj-ь*;

(*j)esenь //osenь* (*(*j)esenь //osenь* < и.-е. **esen-*, **osen-*) [ЭССЯ 6: 28; Фасмер III: 158; ЕСУМ 4: 221] к. 20 т. 6 «Рефлексы *е»: лексема широко распространена в восточно- и южнославянских диалектах, а также в польских и словацких, тогда как в чешских она имеет лишь латеральный ареал в ляхских говорах, а в лужицких — отсутствует;

žab-a (**žaba* < и.-е. *g^wēbā*) [Фасмер II: 31; ЕСУМ 2: 183] к. 32 ‘жаба’ т. 1 «Животный мир»: лексема имеет обширный ареал в восточно- и южнославянских (особенно в болгарских) диалектах и микроареалы в польских и словацких.

1.2.3. Лексема широко распространена в западно- и южнославянских диалектах, но имеет ограниченный ареал — в восточнославянских. Этот ареальный сценарий встречается довольно часто, ср. распространение следующих лексем:

žab-a (**žaba* < и.-е. *g^wēbā*) [Фасмер II: 31; ЕСУМ 2: 183] к. 31 ‘лягушка’ т. 1 «Животный мир»: лексема имеет плотный ареал в южно- и западнославянских диалектах, а также в украинских и белорусских, тогда как в русских говорах ее ареал является дискретным, поскольку здесь более широкое распространение получила лексема *leg-uš-ьk-a*;

oč-i (**oko*, **oči* < и.-е. **ok^u*) [Фасмер III: 128] к. 6 ‘глаза человека’ т. 9 «Человек»: лексема плотно покрывает территорию южной и западной Славии, а также украинских и белорусских диалектов, тогда как в русских она отмечена в основном в южнорусских смоленских и брянских говорах;

večer-j-a (**večerja* < и.-е. **veker-*) [Фасмер I: 309; ЕСУМ 1: 366] к. 62 ‘ужин, вечерняя еда’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет обширный ареал в южно- и западнославянских диалектах, а также в украинских и белорусских; в русских диалектах ее ареал является латеральным, так как

она распространена в основном в южнорусских говорах, причем преимущественно в смоленских, брянских и примыкающих к ним с юга белгородских;

mōž-ь (**mōžь* < и.-е. *mon-, men* + *-g-jo* [Фасмер II: 670] ‘супруг’ к. 1 т. 11 «Степени родства»: лексема широко распространена в западно-, южнославянских и русских диалектах, тогда как в украинских ее ареал ограничен лексемой *čel-o-věk-ь*, а в белорусских — лексемой *mōž-ik-ь*;

сходный разорванный ареал в восточнославянских диалектах имеет и лексема *žen-a* (**žena* < и.-е. **g^henā*) [Фасмер II: 46; ЕСУМ 2: 206] к. 57 **žena* т. 6 «Рефлексы *е» (см. карту-схему 3), которая в украинских и белорусских диалектах активно вытесняется лексемой *žen-ьk-a*.

1.2.4. Лексема широко распространена в южнославянских диалектах и имеет ограниченный ареал в восточно- и западнославянских. Этот ареальный сценарий также встречается довольно часто. Ценность его определяется тем, что именно на периферии современной Славии до сих пор хорошо сохраняются древнейшие праславянские лексемы, ср., например, распространение следующих лексем:

//ež-ь (**(j)ežь* // **ožь* < и.-е. **eg^hijō*) [Фасмер II: 10; ЭССЯ 6: 37] к. 10 ‘ёж’ т. 1 «Животный мир»: лексема имеет плотный ареал в южнославянских языках, а также в русских, польских, словацких и лужицких диалектах, тогда как в остальных восточно- и западнославянских языках ее ареал ограничен лексемами *//ež-ьk-ь* (в чешских диалектах), *//ež-ak-ь* (в украинских), *//ež-ik-ь* (в белорусских и частично в русских);

tbrn-ь (**tbrnь* < и.-е. **(s)tern-*) [Фасмер IV: 48] к. 50 ‘терн’ т. 3 «Растительный мир»: лексема имеет плотный ареал в южнославянских диалектах, а также в чешских, лужицких, украинских и южнорусских; в польских диалектах с ней конкурируют лексемы *tbrn-j-ь*, *tbrn-in-a*, *tbrn-bj-e*; в словацких — лексема *tbrn-j-ь*; в белорусских она имеет спорадическое распространение;

měst-o (**měst-o* < и.-е. **meit(h)-*, **mēit-*) [ЭССЯ 18: 206] к. 46 ‘место’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: лексема широко распространена в южнославянских диалектах, но имеет ареальные ограничения в восточно- и западнославянских, особенно в польских, где ее активно вытесняет возникшая на ее основе лексема *měst-ьc-e*; под влиянием польского языка происходит разрушение и восточнославянского ареала лексем *měst-o*, так как в украинских и белорусских диалектах все более широкое распространение получает лексема *měst-ьc-e*.

1.2.5. Лексема широко распространена в восточнославянских диалектах и имеет ограниченный ареал в западно- и южнославянских, ср. распространение следующих лексем:

krьt-ь (**krьtь* < и.-е. **(s)ker-*) [ЭССЯ 13: 57] к. 12 ‘крот’ т. 1 «Животный мир»: лексема равномерно покрывает всю территорию восточной Славии, но имеет ареальные ограничения в западно- и южнославянских диалектах. В западнославянских языках она имеет обширный ареал в диалектах польского и лужицких языков,

тогда как в чешских диалектах ее ареал ограничен лексемами *krъt-ъk-ъ* и *krъt-ic-a*, в словацких — лексемами *krъt-ic-a* и *krъt-ič-ic-a*. В южнославянских диалектах, в частности, в сербских, хорватских, македонских и болгарских, ее вытесняют лексемы *krъt-ic-a* и *krъt-in-a*;

bob-ъ (**bobъ* < и.-е. **bhabhā*) [ЭССЯ 2: 148] к. 13 **bobъ* т. 5 «Рефлексы *о»: лексема имеет ограниченный ареал в лужицких и польских диалектах, а из южнославянских — в македонских и боснийских, тогда как в восточнославянских, чешских, словацких, словенских, сербских, хорватских и болгарских диалектах она распространена повсеместно;

glux-ъ (**gluxъ* < и.-е. *k'lous*) [Фасмер I: 417; ЭССЯ 6: 146] к. 12 «глухой человек» т. 12 «Личные черты человека»: лексема широко распространена в восточнославянских диалектах и имеет ограниченные ареалы в западно- и южнославянских, где с ней конкурируют лексемы *glux-an-ъ* (слц.), *glux-ъč-o* (блг., мак.), *glux-al-ъ* (плс.), *glux-at-j-ъ* (хрв.) и др.

1.2.6. Лексема широко распространена в западнославянских диалектах, но имеет ограниченный ареал в восточно- и южнославянских. Этот ареальный сценарий встречается довольно редко, ср. распространение следующих лексем:

pъs-ъ (**pъsъ* < и.-е. **peik'-*, *pik'-*) [Фасмер III: 248; Черных II: 25] к. 9 «собака» т. 2 «Животноводство»: лексема имеет плотный ареал в западнославянских диалектах, а также в словенских; ограниченный — в восточно- и южнославянских: в восточнославянских диалектах наряду с лексемой *pъs-ъ* широко распространена также заимствованная из иранского лексема (*sabak*)-*a*; в болгарских, македонских, сербских диалектах — лексема *kuč-e*, а в хорватских — лексема *suc-ъk-ъ*;

gnoj-ъ (**gnojъ* < **gniti* < и.-е. **ghnēj-*) [ЭССЯ 6: 177–179] к. 28 «навоз» т. 4 «Сельское хозяйство»: лексема широко распространена в западнославянских, украинских, белорусских, словенских и хорватских диалектах, во всех остальных славянских диалектах ее ареалы являются либо островными (сербские, македонские диалекты), либо латеральными (русские), либо точечными (болгарские); в южнославянских диалектах ее ареал ограничивает заимствованная из турецкого языка лексема (*žubr*)-*e* (тур. *gübre*), а в русских — лексемы *na-voz-ъ* и *na-zem-ъ*.

1.2.7. Лексема имеет общеславянское распространение, но в ее локализации во всех славянских диалектах существуют территориальные ограничения. Этот ареальный сценарий встречается чаще всего, ср. распространение следующих лексем:

myš-ъ (**myšъ* < и.-е. **mūs-*) [ЭССЯ 21: 64] к. 14 «мышь» т. 1 «Животный мир» (см. карту-схему 4): лексема распространена во всех славянских диалектах, однако в польских и украинских она имеет разорванный ареал, так как ее активно теснит лексема *myš-a*, в македонских — островной ареал, так как он ограничен широко распространенной лексемой *gluš-ъc-ъ*, а в болгарских — микроареал, так как здесь широко используются лексемы *myš-ъk-a* и *myš-ъk-ъ*. Кроме того, в форме *f*

она известна в восточно- и западнославянских диалектах, а также в словенских; в остальных южнославянских диалектах лексема *туś-ь* мужского рода;

бук-ь (**buk-ь* < и.-е. **bukati*, *bučati*, *byčati*) [ЭССЯ 3: 148] к. 3 'некастрированный самец коровы' т. 2 «Животноводство»: лексема зафиксирована во всех славянских диалектах, однако везде она вступает в отношения конкуренции с другими лексемами: в украинских, белорусских, польских и болгарских диалектах ее ареал ограничивает заимствованная из тюркских языков лексема (*bugaj*)-ь, в русских диалектах — лексема *роѹз-ь*; в словацких — лексема *bu-j-ak-ь*, а в македонских, словенских и сербских диалектах — лексема *jun-ьc-ь*;

(*j)elx-a* (*(*j)elx-a* < и.-е. **alisā*) [Фасмер III: 137; ЭССЯ 6: 23] к. 37 'ольха' т. 3 «Растительный мир»: лексема имеет ограниченный ареал практически во всех славянских диалектах, за исключением словацких и лужицких, где ее ареал является сплошным; в восточнославянских, польских и чешских диалектах ее распространение ограничивает лексема *olbš-in-a*, а в южнославянских — лексемы *olbš-ik-a* и *olbš-ьk-a*;

sěr-a (**sěra* родств. лат. *sērum*) [Фасмер III: 603] к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет ареальные ограничения во всех славянских диалектах, за исключением польских, где она представлена довольно плотным ареалом.

Картографирование лексем, имеющих общеславянский характер распространения, показало, что они локализируются в пространстве terra Slavia неравномерно, поэтому на карте образуются ареалы, в которых их концентрация достигает максимума. Это прежде всего чешские (особенно ляхские говоры, в частности, п. 203), словацкие, лужицкие (особенно пп. 234, 236) диалекты, юг польских (особенно говоры Силезии, в частности, пп. 288 и 308), словенские и прилегающие к ним хорватские кайкавские и чакавские говоры; сербские (особенно зетско-сеникские, косовско-ресавские и призренско-тимокские говоры); македонские и юго-западные болгарские; а также юго-западные украинские (см. карту-схему 5). Территория этих говоров покрыта практически полностью лексемами, имеющими общеславянское распространение, хотя и с локальными ограничениями.

II. Лексема не имеет общеславянского распространения, однако она встречается в диалектах трех славянских языковых групп. Несмотря на ареальные ограничения в распространении лексем, здесь наблюдается огромное многообразие ареальных сценариев, причем в этом многообразии также прослеживается определенная повторяемость.

II.1. Лексема широко распространена в диалектах восточной и западной Славии и имеет ограниченный ареал — в южной. Эта топографическая ситуация встречается довольно часто, ср. распространение следующих лексем:

baran-ь (**baranь* < и.-е. **u^eren-*, **w^eren-*) [ЭССЯ 1: 155] к. 4 'некастрированный самец овцы' т. 2 «Животноводство»: лексема широко распространена в восточно- и западнославянских диалектах и имеет микроареал в хорватских славонских (пп. 39, 40) и чакавских говорах (п. 148а). В других южнославянских диалектах

в материалах Атласа эта лексема не встречается, однако след ее сохранился в производных *бъранкъ* ‘овца’ и *баранки* ‘овцы’, зафиксированных в восточноболгарских говорах [ЭССЯ 1: 155];

тѡк-а (**тѡк-а* < и.-е. **ten-*) [ЭССЯ 20: 135] к. 11 ‘мука, из которой пекут хлеб’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» (см. карту-схему 6): лексема равномерно покрывает территорию восточной и западной Славии, но имеет ареальные ограничения в словенских, хорватских и сербских диалектах: в хорватских диалектах она распространена в основном в чакавских говорах; в сербских она имеет островные ареалы в зетско-сенинских и призренско-тимокских говорах; в словенских диалектах она распространена практически повсеместно, за исключением отдельных белокраинских, штаерских, паннонских, прекурских говоров; в болгарских и македонских диалектах лексема *тѡк-а* в материалах Атласа в этом значении не зафиксирована, однако она встречается в болгарских говорах в ином значении (ср. блг. диал. *мука* ‘еда, пища’; ср. также производные с этим корнем в блг., мак. *мучник*, болг. *мъчник* ‘ларь, в который ссыпается мука на водяной мельнице’ [ЭССЯ 20: 119];

слѣн-а к. 20 ‘слюна’ (**slina* < и.-е. **slēuna*) [Фасмер III: 681; ЕСУМ 7: 300] т. 9 «Человек»: лексема широко распространена в восточно- и западнославянских диалектах, а также в словенских и прилегающих к ним хорватских кайкавских говорах; кроме того, она имеет точечные ареалы в сербских косовско-ресавских (п. 70) и восточно-герцеговинских говорах (п. 67), ср. также дериваты от этой основы в южнославянских языках: сх. *slinav*, *slinac* [Skok III: 285];

лѣс-ъ к. 11 ‘лес’ (**lěsъ* < и.-е. диал. **loik/lēk*) [Фасмер II: 485; ЭССЯ 14: 249] т. 3 «Растительный мир»: лексема имеет плотный ареал в диалектах восточной и западной Славии и небольшие островные ареалы в словенских (штаерских, паннонских, прекурских), в хорватских (икавских) и сербских (восточно-герцеговинских) диалектах;

сѣр-ъ, сѣр-а, сѣр-ѣ (**сѣръ* < и.-е. **skoip-*) [ЭССЯ 3: 186] к. 76 ‘цеп, орудие для ручной молотбы’ т. 4 «Сельское хозяйство»: лексема равномерно покрывает территорию восточной и западной Славии, а также Словении и имеет латеральный ареал в хорватских чакавских и кайкавских говорах; ср. также дериваты от этой основы *сѣр-ъс-ъ, сѣр-ък-ъ, сѣр-ак-ъ, сѣр-ит-ъ* в русских, словенских, словацких и чешских диалектах;

скѡр-ъ (**skǫpъ* < и.-е. **skom-p-*) [Фасмер III: 662] к. 34 ‘скупой, чрезмерно бережливый’ т. 12 «Личные черты человека»: лексема имеет обширные ареалы в восточно- и западнославянских диалектах, небольшой островной ареал в словенских и микроареалы в болгарских западных и юго-восточных говорах.

II.2. Лексема широко распространена в диалектах восточной и южной Славии, тогда как в западнославянских языках ареал ее является ограниченным. Этот ареальный сценарий также встречается довольно часто, ср. локализацию лексем:

звѣр-ъ (**zvěrbъ* < и.-е. **ghwēr*) [Фасмер II: 87; **ghwēr* Boryś: 746] к. 1 ‘дикое животное, зверь’ т. 1 «Животный мир»: лексема имеет две грамматических

формы — m и f, которые широко представлены в восточно- и южнославянских диалектах; в западнославянских языках форма m имеет довольно обширный ареал в польских диалектах, однако ее активно теснят лексемы *zvěr-ę* и *zvěr-in-a*; а форма f — в словацких, но и здесь с ней конкурируют формы *zvěr-ę* и *zvěr-in-a*;

sliv-a (**sliva* < и.-е. **[s]līwo-*) [Фасмер III: 670] к. 6 ‘слива’ (плод) т. 4 «Сельское хозяйство»: лексема плотно покрывает всю территорию южной Славии, имеет обширный ареал в русских, белорусских и юго-восточных украинских говорах и небольшие островные ареалы в словацких, чешских и польских диалектах;

děver-ь (**děverь* < и.-е. **daiwer*) [ЭССЯ 5: 19] к. 44 ‘брат мужа’ т. 11 «Степени родства»: лексема имеет обширные ареалы в восточной и южной Славии и микроареалы в польских переселенческих и западнословацких говорах;

lic-e (**lic-e* < **liti*) [Фасмер II: 495, 506; ЭССЯ 14: 75] к. 2 ‘лицо’ т. 9 «Человек»: лексема равномерно покрывает территорию восточной и южной Славии и имеет микроареалы в польских переселенческих и чешских моравских говорах;

svek/r-ь (**svekrь* < и.-е. **sue-k'rū-s*) к. 34 ‘отец мужа’ т. 11 «Степени родства»: лексема имеет обширные ареалы в восточнославянских, южнославянских и словацких диалектах и микроареалы в малопольских и польских переселенческих говорах.

П.3. Лексема широко распространена в западно- и южнославянских диалектах и имеет ограниченные ареалы в некоторых восточнославянских. Этот ареальный сценарий встречается довольно редко, ср. локализацию следующих лексем:

čel-o (**čelo* < и.-е. **kelom*) [ЭССЯ 4: 45] к. 5 ‘лоб человека’ т. 9 «Человек»: лексема плотно покрывает территорию западной и южной Славии, имеет латеральный и островные ареалы в украинских говорах и микроареалы — в южнорусских. Следует, однако, отметить, что в восточнославянских диалектах эта лексема имела ранее более широкое распространение, о чем свидетельствуют материалы памятников древнерусской письменности, а также данные современных восточнославянских языков, в которых эта лексема продолжает свою жизнь, хотя иногда и как стилистически маркированная (ср. в рус. лит. яз. *чело* устар. и народ.-поэтич. ‘лоб’ [МАС 4: 659]; в укр. яз. *чоло* ‘лоб’ [СУМ 11: 348]; в блр. яз. *чало* ‘лоб’ [ТСБМ V/2: 291], фразеологические обороты (типа рус. *бить челом*; укр. *дати чолом*, *віддавати чолом*; блр. *біць чалом*), производные (ср. рус. *челобитная*, *челобитчик*; укр. *челобиття*, *чоловий*; блр. *чалабітная*, *чалабітчык*, *чалабітчыца*) и фольклорные тексты;

grob-ь (**grobь* < **grebti* < *и.-е. *ghrebh-*) [ЭССЯ 7: 133] к. 45 ‘могила, яма, в которой хоронят покойника’ т. 10 «Народные обычаи» (см. карту-схему 7): лексема плотно покрывает территорию южной и практически всей западной Славии (исключение составляют лужицкие диалекты, где распространена лексема *rov-ь*), имеет небольшой клинообразный ареал в говорах Правобережной Украины и микроареал — в белорусских, на границе с польскими диалектами (п. 33б); в восточнославянских диалектах эта лексема ранее имела более широкое распространение,

о чем свидетельствуют памятники древнерусской письменности XI–XII в., ср. Патерик Син. XI–XII в. [СРЯ XI–XVII 4: 137];

stop-a (**stopa* < и.-е. **step-*: **stop-*: **stemp-*: **stomp-*) [Фасмер III: 766] к. 47 ‘след стопы’ т. 9 «Человек»: лексема имеет обширные ареалы в западнославянских и южнославянских диалектах и небольшие островные ареалы в полесских и юго-западных украинских говорах;

pěg-e, pěg-y (**pěga* < и.-е. **poig-*) [Фасмер III: 225] к. 6 ‘веснушки, мелкие коричневые пятнышки на лице человека’ т. 12 «Личные черты человека»: лексема широко распространена в западно- и южнославянских диалектах и имеет микроареалы в юго-западных украинских и русских (вологодских) говорах.

II.4. Лексема широко распространена в южнославянских диалектах и имеет ограниченный ареал в восточно- и западнославянских. Этот ареальный сценарий встречается довольно часто. Он представляет особый интерес в связи с тем, что именно южнославянские языки нередко являются средоточием праславянской архаики, ср. локализацию следующих лексем:

glist-a (**glista, glist* < и.-е. **glit-*, **gleit-*) [ЭССЯ 6: 128] к. 36 ‘дождевой червь’ т. 1 «Животный мир»: лексема имеет обширный ареал в южнославянских диалектах, кроме того, она отмечена в восточнословацких, в чешских ганацких и в некоторых моравских говорах, в польских, в юго-западных украинских и в некоторых севернорусских (вологодских) говорах;

ust-a к. 16 ‘рот’ (**usta* < и.-е. **ōus-t-*/**aus-t-*) [Boryś: 671] т. 9 «Человек»: лексема плотно покрывает территорию южной Славии, имеет островные ареалы в западно- и среднесловацких, в западных чешских и в юго-западных украинских говорах; дискретный ареал в польских диалектах; в восточнославянских диалектах у нее отмечены лишь микроареалы в севернорусских (костромских пп. 689, 709), среднерусских (тверских п. 698, псковских п. 691) и южнорусских (брянских п. 811) говорах. Можно предположить, что в восточнославянских диалектах эта лексема имела ранее более широкое распространение, о чем свидетельствуют памятники древнерусской письменности, ср. др.-рус. *устѣ* с широким спектром значений ‘рот’, ‘губы’, ‘язык’, ‘слова’, ‘устье’ и др., [Срезн.: III: 1273], а также данные русского литературного языка, где эта лексема продолжает свою жизнь, хотя и как стилистически маркированная, а также многочисленные дериваты (ср. *устный*, *устно*, *устье*) и фольклорные тексты. Обширный ареал этой лексемы, наличие индоевропейских соответствий не вызывают сомнений в ее праславянской древности;

bor-ь (**borь* < и.-е. **bher-*) [ЭССЯ 2: 216] к. 17 ‘сосна’ т. 3 «Растительный мир»: лексема широко распространена в южнославянских диалектах, имеет небольшие островные ареалы в западнословацких, в чешских моравских и ганацких говорах и микроареал — в юго-западных украинских (п. 469);

mast-ь (**mastь* < и.-е. **mazь*) [ЭССЯ 18: 30; ЕСУМ 3: 410] к. 29 ‘топленое свиное сало’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема широко распространена в южнославянских диалектах, имеет ограниченный, но плотный ареал в юго-западных украинских и в западно- и среднесловацких говорах;

bozda (**bozda* < и.-е. **bhors-dā*) [ЭССЯ 2: 220] к. 34 'валик земли, откладываемой плугом' т. 4 «Сельское хозяйство»: лексема имеет обширный ареал в южнославянских диалектах, в чешских, словацких и лужицких, островной ареал в юго-западных украинских говорах и микроареал в южнорусских смоленских говорах;

pъrstъ (*pъrstь* < и.-е. **per-st-*, *spřsáti*) [Фасмер III: 244; БЕР 5: 828] к. 34 'палец руки': лексема широко распространена в южнославянских и чешских диалектах и имеет островные ареалы в западнословацких, в юго-западных украинских и севернорусских говорах.

Обращает на себя внимание повторяемость в локализации ареалов этих лексем. Большинство из них встречаются чаще всего в южнославянских, чешских, словацких (особенно в западнословацких) и в юго-западных украинских диалектах. Думается, что эта повторяемость не является случайной. Она подтверждает факт существования южнославянско-чешско-словацкой-карпато-украинской изоглоссной области, о которой неоднократно говорили компаративисты (см., например, Н. Н. Дурново, С. Б. Бернштейн, В. М. Иллич-Свитыч, Г. П. Клепикова, Л. В. Куркина и др.). Континуальность ареалов рассмотренных лексем, большинство из которых имеет индоевропейские соответствия, свидетельствует о том, что они являют собой «осколки» праславянских диалектизмов, имевших некогда более широкое распространение.

II.5. Лексема широко распространена в западнославянских диалектах, но имеет ограниченный ареал в восточно- и южнославянских. Этот ареальный сценарий также не является редкостью, ср. распространение следующих лексем:

žit-o (**žito* < **žiti*) [Фасмер II: 57] к. 60 Sm **žito* т. 4 «Сельское хозяйство»: лексема **žito* в значении 'рожь' широко распространена в западнославянских, украинских и белорусских диалектах, имеет латеральный ареал в западной группе русских говоров, а также в паннонских и прекмурских говорах Словении, кроме того, точечный ареал — в кайкавских хорватских говорах (п. 27); сходный ареал лексемы *žit-o* просматривается и на к. 37 'рожь';

lōk-a (**lōka* < *lēkt'i*) [ЭССЯ 16: 141] к. 81 'луг' т. 4 «Сельское хозяйство»: лексема плотно покрывает территорию всей западной Славии, имеет островные ареалы в украинских, македонских и сербских диалектах;

běd-a (*běditi* < и.-е. **bhejdhō*) [ЭССЯ 2: 54] к. 62 'бедность, нужда' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: лексема имеет обширный ареал в западнославянских диалектах, разреженный — в сербских, а также в говорах Правобережной Украины, островной ареал в хорватских и микроареалы — в западных македонских (пп. 90, 97), белорусских полесских (пп. 364, 384) и среднерусских говорах (п. 714);

měst-o (**měst-o* < и.-е. **meit(h)-*) [ЭССЯ 18: 203] к. 45 'город, крупный населенный пункт' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: лексема плотно покрывает всю территорию западной Славии и Словении, кроме того, она широко распространена в украинских диалектах и имеет островные ареалы — в белорусских. «Значение 'город' развилось под влиянием нем. Ort, Stadt, сочетающих значения 'locus' и 'urbs'» [ЭССЯ 18: 205];

pešt-ь (**peštь* < и.-е. **pnkʰsti-*) [Borys: 434] к. 33 ‘кулак’ т. 9 «Человек»: лексема покрывает всю территорию западной Славии, кроме того, она имеет плотный ареал в словенских диалектах и островные ареалы в хорватских чакавских и в украинских юго-западных говорах; микроареал — в сербских зетско-сенинских говорах (п. 72) и переселенческих призренско-тимокских на территории Румынии (п. 168); о былом распространении этой лексемы в южнославянских диалектах свидетельствует ее дериват *pešt-ьn-ic-a*, широко известный в сербских, западноболгарских и некоторых македонских диалектах, а также дериваты *pešt-uk-ь* и *pešt-ux-ь*, отмеченные в юго-западных украинских говорах. Эта лексема также встречается в памятниках древнерусской письменности XII в. [СРЯ XI–XVII вв. 21: 91], т. е. она имела ранее более обширный ареал;

zvон-ь (**zvонь* < **zvněti* < и.-е. *ǵhvonos*) [Фасмер II: 87; и-е *ǵʰuen-* Borys: 146] к. 47 ‘колокол’ (церковный) т. 10 «Народные обычаи»: лексема имеет обширный ареал в западной Славии, в украинских, белорусских и словенских диалектах, латеральный — в хорватских кайкавских и в южнорусских брянских и смоленских говорах, микроареал — в западноболгарских говорах (пп. 115, 117).

Обращает на себя внимание удивительная пространственная «созвучность» корреспондирующих лексем, имеющих обширные ареалы в западной Славии: как правило, все они имеют широкое распространение также в словенских и хорватских диалектах, а из восточнославянских — в украинских.

Сохранение этих праславянских лексем, большинство из которых имеет индоевропейские соответствия, в диалектах всех трех славянских языковых групп, несмотря на ограниченный характер их ареалов, свидетельствует о том, что эти ареалы могли сформироваться еще в праславянский период, однако в дальнейшем подверглись разрушениям.

II.6. Лексема широко распространена в восточной Славии и имеет ограниченный ареал в западно- и южнославянских диалектах. Этот ареальный сценарий также встречается довольно часто, ср. локализацию лексем:

ščuk-a (**ščuka* < и.-е. **skeu-k-*) [Фасмер IV: 509] к. 37 ‘щука’ т. 1 «Животный мир»: лексема широко распространена в восточнославянских, а также в словацких, словенских, хорватских, сербских и болгарских диалектах; небольшие островные ареалы отмечены в польских говорах Силезии и микроареалы — в кашубских (пп. 243, 245), лужицких (пп. 235, 237) и чешских моравских диалектах (п. 200, 204);

njux-ь (**n'uxь* < **n'uxati*) [ЭССЯ 25: 159] к. 50 ‘чувство обоняния у собаки’ т. 2 «Животноводство»: лексема широко распространена в восточнославянских диалектах, а также в словацких, хорватских, сербских и болгарских; небольшие островные ареалы встречаются в некоторых польских говорах на территории позднего заселения выходцами из восточнославянских земель;

sad-ь (**sadь* < **saditi*) [Фасмер III: 543] к. 1 ‘сад’ т. 4 «Сельское хозяйство»: лексема плотно покрывает территорию восточной Славии, имеет разреженный ареал в польских диалектах, небольшие островные ареалы в восточнословацких и в западных чешских; микроареал — в хорватских чакавских говорах (пп. 23, 24);

log-ъ (**logъ* < и.-е. **leng-*) [ЭССЯ 16: 139] к. 81 'луг, ровное, покрытое травой пространство' т. 4 «Сельское хозяйство»: лексема широко распространена в восточнославянских диалектах и имеет ограниченные ареалы в словенских, хорватских и сербских; кроме того, — микроареал в малопольских говорах (пп. 310, 311);

mold-ъ (**moldъ* < и.-е. **moldvis*) [ЭССЯ 19: 174] к. 9 'мужчина в день свадьбы' т. 10 «Народные обычаи»: лексема имеет обширный ареал в восточнославянских диалектах, разреженный — в польских, островной — в восточнословацких и хорватских и микроареал — в словенских ровтарских говорах;

tbst-ъ (**tes-tb* < и.-е. **tek'*) [Фасмер IV: 51] к. 36 'отец жены' т. 11 «Степени родства»: лексема широко распространена в восточнославянских и польских диалектах, а также имеет островные ареалы в словенских, хорватских, сербских, македонских и болгарских говорах.

Ареалогический анализ этой группы соответствий показал, что восточнославянские изоглоссы находят продолжение чаще всего в польских, чешских, словацких и хорватских диалектах, где они образуют нередко обширные ареалы. Повторяемость в локализации ареалов этих праславянских лексем, а главное — их континуальность являются живым свидетельством диалектальности славянского языкового континуума еще в праславянскую эпоху. Находясь в разных концах Славии, представленные часто в виде изолированных «островков», эти соответствия являют собой «осколки» ареалов, покрывавших некогда более обширные пространства.

П.7. Лексема имеет ограниченный ареал и в восточно-, и в южно-, и в западнославянских диалектах. Этот ареальный сценарий встречается чаще всего, ср. распространение следующих лексем:

boгv-ъ (**boгvъ* < и.-е. *bhro-u*) [ЭССЯ 2: 214] к. 8 'кастрированный самец свиньи' т. 2 «Животноводство»: лексема имеет обширный ареал в русских, в западно- и среднесловацких диалектах, островной ареал — в хорватских (славонских) говорах и микроареалы — в юго-восточных украинских (п. 514, 843) и сербских шумадийско-воеводинских (пп. 54, 55); о былом распространении этой лексемы в чешских и польских диалектах свидетельствует ареал лексемы *boгv-ъk-ъ*, локализующейся в чешских моравских и в польских говорах Силезии;

kur-a (**kura* < **kurъ*) [ЭССЯ 13: 118] к. 17 'курица' т. 2 «Животноводство»: лексема широко распространена в польских и русских диалектах, имеет островные ареалы в белорусских (западнополесских и среднебелорусских), словацких (в средне- и восточнословацких), в чешских (ляшских и моравских) и словенских (штаерских, прекурских, горенских, в говорах Каринтии) диалектах и микроареалы — в лужицких (пп. 234, 237) и украинских (пп. 410, 439);

kvok-a (**kvoka* < **kvokati*) [ЭССЯ 13: 169] к. 18a 'курица, которая высидивает цыплят' т. 2 «Животноводство»: лексема имеет обширный ареал в польских диалектах, островные ареалы — в словацких, в юго-западных украинских, словенских приморских, а также в говорах Каринтии; микроареалы — в русских (новгородских п. 687) и хорватских (чакавских пп. 22, 24) диалектах;

gqs-ъ (**gqsъ* < и.-е. *ghans-*) [ЭССЯ 7: 88] к. 21 'гусь' (о.н.) т. 2 «Животноводство»: лексема имеет обширные ареалы в русских, белорусских, польских и словацких диалектах; островные ареалы — в украинских полесских, в некоторых юго-западных и юго-восточных говорах, в лужицких, в чешских, в словенских приморских, ровтарских, штаерских и в говорах Каринтии;

květ-ъ (**kvěťъ* < и.-е. **kyōito*) [ЭССЯ 13: 162] к. 14 'цветок' т. 3 «Растительный мир»: лексема широко распространена в южнославянских (за исключением болгарских) и польских диалектах; имеет разреженный ареал — в русских и островные ареалы — в западнословацких, в юго-западных украинских и в северо-восточных белорусских;

lěsk-a (**lěska* < **lěsъ*) [ЭССЯ 14: 239] к. 49 'лесной орех' т. 3 «Растительный мир»: лексема имеет обширный ареал в чешских, словацких и лужицких диалектах, разреженный — в словенских (приморских, штаерских, ровтарских, горенских); островной — в малопольских и силезских говорах, в юго-западных украинских, в сербских восточно-герцеговинских и призренско-тимокских; микроареалы — в хорватских (пп. 39, 146а) и в говорах Эгейской Македонии (пп. 111, 113а);

meľ-ъ (**meľъ* < **melko*) [ЭССЯ 18: 76] к. 51 'одуванчик' т. 3 «Растительный мир»: лексема плотно покрывает территорию польских и лужицких диалектов, имеет небольшие островные ареалы в юго-западных украинских, в чешских и ганацких, в западнословацких, в словенских (приморских, горенских, паннонских и прекмурских) говорах и микроареал — в сербских призренско-тимокских (пп. 85, 87);

gqb-a (**gqba* < и.-е. **sg hombhā*) [ЭССЯ 7: 78] к. 54 'съедобный гриб' т. 3 «Растительный мир»: лексема широко распространена в словенских, болгарских и чешских диалектах, имеет островные ареалы в говорах Эгейской Македонии и в юго-восточных говорах, а также в словацких, украинских и русских диалектах; микроареалы — в белорусских (п. 372) и польских (пп. 299, 325) говорах;

tъlst-ъ (< **tъlstъ* < и.-е. **teu(ə)-/*tēu-/*tū-*) [Borys: 636] к. 26 'содержащий много жира' (о мясе) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема широко распространена в польских, чешских и болгарских диалектах; имеет небольшие островные ареалы в западно- и среднесловацких, в юго-западных белорусских, в украинских (полесских) и карпато-украинских говорах; микроареалы — в хорватских чакавских (пп. 24, 44), в словенских приморских и ровтарских говорах (пп. 4, 6);

koryt-o (**koryto* < **ryti*) [ЭССЯ 11: 121] к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет обширный ареал в русских и словацких диалектах; разреженный — в украинских и белорусских; кроме того, она имеет небольшие островные ареалы в чешских и пограничных с ними польских диалектах, а также в некоторых словенских и хорватских говорах;

grob-ъ (**grobъ* < **grebti* < *и.-е. **ghrebh-*) [ЭССЯ 7: 133] к. 44 'гроб, в котором хоронят покойника' т. 10 «Народные обычаи»: лексема широко распространена в русских диалектах, имеет разреженный ареал в украинских, островные ареалы

в белорусских и словенских диалектах и микроареал — в болгарских юго-восточных (п. 139) и польских мазовецких говорах (пп. 265, 266);

mati (**mati* < и.-е. **māter*) [Фасмер II: 583] к. 6 ‘мать’ т. 11 «Степени родства»: лексема имеет обширный ареал в украинских, белорусских, словенских диалектах и островные ареалы в севернорусских (архангельских и вологодских), в западночешских и словацких, в хорватских и сербских говорах; ограниченный ареал в восточнословацких, лужицких, польских, хорватских (чакавских) говорах имеет и лексема *matъ*, которая широко распространена лишь в русских диалектах (см. к.-схему 8).

Ареалогический анализ этой группы соответствий показал, что они **локализуются чаще всего в украинских, польских, словацких и словенских диалектах**, где имеют довольно обширные ареалы.

Повторяемость в локализации ареалов лексем, представленных в диалектах всех трех славянских языковых групп, а главное — их континуальность свидетельствуют о том, что эти ареалы сформировались еще в праславянский период. Картографирование лексем, имеющих общеславянский характер распространения, показало, что они локализуются в пространстве terra Slavia неравномерно, поэтому на карте образуются ареалы, в которых их концентрация достигает максимума. Если попытаться обобщить приведенные факты, то нельзя не заметить, что самая высокая степень сохранности праславянских лексем, имеющих непроездовые основы и индоевропейские соответствия, наблюдается в южнославянских диалектах (особенно в словенских и хорватских), за ними следуют западнославянские (и прежде всего польские и словацкие) диалекты и далее — восточнославянские (причем преимущественно украинские).

Лингвогеографический анализ изоглосс свидетельствует и о разных языковых «предпочтениях» славянских диалектов. Обращает на себя внимание удивительная корреляция межславянских диалектных связей с выявленными ареалами праславянской архаики, поскольку все славянские языки обнаруживают сильные связи с украинскими диалектами. В остальном ареальная картина варьируется.

Русские диалекты имеют сильные связи с польскими и словацкими диалектами, а из южнославянских — со словенскими и хорватскими; **украинские** диалекты — с польскими, словенскими и хорватскими; **белорусские** — с польскими и хорватскими. Причем западнославянское направление изоглосс является преобладающим.

Для **польских** диалектов характерными являются украинские, а из южнославянских — хорватские изоглоссы. **Чешские** диалекты тяготеют больше всего к украинским и словенским диалектам; **словацкие** и **лужицкие** — к украинским и хорватским, при этом восточнославянское направление изоглосс является доминирующим.

Южнославянские диалекты также демонстрируют более сильные связи с восточнославянскими. При этом **словенские** изоглоссы находят, как правило, продолжение в украинских, польских и чешских диалектах; **хорватские** — в украинских и польских; **сербские** — в украинских, польских и словацких;

македонские — в украинских и словацких; **болгарские** — в украинских, польских, чешских и словацких.

Все это не может не свидетельствовать о надежности полученных фактографических данных для решения проблемы образования праславянского языка и его древнейшего диалектного членения⁵.

Вместе с тем хотелось бы отметить, что при характеристике межславянских связей (особенно, когда репертуар диагностических признаков расширяется, и во внимание принимаются не только непроизводные основы, но и лексемы с прозрачной внутренней формой и словообразовательной структурой) необходимо принимать во внимание фактор их постепенного изменения во времени и в пространстве и допускать для разных эпох не только расширение или сужение их ареалов, но и изменение их локализации и конфигурации. А это значит, что степень родства даже между близкородственными языками является величиной переменной, способной менять свое значение в разные хронологические периоды. И лишь строгое соотнесение данных лингвистики с данными ареалогии позволит ответить на вопросы, которые неизменно волнуют исследователей — Что? Когда? Куда? Откуда?

В заключение хотелось бы привести рекартографированные карты «Ель» и «Пихта» (см. карты-схемы 9–10), в связи с тем, что представленные на них лексемы //edl-ь, //edl-a, smerk-a к. 20 ‘ель’ и к. 23 ‘пихта’ т. 3 «Растительный мир» не раз были предметом внимания ученых, однако их истинный ареал выявился только после публикации третьего тома «Общеславянского лингвистического атласа», «Растительный мир», ср. в связи с этим рассуждения О. Н. Трубачева: «Непреодолимую ценность и плодотворность отдельных наблюдений П. Нича для последующих исследований подтверждает недавно вышедшая книга польского этнографа и лингвиста К. Мошинского «Первоначальная территория праславянского языка». Выдвигая в этой работе новую оригинальную гипотезу о первоначальном распространении праславянского языка в бассейне Среднего Днепра, откуда он лишь впоследствии распространился к западу, в бассейны Вислы и Одры, К. Мошинский называет в числе важнейших аргументов результаты исследования П. Нича о названиях пихты и ели в польском языке. В этом исследовании 1931 г. Нич анализирует изменение значения праслав. *jedla, jedľ* ‘ель’ > польск. *jodla* ‘пихта’ при новом названии ели — *świerk, smrek*. К. Мошинский находит, что эти изменения и семантические перемещения могут быть объяснены лишь в том случае, если принять гипотезу о постепенном продвижении носителей праславянского языка из Поднепровья на запад. Обитая на этой первоначальной территории, носители праславянского языка не знали дерева пихты, и *jedla* означало известную им ель;

⁵ Полученные результаты, как представляется, помогут разрешить вопрос о хронологической глубине лексического единства словенских, кайкавских и чакавских диалектов, вопрос, который, как известно, имеет разное решение, поскольку одни ученые (А. Белич, Т. Лер-Сплавинский, Ф. Копечны) относят формирование этого единства к праславянской эпохе, тогда как другие (М. Ван-Вейк, Ф. Рамовш, Р. Коларич) — к новому времени, к эпохе миграций южных славян и освоения новой родины.

позднее, в период экспансии в более западные районы, праславяне, познакомившись с пихтой, переносят на нее основное название ели, в то время как ель получает новое название на освоенных территориях, откуда, например, польск. *smrek*». Указывая на то, что эта точка зрения К. Мошинского расходится с точкой зрения польских ученых, он обращается к ним с призывом объяснить эти факты лингвогеографии [Трубачев 2004: 218].

Мы рассмотрели лишь одну небольшую группу ареалов лексем, имеющих непроизводную основу, индоевропейские соответствия и локализующихся в диалектах трех славянских языковых групп.

Однако в материалах Атласа представлены и лексемы, которые также имеют индоевропейские корни и непроизводную основу, но локализируются в двух и даже в одной славянской языковой группе. Каталогизация ареалов этих лексем может быть предметом отдельной статьи.

Думается, что изучение проблемы дифференциации славянских языков по материалам Атласа обещает выявить новые интересные данные в системе взаимоотношений славянских диалектов и их распределения на карте праславянского, поскольку ключ к решению данной проблемы дает лингвогеография с ее методом картографирования и рекартографирования, методом изоглосс и их ретроспективного анализа, позволяющего установить наиболее значимые межславянские языковые связи. Не случайно лингвогеографический метод исследования прочно вошел в арсенал этимологических разысканий, когда решение о диалектных отношениях праславянской эпохи во многом опирается на территориальное распределение этимологических связей и соответствий. Не могу в связи с этим не привести слова Л. В. Куркиной о том, что «путь к воссозданию диалектной карты праславянского языка лежит через исследование методом изоглосс древнейшего словарного состава отдельных славянских языков и диалектных групп» [Куркина 1992: 9].

Изучение ареальных связей славянских языков как неотъемлемой части более общей проблемы — проблемы славянского этногенеза сопряжено с такой объективной трудностью, как **отсутствие надежной фактографической лингвогеографической базы**. Между тем «науку двигают вперед... не общие теории, а факты, накопление фактов. Мы стремимся сосредоточиться на изучении последних, не оставляя, впрочем, надежды, что совокупное или достаточно однозначное свидетельство фактов найдет отражение и в формулировке общих идей и теорий, без которых также невозможен научный прогресс» [Трубачев 2003: 453]. В этой связи бесценным источником новых фактов и новых возможностей является «Общеславянский лингвистический атлас», позволяющий локализовать межъязыковые связи и оценить их с ареальной точки зрения. Исследование славянского диалектного континуума с учетом всех микрозон его лингвистического пространства позволяет создать принципиально новую фактографическую базу для решения проблемы реконструкции праславянского языка в его общих и диалектных чертах.

Думается, что каталогизация подобных ареальных сценариев карт «Общеславянского лингвистического атласа» позволит в будущем не только провести

стратификацию картографируемых лексем с целью определения праславянского лексического фонда, но и подойти к решению главной проблемы славистики — древнего диалектного членения славянского языкового пространства и локализации прародины славян. Вот почему «инвентаризация лексических изоглосс, в разных направлениях связывающих славянские диалекты, остается одной из насущных задач славистики» [Куркина 2021: 659].

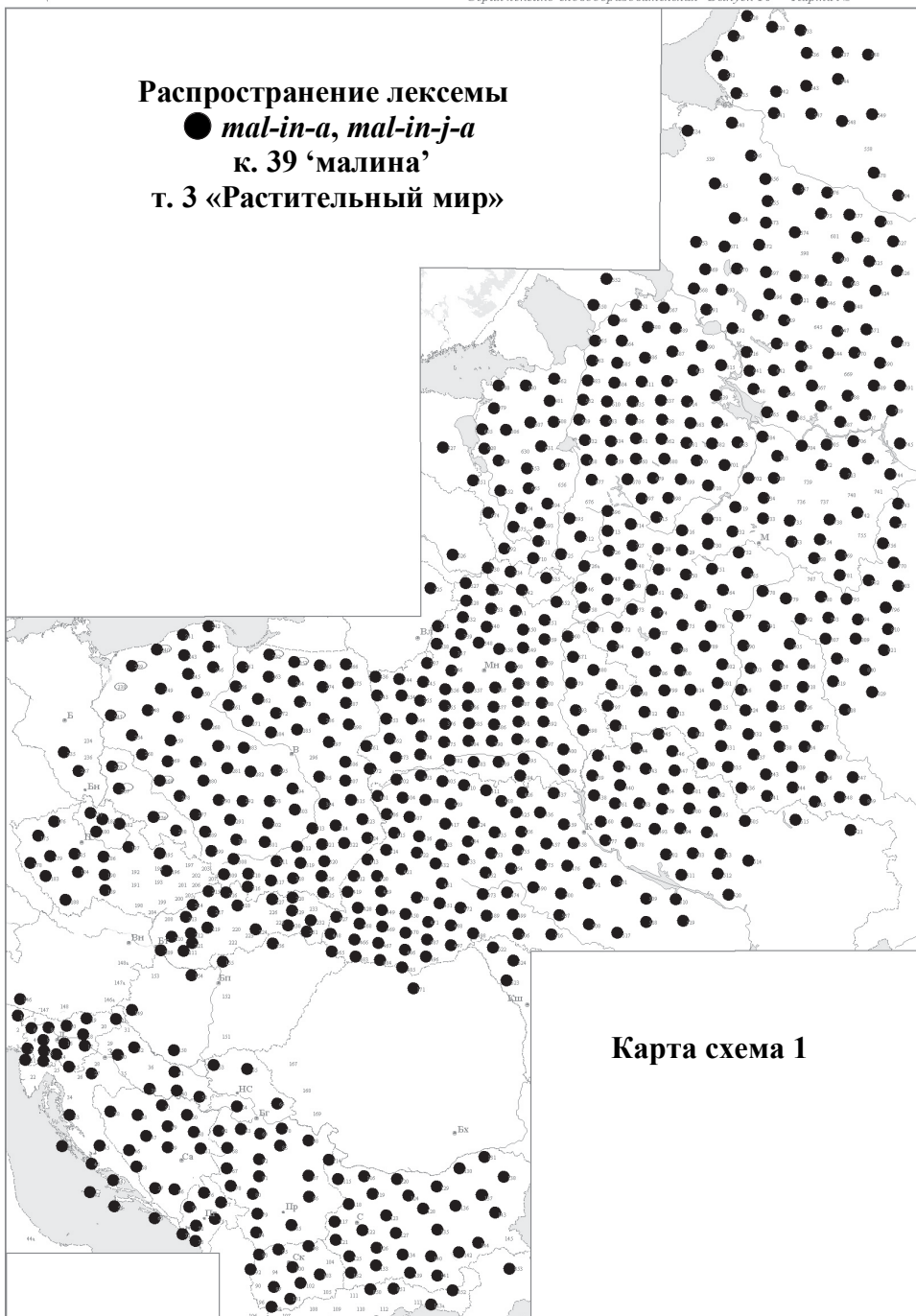
Следует, однако, сказать, что увидеть и оценить ареалы тех или иных лексем оказалось значительно проще, чем интерпретировать эти ареалы. Эта задача сопряжена с кропотливым трудом, связанным с рекартографированием материала, представленного на карте, поскольку перед исследователем стоит задача выявить не всегда четкие, порой слабо выраженные контуры изоглосс, проступающих сквозь толщу истории, проверить их по этимологическим и историческим словарям, продумать методологию их интерпретации, методологию, которая, к сожалению, пока еще отсутствует.

При этом чрезвычайно важным является не просто каталогизация фактов, а установление объективных связей и отношений между ними. Иначе говоря, ценность фактов не в их количестве, а в их организации и взаимосвязи. Благодаря этим связям и отношениям становится возможным переход от одного факта к другому, объяснение одного факта на основе других. А это значит, что становится возможным не только реконструкция тех или иных языковых явлений, но и прогнозирование тенденций их развития. Только так мы сможем выявить закономерности, существующие в этом море фактов, и подойти к их объяснению. Эта задача продиктована современным уровнем развития славянской лингвистической географии, когда все очевиднее становится необходимость перехода от эмпирических наблюдений над диалектным материалом, т. е. от простой констатации соответствий отдельных элементов и структур к типологической интерпретации этих явлений. Понятно, что для такого рода исследований необходим большой полевой материал, и этот материал дает «Общеславянский лингвистический атлас».

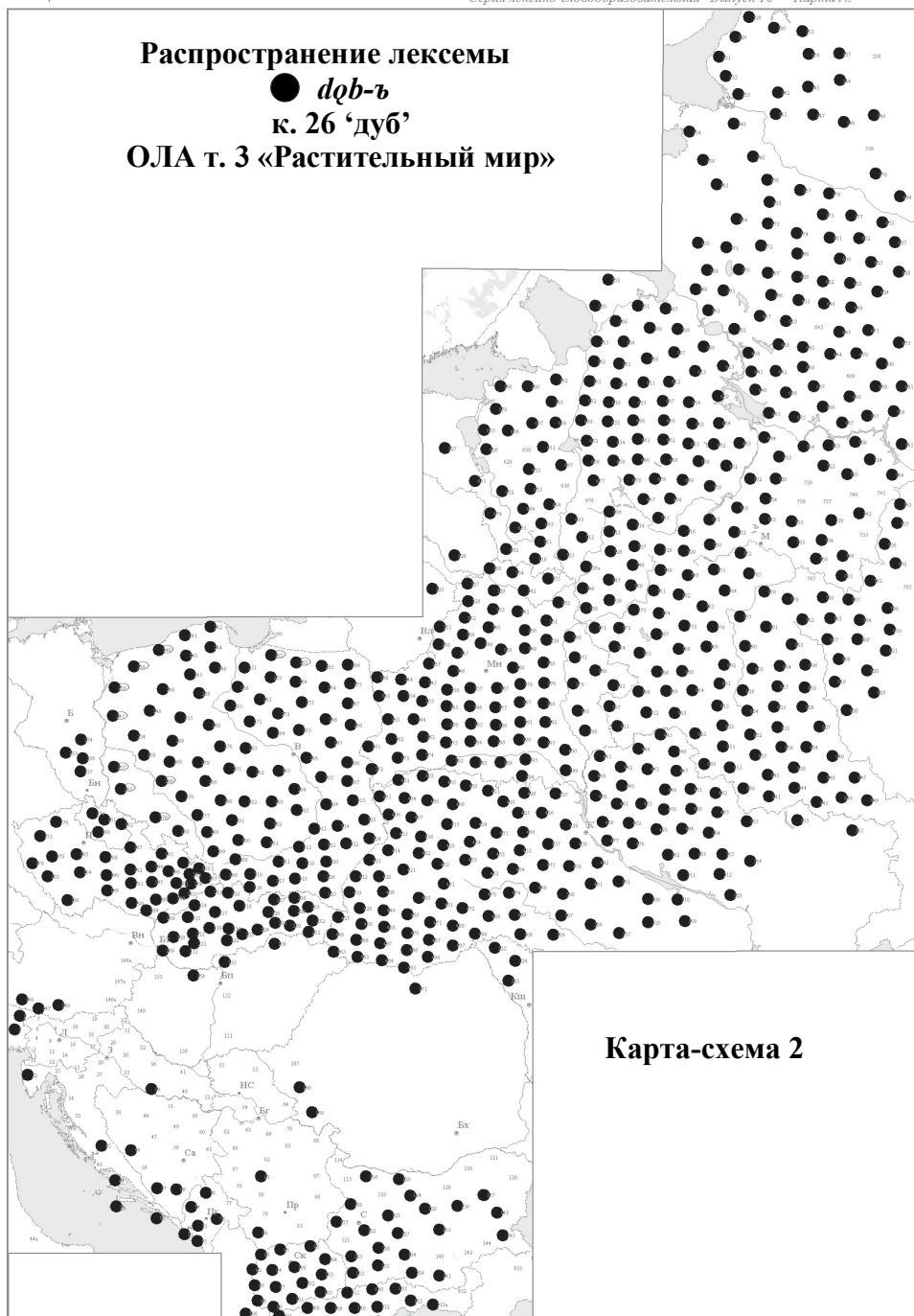
Думается, что с выходом новых томов Атласа будет постепенно расширяться исследовательская и фактографическая база, что создаст надежную основу для разработки методов генетической и ареально-типологической интерпретации межславянских диалектных связей.

Закончить статью хотелось бы словами М. А. Бородиной, написанными ею более пятидесяти лет назад, но не утратившими свою актуальность и в наше время: «Сегодня, когда развитие лингвистической географии достигло столь большого размаха, совершенно очевидно, что этот этап в развитии языкознания — один из поворотных этапов, которому принадлежит большое будущее» [Бородина 1966: 11].

Распространение лексемы
● *mal-in-a, mal-in-j-a*
к. 39 'малина'
т. 3 «Растительный мир»

Карта схема 1

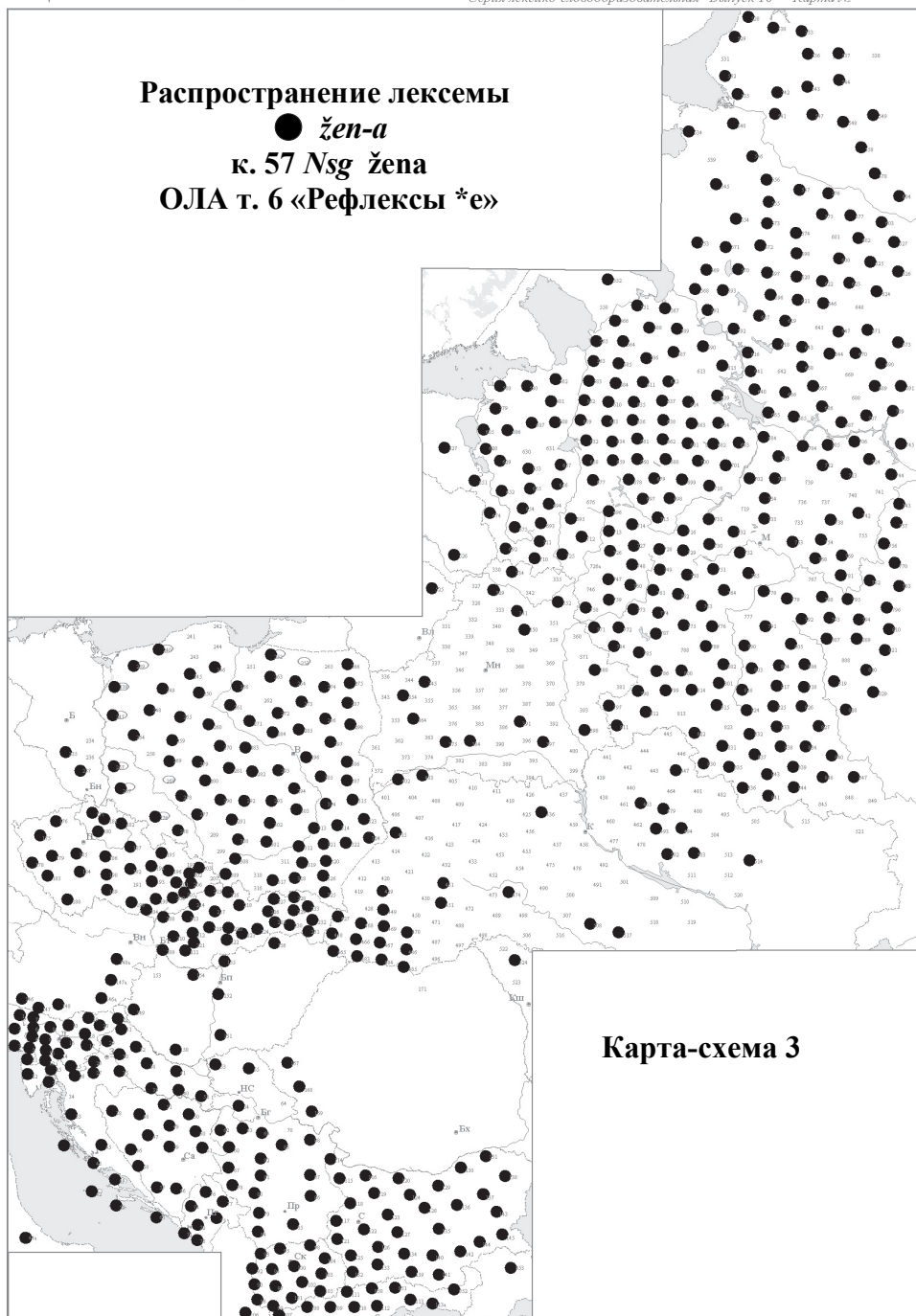

Распространение лексемы

● *žen-a*

к. 57 *Nsg žena*

ОЛА т. 6 «Рефлексы *e»

Распространение лексемы

● **туѣ-ь**

к. 14 'мышь'

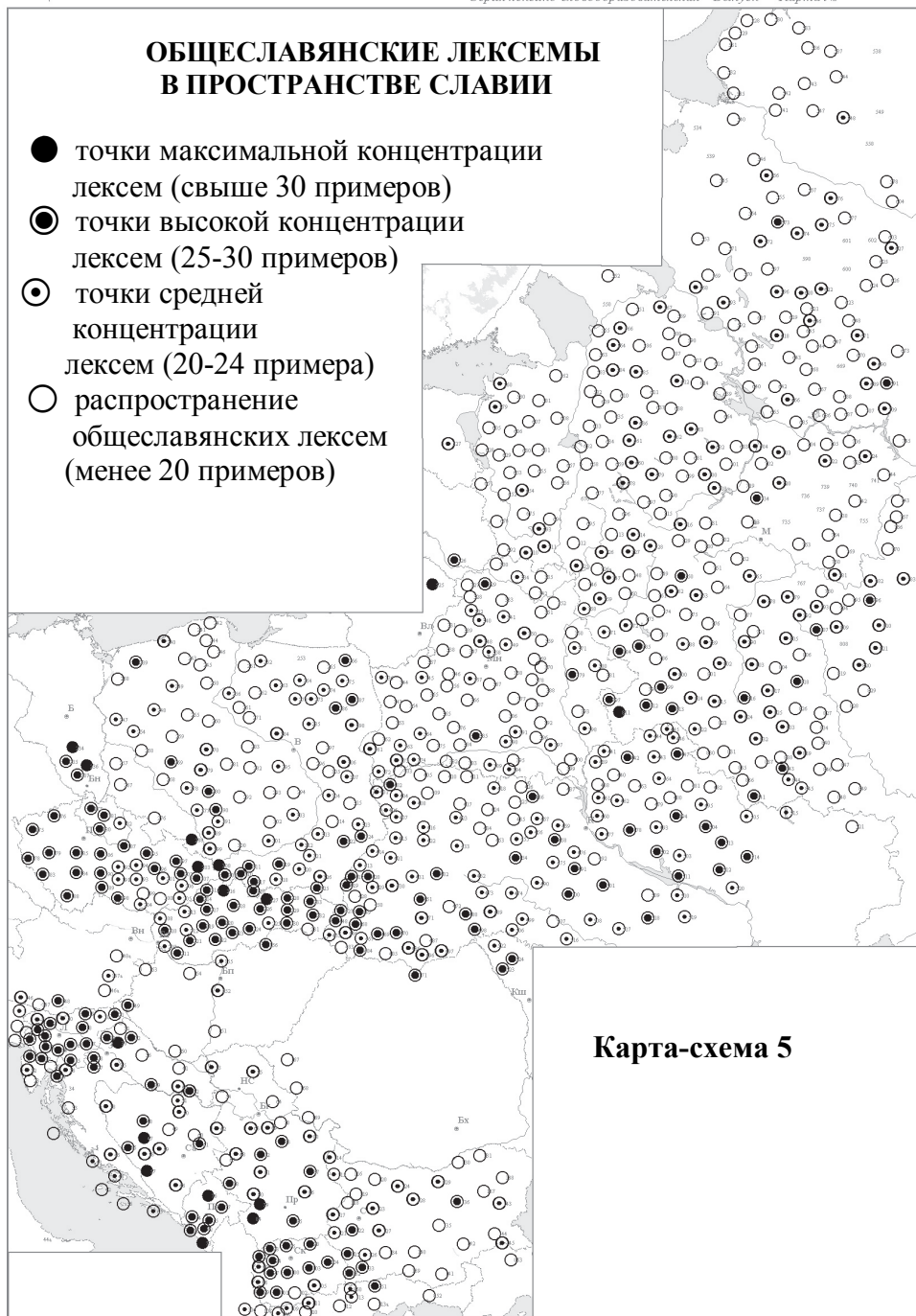
ОЛА т. 1 «Животный мир»

Карта-схема 4

ОБЩЕСЛАВЯНСКИЕ ЛЕКСЕМЫ В ПРОСТРАНСТВЕ СЛАВИИ

- точки максимальной концентрации лексем (свыше 30 примеров)
- ◎ точки высокой концентрации лексем (25-30 примеров)
- ⊙ точки средней концентрации лексем (20-24 примера)
- распространение общеславянских лексем (менее 20 примеров)

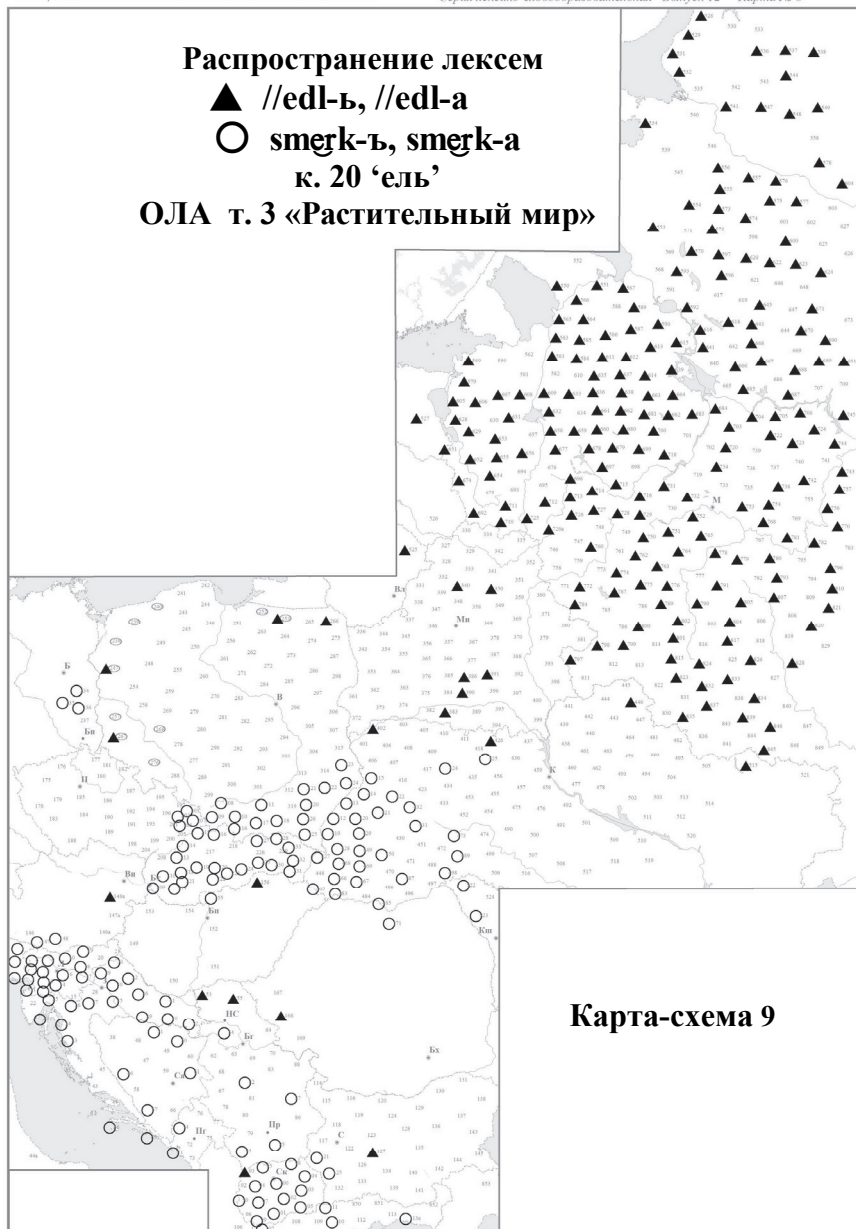

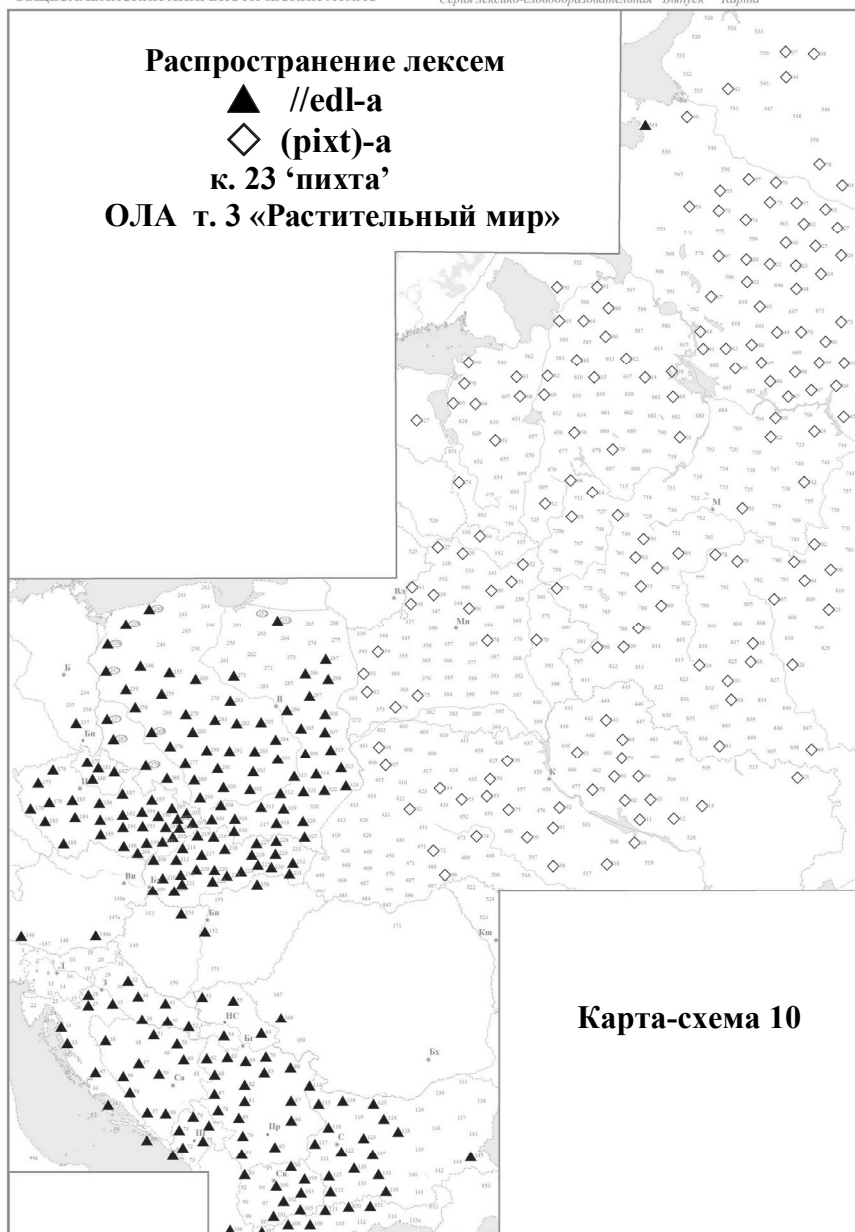
Карта-схема 5

Литература

- Бернштейн С. Б.* Размышления о славянской диалектологии // Славянское и балканское языкознание. Проблемы диалектологии. Категория посессивности. М., 1986.
- Бородина М. А.* Проблемы лингвистической географии. М., 1966.
- Бородина М. А.* Развитие ареальных исследований и основные типы ареалов // Взаимодействие лингвистических ареалов. Л., 1980.
- Варбот Ж. Ж.* О словообразовательном анализе в этимологических исследованиях // Варбот Ж. Ж. Исследования по русской и славянской этимологии. М.-СПб., 2012.
- Гриценко П. Е.* Об интерпретации лингвистических карт // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. М., 2004.
- Гриценко П. Ю., Стоянов І. А.* Українсько-інослов'янські лексико-семантичні міжзональні паралелі // Слов'янське мовознавство. Х Міжнародний з'їзд славістів: Зб. доповідей. Київ, 1988.
- Дзедзелевский И. А.* Некоторые вопросы интерпретации лингвистических карт // Вопросы языкознания. 1963. № 4.
- Жирмунский В. М.* О некоторых проблемах лингвистической географии // Вопросы языкознания. 1954. № 4.
- Климов Г. А.* Основы лингвистической компаративистики. М., 1990.
- Куркина Л. В.* Диалектная структура праславянского языка по данным южнославянской лексики. Ljubljana, 1992.
- Куркина Л. В.* К проблеме интерпретации лексических изоглосс // *Praslovenska dialektizacija v luči etimoloških raziskav*. Ljubljana 2012.
- Куркина Л. В.* Славянское слово во времени и пространстве. М., 2021.
- Макаев Э. А.* Проблемы и методы сравнительно-исторического языкознания // Вопросы языкознания. 1965. № 4.
- Мартынов В. В.* Язык в пространстве и времени. М., 1983.
- Принципы 1976 — Принципы описания языков мира. М., 1976.
- Степанов Ю. С.* Методы и принципы современной лингвистики. М., 1975.
- Толстой Н. И.* Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии // Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1968.
- Трубачёв О. Н.* Лингвистическая география и этимологические исследования // Вопросы языкознания. 1959. № 1.
- Трубачев О. Н.* Труды по этимологии. Слово. История. Культура. М. 2004.
- Трубачев О. Н.* Из истории и лингвистической географии восточнославянского освоения // Материалы и исследования по русской диалектологии. М., 2002.
- Трубачев О. Н.* Опыт ЭССЯ: к 30-летию с начала публикации (1974–2003) // XIII Международный съезд славистов в Любляне. Доклад пленарного заседания. М., 2003.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1964–1973. Т. I–IV.
- ЭССЯ 1998 — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1974–. Т.1–.

T. I. Vendina

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

(Russia, Moscow)

vendit@rambler.ru

ON THE QUESTION OF THE CHRONOLOGICAL STRATIFICATION OF “SLAVIC LINGUISTIC ATLAS” MATERIAL

The article deals with the problem of chronological interpretation of the material represented on the “Common Slavic Linguistic Atlas” maps. The author thinks that the isoglosses of the Slavic lexical cognates are projected into different times. To resolve the problem of the material chronological interpretation we should use a complex approach applying linguistic and spatial criteria. In the author’s opinion, linguistic geography gives the key to the problem with its methods of mapping and remapping and the method of isoglosses and their retrospective analysis.

Keywords: linguistic geography, dialect, mapping, Common Slavic Linguistic Atlas.

References

Bernshtein S. B. *Razmyshleniya o slavyanskoi dialektologii* [Thoughts on Slavic Dialectology] // *Slavyanskoe i balkanskoe yazykoznanie. Problemy dialektologii. Kategoriya possessivnosti* [Slavic and Balkanic Linguistics. Issues in Dialectology. The Possessivity Category]. Moscow, 1986.

Borodina M. A. *Problemy lingvisticheskoi geografii* [Issues in Linguistic Geography]. Moscow, 1966.

Borodina M. A. *Razvitie areal'nykh issledovaniy i osnovnye tipy arealov* [Development of Areal Studies and Main Types of Areas] // *Vzaimodeystvie lingvisticheskikh arealov* [Interactions Between Linguistic Areas]. Leningrad, 1980.

Gritsenko P. E. *Ob interpretatsii lingvisticheskikh kart* [On Interpreting Linguistic Maps] // *Oshcheshlavyanskii lingvisticheskii atlas. Materialy i issledovaniya* [Common Slavic Linguistic Atlas. Materials and Research]. Moscow, 2004.

Gritsenko P. Yu., Stoyanov I. A. *Ukrains'ko-inoslov'yans'ki leksiko-semantichni mizhazonal'ni paraleli* [Ukrainian — Other Slavic Lexical-Semantic Interzone Parallels] // *Slov'yans'ke movoznavstvo* [Slavic Linguistics]. 10th International Congress of Slavists: Proceedings. Kiïv, 1988.

Dzendzelevskii I. A. *Nekotorye voprosy interpretatsii lingvisticheskikh kart* [Some Issues in Interpreting of Linguistic Maps] // *Voprosy yazykoznavniya* [Issues in Linguistics]. 1963. №4.

ESSJa 1998 — *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskii leksicheskii fond* [Etymological Dictionary of the Slavic Languages]. Moscow, 1974—. Vol. 1—41—.

Klimov G. A. *Osnovy lingvisticheskoi komparativistiki* [Basics of Comparative Studies in Linguistics]. Moscow, 1990.

Kurkina L. V. *Dialektnaya struktura praslavyanskogo yazyka po dannym yuzhno-slavyanskoi leksiki* [Dialectal Structure of Proto-Slavic as Reflected in South Slavic Vocabulary Data]. Ljubljana, 1992.

Kurkina L. V. *K probleme interpretatsii leksicheskikh izogloss* [To The Issue of Interpreting Lexical Isoglosses] // *Praslavianska dialektizacija v luči etimoloških raziskav* [Proto-Slavic Dialectal Diversity in the Light of Etymological Research]. Ljubljana 2012.

Kurkina L. V. *Slavyanskoe slovo vo vremeni i prostranstve* [Slavic Word in Time and Space]. Moscow, 2021.

Makaev E. A. *Problemy i metody sravnitel'no-istoricheskogo yazykoznanija* [Problems and Methods of Historical-Comparative Linguistics] // *Voprosy yazykoznanija* [Issues in Linguistics]. 1965. №4.

Martynov V. V. *Yazyk v prostranstve i vremeni* [Language in Time and Space]. Moscow, 1983.

Printsipy 1976 — *Printsipy opisaniya yazykov mira* [Principles of Describing Languages of the World]. Moscow, 1976.

Stepanov Yu.S. *Metody i printsipy sovremennoi lingvistiki* [Methods and Principles of Contemporary Linguistics]. Moscow, 1975.

Tolstoy N. I. *Nekotorye problemy sravnitel'noi slavyanskoi semasiologii* [Some Issues in Comparative Slavic Semasiology] // *Slavyanskoe yazykoznanie* [Slavic Linguistics]. 6th International Congress of Slavists. Talks Delivered by The Soviet Delegation. Moscow, 1968.

Trubachev O. N. *Lingvisticheskaya geografiya i etimologicheskie issledovaniya* [Linguistic Geography and Etymological Research] // *Voprosy yazykoznanija* [Issues in Linguistics]. 1959. №1.

Trubachev O. N. *Trudy po etimologii. Slovo. Istoriya. Kul'tura*. [Works in Etymology. Word. History. Culture]. Moscow, 2004.

Trubachev O. N. *Iz istorii i lingvisticheskoi geografii vostochnoslavyanskogo osvoeniya* [From the History and Linguistic Geography of East Slavic Expansion] // *Materialy i issledovaniya po russkoi dialektologii* [Materials and Research in Russian Dialectology]. Moscow, 2002.

Trubachev O. N. *Opyt ESSJa: k 30-letiyu s nachala publikatsii* [The Experience of ESSJa: 30th anniversary of the first publication] (1974–2003) // 13th International Congress of Slavists in Ljubljana. Plenary talk. Moscow, 2003.

Vasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Moscow, 1964–1973. Vol. 1–4.

Zhirumskii V. M. *O nekotorykh problemakh lingvisticheskoi geografii* [On Some Issues in Linguistic Geography] // *Voprosy yazykoznanija* [Issues in Linguistics]. 1954. №4.

Varbot Zh. Zh. *O slovoobrazovatel'nom analize v etimologicheskikh issledovaniyakh* [On Word-Formational Analysis in Etymological Studies] // Varbot Zh. Zh. *Issledovaniya po russkoi i slavyanskoi etimologii* [Studies in Russian and Slavic Etymology]. Moscow; Saint Petersburg, 2012.

И. А. Горбушина
(Россия, Москва)
Институт русского языка им. В. В. Виноградова
irgor84@yandex.ru

ПРОБЛЕМА МОРФОДЕЛЕНИЯ ЛЕКСЕМ В ЭТИМОЛОГИИ*

Статья посвящена проблеме связи словообразования и этимологии. В качестве иллюстрации проанализировано четыре слова, имеющие различные этимологии, в зависимости от их предполагаемой словообразовательной структуры: *невеста*, *опока*, *мотрошить* и *сивуха*. Приведены и рассмотрены заслуживающие наибольшего внимания этимологии каждого из этих слов и сделаны выводы, которые из данных этимологий являются наиболее убедительными с точки зрения словообразования.

Ключевые слова: этимология, словообразование, морфемное членение, словообразовательная структура слова, спорные этимологии.

Проблема морфоделения в этимологии является тривиальной, однако она остается проблемой, так как существуют аргументы в пользу различных решений. Это можно видеть на примере ЭССЯ, в том числе в статьях, написанных самим О. Н. Трубачевым.

В современной этимологии считается, что этимологический анализ лексемы должен опираться в первую очередь на её формальный компонент.

«Цель этимологического исследования в современном языкознании определяется как решение проблемы происхождения слова, причём внимание исследователя концентрируется не столько на поисках этимона (т. е. сочетания первичной формы с первичным значением), сколько на определении модели образования слова в его фонетической форме, составе морфем и значении на базе соответствующей языковой системы» [Варбот 1984: 194–212].

Определение исходной словообразовательной структуры слова должно опираться, разумеется, на представления об истории словообразовательной системы

* Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ в рамках проекта № 19-012-00059 «Лексика славянских языков как наследие и развитие праславянского лексического фонда: словообразовательный, семантический и этимологический аспекты анализа в лексикографическом представлении».

языка. В этом заключается принципиальное отличие этимологического анализа от словообразовательного анализа слова на современном уровне, так называемого синхронного словообразовательного анализа.

Среди отечественных лингвистов в XX веке велись серьёзные дискуссии по поводу границ синхронного словообразования. Начиная с работ Г. О. Винокура, словообразование изучалось преимущественно в синхронном аспекте: так, Винокур считал слово *басня* непроемным, хотя этимологически оно восходит к глаголу *баять*, а *охота* и *смерть* в русском языке — уже не соотносящимися со словами *хотеть* и *-мереть*.

Требование разграничения синхронного и диахронического словообразования иногда формулируется как отрицание собственно синхронного словообразования: «...словообразование в своей сущности исторично и поэтому принадлежит к той же области, что и этимология» [Трубачев 154].

В. А. Никонов в статье «Поиски системы» утверждает, что поскольку слово — член языковой системы, то и изучать его надо с точки зрения структуры словообразовательных рядов в их историческом развитии, то есть диахронически: «...этимология слова чаще всего обязана именно формальным изменениям, которые несут не меньше информации, чем основа» [Никонов 224–225].

Поскольку соединение морфем в слово определяется мотивацией, то гипотеза о морфемном составе необходимо соотносится с семантикой слова и представлением о ее возможных исторических изменениях. Таким образом, словообразовательный анализ получает функции корректора, подтверждающего или отвергающего, в соответствии с вероятностью словообразовательной модели, предполагаемую семантикой связь.

История этимологизации многих слов свидетельствует о достижении убедительных толкований только при учете истории словообразования.

Прямая связь этимологии и словообразования обнаруживается существованием множественности этимологических толкований для русских и славянских лексем, определяемой возможностью вариантного морфемного членения в соотношении с различными мотивационными моделями.

Примером этого могут служить слова, относительно этимологии которых до сих пор ведутся споры: *невеста*, *опока*, *мотрошить* и *сивуха*.

Невеста. Существует несколько этимологий данного слова. Остановимся на двух, более других признаваемых обоснованными.

1) Этимология Ф. Миклошича: *невѣста* < **ne-uoid-ta* ‘неизвестная’ (и.-е. корень **uoid-* ‘знать’). Слабая сторона данной версии заключается в том, что слав. **veděti* ‘знать’ традиционно относилось к вещам. С другой стороны (по углубленной версии О. Н. Трубачева), в и.-е. языках нередко наблюдается сближение «женского» и «вещного» рода; или же применение «вещного» глагола **veděti* по отношению к новобрачной является следствием табуирования: девушку, похищенную из чужого племени, могли называть «неизвестной» независимо от того, знали ли ее в действительности родные жениха, «причина чего коренится в страхе перед

демонами, накладывавшем отпечаток на обряды сватовства и свадьбы» [ЭССЯ 25: 72]: уходя из родной семьи, рода, девушка теряла покровительство духов этого рода, но покровительство духов семьи мужа получала только после свадьбы. Безопаснее для нее было считаться временно неизвестной.

2) Этимология, упоминаемая уже Миклошичем, но разработанная Прусиком: праслав. **nevo-ved-ta*, как 'нововведенная (в род, в семью)'. Данная версия подтверждается многочисленными словообразовательными и семантическими параллелями в других индоевропейских языках: лит. *vedù, vèsti* 'жениться' (букв. 'вести (невесту в дом)'), *naujavedỹs* 'новобрачный', *nauveda* 'новобрачная', лтш. *vedu, vest* 'жениться', др.-инд. *vadhũh*, авест. *vadũ* 'невеста, молодая жена', др.-греч. ἔδνον 'брачные дары, приданое', англ. *wed* 'выдавать замуж, женить' и др. Слабость этой версии заключается в отсутствии объяснения долготы в корне *ved-*.

Опока. Слово *опока* 'скала, камень; вид известняка; иней; рама для литейной формы' также имеет несколько этимологий:

1) Этимология Ф. Миклошича: слово реконструируется как **o(b)-pok-a* и выводится из глагола **pekti*, то есть в основу наименования положено понятие 'каменный очаг'.

2) Этимология В. Махека: **o(b)-pok-a / *o(b)-pøk-a / o(b)-puk-a < *pokati / *pøkati / *pukati* 'трескаться'. В основу положено свойство известняка легко трескаться в результате выветривания.

3) Этимология Ж. Ж. Варбот: **(v)op-oka*, производное от и.-е. **ap-* 'вода' (ср. слав. **(v)арьно* 'известь'), то есть 'известняк у воды'. Это подтверждается кашуб. *opoka* 'болото, торфяник, преимущественно у моря' и ст.-слав. **вапа** 'озеро, болото'. «Известняк же (как и мергель, и опока) является одной из осадочных горных пород, образование которых тесно связано с разрушением более ранних пород в результате деятельности ветра и воды. Поэтому осадочные породы обычно обнаруживаются на склонах возвышенностей, в долинах рек, в бассейнах морей и озер. Представляется достаточно вероятным, что в названии подобной породы был использован корень с первичным значением 'вода'». [Варбот 2011: 325]. То есть здесь можно наблюдать метонимический перенос значения: 'болото (вода)' > 'известняк у воды'.

Л. В. Куркина, соглашаясь с этимологией Ф. Миклошича (**o(b)-pok-a < *pekti*), толкует ее несколько иначе, исходя из значения 'иней': «Для понимания внутренней формы этого слова особенно важно следующее описание: «*Опока* садится на деревья, когда отпустит, после сильных морозов: сырость воздуха мерзнет на промерзлом дереве, накапливает, *опекает* его; вязкая глина, *опока*, пристаёт к сошнику и заступу, липнет или *опекает*. *Опочник* — *опо́ковый, опочный* камень, мергель, торф» [Даль II: 681]. Следовательно, *опока* — это не только камень, известняк, но и вязкая глина, иней, мягкое, рыхлое вещество — все то, что оседает, образует покрытие, внешний слой, отложение. При определенных атмосферных условиях, особенно при резком перепаде температуры, вода, содержащаяся в разных веществах, а также в воздухе, застывает, и в результате образуются наросты на поверхности, затвердевшее покрытие» [Куркина 82]. Однако это толкование может подтверждать и версию Ж. Ж. Варбот: иней — тоже вода.

Наконец, нельзя игнорировать многочисленные топонимы и гидронимы, явно родственные слову *опока*: словен. *Orešnik*, с.-хорв. *Opeka*, чеш. *Orošen*, словен. *Oroka*, *Voroaka*; *Anaka*, *Anaža* (Верх. Поднепровье). С одной стороны, они подтверждают связь с водой, с другой — чередование *o/e* заставляет вспомнить о глаголе **pekti*.

Возможно, что очевидная ассоциация с **pekti* является следствием преобразования слова по модели народной этимологии в глубокой праславянской древности.

Мотрошйтъ. Этот глагол имеет довольно широкий спектр значений: др.-рус. *мотрошйтъ* ‘суетиться’, рус. диал. *мотрошйтъ* ‘идти мелкими каплями, моросить (о дожде)’, ‘суетиться’, ‘заниматься чем-либо ради средств к жизни, перебиваться’, ‘плохо, неумело торговать’, воровать, ‘лечить заговором, колдовать’, ‘теребить лён’, ‘перепадать (о снеге)’, ‘часто меняться, перемежаться (о погоде)’, ‘быстро бежать’, ‘тягаться, судиться’, а также (в форме *мотрошйтъ*) ‘знобить, трясти’ и ‘катая, сбивать из шерсти голенище валенка’. В других восточнославянских языках этот глагол имеет меньше значений: укр. *мотрошити* ‘порошить’, ‘идти, падать (о снеге)’, блр. диал. *матрашыць* ‘моросить, сеять, как через сито (о дожде)’, ‘знобить, трясти’ [ЭССЯ 20: 67–68]. В других славянских языках этот глагол не зафиксирован: по-видимому, он является восточнославянским диалектизмом.

Все приведенные значения можно объединить семой ‘торопливое, мелкое, беспорядочное движение’ и, по словам авторов «Этимологического словаря славянских языков», этот глагол «как формально, так и по семантическим характеристикам ... почти равнозначно тяготеет к различным этимологическим гнездам» [ЭССЯ 20: 68]. Т. В. Горячева делит этот глагол на экспрессивный префикс **mo-* и корень *troš-* (< **trox-a* < **ter-* ‘тереть’) [Горячева, 92–97]. Таким образом, при исходной семантике глагола **trošiti* ‘ломать, крошить’ из нее логично выводятся значения, объединённые семой ‘беспорядочное движение’.

Однако с точки зрения Ж. Ж. Варбот, **motrošiti* можно делить и как **mot-r-oš-iti*, то есть выводить его из корня **met-/mot-* ‘крутить, бросать’ (ср. **mesti*, **motati*, которые обозначают резкое движение). Эта версия лучше объясняет значение глагола *мотросить* ‘катая, сбивать из шерсти голенище валенка’; значения же ‘моросить’, ‘падать (о снеге)’ сближаются со значением глагола **mesti* ‘идти (о снеге)’.

В целом версия Т. В. Горячевой представляется более обоснованной. Явно не первичное значение ‘катая, сбивать из шерсти голенище валенка’ — единственное, которое работает на версию о родстве с корнем **met-/mot-*; все остальные обозначают не резкое движение, а, как уже говорилось, мелкое, беспорядочное, что гораздо ближе к семантике глагола **trošiti*.

С формальной же стороны уязвимым местом версии Ж. Ж. Варбот является редкость соединения *-p-* с корнем *mot-* (см. реконстр. ***motr-* на базе одного русского диалектного *мотровый* ‘вязаный’ [ЭССЯ 20: 64–65]).

Сивуха. Важным свидетельством связи этимологического толкования со словообразованием является деэтимологизация. Примером этого может служить слово *сивуха* ‘дешёвая неочищенная водка’, которое предположительно производилось

А.Г. Преображенским от прилагательного *сивый*, но без объяснения. М. Фасмер соглашался с ним, считая, что водка названа так из-за окраски [Фасмер III: 617].

Н.С. Арапова считает сомнительным название напитка по цвету, при очевидном признаке — дурном запахе. На этом основывается ее толкование исторической словообразовательной структуры как *пс-ив-ух-а*, произведённое от прилагательного *псивый* и основанное на неприятном (псином) запахе. Это подтверждается и тем, что в старорусском языке вариантным обозначением дешёвой водки низкого качества было *псинуха*, позднее исчезнувшее из языка: «Оно зафиксировано в “Писмословии” Н.Г. Курганова 1769 года: “Французская [водка] недорога по восьми гривен штоф, а сивухи или псинухи почти в два с двадцатью ведро”» [Цит. по: Арапова, 110–111].

Литература

Арапова Н.С. *Псивый* и *сивуха* // Русская речь. 2003. №3. С. 110–111.

Варбот 1984 — Варбот Ж. Ж. О словообразовательном анализе в этимологических исследованиях // Этимологические исследования. Исследования по русскому и другим языкам. М. 1984.

Варбот 2011 — Варбот Ж. Ж. Исследования по русской и славянской этимологии. СПб, 2011.

Горячева Т.В. К этимологии рус. диал. *мотрюить* // Этимология 1979. М. 1981. С. 92–97.

Куркина Л.В. Славянское слово во времени и пространстве. М. 2020.

Никонов В.А. Поиски системы // Этимология 1963. М.: Наука, 1963. С. 217–235.

Трубачев О.Н. Этимологические исследования и лексическая семантика // Принципы и методы семантических исследований. М.: Наука, 1976.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. СПб, 1996.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Под. ред. О.Н. Трубачёва. Вып. 20. М.: Наука, 1994.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Под. ред. О.Н. Трубачёва. Вып. 25. М.: Наука, 1999.

I. A. Gorbushina

(Russia, Moscow)

V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

irgor84@yandex.ru

THE PROBLEM OF MORPHOLOGICAL DIVISION OF LEXEMES IN ETYMOLOGY

The article is devoted to the issue of interdependence between etymology and word-formational analysis of the etymologized word. To illustrate the point, four words with variant etymologies are reviewed, showing that their etymological interpretations may

vary depending on which word-formational structure is assumed: *невеста* ‘bride’, *опока* ‘rock; hoarfrost’, *мотрошуть* ‘to drizzle; to bustle about’ и *сивуха* ‘cheap, nonpurified vodka’. The most noteworthy etymologies for each of these words are cited and discussed, and conclusions are drawn as to which of these etymologies are more convincing from the point of view of word structure.

Key words: etymology, word formation, morphological division, word-formation structure of the word, different etymologies.

References

Arapova N. S. Psivyj ‘dog-like’ i sivucha ‘cheap vodka’ // *Russkaya rech* [Russian Speech]. 2003. №3. P. 110–111.

Varbot Zh. Zh. *O slovoobrazovatel'nom analize v etimologicheskikh issledovaniyach* [On Derivational Analysis in Etymological Research] // *Etimologicheskie issledovaniya. Issledovaniya po russkomu i drugim yazykam* [Etymological Explorations. Studies of Russian and Other Languages]. Moscow, 1984.

Varbot Zh. Zh. *Issledovaniya po russkoi i slavyanskoi etimologii* [Explorations in Russian and Slavic Etymology]. Saint Petersburg, 2011.

Goryacheva T. V. *K etimologii rus. dial. motroshit’ ‘to drizzle, to bustle about, etc.’* [On the etymology of Russ. dial. *motroshit’*] // *Etimologiya 1979* [Etymology 1979]. M. 1981. S. 92–97.

Kurkina L. V. *Slavyanskoe slovo vo vremeni i prostranstve* [Slavic Word in Time and Space]. Moscow, 2020.

Nikonov V. A. *Poiski sistemy* [Searching for a System] // *Etimologiya* [Etymology] 1963. Moscow: Nauka Publ., 1963. P. 217–235.

Trubachev O. N. *Etimologicheskie issledovaniya i leksicheskaya semantika* [Etymological Research and Lexical Semantics] // *Principy i metody etimologicheskikh issledovaniy* [Principles and Methods of Etymological Research]. Moscow: Nauka Publ., 1976.

Fasmer M. *Etimologicheskii slovar’ russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg, 1996.

ESSJa — *Etimologicheskii slovar’ slavyanskikh yazykov. Praslavyanskii leksicheskii fond* [Etymological Dictionary of the Slavic Languages. Proto-Slavic Lexical Stock]. Issue 20. Edited by Corresponding Member of the Academy of Sciences of the USSR O. N. Trubachev. Moscow: Nauka Publ., 1994.

ESSJa — *Etimologicheskii slovar’ slavyanskikh yazykov. Praslavyanskii leksicheskii fond* [Etymological Dictionary of the Slavic Languages. Proto-Slavic Lexical Stock]. Issue 25. Edited by Corresponding Member of the Academy of Sciences of the USSR O. N. Trubachev. Moscow: Nauka Publ., 1999.

Т. В. Горячева

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
etymol@mail.ru

К ЭТИМОЛОГИИ РУС. ДИАЛ. *ФАРБОТЫ* В СВЕТЕ НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ОСВОЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНЫХ СЛОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ¹

В статье анализируется трансформированное заимствованное слово, которое задокументировано в Словаре русских народных говоров и в словаре Даля — *фарботы* ‘вязание кружева’. Необходимо подтвердить вхождение слова в гнездо иноязычного *фалбалá* ‘волан, обора’, как считает Даль, предполагая источник — английский язык. В словаре Фасмера слово *фарботы* отсутствует, а *фалбала* считается заимствованием из франц., итал. *falbala* ‘оборка’ и датируется концом XVII в. Там же приводится искажение слова *фалбалá* — *харбарá*. У слов *фарботы* и *фалбала* одна и та же семантика, как и у ряда искажённых форм: *харботы*, *хварботы*, *хварботки*, *верботы* и т. д. Существует множество примеров мены *ф/х*, *л/р*, есть и примеры эпентезы согласного *т* в исходе основы (все в заимствованных, иногда и в исконных словах). Таким образом, можно предположить, что слово *фарботы* может быть искажением заимствованного *фалбалá*.

Ключевые слова: этимология, русский язык, русские диалекты, заимствованные слова.

Существуют разные способы освоения иноязычных слов в русском языке, одним из них является сильное искажение фонетического облика слова, иногда до полной его неузнаваемости. Приведём некоторые примеры: *хверемей* ‘еврей’ (калуж., Добровольский, 1899) [СРНГ 50: 61], *фурмонет* ‘кошелёк, портмоне’ [СРНГ 49: 192], *хавóз* ‘колхоз’ (нижегор.) [там же: 227], *финозóния* ж. ‘лицо, физиономия’ (1929) [там же: 116], *турбол* (том.) ‘футбол’ [там же: 37], *плитувáр* м. ‘тротуар’ (иркут.,

¹ Статья написана при реализации проекта «Лексика славянских языков как наследие и развитие праславянского лексического фонда: словообразовательный, семантический и этимологический аспекты анализа в лексикографическом представлении», поддержанного грантом РФФИ № 19-012-00059.

1924, ульян.) [там же: 27, 142] и т. д. Искажения очень часты в заимствованных словах, относящихся к сфере текстильного производства, а также парфюмерии. Так, например, немецкое заимствование *фарба/фабра* обозначает не только ‘пара немецкого платья’, но и ‘краска’ (нем. *Farbe* ‘краска, цвет’). Ср. у Даля *фарблёное стекло* ‘подкрашенное, подцветенное простыми средствами (например, углём), но искусно крашенное и называемое цветное стекло’ [Даль² IV, 533]. Прилагательное *фаровый -ая, -ое* в значении ‘яркий (о ситцевой и др. материи)’ (елец., орл., 1934) [СРНГ 49: 63], возможно, преобразовано из *фарбовый* с утратой *p* в середине слова.

В настоящей статье мы рассмотрим с этой точки зрения одно предположительно трансформированное иноязычное слово, которое зафиксировано в Словаре русских народных говоров и у В. И. Даля. Это слово *фарботы*.

В Словаре русских народных говоров приведено слово *фарбота* в значении ‘вязание кружева для отделки женской одежды, постельного белья и др.’, ‘кружевная отделка’ [СРНГ 49: 60], мн. *фарботы* в значениях ‘вязание кружева для отделки женской одежды, постельного белья и др.’ (рыльск., сужд., 1840), ‘бахрома’ (дмитров., курск., 1908), также записана форма с ударением на середине слова и меной *о/а* — *фарбаты* ‘то же, что *фарбота* в первом знач.’ (смол., 2005) [там же]. Представлены также уменьшительные формы *фарботка* ‘бахрома, кружевная отделка’ (смол., брян.) [там же], а также *фарботики* ‘кружевная отделка, кружавчики’ [там же]. Здесь же приводится собирательное *фарботья* ср. в значениях ‘отделка платья — полоска материи, которая в сборенном виде пришивается к подолу’ (зап. брян., 1957), ‘обретённый подол платья’ (смол., 1914), ‘старая негодная одежда, лохмотья’ (смол., 2005) [там же]. Зафиксировано также *фарботишка* с меной *т/ш* в значении ‘бахрома’ [там же], и с вставным *a* в середине записано сущ. *фарботы* ‘то же, что *фарботы* в 1-м знач.’ [СРНГ 49: 58].

Слово *фарботы* находим у В. И. Даля в гнезде на слово *фалбалá* ж. с пометой «англ.» рядом с *фалборá*, *фалборка* ‘подзор, бористая оборка, напр. у кровати, по подолу платья и пр.’ Сюда же он относит и *фарботы* м. мн. курск. ‘манжеты, кружевные и другие оборки, обшивка’ [Даль² IV, 531].

Слово *фалбалá* записано в СРНГ в значении ‘волан, широкая пышная обора, пришиваемая в сборку к платью, юбке и т. д.’ [СРНГ 49: 41]; там же, с меной в конце основы *-л/-р-*, приводится *фалбарá*, *фалборá* и *фальборá* ж. в тех же значениях, что и *фалбала* (Слов. Акад. 1822, Енис. 1825, Ишим. Тобол. Слов. Акад. 1964 [устар.]), *фальборá* (Забайкалье, 1980), *фалборá* (Слов. Акад. 1847, Перм., 1856), *фалборá* ‘подзор у кровати’ [там же]. В русских говорах Карелии записаны формы *фамбарá* и *фанборá* ж. (с меной *м/л* и *н/л*) [Сл. Карелии 6: 677]. Там же приводятся формы *фомбар*, м. ‘большая оборка’ и *фомбарка* ‘то же’ [там же: 685].

Мена *р/л* в середине слова *фалбалá* представлена в формах *фарборка* ‘оборка’ и *фарбора* ж. ‘то же’ (одеcss., 2001) [СРНГ 49: 60]. Форма *фанфары* мн. ч., то же, что *фанфары* ‘пышные сборки на платье, юбке, кофте’ (свердл., 1965) [там же: 57] демонстрирует мену *ф/б* и *л/н*. Слово употреблялось и в форме *файборá* ‘волан, широкие пышные обора, пришиваемые к платью, юбке и т. д.’ (Забайкалье, 1965. Иркут., Бурят АССР, Амур., Хабар.), ‘юбка с широкими пышными оборками’

(Приангарье, 1971) [там же: 37], *файбóрка* ж. ‘отделка платья, нижнего белья и т. п. в виде тесьмы, кружева, пришиваемых в сборку’ (иркут., 1970) [там же]. Следует отметить такие искажённые формы, как *фантабóра* ж. ‘волан, широкая пышная оборка, пришиваемая к платью, юбке’ (том., 1969) [там же: 56], *фабóрка* ‘волан, широкая пышная оборка, пришиваемая к юбке, платью и т. п.’ (одесск., 2001) [там же: 34], *фунбóрка* ‘волан, широкая пышная оборка, пришиваемая в сборку к платью, юбке и т. п.’ (новосиб., 1977) [там же: 177].

Слово *фалбалá* и его варианты довольно поздние (с конца XVII в.). Вот тексты, приводимые в картотеке Словаря русского языка XI–XVII вв.: «Юба тафтяная зеленая, *фалборы* тафты красной...» (кон. XVII в., Роспись на благословение дому), «юпка брусничная с *талборами*, сетка золотная» (Рядн. зап. II, 1712), «... юпка по малиновой земле золотные травы, *талборы* серебряные с сеточкой золотною» (Рядн. зап. I, 1712).

Фасмер вслед за другими исследователями (Доза 313, М.-Любке 276, Гамильшег EW 304), не упоминая *фарботы́*, приведённое Далем в гнезде *фалбалá*, считает слова *фалбалá*, *фалборá*, *фалбóрка* ‘оборка’, присоединив к ним *харбарá* ‘кружевная оборка’ (терск. РФР, 44, 110), заимствованиями из франц., итал. *falbala* ‘оборка’, засвидетельствованного с 1692 г. [Фасмер² IV: 183].

Включение слова *харбарá* в гнездо *фалбалá* вполне допустимо, как и включение *фарботы́*, Даль прав в своём предположении. Сюда же можно включить дон. *харбóрка* ‘оборка’ [СРНГ 49: 320], а также приведённое Далем курск. *харабóрья* ср. мн. ‘мохры, края обитой одежды’, предполагаемое им как развитие из *фалборка* (со знаком вопроса) [Даль² IV, 542]. Ср. ещё вят. *харáбора* ‘всякая всячина, хлам, дрянь’ (1909 г.) [там же].

На наш взгляд, с *фалбалá* могут быть связаны и искажения *харабрóт* ‘приспособление для навивания ниток на цевку’ (костром., 1924) [СРНГ 49: 310] и *халабрóд* то же (костром., 1991) [там же: 242].

Здесь во всех примерах мы наблюдаем мену *ф/х*. Также есть фиксации этой мены в слове *фарботы́*: это диал. *харботы́* ‘кружева фабричного производства’, ‘кружевная вставка’ (30-е — 40-е гг. XIX в.) [там же: 320], *хорботки* ‘мелкие женские украшения (кружева, бусы и т. п.)’ (брян., 1937), «Шея и руки её были украшены дешёвыми хорботками» [СРНГ 51: 271]. Мена *ф/хв* наблюдается в исконных и иноязычных словах в русских говорах: например, в гнезде *фалбалá* — *файбарá* — *хвайбарá* ‘оборка на одежде’ [Сл. старообр. Забайкалья 499]. Ср. также *фароба* ‘хвороба, хворь, болезнь, недуг, скорбь’ [Даль² IV: 532], *хванта́лия* ‘фантазия’ [СРНГ 50: 38].

Среди искажений слова *фарботы́* встречается также метатеза *фабарты́* ‘кружевная вставка в центре скатерти’ (курск.) [СРНГ 49: 34].

Наконец, следует сказать ещё об одном варианте (вернее, двух) слова *фарботы́* — уральск. *хварботки* в значении ‘оборки на рукавах’ [Липина 158], а также орл. *верботы́* ‘то же’: «Она вышла, выходила рано за верты, обронила, потеряла кружевные верботы» (орл., 1905) [СРНГ 49: 123]. Здесь мы имеем мены *ф/в* или *ф/хв/в* и *а/е*. Такая же мена *а/е* наблюдается в диал. *хверботы́*, мн. ‘кружева домашней вязки’ (ворон., 1970) [СРНГ 49: 87]. Исследуя слово *верботы́* ‘оборки

на рукавах', Аникин, отмечая его заимствованный характер, пишет, что источник заимствования не установлен [РЭС 6: 266].

В связи с этим следует отметить добавление конечного *t* основы в некоторых словах: *хворст* < *ворс* 'ворс на сукне' (казан., 1886) [СРНГ 50: 80], *хазет* < *хозяйн*. Кроме мены *ф/хв* в русских говорах наличествует и прямая мена *ф/в*, как, например, в перм., иртыш., тобол. *фыль* ж. вм. *выль* [СРНГ 49: 205], *форс* м. вм. *ворс* 'ворс сукна, начёсанного в одну сторону' [там же: 148], *фефель* м. 'мучное блюдо, запечённое в форме вафли' [Сл. Карелии 6: 681] (?), а также *повористее*, ср. ст. прилаг. 'пофорсистее' (костром., 1862) [СРНГ 27: 260].

Представляется, таким образом, правдоподобным, что форма *фарботы́/фарбо́та* могла возникнуть из *фалбалá* в результате череды преобразований, подобных тем, что имеют место в приведённых примерах.

Литература

Даль² — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. 2-е изд. М., 1880–1882.

Липина — *Липина В. В.* Традиционная культура Урала. Опыт этноидеографического словаря русских говоров Свердловской области. Выпуск VI Быт. Ч. 1. Екатеринбург: Свердловский обл. дом фольклора, 2004.

РЭС — *Аникин А. Е.* Русский этимологический словарь. Вып. 1–14. М.; СПб., 2007–2020–.

Сл. Карелии — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. Вып. 1–6. СПб., 1994–2005.

Сл. старообр. Забайкалья — *Козина О. М.* Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья / Под ред. Т. Б. Юмсуновой. — Новосибирск, 1999.

СРНГ — *Словарь русских народных говоров* / Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Л./СПб.; М.: 1965–2019–. Вып. 1–51–.

Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Т. I–IV. М., 1986–1987.

T. V. Goryacheva

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
etymol@mail.ru*

TO THE ETYMOLOGY OF RUSS. DIAL. *FARBOTY* CONCERNING A PATTERN OF ASSIMILATION OF LOANWORDS IN RUSSIAN

The article discusses a Russian dialectal word *farboty* 'lacework' attested in the Dictionary of Russian Dialects and in Dal's dictionary, seeking to corroborate Dal's suggestion that the word may be related to the loanword *falbala* 'lace, frill, bordering'.

Vasmer's dictionary identifies *falbala* as a late-17th century French or Italian borrowing, adducing a corrupted dialectal form *kharbara*, but makes no mention of *farboty*. These words, as well as various other corruptions (*kharboty*, *kharbotki*, *khvarbotki*, *verboty* etc.) attested across Russian dialects, have similar meanings. Given that loanwords in Russian dialects showcase numerous examples of alternations *f/kh*, *l/r* etc. as well as some instances of a stem-final epenthetic *t*, one can plausibly regard *farboty* as a possible distorted variant of *falbala*.

Keywords: etymology, Russian dialects, loanwords.

References

Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Live Great Russian Language]. Vols. 1–4. 2nd ed. Moscow, 1880–1882.

Lipina V. V. *Traditsionnaya kul'tura Urala. Opyt etnoideograficheskogo slovaryia russkikh govorov Sverdlovskoi oblasti* [Traditional Culture of the Urals. An essay in creating an ethnoideographic dictionary of Russian dialects of the Sverdlovsk Region]. Issue 4. Daily life. Pt. 1. Ekaterinburg: Sverdlovskii oblastnoi dom fol'klora Publ., 2004.

Anikin A. E. *Russkii etimologicheskii slovar'* [Russian Etymological Dictionary]. Iss. 1–14–. Moscow; Saint Petersburg, 2007–2020–.

Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastei [Dictionary of Russian Dialects of Karelia and Neighboring Regions] / Ed. in chief A. S. Gerd. Iss. 1–6. Saint Petersburg, 1994–2005.

Kozina O. M. *Slovar' govorov staroobryadtsev (semeiskikh) Zabaikal'ya* [Dictionary of Old Believers (Semeiskie) Dialects in Zabaikal'ye] / Ed. T. B. Yumsunova. — Novosibirsk, 1999.

Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian Dialects] / Eds. in chief F. P. Filin, F. P. Sorokoletov, S. A. Myznikov. Leningrad/Saint Petersburg; Moscow: 1965–2019–. Iss. 1–51–.

Vasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language] / Transl. from German and augm. by O. N. Trubachev. Vols. 1–4. Moscow, 1986–1987.

Л. П. Дронова
 Институт филологии СО РАН
 (Россия, Новосибирск)
 lpdronova@mail.ru

К ИСТОРИИ СЛОВА ГАЗДА/GAZDA В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

В статье еще раз привлекается внимание к формированию понятия «хозяин», одному из его обозначений в ряде славянских языков, неоднозначности его происхождения.

Принято считать, что слово *gazda/gazda* — заимствование из венгерского языка (венг. *gazda* ‘хозяин, владелец; землевладелец, крестьянин; домохозяин; начальник’), где оно, в свою очередь, является адаптацией слав. **gospoda*.

Анализ историко-ареальных контактов венгров, их следа в языке, наличия целого ряда заимствований из аланского, а также структуры семантического поля слав. **gospoda* позволяют предположить второй, ираноязычный, источник происхождения обозначения хозяина в ряде славянских языков.

Ключевые слова: понятие «хозяин», контакты носителей славянских и венгерского языков.

К проблеме формирования понятия «хозяин» мы уже обращались [Дронова 2003: 172–177]. Самые ранние данные славянских языков представляют это понятие как сложное: «хозяин» — это не только «владелец, собственник», но и «человек с особым положением, правом распоряжаться в пределах владения». Исторически основное языковое выражение ‘хозяин, собственник’ в русском и славянских языках — *господин, господарь, государь*) — имеет и самую долгую и непростую историю. Не вызывает сомнения, что от *господарь* в форме обращения произошли *государь, осударь, сударь* и *-с* как сокращенное почтительное обращение (*да-с, так-с*), а *господарь* образовано от собирательного *господá* (**gospoda*), которое, в свою очередь, соотносится со слав. **gospodь/*gospodinъ* в значении ‘владыка, хозяин, господин’ и ‘господь’ — наименование Бога у христиан как владыки небесных сил [Фасмер 1: 446; ЭССЯ 7: 58–63] (ср. словосочетание *господь домоу, pater familias, господь Бог, dominus* ‘господин, хозяин’ [ЭССЯ 7: 62–63; ССЯ 1: 425]). Несогласие отечественных и зарубежных исследователей вызвало и вызывает решение вопроса об исконности/заимствованности этого важного термина культуры (ср. О. Н. Трубачев об этом [ЭССЯ 7: 62–63]).

На славянской территории широко представлено и прозрачное по внутренней форме обозначение понятия «хозяин» — *дєдич* (**děditjь*), образованное от **dědъ* ‘дед, предок’ с патронимическим суффиксом *-itjь* (*-ич*), которое отразило оседлый земледельческий характер славянского мира, способ возникновения собственности (др.-рус. *дѣдичь* ‘наследник (по деду), наследный владетель’, рус. *дєдич* ‘прямой наследник’ (Даль), укр. *дідич* ‘помещик, владетель’, *дідизна* ‘имение, наследованное от предков’, блр. *дзедзіч* ‘наследник по деду’, польск. *dziedzić* ‘наследник, помещик, (земле)владелец’, ст.-чеш. *dědic* ‘наследник, владелец, помещик, свободный земледелец’, ‘господин, сюзерен’, с.-хорв. стар., чак. *djedić* ‘наследник’, ‘дворянин’, ‘землевладелец’, словен. *dědić*, слвц. *dedič* ‘наследник’; ст.-слав. *дѣдина* ‘наследство’, серб. *дєдовина* ‘дедовское наследство; родовое имение, наследство’, др.-рус. *дѣдина*, *дѣднина*, *дѣдичьство* ‘владение, наследие деда’ [ССЯ 1: 546; ЭССЯ 4: 226; СДРЯ 3: 150–151; 312–313; Толстой 1957: 123; Трубачев 1959: 70]). Широко известные в славянских землях (за исключением болгаро-македонского ареала) рефлексy **děditjь* не имеют соответствий в других индоевропейских языках, являются славянской инновацией. Это именование хозяина отражает оседлый земледельческий характер жизни славян по способу становления хозяином, владельцем недвижимости, прежде всего дома и земли, — наследственную передачу. В древней Руси *дєдина* — наследственное родовое владение. На смену термину *дєдина* пришел термин *отчина* (*вотчина*), *отчичь* ‘владельческий наследник по отцу’ [Котляр 1990: 20–22]. Семантика ряда других обозначений подчеркивает полноту власти хозяина/владельца, ср. имеющие соответствия в других славянских языках рус. *владелец*, *обладатель*, *владелец*, *владыка*, *властелин*, *властитель*, *повелитель* и т. п.

В русском языке уже в новое время был найден языковой знак для понятия «хозяин» в целом, без подчеркивания его отдельных аспектов. На эту роль — как обычно — лучше всего подходит заимствованное слово, не имеющее внутренней формы, «не подсвеченное» родственной лексикой. В данном случае речь идет о слове *хозяин*. В современном виде слово *хозяин* известно с XVII века, но без суффикса *-ин* встречается еще раньше, в XV в. (Афанасий Никитин в своем «Хождении...» сообщает, что его среди волжских татар «по-бесермянски» называли уважительно *хозя*). Слово пришло с Востока, из перс. *хадже* ‘господин, хозяин, начальник’ через тюркское языковое посредничество, где в разных языках (ср. каз.-тат. *худж’а*, башк. *хужа*, чув. *хо́за*, *хи́за* и др.) имело значение ‘владелец’, ‘хозяин’, ‘богатый купец’ (Н. К. Дмитриев обращает внимание на фонетически близкое диалектное (мишарское) татарское *хузэй*) [Дмитриев 1958: 47; Черных 2: 346]. В других славянских языках это слово отсутствует, за исключением русского заимствования в болгарском — *хозяин*, *хазаин*. Из общего источника и др.-рус. *ходжа* ‘господин’ [Черных 2: 254].

Наше внимание привлекло еще одно именование хозяина, судя по всему, возникшее в ряде славянских языков в результате взаимодействия южной части славянского мира с миграционным потоком в южнорусских степях, Прикарпатье, в Паннонии. Слово *газда/газда* в значении ‘хозяин’ известно в украинском (*га́зда* ‘хозяин’, *газдина* ‘хозяйка’, *газдінити* ‘быть хозяйкой’), отмечено в словарях

русинского, закарпатских говоров в аналогичной форме и значении (*gázdá* ‘господарь, хозяин’, *gazdýnja/gazdyna* ‘хозяйка’, *gazdíniti* ‘хозяйствовать’), известно это слово и в чешском (диал.), словацком (*gazda* ‘хозяин’), польском (*gazda* ‘(состоятельный) хозяин’) языках [Фасмер 4: 517; ЭСУМ 1: 450–451; Керча 2007: 189; Hnát 2003: 43; Поп 2007: 55, 305; Сабадош 2008: 55; Копецкий и др. 1976: 191].

По происхождению слово *gazda/gazda* считается заимствованием из венгерского языка (венг. *gazda* ‘хозяин, владелец; землевладелец, крестьянин; домохозяин; начальник’ [Хадрович, Гальди 1964: 856–857]), где оно, в свою очередь, как полагают авторы этимологических словарей, является адаптацией слав. **gospoda* [Machek 1957: 116; Brückner 1927/1985: 137; ЭССЯ 7: 61–62]. Происхождение слав. **gospoda* не вызывает сомнений: считается, что это производное на *-a* от **gospodъ* с первоначально собирательным значением [ЭССЯ 7: 59], то есть исходным является собирательное значение ‘господá, рапоуе’, а значение ‘хозяйство, землевладение’ вторично, ср. др.-рус., рус.-цслав. *gospoda* — собир. ‘господá’, ‘господство, власть’ и ‘гостеприимство’, ‘жилище’ [ЭССЯ 7: 58–59]. Пространственный и языковой (семантика) параметры показывают, что в венгерский рассматриваемое слово попало из южнославянского региона, где оно закрепилось в значении ‘господá’ (макед., с.-хорв., словен.) [там же].

Такой путь заимствования предполагает развитие от значения ‘господá’ (как ‘богатые, влиятельные люди’) к значению ‘(состоятельный) хозяин, землевладелец’ (изменение мн. ч. на ед. ч. при заимствовании объяснимо прохождением через двуязычную среду, этим же можно бы объяснить выпадение предупредительного слога с последующим озвончением *-c-* перед звонким согласным, ср. Брюкнер о подобных изменениях при заимствовании в венгерский язык — венг. *társ* ‘партнер; товарищ’ из *towarisz* [Brückner 1927/1985: 187]). Семантика производных венг. *gazda* соотносится с развитием от исходного для производящего слова понятия «богатый, обладающий властью человек» до понятия «хозяин, владелец» и «богатый, богач», ср. *gazdálkodó* ‘земледелец’, *gazdálkodás* ‘хозяйство; хозяйствование; экономика’, *gazdaság* ‘хозяйство, двор, ферма’ и *gazdag* ‘богатый’, *gazdagít* ‘обогащать, обогатить’, *gazdagítás*, *gazdagodás* ‘обогащение’ [Хадрович, Гальди 1964: 856–857]. Из венгерского языка, вероятно, и болг. диал. *gáзда*, с.-хорв. *gáзда* ‘хозяин; богатый человек’, *gazdálук* ‘имущество, имение; богатство’. Эта картина лексического взаимодействия ряда славянских и венгерского языков в принципе соотносима с мнением авторов авторитетных этимологических словарей о заимствовании венг. *gazda* из славянских языков (слав. **gospoda* при первичном значении ‘господá’).

Интегрированный метод современного диахронического исследования (на котором настаивал О. Н. Трубачев) требует дополнения, уточнения результатов сравнительно-исторического анализа данными структурного, ареального, типологического методов. В нашем случае это необходимость учитывать структуру семантического поля слав. **gospoda*, историю контактов венгров, ареально-историческую характеристику заселенной славянами территории по нижнему Дунаю, Прикарпатыю (как и южнорусских степей), на которой славяне встретились с венграми. Расселившись в Карпатском бассейне, венгры пришли в тесное соприкосновение с оседлым,

преимущественно славянским населением. Это существенно изменило их быт. Экономическая жизнь венгров в Среднем Подунавье с самого начала оказалась взаимосвязанной с местными земледельцами. От кочевого быта они быстро перешли к полукочевому, а через какое-то время занялись и развитым земледелием. В X–XII вв. формируется белобрдовская культура, которая характеризует время славяно-венгерского симбиоза, в условиях которого венгры воспринимали славянские культурные традиции, а славяне — язык венгров. Итогом такого взаимодействия стало формирование венгерской народности [Седов 1995: 300–303].

Обращение к семантическому полю слав. **gospoda* показывает следующую картину: значение ‘господá’ закрепилось у этого слова в южнославянских языках (макед., с.-хорв., словен.), в западнославянских языках реализовалось значение ‘гостиница, постоялый двор, трактир’ (чеш., слвц., польск., в-луж., н.-луж.), как и в старослав. *gospoda* ‘гостиница’. В восточнославянских языках представлены и те, и другие значения: др.-рус., рус.-цслав. *gospoda* — собир. ‘господá’, ‘господство, власть’ и ‘гостеприимство’, ‘жилище’ (только с XVI в. отмечено слово *gospóda* в значении ‘дом, хозяйство’ и ‘гостиница, постоялый двор’), рус. *gospodá* при укр. *gospóda* ‘дом и хозяйство какой-л. семьи’, блр. *gaspóda* ‘господский дом, усадьба’ [ЭССЯ 7: 58–59]. В украинском, белорусском это предположительно заимствование из польского [ЭСУМ 1: 574]. Кроме того, в славянских языках, соответственно, и в южнославянских языках, источнике для венг. *gazda*, существует еще обозначение хозяина, производное от *gospoda* — *gospodary*, попавшее и в древнерусский, ср. др.-рус. *gospodary* ‘господин, хозяин’, ‘государь’. Таким образом, оказывается, что в семантическом поле слав. **gospoda* не проявлена связь с понятием «богатый/богатство»: семантический компонент «богатый» в семантическом поле производных слав. **gospoda* является потенциальным, неактуализированным.

Что касается ареально-исторической характеристики венгров, носители венгерского языка (давшие, как принято считать, именование понятию «хозяин» в ряде славянских языков), выходцы из южноуральских степей, долгое время в течение I первого тысячелетия н.э. кочевали по северокавказской территории, южнорусским степям, Северному Причерноморью. Анализируя исторические, лингвистические (топонимические) и археологические источники, Г.В. Вернадский делает вывод, что «период мадьярского контроля над Южной Русью был продолжительным», что «мадьяры подчинили своему господству асо-иранцев и асо-славян (антов) в регионе Дона-Донца и они, видимо, были в близком контакте с северокавказскими асами (предками осетин) еще до миграции в Южную Русь». Он же дает список предполагаемых иранизмов в мадьярском [Вернадский 1943: 170–178]. Современные исследователи более подробно показывают этноязычную пестроту некоего союза (союзов) племен в южнорусских степях, в Прикарпатье в первом тысячелетии нашей эры, тесный контакт тюрко-угро-славяно-ираноязычных племен, союза, в недрах которого сформировался прамадьярский этнос и язык [Шапошников 2012: 420–429].

Известно также, что венгры-мадьяры участвовали (Г. Амартол) в болгаро-византийском конфликте (836–838 гг.) и в конце IX в. перешли Карпаты и расселились в Паннонии. Со временем (X–XI век) пришельцы-венгры ассимилировали местное

население (славян, валахов, аваров) и пришедших вместе с ними потомков ираноязычных сарматов и каваров (тюркоязычные хазарские племена) и, переняв многие их обычаи, культуру, слова этих народов, перешли на оседлое проживание [Седов 1995: 286].

В дополнение к этой пестрой по составу прамадьярской общности XIII веке на территорию Венгрии переселилось аланское (ираноязычное) племя ясов, дав своё название одной из исторических областей страны – Ясшаг. Ираноязычный компонент был и в субстрате Причерноморско-Карпатского региона, где, как известно, исторически более ранним населением было скифское, скифо-сарматское население («Малая Скифия» у греческих и римских авторов). Эта этническая история венгров позволяет предположить для рассматриваемого обозначения хозяина в венгерском языке и иной источник, кроме славянского, — ираноязычный (что и допускал В. И. Абаев [Абаев 1958: 302–303]).

Основанием для этой версии служит наличие в венгерском значительного числа аланских заимствований [Sköld 1925: 174; 21] и известная в восточноиранских языках лексика, формально и по значению близкая венг. *gazda* ‘хозяин, владелец’, *kazdag*, *gazdag* ‘богатый, состоятельный, зажиточный’. Речь идет об осет. ирон. *qæzdyg* (и *qæznyg*), диг. *ǰæzdug* ‘богатый’ и *ǰæzdæ* ‘богатство’, хорезм. *γazdak* ‘богатый’, пам. сангл. *γazd* ‘сокровище’ [Стеблин-Каменский 1999: 302–303; 187]. Сравнивая значения лексем, видим, что сходство не только формальное: в семантическом поле восточноиранских и венгерских слов акцентируется именно семантика богатства.

В иранских языках это слово относится к исконной лексике, входит в круг производных от вариативной основы *gazan-/ganz-*, *gazd-* со значением ‘богатый’/‘богатство’ (и смежным с ним ‘сокровище’/‘сокровищница, казна’) [Расторгуева, Эдельман 3: 258–259], широко распространившихся из языка ахеменидской администрации, вошедших из иранских языков в индоевропейские, семитские языки. И. М. Стеблин-Каменский добавляет к этому тюрк. *kojmsō*, кит. *ham-dzon* ‘хранилище’, ‘сокровищница’ [Стеблин-Каменский 1999: 187]. Преодолев огромные расстояния в Азии и Европе и расселившись в очень разные языки, производные иранской основы *gazan-* и *gazd-* не утратили свое основное значение, сохранили связь с понятием «богатство» и смежным понятием «место хранения богатства» (и далее «склад; кладовая»), ср. памир. мундж. *γónz*, кхов. *gonj* ‘кладовая, чулан’, и др. Учитывая структуру семантического поля производных иранской основы *gazan-/ganz-*, *gazd-*, можно предположить развитие значения венг. *gazda* ‘хозяин, владелец’ из значения ‘богатый (человек)’, (человек, имеющий) ‘богатство’, ср. осет. дигор. *ǰæzdæ* ‘богатство’ и др. (выше).

Таким образом, в вопросе происхождения слова *gazda/gazda* ‘хозяин, господин’ в ряде славянских языков есть основания избегать однозначного решения вопроса: нельзя отвергать ни одну версию — ни восточноиранскую, ни славянскую. Вероятна сложная формально-семантическая интерференция в разноязычной среде, каким был союз мадьярских племен на ранней стадии становления национального венгерского языка.

Литература

Абаев 1958 — *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.-Л. 1958. Т. II.

Вернадский 1943 — *Вернадский Г. В.* Угры и асы в Южной Руси // Вернадский Г. В. Древняя Русь. Б/м, 1943. С. 170–178.

Дронова 2003 — *Дронова Л. П.* Языковые контакты и проблема реконструкции концептов // Вестник Томского гос. ун-та. Серия «Философия. Культурология. Филология». № 277. Июнь 2003. С. 172–177.

Гринченко — *Гринченко Б. Д.* Словарь украинского языка. Киев, 1907–1909.

Дмитриев 1958 — *Дмитриев Н. К.* О тюркских элементах русского словаря // Лексикографический сборник. М., 1958, вып. 3.

Керча 2007 — *Керча И.* Русинско-русский словарь. Свыше 58 000 слов. В 2-х т. Т. 1. А — Н. Ужгород: ПоліПрінт, 2007. Т. 1.

Копецкий и др. 1976 — Чешско-русский словарь: в 2-х т. / под ред. Л. В. Копецкого, Й. Филища и О. Лешки. Изд-е 2-ое, стереотип. М.: Русский язык; Прага: Гос. пед. изд-во, 1976. Т. 1.

Котляр 1990 — *Котляр Н. Ф.* «Отчина» и «дедина» в летописи (как отражение этнической и социальной психологии в Средневековье) // Славяне и их соседи. Этно-психологические стереотипы в Средние века (Сб. тезисов). М.: Ин-т славяноведения и балканистики, 1990. — С. 20–22.

Поп 2007 — *Поп Дм.* Словарь русиньско-украиньско-руський и русско-украинско-русинский. Ужгород, 2007.

Сабадош 2008 — *Сабадош И.* Словник закарпатської говірки села Сокирниця Хустського району. Ужгород, 2008.

Седов 1995 — *Седов В. В.* Славяне в раннем средневековье. М.: Ин-т археологии, 1995.

ССЯ — Словарь старославянского языка: в 4-х т. Репринт. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006.

СДРЯ 3 — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в десяти томах. М.: Русский язык, 1990. Т. 3.

Хадрович, Гальди 1964 — Венгерско-русский словарь / Сост. Л. Хадрович, Л. Гальди. 2-ое перераб. и доп. изд-е. Будапешт: Изд-во АН, 1964. Т. 1.

Machek 1957 — *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.

Стеблин-Каменский 1999 — *Стеблин-Каменский И. М.* Этимологический словарь ваханского языка. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999.

Расторгуева, Эдельман 3 — *Расторгуева В. С., Эдельман Д. И.* Этимологический словарь иранских языков. М.: Восточная литература, 2007. Т. 3.

Толстой 1957 — Сербско-хорватско-русский словарь / Сост. И. И. Толстой. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1957.

Трубачев 1959 — *Трубачев О. Н.* История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М.: Ин-т славяноведения РАН, 1959.

Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1964. Т. 1–4.

Черных 2 — Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 тт. М.: Русский язык, 1994. Т. 2.

Шапошников 2012 — Шапошников А.К. Языковые древности и этногенез угров: этимология и палеоономастика свидетельствуют // Язык и прошлое народа: сб. науч. ст. памяти проф. А.К. Матвеева [отв. ред. проф. М.Э. Рут]. — Екатеринбург: Изд-во Урал ун-та, 2012. С. 420–429.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под. ред. О.Н. Трубачева. М.: Наука. Вып. 1–41–.

ЭСУМ 1 — Этимологический словарь украинского языка. Акад. наук Украинской ССР, Ин-т языковедения им. А.А. Потебни. Голов. ред. О.С. Мельничук. Укладачі Р.В. Болдырев, В.Т. Коломієць, Т.Б. Лукінова и др. В 7-ми т. Т. 1: А–Г. Киев: Наукова думка, 1982.

Brückner 1927/1985 — Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1985 (przedruk z Kraków 1927).

Hnát 2003 — Hnát A. Krátky rusínsky slovník. Trebišov, 2003.

Sköld 1925 — Sköld H. Die Ossetischen Lehnwörter im Ungarischen // Lunds Universitets Årsskrift. N. F. 1925. XX, №4. 114 s.

L. P. Dronova

Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS

(Novosibirsk, Russia)

lpdronova@mail.ru

ON THE HISTORY OF THE WORD *GAZDA/GAZDA* IN THE SLAVIC LANGUAGES

The article focuses on the formation of the concept ‘owner’ and one of its designations in a number of Slavic languages, and the ambiguity of its origin.

The word *gazda/gazda* is usually considered a borrowing from Hungarian (Hung. *gazda* ‘host, owner; landowner, peasant; householder; chief’), where it is an adaptation from the Slavic **gospoda*.

The analysis of historical and geographical contacts of the Hungarians, their impacts on the language, the presence of a substantial number of borrowings from Alanian, and the structure of the semantic field of the Slavic **gospoda*, permits us to pose a second, Iranian-based, source of the designation of an owner in a number of Slavic languages.

Keywords: concept ‘owner’, Slavic-Hungarian contacts.

References

Abaev V. I. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka* [Historical and etymological dictionary of the Ossetian Language]. Vol. 2. Moscow; Leningrad, 1958.

Alekseev A. A., Gerd A. S., Gaupova Z. *Slovar' staroslavianskogo yazyka* [Dictionary of the Old Slavonic Language]. In 4 vols. Vol. 1. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2006.

Brückner A. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Warszawa: Wiedza Powszechna Publ., 1985.

Chernykh P. Ya. *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Historical and Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]: In 2 Vols. Vol. 2. Moscow: Russkiy yazyk Publ., 1994.

Dmitriev N. K. *O tyurkskikh elementakh russkogo slovarya* [On the Turkic elements in the Russian lexicon] // *Leksikograficheskii sbornik* [Papers in Lexicography]. Moscow, 1958, No. 3.

Dronova L. P. *Yazykovye kontakty i problema rekonstruktsii kontseptov* [Language contacts and the problem of concept reconstruction] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Kul'turologiya. Filologiya* [Tomsk State University Journal. Series Philosophy. Culturology. Philology], June 2003, No. 277, p. 172–177.

Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavianskii leksicheskii fond [Etymological Dictionary of the Slavic Languages. Proto-Slavic Lexical Stock]. Moscow: Nauka Publ. Iss. 1–41–.

Grinchenko B. D. *Slovar' ukrainskogo yazyka* [Dictionary of the Ukrainian Language]. Kiev, 1907–1909.

Hnát A. *Krátky rusínsky slovník* [Concise Rusyn Dictionary]. Trebišov, 2003.

Kercha I. *Rusinsko-russkiy slovar'* [The Rusyn-Russian Dictionary]: In 2 vols. Vol. 1: A — N. Uzhgorod: PoliPrint Publ., 2007.

Khadrovich L., Gal'di L. *Vengersko-russkii slovar'* [Russian-Hungarian Dictionary]. 2nd ed. Vol. 1. Budapest: Academy of Sciences Publishing House, 1964.

Kopetskiy L. V., Filiptsa I., Leshki O. (eds.). *Cheshsko-russkii slovar'* [Czech-Russian Dictionary]. 2nd ed. Vol. 1. Moscow: Russkii yazyk Publ.; Prague: State Pedagogical Publishing House, 1976.

Kotlyar N. F. «*Otchina*» i «*dedina*» v letopisi (kak otrazhenie etnicheskoy i sotsial'noy psikhologii v Srednevekov'e) ["*Otchina*" and "*dedina*" in chronicle (as a mirror of ethnic and social psychology in the Middle Ages)] // *Slavyane i ikh sosedi. Etno-psikhologicheskie stereotipy v Srednie veka* [The Slavs and their neighbors. Ethnopsychological stereotypes in the Middle Ages] (Abstracts). Moscow: The Institute of Slavic and Balkanic Studies, 1990. P. 20–22.

Machek V. *Etymologický slovník jazyka českého a slovenského*. Praha, 1957.

Melnichuk O. S. (ed.) *Etimologichniy slovník ukrains'koï movi* [Etymological Dictionary of the Ukrainian Language]. In 7 vols. Vol. 1: A–G. Kyiv: Naukova dumka Publ., 1982.

Pop Dm. *Slovar' rusin'sko-ukrain'sko-rus'kii i russko-ukrain'sko-rusinskiy*. [Rusyn-Ukrainian-Russian and Russian-Ukrainian-Rusyn Dictionary]. Uzhgorod, 2007.

Sabadosh I. *Slovník zakarpats'koï govirki sela Sokirnitsya Khusts'kogo raionu* [Dictionary of a Transcarpathian dialect of the Sokirnitsya village in the Khusts'kiy district]. Uzhgorod, 2008.

Rastorgueva V. S., Edel'man D. I. *Etimologicheskii slovar' iranskikh yazykov* [Etymological Dictionary of the Iranian Languages]. Vol. 3. Moscow: Vostochnaia literatura Publ., 2007.

Sedov V. V. *Slavyane v rannem srednevekov'e* [The Slavs in the Early Middle Ages]. Moscow: The Archeological Institute, 1995.

Serbsko-khorvatsko-russkiy slovar' [Serbo-Croatian-Russian Dictionary]. Compiled by I. I. Tolstoy. Moscow: State Editorial of Foreign and National Dictionaries, 1957.

Shaposhnikov A. K. *Yazykovye drevnosti i etnogenez ugrov: etimologiya i paleonomastika svidetel'stvuyut* [Linguistic antiquities and Ugrian ethnogenesis: etymological and paleo-onomastic testimony] // *Yazyk i proshloe naroda: sb. nauch. st. pamyati prof. A. K. Matveeva* [Language and the people's past: in memory of Prof. A. K. Matveev]. Ed. in chief M. E. Rut. Ekaterinburg: Ural University Publ., 2012. P. 420–429.

Sköld H. *Die Ossetischen Lehnwörter im Ungarischen* [Ossetian Borrowings in Hungarian] // *Lunds Universitets Årsskrift*. N. F. 1925. XX, №4. 114 p.

Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.) [Dictionary of the Old Russian Language (11th-14th Centuries)] in ten volumes. Vol. 3. Moscow: Russkiy yazyk Publ., 1990.

Steblin-Kamenskii I. M. *Etimologicheskii slovar' vakhanskogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Wakhi Language]. Saint Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 1999.

Trubachev O. N. *Istoriya slavyanskikh terminov rodstva i nekotorykh drevneyshikh terminov obshchestvennogo stroya* [The History of Slavic Genealogical Terms and Some Old Russian Terms of Social Formation]. Moscow: The RAS Institute of Slavic Studies, 1959.

Vasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [The Etymological Dictionary of the Russian language]. In 4 vols. Translated from German by O. N. Trubachev. Vol. 1. Moscow: Progress, 1964.

Vernadskii G. V. *Ugry i asy v Yuzhnoi Rusi* [The Ugrians and The Asy in The Southern Rus] // Vernadskii G. V. *Drevnyaya Rus'* [The Old Rus]. N.p., 1943, pp. 170–178.

А. Ф. Журавлёв
 Институт славяноведения РАН
 (Россия, Москва)
 afzhuravlev@yandex.ru

ИЗ МАТЕРИАЛОВ К 12 ВЫПУСКУ ЭСРЯ МГУ

Настоящий текст представляет собою предварительную публикацию нескольких словарных статей, извлечённых из очередного 12-го выпуска, на букву «О», коллективного «Этимологического словаря русского языка», который с 1963 г. выходит в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова (вначале под руководством и редакцией Н. М. Шанского, с 9-го выпуска руководитель проекта А. Ф. Журавлёв). Предлагаемые к ознакомлению статьи написаны А. Ф. Журавлёвым.

Ключевые слова: русский язык, словарь, слово, этимология, семантика.

Предлагаемые для предварительного ознакомления образцы статей готовящегося 12-го выпуска (на букву «О») «Этимологического словаря русского языка» технически (курсивные / некурсивные написания примеров, кавычки, библиографические отсылки, сокращения и проч.) оформлены в манере, принятой в этом словаре с начала его издания и далее принципиально не менявшейся. Отсылки «см.» неблиографического характера имеют в виду статьи этого же словаря.

Обалдуй. Собственно русское. Неясно. При отчленяемости преф. *о-* и сравнительно редкого суфф. *-уй* (ср. *оболд-уй* ~ диал. *оболд-óха* — тж, Даль 1881, II, 610; *хол-уй* ~ *на-хал*; см. Виноградов РЯ 1947, 96) историческая идентификация корня затруднена, в первую очередь из-за его вокализма. Напрашивается соотнесение с *балд(а)* (см.) и даже выведение из гл. *обалдеть*, но примешиваются многочисленные регистрации с *-о-* в корне, особенно в антропонимических отражениях, с которых начинается письменное свидетельствование слова: Давид *Оболдуев* (1573), Артемий Данилович *Оболдуев* (1673 — Веселовский Ономастикон, 225), Давыд Олсуфьев сын *Оболдуев* (1686 — Тупилов, 672), ср., однако, прозвище *Обалдуй* в «Певцах» И. Тургенева (1850) — первая ономастическая регистрация по НКРЯ. Экспрессивный характер слова позволяет ассоциации с разными, кроме упомянутого *балд-*, этимологическими гнездами, ср. семинаристское *оболтус* (см.) (~

оболтать, обалтывать «оклеветать», *оболтаться* «понатереться (в свете)» и др., Даль 1881, II, 566, ← праслав. **bьltati* со значениями у продолжений, в частности, «суетиться», «суесловить», «мешать», см. ЭССЯ, 3, 119–120); диал. *оболдыриться* «сделаться полукалмыком или полукиргизом» (Даль 1881, II, 610) ← *болдырь* «метис»; *забулдыга*, диал. *булдыга* «пьяница, гуляка», «буян, скандалист» (СРНГ, 3, 269) и под. Границы гнёзд зыбки и из-за неустойчивости консонантизма, ср. псков. *оболдыш* «болтун, болван» ~ *оболтыш* «ленивый человек, бездельник», «кто нарушает порядок, хулиган», «кто не слушается старших» (Псковский словарь, 22, 289, 291). Возможности сравнения еще более расширяются, если допустить, что -д- в -болд- — вставной эксплозивный элемент, усиливающий выразительность дескриптивной основы, завершающейся сонорным, ср. диал. *валуй* «глупец» ~ *валудуй* «придурковатый человек, дурак, оболдуй» (СРНГ, 4, 21, 31), *булыга* «суковатая палка, дубина», «грубый, невежественный человек», «пьяница» ~ *булдыга* — тж. (СРНГ, 3, 269, 272); *халыга* «наглый человек» ~ *халдыга* «бессовестный, нечестный человек», «скандальный, крикливый человек» (СРНГ, 49, 255, 267); (*хныкать*) / *ханыга* «плакса», «попрошайка» ~ *хандыкать* «ворчать» / *хандычить* «жаловаться, ныть» (СРНГ, 49, 290–291, 297–298); нередко и в неэкспрессивной лексике: *галерея* ~ диал. *галдарёя* «балкон» (СРНГ, 6, 107).

Имена с суф. -уй — *поцелуй*, диал. *колдуй* (Обратный словарь арханг. гов., 236), *попсуй* «тот, кто портит работу; плохой мастер» (СРНГ, 30, 14), *мордуй* «чёрт, ляд» (смол. «Мордуй тебя побери!» — СРНГ, 18, 260) — морфологически могут представлять собою лексикализацию основы настоящего времени глаголов на -овать (*поцеловать, колдовать*, диал. *попсовать* «испортить, испакостить», *мордовать* / диал. *мордувать* «мучить, издеваться» соответственно). Эти обстоятельства заставляют предполагать в сущ. *обалдуй* / *оболдуй* отглагольное имя; из бесприставочных глаголов к искомому ближе прочих, пожалуй, диал. *болдеть* «болтать, говорить вздор» (Арханг. словарь, 2, 54), хотя прямые импликации затруднительны в силу сказанного о вариативности экспрессивной диалектной морфемике и подвижности деривационных векторов. Дальнейшие связи с ощутимой вероятностью ведут к характерологическому именованию *балу́й*, прозвищу *Балу́й* (Тупиков, 39; Веселовский Ономастикон, 24; Полякова, 37), откуда широко распространённая фамилия *Балуев*.

См. Преображенский, I, 630; Фасмер, III, 105; Аникин РЭС, 3, 333 (ст. *болдеть*), 335 (ст. *болдырь* V); 6, 33 (ст. *валуй* II); Варбот // ОЛА МиИ 2006–2008, 160 (о глаголе *болдеть*).

Обвесті́ (обмануть). В подобных значениях встречается в вост.- и зап.-слав. языках: ст.-русск. *обвести* «провести мимо, не показать, утаить» (СлРЯ XI–XVII вв., 12, 15), укр. *обвести́* «обмануть, провести», бел. диал. *абвёсьці, абвясці* «обмануть, перехитрить», чеш. диал. *ovéstí* «уговорить, обмануть, ввести в заблуждение», н.-луж. *hobwjasć* «повести окольными путями, обольстить». В рус. худож. литературе встречается с сер. XIX века (М. Салтыков-Щедрин, А. Писемский, А. Энгельгардт, П. Мельников-Печерский, см. НКРЯ).

Формально — к праслав. *obvesti, префиксальному производному от *vesti (ЭССЯ, 31, 13–14), однако замещение первоначальной «круговой» семантики префикса *ob- значением отклонения от правильности действия — ср. *обделить, обсчитать, обвесить, обнести* (напр., угощением) (см. Журавлев 2016, 133; Грамматика 1980, I, 364), — вероятно, осуществлялось в отдельных языках или группах независимо.

Предположение о возникновении *обвести* «обмануть» в результате редукции фразеологизма *обвести вокруг пальца* «обхитрить» ввиду семантического сходства с инославянскими примерами, как и структурной прозрачности аналогий (ср. *про-вести, обо-йти, об-мануть, об-ставить*), оказывается вполне избыточным.

Обдѣлаться (эвфемизм). Восточнославянское: бел. диал. *абдзѣлыць* «обдѣлать, замарать». Знач. «обмараться испражнениями» легко развивается в «опозориться, не справившись с делом», ср. диал. *сговня́ть* «небрежно, кое-как сделать что-л., испортить» (СРНГ, 37, 25), вульг. *изговня́ть* «испортить» (Квеселевич, 302). По НКРЯ, впервые регистрируется в «Рассказе о простой вещи» Б. Лавренива (1924), лексикографически — в ССРЛЯ. Формально — префиксально-постфиксальное (*об-...-ся*) расширение гл. *делать* «испражняться» (эвфемистически, чаще применительно к физиологическим отправлениям младенца); к праслав. *dělati, *obdělati (ЭССЯ, 4, 231–232; 26, 152). Семантически ср. укр. *обробі́тися* «испачкаться нечистотами, экскрементами», чеш. *podělat se* — тж.

Огни́во. Общеславянское: др.-рус. *огниво*, рус. диал. *огни́во* «небольшой костер», «кострище», укр. *огни́во* «стальная пластинка в замке кремневого ружья, о которую бьет камень», бел. диал. *огни́во* «кресало», ст.-польск. *ogniwo* «кресало, огниво», ст.-чеш. *ohnivo*, ст.-словац. *ohnivo*, ц.-слав. **огниво**, болг. *огни́во*, серб.-хорв. устар., диал. *огни́во*, словен. *ognjivo* — тж. (в бел. слове по лингвогеографическим причинам предполагают заимствование из рус. яз., см. ЭСБМ, 2, 178, однако мнение ошибочно, поскольку учитывает лишь часть регистраций).

По ЭССЯ, праслав. *ognivo — результат субстантивации в ср. р. прилагательного *ognivъ(jь) «огневой, огненный» образованного с помощью суф. *-ivъ(jь) от *огнь (см. *огонь*): «остаток двучлена *ognivo želězo, что-то вроде ‘огненное железо’, употребление элементарно ясное» (32, 27). Но ясность вовсе не столь элементарна: при всей лабильности семантики прилагательные на *-iv-* обычно качественные («обладающий свойством, которое...», «склонный к...») и под., ср. чеш. *ohnivý* преимущественно «пылкий» — в отличие от *ohnový* преимущественно «огненный»), семантическая же схема, на которую ориентирован реконструируемый Трубачевым двучлен *«огненное железо», скорее предполагает прилагательное относительное.

Иную деривационную версию дает Откупщиков, видя в *огниво* отглагольную инструментальную семантику («то, чем...»): «В словообразовательном и семантическом отношении *клад-иво* ‘то, чем куют (металл)’ = ст.-сл<ав>. **сѣч-иво** ‘то, чем секут, рубят’ = рус. *огн-иво* ‘то, чем высекают огонь’ и т. п.» (Откупщиков

Из истории индоевроп. словообразования, 131–132); однако это суждение опровержимо: базовые в уравнении Откупщика единицы (*клад*- «ковать», *сеч*- «сечь», с одной стороны, и *огн*- «огонь», с другой) грамматически разнокатегориальны, а в структурно сходных отглагольных, например, образованиях *месиво*, *чтово*, *жниво* реализованы не инструментальное, а соответственно объектные и «результатное» значения.

Некоторые этимологи (Brückner, 375–376; Machek, 410; ср. Boryś, 383) с названием огнива, кресала объединяют омонимичные польск. ognіwo, чеш., словац. диал. ohnivo «кольцо, звено цепи», «кольцевое крепление» и др. (сюда же многочисленные технические значения диал. 2. *огниво* — СРНГ, 22, 329), обманувшись формальным сходством и не распознав в них праслав. *ob-gъ(b)nivo, производное от *gъbnqti «гнуть» (ср. рус. диал. *обгъб* «обруч, кольцо, служащее для скрепления чего-н.» — Словарь Карелии, 4, 135), либо найдя семантику, связанную с добыванием огня, новоразвившейся и тем самым представляя семантическую эволюцию неоправданно усложненной. См. Verneker, I, 366; Варбот Праславянская морфонология, 144; ЭСРЯ, 27, 48–49; ЕСУМ 4, 154; Králik, 399.

Оголтелый. Восточнославянское: рус. диал. «непослушный, упрямый», «озорной, непоседливый», «вздорный, сумасбродный», «надоедливый» и др. (СРНГ 22, 336–337), бел. диал. *агалицэлы* «ошалевший» (Народнае слова, 131). В литер. язык пришло из диалектов. По ССРЛЯ, впервые отмечается в Опыте 1852 г. Первые регистрации в текстах НКРЯ — у раннего Л. Толстого («— Довёл девку до евтого, да ещё пристаёшь, видно весело тебе, оголтелый, на её слёзы смотреть» — «Отрочество», 1854; «— Уж коли к лошадям не пошла, значит — оголтелая лошадь...» — «Метель», 1856). Адъективированное причастие на -л- от глагола диал. *оголтеть* «ошалеть, одуреть», «спившись, обнищать и озлобиться», «стать негодяем», из которого выводимы южнорус. *оголтень*, *оголтух*, *оголтуш* «непутевый человек, бездельник; оболтус», «непослушный ребенок, сорванец» (СРНГ, 22, 337; Словарь дон. казачества, 333).

Глагол *ob-gъltěti — результат префиксации *gъltěti. Дальнейшие связи предположительны. Формально близкие укр. диал. *говтати* «успокаивать», *о(б)говтати* «сделать покорным», *о(б)говтатися* «привыкнуть, освоиться», бел. *агбўтацца* «пообвыкнуть; прийти в себя» (ср. также рус. диал. *околтаться* «привыкнуть, осмотреться; притерпеться» — СРНГ, 23, 145; Чикачёв, 42) слишком далеки семантически. То же касается непаспортизованного глагола *оголцитъ* «наслать болезнь оговором или сглазом», с сомнительной точностью воспроизводимого в «Поэтических воззрениях славян на природу» А. Н. Афанасьева (звук -ц- перед переднеязычным скорее указывает на белорусскую привязанность записи, см. Журавлев Язык и миф, 213–214, но, сравнив глагол с близкими по формальному устройству и значению регистрациями, можно допустить в нем и дезориентирующую опечатку или ошибочное чтение: *оголдитъ* «навлечь порчу, сглазить», Даль 1881, II, 646). В силу своей экспрессивности основа подвержена фонетическим смешениям: диал. *оголдеть* «лишиться рассудка, утратить чувство меры» (Сл. рус. говоров

Сибири, 3, 58), *околтѣлый* «зачарованный, лишенный воли, сознания» (СРНГ, 23, 145). Апелляции к звукоподражанию и звукоизобразительности (диал. *оголтѣть* «произвести сильный шум», *голк* «шум», *гѳлчать* «говорить, кричать», *оголчить* «окликнуть», «произвести ненужный шум (выстрелом)» — к праслав. *gъlkъ с балтийскими ономатопеическими параллелями; *галдеть*, диал. *огаддить* «оговорить, оклеветать»; *глагол, голос*) имеют малую объяснительную силу; ассоциации с *болтать, колготиться* и под. надуманны.

См. ЭССЯ, 27, 51–52; Шведова — Куркина — Крысин ТСРЯ, 555 (этимол. комментарий к *оголтѣлый*); Аникин РЭС, 11, 124, 168–169; ЕСУМ, 1, 542; Чумакова // Этимол. исследования. Свердловск, 1988, 74.

Одаль. Общеславянское: др.-рус. предл. *одале* «вдали», «на некотором расстоянии от», *одаль* «вдали, в стороне», «издали», нареч. *одалѣ (одољѣ)*, *одаль* «поодаль», «издали» (Сл. др.-рус. яз. XI–XIV вв., VI, 81–82; СлРЯ XI–XVII вв., 12, 263–264), укр. диал. нареч. *одаль* «вдали, поодаль», белор. диал. нареч. *адале* «потом», *адалец* «в стороне», ст.-польск. нареч. *obdal* «издалека», словац. диал. нареч. *obdiaľ*, *obďalec* «поодаль», «чуть дальше от», серб.-хорв. *đodalē* нареч. «далеко, далекогато», «подалее!»).

В ЭССЯ (26, 74) реконструируется как двусловное сочетание *ob daly / *ob dali / *ob dal'e (см. *о, об* и *даль*), с последующей лексикализацией (в некоторых приведенных соответствиях лексикализованные единства со вторичным алломорфом *о* (< *ob-) < *об трудноотличимы от соединений с *оть-, ср. *отьдалеча* — Сл. др.-рус. яз. XI–XIV вв., VI, 232). Однако сравнение предлога-наречия *о-даль* (как и его префиксального расширения *поодаль*) с предлогами и наречиями диал. *о-близь* «вблизии» (СРНГ, 22, 100), др.-рус. *о-крѣсть* «вокруг, кругом», «около, вблизи» (Сл. др.-рус. яз. XI–XIV вв., VI, 115–116; ср. ст.-слав. *окръсть* — Ст.-слав. словарь, 410), диал. *о-бѳчь* «сбоку, около, в стороне» (СРНГ, 22, 186), диал. *о-коль, о-киль* «вокруг, кругом», «возле, вблизи, рядом с» (СРНГ, 23, 119, 134), др.-рус. *об-низь* «вниз», диал. *об-низь* «низом, понизу» (СлРЯ XI–XVII вв., 12, 102; СРНГ, 22, 145), диал. *о-задь* «позади, сзади; за чем-либо» (Даль 1881, II, 658; накорневое ударение в СРНГ, 23, 85, видимо, вторично), др.-рус., диал. *о-середь* «посреди, в середине», «посреди чего-либо» (СлРЯ XI–XVII вв., 13, 86; СРНГ, 23, 373), др.-рус. *о-причь* «кроме», диал. *о-причь* «кроме», «около, возле», «особо отдельно» (СлРЯ XI–XVII вв., 12, 46; СРНГ, 23, 297–298; верную этимологизацию см. в ЭССЯ, 26, 82), далее с наречиями типа *о(б)-весень* «к весне, ранней весной» (Даль 1881, II, 569; СРНГ, 21, 358) наталкивает на мысль о еще праславянском возрасте конфикации *ob-[...]-j(ь), привлеченной к осуществлению пространственного и темпорального дейксиса (двусмысленными в деривационном плане оказываются близкие образования от основ с мягкостным исходом: *dънь «день», *esень «осень», *nokъ «ночь», ср. в ЭССЯ, 26, соответственно 75–76, 77, 80), к передаче семантики соотносительности (ср. рус. диал. *омаль* «мало», СРНГ, 23, 196, бел. диал. *обмаль* «маловато», СПЗБ, 3, 251; Дьялектны слоўнік Брэстчыны, 149) и под. Составителями ЭССЯ самостоятельная словообразовательная модель *ob+R_{subst, adj}+j(ь) в сущности не замечена.

Библиографические сокращения

Аникин РЭС — *Аникин А. Е.* Русский этимологический словарь. Вып. 1–. М., 2007–.

Арханг. словарь — Архангельский областной словарь. Вып. 1–. МГУ, 1980–.

Варбот Праславянская морфология — *Варбот Ж. Ж.* Праславянская морфология, словообразование и этимология. М., 1984.

Веселовский Ономастикон — *Веселовский С. Б.* Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974.

Виноградов РЯ 1947 — *Виноградов В. В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.; Л., 1947.

Грамматика 1980 — Русская грамматика. Т. I–II. М., 1982 (переизд.).

Даль 1881 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. М., 1955. [Перепечатка 2-го изд. СПб. — М., 1881].

Дыялектны слоўнік Брэстчыны — *Аляхновіч М. М.* і інш. Дыялектны слоўнік Брэстчыны. Мінск, 1989.

ЕСУМ — Етимологічний словник української мови. Т. 1–6. Київ, 1982–2012.

Журавлев 2016 — *Журавлев А. Ф.* Эволюции смыслов. М., 2016.

Журавлев Язык и миф — *Журавлев А. Ф.* Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». М., 2005.

Квеселевич — *Квеселевич Д. И.* Толковый словарь ненормативной лексики русского языка. М., 2003.

Народнае слова — Народнае слова. Мінск, 1976.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка // www.ruscorpora.ru

Обратный словарь арханг. гов. — Обратный словарь архангельских говоров. М., 2006.

ОЛА МиИ — Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования.

Откупщиков Из истории индоевроп. словообразования — *Откупщиков Ю. В.* Из истории индоевропейского словообразования. 2-е изд., испр. и доп. М.; СПб., 2005.

Полякова — *Е. Н. Полякова.* Словарь пермских фамилий. Пермь, 2005.

Преображенский — *Преображенский А. [Г.]* Этимологический словарь русского языка. Т. 1. *А — О*; т. 2. *П — С. М.*, 1910–1914; «Выпуск последний» (*тело — ящер*). // Труды Института русского языка. Т. I. М.; Л., 1949. [Репринтное воспроизведение целиком: [Китай], 1956].

Псковский словарь — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–. Изд-во Ленинградского (С.-Петербургского) университета, 1967–.

Сл. др.-рус. яз. XI–XIV вв. — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. I–. М., 1988–.

Словарь дон. казачества — Большой толковый словарь донского казачества. М., 2003.

Словарь Карелии — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Т. 1–6. СПб., 1994–2005.

Сл. рус. говоров Сибири — Словарь русских говоров Сибири. Т. 1—. Новосибирск, 1999—.

СлРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1—. М., 1975—.

СПЗБ — Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча. Т. 1–5. Мінск, 1979–1986.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1, 2. М. — Л., 1965–1966. Вып. 3—. Л. (СПб.), 1968—.

ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М.; Л., 1950–1965.

Ст.-слав. словарь — Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). М., 1994.

Тупиков — *Тупиков Н. М.* Словарь древнерусских личных собственных имён. М., 2004.

Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. М., 1964–1973.

Чикачёв — *Чикачёв А. Г.* Диалектный словарь Русского Устья. Новосибирск, 2005.

Шведова — Куркина — Крысин ТСРЯ — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. Ред. *Н. Ю. Шведова*. М., 2007.

ЭСБМ — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Т. 1—. Мінск, 1978—.

ЭСРЯ МГУ — Этимологический словарь русского языка. Вып. 1—. Изд-во МГУ, 1963—.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1—. М., 1974—.

Berneker — *Berneker E.* Slavisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I (*A — L*), II (*ma — mor*). Heidelberg, 1908–1913.

Boryś — *Boryś W.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 2005.

Brückner — *Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1970.

Králik — *Králik L.* Stručný etymologický slovník slovenčiny. Bratislava, 2015.

Machek₂ — *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1971.

A. F. Zhuravlev

RAS Institute for Slavic Studies

(Moscow, Russia)

afzhuravlev@yandex.ru

FROM THE WORKING MATERIALS FOR ISSUE 12 OF MSU'S ETYMOLOGICAL DICTIONARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE

This text is a preliminary publication of several dictionary entries extracted from the next 12th issue, with the letter «O», of the collective «Etymological Dictionary of the Russian Language», which has been published at the Lomonosov Moscow State

University since 1963 (initially under the direction and editorship of N. M. Shansky, since the 9th issue the project manager A. F. Zhuravlev). The proposed articles are written by A. F. Zhuravlev.

Keywords: Russian language, dictionary, word, etymology, semantics.

References

Alyakhnovich M. M. et al. *Dyyalektny sloŭnik Brestchyny* [Dialectal Dictionary of the Brest Region]. Minsk, 1989.

Anikin A. E. *Russkii etimologicheskii slovar'* [Russian Etymological Dictionary]. Iss. 1–. Moscow, 2007–.

Arkhangel'skii oblastnoi slovar' [Arkhangelsk Regional Dictionary]. Iss. 1–. MSU, 1980–.

Berneker E. *Slavisches etymologisches Wörterbuch* [Slavic Etymological Dictionary]. Vol. 1 (*A — L*), 2 (*ma — mor*). Heidelberg, 1908–1913.

Boryś W. *Słownik etymologiczny języka polskiego* [Etymological Dictionary of the Polish Language]. Kraków, 2005.

Brückner A. *Słownik etymologiczny języka polskiego* [Etymological Dictionary of the Polish Language]. Warszawa, 1970.

Chikachev A. G. *Dialektnyi slovar' Russkogo Ust'ya* [Dialectal Dictionary of the Russian Ustye]. Novosibirsk, 2005.

Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Live Great Russian Language]. Vol. 2. Moscow, 1955. [Reprint of the 2nd ed. Saint Petersburg — Moscow, 1881].

Etymalagichny sloŭnik belaruskai movy [Etymological Dictionary of the Belarusian Language]. Vols. 1–. Minsk, 1978–.

Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka [Etymological Dictionary of the Russian Language] (MSU). Iss. 1–. Moscow State University, 1963–.

Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskii leksicheskii fond [Etymological Dictionary of the Slavic Languages. Proto-Slavic Lexical Stock]. Iss. 1–41–. Moscow, 1974–.

Etimologichnii slovník ukraïns'koï movi [Etymological Dictionary of the Ukrainian Language]. Vols. 1–6. Kiïv, 1982–2012.

Kveselevich D. I. *Tolkovyi slovar' nenormativnoi leksiki russkogo yazyka* [Interpretative Dictionary of Russian Obscene Vocabulary]. Moscow, 2003.

Králik Ľ. *Stručný etymologický slovník slovenčiny* [A Concise Etymological Dictionary of the Slovene Language]. Bratislava, 2015.

Machek V. *Etymologický slovník jazyka českého*. Praha, 1971.

Narodnae slova [Popular Word]. Minsk, 1976.

Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [National Corpus of the Russian Language] // www.ruscorpora.ru

Obratnyi slovar' arkhangel'skikh govorov [Reverse Dictionary of Arkhangelsk Dialects]. Moscow, 2006.

Obshchieslavjanskii lingvističeskii atlas. Materialy i issledovaniya [Common Slavic Linguistic Atlas. Materials and Research].

Otkupshchikov Yu. V. *Iz istorii indoevropskogo slovoobrazovaniya* [From the History of Indo-European Word Formation]. 2nd ed., rev. and augm. Moscow; Saint Petersburg, 2005.

Polyakova E. N. *Slovar' permskikh familii* [Dictionary of Perm' Surnames]. Perm', 2005.

Preobrazhenskii A. [G.] *Etimologičeskii slovar' russkogoazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Vol. 1. A — O; vol. 2. P — S. Moscow, 1910–1914; «The Final Issue» (*telo — yashcher*). // Papers of the Russian Language Institute. Vol. I. Moscow; Leningrad, 1949. [Complete reprint edition: [China], 1956].

Pskovskii oblastnoi slovar' s istoričeskimi dannymi [Pskov Regional Dictionary with Historical Data]. Iss. 1–. Leningrad (Saint Petersburg) State University, 1967–.

Russkaya grammatika [Russian Grammar]. Vols. 1–2. Moscow, 1982 (reissue).

Slovar' drevnerusskogoazyka [Old Russian Dictionary] (11th — 14th cent.). Vol. I–. Moscow, 1988–.

Bol'shoi tolkovyi slovar' donskogo kazachestva [A Comprehensive Interpretative Dictionary of the Don Cossaks]. Moscow, 2003.

Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastei [Dictionary of Russian Dialects in Karelia and the Neighbouring Regions]. Vols. 1–6. Saint Petersburg, 1994–2005.

Slovar' russkikh govorov Sibiri [Dictionary of Russian Dialects in Siberia]. Vol. 1–. Novosibirsk, 1999–.

Slovar' russkogoazyka XI–XVII vv [Dictionary of Russian Language of the 11th — 17th Centuries]. Iss. 1–. Moscow, 1975–.

Složnik belaruskikh govorak paŭnochna-zachodnyai Belarusi i yae pagranichcha [Dictionary of Belarusian Dialects of the North-West Belarus and Its Borderlands]. Vols. 1–5. Minsk, 1979–1986.

Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian Dialects]. Iss. 1, 2. Moscow — Leningrad, 1965–1966. Iss. 3–. Leningrad (Saint Petersburg), 1968–.

Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogoazyka [Dictionary of the Contemporary Russian Literary Language]. Vol. 1–17. Moscow; Leningrad, 1950–1965.

Staroslavjanskii slovar' (po rukopisyam X–XI vekov) [Old Church Slavonic Dictionary (after the 10th — 11th century manuscripts)]. Moscow, 1994.

Tupikov N. M. *Slovar' drevnerusskikh lichnykh sobstvennykh imen* [Dictionary of Old Russian Personal Names]. Moscow, 2004.

Tolkovy slovar' russkogoazyka s vključeniem svedenii o proiskhoždenii slov [Interpretative Dictionary of the Russian Language with Inclusion of Data on Word Origins]. Ed. by N. Yu. Shvedova. Moscow, 2007.

Varbot Zh. Zh. *Praslavjanskaya morfonolgiya, slovoobrazovanie i etimologiya* [Proto-Slavic Etymology, Word Formation and Etymology]. Moscow, 1984.

Vasmer M. *Etimologičeskii slovar' russkogoazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Vols. 1–4. Moscow, 1964–1973.

Veselovskii S. B. *Onomastikon. Drevnerusskie imena, prozvišča i familii* [Onomasticon. Old Russian Names, Nicknames and Surnames]. Moscow, 1974.

Vinogradov V. V. *Russkii yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [Russian Language (A grammatical theory of the word)]. Moscow; Leningrad, 1947.

Zhuravlev A. F. *Evolyutsii smyslov* [Evolutions of Meanings]. Moscow, 2016.

Zhuravlev A. F. *Yazyk i mif. Lingvisticheskii kommentarii k trudu A. N. Afanas'eva «Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu»* [Language and Myth. A Linguistic Commentary to A. N. Afanasyev's "The Slavs' Poetic Outlook on Nature"]. Moscow, 2005.

Л. Крлик

*Институт языкознания им. Л. Штура Словацкой академии наук
(Словакия, Братислава)
lubor.kralik@juls.savba.sk*

**ПРАСЛАВ. ДИАЛ. *MELDЪ ‘МЯГКИЙ’
(> *MELD-ЬНЪ, *MELD-Ь, *MELD-РЪ)¹**

В «Этимологическом словаре славянских языков» праслав. диал. **meldьнь* (с рефлексам в западной части южно-славянского ареала, ср. с.-хорв. диал. *mledan*, словен. *mleden* ‘тощий, слабый, нежный; безвкусный’ и др.) объясняется О. Н. Трубачёвым как образование от корня **meld-*, связанного с праслав. **moldь* ‘мягкий; молодой’. Такую интерпретацию можно углубить, считая праслав. **meldьнь* расширением праслав. диал. **meldь* ‘мягкий’ как параллельного образования (с корневым аблаутом) к праслав. **moldь*; ср. др.-ирл. *mell* ‘приятный, восхитительный’, если оно восходит к пракельт. **meldo-* ‘мягкий, приятный’, соответствующему праслав. **meldь* (**o*-основа). Ср. также рус. диал. *melédítъ* ‘медлить, мешкать’ как возможный рефлекс праслав. **melditi* (деноминативный глагол от **meldь*). — Кроме **meld-ьнь*, праслав. **meldь* стало производящей основой и для других расширений, образованных при помощи праславянских адъективных суффиксов: **meld-ь* (ср. словац. диал. *mliedzi* ‘слабый, хилый, чахлый; [о пище] несытный’) и **meld-рь* (реконструированное на основе словац. *m'andravý* ‘дряблый, вялый и т.п.’ < *mlendravý* < **mledr-avý*). — На основе русского и словацкого лексического материала можно также сделать вывод о том, что праслав. диал. **meldь* существовало не только у южных славян, но и в восточно- и западнославянском ареалах.

Ключевые слова: этимология, праславянский язык, лексические диалектизмы праславянского языка, праславянские прилагательные, праслав. **meldь* и его производные, пракельт. **meldo-*

1. Академический «Словарь словацких диалектов» [SSN 2: 175] содержит неизвестное словацкому литературному языку прилагательное *mliedzi*, по данным словаря, зафиксированное в верхнетренчинских говорах северной группы

¹ Работа выполнена при поддержке Научного грантового агентства Министерства образования, науки, исследовательской деятельности и спорта Словацкой республики и Словацкой академии наук (VEGA; проект №2/0103/19).

западнорусских диалектов. SSN дает для указанного выражения два значения: 1. 'слабый, хилый, чахлый' (*Narvostol veľikí chlap s ňeho, aľe je ml'iedzi* «Из него вырос большой мужчина, но он чахлый» — с. Папрадно, р. Поважска-Бистрица; *Tomáš je jakisi ml'iedzi jako dzecko* «Томаш как ребенок какой-то хилый» — с. Брвниште, р. Поважска-Бистрица); 2. '(о пище) не насыщающий вдоволь, недостаточно плотный, негустой' (*Kukuričná kaša je ml'iedzé jedzeňie* «Кукурузная каша — кушанье несытное» — с. Папрадно, р. Поважска-Бистрица).

«Начальным этапом этимологического анализа в большинстве случаев является фонетическое моделирование этимона» [Теуш 2019: 69]. Для этимологической интерпретации словац. диал. *ml'iedzi* особенно важен вопрос о происхождении звонкой аффрикаты *dz* [дз]; здесь возможны два объяснения: — 1. Согласный *dz* является рефлексом праслав. **dj* (ср. праслав. **medja*, **rydjъ(jь)*, **gadjati* > словац. литер. *medza* 'межа', *rydzi* '[о металлах] чистый, беспримесный', *hádzat* 'бросать, метать' и т. п.). — 2. Согласный *dz* возник из палатального согласного *d'* [дь] в результате ассибиляции *d' > dz*, известной в верхнетренчинских говорах, см. [Krajčovič 1988: 230; Štolc 1994: 89]; ср. также формы *dzecko* 'ребенок' (литер. *decko* [d'e-]²), *jedzeňie* '«едение»; еда; блюдо' (литер. *jedenie* [-d'e-] < **ědenъje*), встречающиеся в приведенных в SSN иллюстративных примерах.

Указанный словарь [SSN 2: 173] содержит также существительное *mledzoň* экспр. 'бледный, истощенный человек' (редкое; с. Смречани, р. Липтовски-Микулаш), объяснимое как образование³ от диал. *ml'iedzi* 'слабый и т. п.'⁴ и, видимо, свидетельствующее о более широком распространении в прошлом производящего прилагательного в словацких диалектах. Факт, что диал. *mledzoň* зафиксировано в липтовских говорах,⁵ которым не свойственна ассибиляция *d' > dz* и в которых палатальный согласный *d'* в большинстве случаев сохраняется [Krajčovič 1988: 245–246; Štolc 1994: 62–63], указывает на то, что аффриката *dz* в словац. диал. *ml'iedzi*, *mledzoň* — скорее всего, регулярный фонетический рефлекс праслав. **dj*.⁶

² По В. Махеку [Machek 1957: 86, s. v. *ditě*], из **děťsk-o* как субстантивированной краткой формы ср. р. праслав. **děťskъ* 'детский' (к субстантивации ср. также чеш. *mužský* 'мужской; мужчина', *ženská* 'женская; женщина'). В смысле альтернативного объяснения словац. *decko* 'ребенок' — уменьшительное производное от диал. *deco* 'то же', из праслав. **děťce* (ср. др.-чеш. *diětce*) как деминутива от праслав. **děte* 'дитя, ребенок', **děť* coll. 'дети', **děti* мн. 'то же' [ЭССЯ 5: 16; SP 3: 173].

³ С количественным чередованием корневого вокализма (*ie : e*).

⁴ К словообразовательной модели ср., напр., словац. *mładý* 'молодой': диал. *mład-oň* экспр. 'молодой человек' [SSN 2: 170: с. Мошовце, р. Мартин]. Суффикс *-oň* восходит к праслав. **-onjъ*, см. о нем [Vaillant 1974: 624; SP 2: 133].

⁵ Липтовские говоры принадлежат к северной группе среднесловацких диалектов.

⁶ В связи с диал. *mledzoň* заслуживает внимания также диал. *mlezoň* экспр. 'избалованный человек (обычно ребенок)', в «Словаре словацких диалектов» [SSN 2: 174] проиллюстрированное примерами из загорских (с. Яблонове и Кухиня, р. Малацки) и трнавских (с. Виштук, р. Модра) говоров южной группы западнорусских диалектов. Вероятно, диал. *mlezoň* можно отнести к местным диалектным формам типа *meza* 'межа' (словац. литер. *medza*; праслав. **medja*), *saza* 'сажа' (литер. *sadzja*; праслав. **sadjja*), *zerza* 'ржавчина' (ср. литер. *hrdza*; праслав. **rđja*) и др., в которых на месте праслав. **dj* встречается согласный *z*, см. [Stanislav 1967: 350–351; Štolc 1994: 37]; в таком случае диал. *mlezoň*

Поэтому представляется возможным высказать предположение о том, что словацк. диал. *mliedzi* является континуантом праслав. **meldjь*, образованного при помощи суффикса **-jь* (см. о нем [Vaillant 1974: 429–432]) от корня **meld-*, ставшего основой и для праслав. **meldьнь*, реконструкция которого основана на с.-хорв. диал. *mlēdan*, *млѣдан*, *млиједан*, *мъедан*, *-дна* ‘тощий, слабый, нежный, чувствительный’, *mlidan* ‘безвкусный, пресный’ и словен. *mlēden*, *-dna* ‘отощавший, исхудалый; безвкусный’ [ЭССЯ 18: 81, s. v. **meldьнь*].⁷ Аргументом в пользу такого соотношения может служить несомненная семантическая близость словацкого и южно-славянских выражений; к словообразовательному параллелизму **meld-ьнь*: **meld-jь* ср. также цслав. (серб.) *bьdr-ьнь* ‘*πρόθυμος*, *alacer*’ [Miklosich 1977: 49]: стсл. *bьždr’ь* ‘бодрый’ [SJS 1: 150; **bьdr-jь*] как параллельные расширения («*élargissements*») праслав. **bьdrь*, на которые указал уже А. Вайан [Vaillant 1974: 430, 455].

2.1. В словарной статье, посвященной праслав. **meldьнь* [ЭССЯ 18: 81–82], О. Н. Трубочёв пишет об этом слове: «Прилаг. на *-ьнь* от **meld-*, связанного чередованием с **moldь* [рус. *молодой* и др. — Л. К.] (см.), как верно понял уже Ягич... Значения ‘тощий, слабый’, ‘нежный’ развились из первонач. ‘мягкий’, ‘размельченный’» [указ. соч.: 81]. Автор также обращает внимание на диалектный характер праславянской лексемы⁸ и указывает на ее более глубокие индоевропейские истоки, связывая ее с лтш. *mēldi* мн., лит. *mēldai* ‘камыш’, греч. *μῆλδομαι* ‘размягчаться’, др.-англ. *meltan* ‘таять, плавить(ся)’ и гот. *mildeis* ‘милостивый, милый’, нем. *mild*, возводимыми к и.-е. **meld-*, в то время как в праслав. **moldь* представлена другая огласовка этого корня — **mold-*, ср. др.-прусск. *maldai* (им. мн.) ‘отроки’, *maldian* (вин. ед.) ‘жеребенок’ и др. [ЭССЯ 19: 177–179, s. v. **moldь(jь)*]. Ср. теперь также [ESJS 8: 480–481, s. v. *mladь* ‘*mladý*; *jung*’; NIL: 482–485, s. v. **meld-* ‘*weich werden*’].

Судя по употребленной в ЭССЯ формулировке («от **meld-*, связанного с чередованием с **moldь*»), можно сделать вывод, что О. Н. Трубочёв ограничился в указанном контексте констатацией наличия в **meldьнь* корня **meld-*. Наши рассуждения, учитывающие неизвестный тогда автору словацкий диалектный материал, позволяют сделать здесь дальнейший шаг к т. наз. цельнолексемной реконструкции.⁹

Выше мы указали на цслав. *bьdr-ьнь* и стсл. *bьždr’ь* (**bьdr-jь*), являющиеся параллельными расширениями исходного праслав. **bьdrь*. В случае праслав. **meld-ьнь* (см.

представляет собой этимологический вариант диал. *mlędzoň*. Значение ‘избалованный человек’ могло возникнуть в результате семантического развития типа ‘(физически) слабый’ > ‘требующий помощи; являющийся объектом особого внимания, особой заботы и т. п.’ > ‘избалованный’.

⁷ К более широкому обзору южно-славянского диалектного материала ср. также [Куркина 1992: 81].

⁸ «К сожалению, этот праслав. диалектизм не получил отражения в словаре Бернекера...» [указ. соч.: 82]. Ср. также соответствующую информацию о праслав. **moldь*: «Праслав. **moldь* связано чередованием корневых гласных с **meldьнь* (см.), ограниченным в своем распространении запад. диалектами ю.-слав. ареала» [ЭССЯ 19: 178].

⁹ Ср. уже следующее высказывание О. Н. Трубочёва: «Современное исследование считает наиболее актуальным выявление этимологических соответствий и параллелей, представленных целыми словами...» [Трубочёв 1963б: 164].

ЭССЯ) и **meld-jь* (к реконструкции см. выше) можно, per analogiam, сделать вывод о том, что перед нами параллельные расширения исходного праслав. **meldъ* как прилагательного, сходного в морфологическом отношении (**meld-o-*, **o-*-основа) с праслав. **moldъ* (**mold-o-*), но отличающегося от него корневым вокализмом.¹⁰ Праслав. **meldъ* (**meld-o-*) находит возможное соответствие¹¹ в пракельт. **meldo-* 'мягкий, приятный (mild, pleasant)' (др.-ирл. *mell* 'приятный, восхитительный [pleasant, delightful]'); ср. данные словаря Р. Матасовича [Matasović 2009: 262: «OIr. *mell* represents **meldo-*...»], где пракельт. **meldo-* возводится к и.-е. **meld-* 'мягкий, нежный (tender, mild, soft)', причем, однако, указывается и на возможность его соотнесения с и.-е. **meld^h-*.¹²

2.2. К словообразовательному гнезду праслав. **meldъ* можно, видимо, отнести и рус. диал. *меледа* 'тягостная, бессмысленная работа', *мелédить* 'медлить, мешкать и т. п.' (с дальнейшими производными; ср. также ниже), на возможную связь которых со с.-хорв. диал. *mledan*, словен. *mleden* указала — на корневом уровне («продолжения праслав. **meld-*») — Л. В. Куркина [Куркина 1983: 9].¹³ Обращая внимание на семантику производных от рус. диал. *меледа*, «передающих замедленный характер действия» [там же], автор делает интересное наблюдение, согласно которому значение русских выражений (как и сопоставляемых с ними южно-славянских лексем) «нетрудно представить как результат конкретизации и некоторого видоизменения исходной семантической базы — 'вялый, слабый, мягкий'» [указ. соч.: 9–10].

Исходя из праслав. **meldъ*, представляется возможной также реконструкция деноминативного глагола **melditi*, **meldjo*; об этом типе глаголов на **-i-ti* см. [Vaillant 1966: 432; SP 1: 57]. Такой глагол может сохраняться в рус. диал. *мелédить* 'медлить, мешкать' и др. (см. выше; ср. теперь [СРНГ 18: 96]); не исключено, однако, что рус. диал. *мелédить* представляет собой более позднее, уже не праславянское, а русское образование от рус. **меледый* (**меледóй*?) как ожидаемого рефлекса праслав. **meldъ*. — В качестве деривационной параллели ср., напр., рус. *вялый*: диал. (влад., костром.) *вялить* '2. медленно или нерешительно, неохотно говорить' [СРНГ 6: 78].

Рус. диал. *меледа* — вероятно, обратное производное от диал. *мелédить*. Диал. *меледа́* 'промедление, мешканье; праздное препровождение времени' [СРНГ 18: 96, s. v. 2. *Меледа́*] объяснимо как первоначальное abstractum (> nomen actionis), в то время как диал. *меледа́* 'о медлителем человеке; о суетливом человеке' [там

¹⁰ Не исключена, однако, и реконструкция **meld-ǔ-* как варианта **mold-ǔ-* (**ǔ-*-основа), на чье существование указывают случаи типа др.-чеш. *z-mladu*, польск. *za młodu* 'в юных годах', рус. *с-молоду* 'с молодого возраста' — ср. [ESJS 8: 481], а также [NIL: 482: «? **mold-u-*»], где славянский материал сопоставляется с др.-прусс. *maldūnin* ж. (вин. ед.) 'Jugend'.

¹¹ «...методику изучения праславянских лексических диалектизмов должна отличать важность определения и характеристики корневой морфемы, в частности ее этимологических индоевропейских связей» [Трубачёв 1963а: 157, примеч. 2].

¹² Обе интерпретации допускаются для кельтского материала и в [NIL: 485, s. v. **meld-* 'weich werden', примеч. 17; указ. соч.: 486, s. v. **meld^h-* 'ablassen von, im Stich lassen', примеч. 4].

¹³ К сожалению, гипотеза Л. В. Куркиной (см. также подробное ее изложение в [Куркина 1992: 81–83]) осталась не учтенной в ЭССЯ. — О формальном аспекте указанной интерпретации русского материала (праслав. **meld-* > рус. *мелед-*) ср., в рамках анализа механизмов перестановки плавных [Минлос 2003: 391]: «**CelC-* > [*CeleC*]; *C*₂ — зубной».

же] — *nomen agentis*. О соответствующих значениях отглагольных образований с суффиксом **-a* см. [SP 1: 60].¹⁴

Таким образом, мы считаем возможной реконструкцию прилагательного **meldъ* (**meld-o-*) как праславянского диалектизма (с возможным внеславянским соответствием в виде пракельт. **meldo-*), существовавшего — судя по его дериватам — не только в западной части южно-славянского ареала, но и у части западных (современные словаки), а также восточных славян.

3. В заключение вернемся к словацкому лексическому материалу.

3.1. В «Историческом словаре словацкого языка» [HSSJ 2: 310] приведено прилагательное *m'adzavý* ‘вялый, слабый’, встречающееся в рукописном собрании практических советов XVIII в.:¹⁵ *wodka z trnok palena dobra gest, kdis zaludok oslabeni a mladzawi gest* «Самогон, который варят из терна [*Prunus spinosa*. — Л. К.], хорош, когда желудок ослабленный и вялый». *M'adzavý* (с палатальным *l'* [ль]) — по всей вероятности, модификация исходного **mledzavý*; форма *m'adzavý* объяснима как результат спорадического фонетического развития (*le >*) *le > lã > la*, ср. случаи типа словац. диал. *l'ed, l'äd*, литер. *l'ad* ‘лед’ (праслав. **ledъ*), диал. *l'en, l'än*, литер. *lan* ‘лен’ (праслав. **lъnъ*), литер. *bledý*, диал. *bl'ädi, bl'adi* ‘бледный’ (праслав. **blědъ(jь)*) и др. Подробнее об этом явлении см. [Stanislav 1967: 428–430].

Словац. **mledzavý* — образование с суффиксом **-avъ* (см. о нем [Vaillant 1974: 471–474]), предполагающее исходное **meldjavъ(jь)*. На основе реконструкции праслав. **moldjavъjъ* (ср. рус. *моложавый*, укр. *моложáвий*, брус. *ма-ладжáвы* и др. [ЭССЯ 19: 167]) напрашивается вывод о том, что и параллельное **meldjavъ(jь)* может претендовать на праславянскую древность, будучи производным: 1. от **meldjъ* (т. е. в словообразовательном отношении **meldjavъ(jь) = *meldjavъ(jь)*); 2. от **meldъ* (т. е. **meldjavъ(jь) = *meld-javъ(jь)*, с вариантным суффиксом **-javъ*; ср. уже [Vaillant 1974: 473]).

Не исключено, однако, что **mledzavý* представляет собой лишь относительно недавнее, уже словацкое образование от словац. диал. *mliedzi* ‘слабый и т. п.’, причем суффикс *-avý* имеет здесь, скорее всего, усилительную функцию; ср. случаи типа словац. диал. *blatný* ‘полный грязи (обыкновенно о местности, дороге)’ [SSN 1: 126]; *blatn-avý* ‘то же’ [там же], *čistušký* экспр. ‘очень, в наибольшей степени, приятно чистый’ [указ. соч.: 267]; *čistušk-avý* экспр. ‘приятно, заметно чистый’ [там же], *dlhoký* ‘длинный; долгий’ [указ. соч.: 321]; *dlhoč-avý* экспр. ‘очень длинный; очень долгий’ [там же] и др.

3.2. К словообразовательному гнезду праслав. **meldъ* можно отнести — вслед за В. Махеком [Machek 1957: 300], сопоставившим это выражение с с.-хорв.

¹⁴ Подробный анализ русских диалектизмов с корнем *мелед-* (или, точнее, словообразовательного гнезда рус. **меледый/меледой*) выходит за рамки настоящего исследования.

¹⁵ Условное название этого языкового памятника — «Примечания и советы гигиенические, естествоведческие, метеорологические, экономические» (Poznámky a rady hygienické, prírodopisné, meteorologické, ekonomické). Рукопись хранится в Словацком национальном музее в г. Мартин, шифр 491/592.

*mledan*¹⁶, — и словац. *m'andravý*, распространенное в диалектах всех основных диалектных групп [SSN 2: 171] и вошедшее также в литературный язык [SSJ 2: 158; SSSJ 3: 295]; его семантика (1. 'дряблый, вялый': *m'andravé svaly* 'вялые мышцы', *m'andravý človek* 'лишенный живости, энергии человек'; 2. 'о продовольственных продуктах: слишком мягкий, не обладающий прочной консистенцией': *m'andravé kyslé uhorky* 'мягкие кислые огурцы' и т. п.), видимо, в значительной степени совпадает с семантикой словац. диал. *mliedzi* (см. выше).

Слово отмечено уже у М. Калала [Kálal 1923: 337], который дает для него и вариантную форму *mlendravy* [там же], ссылаясь на словарь словацкого просветителя Ю. Палковича [Palkowitsch 1820: 920]; этот лексикографический источник содержит древнейшую известную нам фиксацию указанного выражения: «Mlendravy... sl.¹⁷ zart, tener».

Судя по всему, *mlendravy* — в хронологическом отношении более древняя форма, в которой произошло упомянутое выше фонетическое развитие (*le >*) *le > l'ä > la*, отдельные этапы которого зафиксированы в словацких говорах; ср. формы *m'endravi*, *mländraví* в иллюстративных примерах, приводящихся в SSN (s. v. *m'andravý*).

Сама форма *mlendravy* возникла, по нашему мнению, из первоначального **mledravý* — к вторичному *n* перед взрывными зубными согласными ср. словац. литер. *mátať*, диал. *mántať* 'ходить как привидение; пугать' (праслав. **matati*), диал. *komendijant* 'комедиант', диал. *hadra*, литер. *handra* 'тряпка' (из нем. *Hader* 'то же'); см. уже [Stanislav 1967: 623]. Не исключено, что указанная нерегулярная модификация формы связана и с потенциально экспрессивным характером семантики 'слабый, вялый и т. п. '; ср. рассуждения об «аффективной назализации» в работе В. Махека [Machek 1930: 25 и сл.].

Словац. **mledravý* допускает интерпретацию **mledravъ(jь)* — может быть, это расширение (с суффиксом *-avъ, ср. выше) исходного **mledrъ*, образованного от корня **meld-* при помощи суффикса *-rъ? Учитывая древний, уже праславянский характер таких адъективных образований,¹⁸ представляется возможной и реконструкция праслав. **meld-rъ* 'мягкий, слабый и т. п. '.

Литература

Куркина Л. В. Славянские этимологии (**korda*, **moldъjь*, **pelti*, **peljo* и **pelti*, **pelvo*) // Этимология 1981 / Отв. ред. О. Н. Трубочёв. М.: Наука, 1983. С. 3–16.

Куркина Л. В. Диалектная структура праславянского языка по данным южнославянской лексики. Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti, 1992. 261 p.

Миндос Ф. П. Рефлексы праслав. **CelC* в восточнославянских языках // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. Доклады российской

¹⁶ Жаль, это ценное сближение осталось не упомянутым в ЭССЯ.

¹⁷ «sl.» — квалификатор, обозначающий словацкие выражения; ср. [Palkowitsch 1820: IV].

¹⁸ «En slave, les adjectifs en -rŭ... sont tous anciens et remontent... à l'époque du slave commun» [Vaillant 1974: 633].

делегации. Люблина, 2003 г. / Отв. ред. А. М. Молдован. М.: Индрик, 2003. С. 389–394.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Вып. 1–51–. Ленинград (Санкт-Петербург): Наука, 1965–2019–.

Теуш О. А. Методы этимологических исследований: учебное пособие. М.: ИН-ФРА-М, 2019. 166 с.

Трубачёв О. Н. О праславянских лексических диалектизмах сербо-лужицких языков // Сербо-лужицкий лингвистический сборник / Отв. ред. Л. Э. Калнынь. М.: Издательство Академии наук СССР, 1963а. С. 154–172.

Трубачёв О. Н. О составе праславянского словаря (Проблемы и задачи) // Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов (София, сентябрь 1963) / Гл. ред. В. В. Виноградов. М.: Издательство Академии наук СССР, 1963б. С. 159–196.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Под ред. О. Н. Трубачёва, А. Ф. Журавлёва, Ж. Ж. Варбот. Вып. 1–41–. М.: Наука, 1974–2018–.

ESJS — Etymologický slovník jazyka staroslověnského. Hl. red. E. Havlová, A. Erhart, I. Janyšková. Sešit 1–19–. Praha, Brno: Academia, Tribun EU, 1989–2018–.

HSSJ — Historický slovník slovenského jazyka. Ved. red. M. Majtán. Zv. 1–7. Bratislava: Veda, 1991–2008.

Káral M. Slovenský slovník z literatúry a nárečí. (Slovensko-český diferenciálny.) Banská Bystrica: Slovenská Grafia, 1923. 1112 p.

Krajčovič R. Vývin slovenského jazyka a dialektológia. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1988. 344 p.

Machek V. Studie o tvoření výrazů expresivních. Praha: nákladem Filosofické fakulty University Karlovy, 1930. IV + 156 p.

Machek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha: Nakladatelství Československé akademie věd, 1957. 627 p.

Matasovič R. Etymological Dictionary of Proto-Celtic. Leiden–Boston: Brill, 2009. xi + 458 p.

Miklosich F. Lexicon Palaeoslovenico-Graeco-Latinum emendatum auctum. (2. Neu-druck der Ausgabe Wien 1862–65.) Aalen: Scientia Verlag, 1977. XXII + 1171 p.

NIL — Wodtko D. S., Irslinger B., Schneider C. Nomina im Indogermanischen Lexikon. Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2008. LXXX + 863 p.

Palkowitsch G. Böhmisches-deutsch-lateinisches Wörterbuch mit Beyfügung der den Slowaken und Mähren eigenen Ausdrücke und Redensarten. Erster Band (A–N). Prag 1820.

SJS — Slovník jazyka staroslověnského. Hl. red. J. Kurz, Z. Hauptová. Sv. 1–4. Praha: Nakladatelství Československé akademie věd (Academia), 1958–1997.

SP — Słownik prasłowiański. Red. F. Sławski. T. 1–8–. Wrocław etc.: Zakład Narodowy Imienia Ossolińskich — Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1974–2001–.

SSJ — Slovník slovenského jazyka. Ved. red. Š. Peciar. Zv. 1–6. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1959–1968.

SSN — Slovník slovenských nářečí. Ved. red. I. Ripka. Zv. 1–2–. Bratislava: Veda, 1994–2006–.

SSSJ — Slovník súčasného slovenského jazyka. Hl. red. K. Buzássyová, A. Jarošová. Zv. 1–3–. Bratislava: Veda, 2006–2015–.

Stanislav J. Dejiny slovenského jazyka. I. Úvod a hláskoslovie. 3., doplnené vydanie. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied 1967. 709 p.

Štolc J. Slovenská dialektológia. Z autorovej pozostalosti na vydanie pripravil I. Ripka. Bratislava: Veda 1994. 179 p. + 37 maps.

Vaillant A. Grammaire comparée des langues slaves. Tome III. Le verbe. Paris: Éditions Klincksieck, 1966. 577 p.

Vaillant A. Grammaire comparée des langues slaves. Tome IV. La formation des noms. Paris: Éditions Klincksieck, 1974. 809 p.

Lubor Králik

L. Štúr Institute of Linguistics of the Slovak Academy of Sciences

(Bratislava, Slovakia)

lubor.kralik@juls.savba.sk

PROTO-SLAVIC DIAL. *MELDŮ 'SOFT'

(> *MELD-ĪNŮ, *MELD-JĪ, *MELD-RŮ)

In the “Etymological Dictionary of Slavic Languages”, O.N. Trubachev explained Proto-Slavic dial. **meldĭnŭ* (with reflexes attested in the Western part of the South Slavic area; cf. Serbo-Croatian *mledan*, Slovene *mleden* ‘weak, feeble; soft, sensitive’, etc.) as a derivative of the root **meld-*, related to Proto-Slavic **modŭ* ‘soft; young’ (cf. Old Church Slavonic *mladŭ* ‘young’, Russian *molodŭi* ‘id.’, etc.; ultimately from Indo-European **meld-* ‘to grind, hit; fine’). This interpretation may be further elaborated by assuming that Proto-Slavic **meldĭnŭ* is derived from Proto-Slavic dial. **meldŭ* ‘soft’ which is a parallel formation (with root ablaut) to Proto-Slavic **modŭ*; cf. Old Irish *mell* ‘pleasant, delightful’, possibly from Proto-Celtic **meldo-* ‘mild, pleasant’ corresponding to Proto-Slavic **meldŭ* (**o*-stem formation). Cf. also Russian dial. *meledit’* ‘be slow/tardy, delay, linger, etc.’ as a possible reflex of Proto-Slavic **melditi* (denominative verb of **meldŭ*). — In addition to **meld-ĭnŭ*, Proto-Slavic **meldŭ* also seems to have been enlarged, by means of other Proto-Slavic suffixes, to **meld-jĭ* (cf. Slovak dial. *mliedzi* ‘weak, puny, sickly; [of a meal] not substantial’) and **meld-rŭ* (reconstructed from Slovak *m’andravý* ‘soft, flabby, languid’ < *mleandravý* < **mledr-avý*). — At the same time, the Russian and Slovak data allow the conclusion that, in addition to the Slavic South, Proto-Slavic dial. **meldŭ* also existed in East and West Slavic area.

Key words: etymology, Proto-Slavic, lexical dialectisms in Proto-Slavic, Proto-Slavic adjectives, Proto-Slavic **meldŭ* and its derivatives, Proto-Celtic **meldo-*.

References

Etimologičeskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskii leksičeskii fond [Etymological Dictionary of Slavic Languages. Proto-Slavic Lexical Stock]. O.N. Trubachev, A.F. Zhuravlev, Zh. Zh. Varbot (Eds.). Vols. 1–41–. Moscow: Nauka Publ., 1974–2018–. (In Russ.)

Etymologický slovník jazyka staroslověnského [Etymological Dictionary of the Old Church Slavonic Language]. E. Havlová, A. Erhart, I. Janyšková (Eds.). Vols. 1–19–. Prague; Brno: Academia Publ., Tribun EU Publ., 1989–2018–. (In Czech)

Historický slovník slovenského jazyka [Historical Dictionary of the Slovak Language]. M. Majtán (Ed.). Vols. 1–7. Bratislava, Veda Publ., 1991–2008. (In Slovak)

Káľal M. *Slovenský slovník z literatúry a nárečí. (Slovensko-český diferenciálny.)* [Slovak Dictionary of the Literary Language and Dialectal Speech (A Slovak-Czech Differential One).] Banská Bystrica: Slovenská Grafia Publ., 1923, 1112 p. (In Slovak)

Krajčovič R. *Vývin slovenského jazyka a dialektológia* [Slovak Language History and Dialectology]. Bratislava: Slovak Pedagogical Publishing House, 1988, 344 p. (In Slovak)

Kurkina L. V. [Slavic Etymologies (*korda, *moldъjъ, *pelti, *peljъ and *pelti, *pelvъ)]. *Etimologiya 1981* [Etymology 1981]. O.N. Trubachev (Ed.). Moscow: Nauka Publ., 1983, pp. 3–16. (In Russ.)

Kurkina L. V. *Dialektnaya struktura praslavyanskogo yazyka po dannym yuzhno-slavyanskoi leksiki* [Dialectal Structure of the Proto-Slavic Language in the Light of South Slavic Lexicon]. Ljubljana: Slovene Academy of Sciences and Arts, 1992, 261 p. (In Russ.)

Machek V. *Studie o tvoření výrazů expresivních* [Studies on the Formation of Expressive Words]. Prague: Faculty of Arts at Charles University, 1930, IV + 156 p. (In Czech)

Machek V. *Etymologický slovník jazyka českého a slovenského* [Etymological Dictionary of the Czech and Slovak Languages]. Prague: Publishing House of the Czechoslovak Academy of Sciences, 1957, 628 p. (In Czech)

Matasović R. *Etymological Dictionary of Proto-Celtic*. Leiden; Boston: Brill Publ., 2009, xi + 458 p.

Miklosich F. *Lexicon Palaeoslovenico-Graeco-Latinum emendatum auctum. (2. Neudruck der Ausgabe Wien 1862–65.)* [Old Church Slavonic-Greek-Latin Dictionary, Corrected and Expanded. 2nd Reprint of the Edition Vienna 1862–65.] Aalen: Scientia Publ., 1977, XXII + 1171 p.

Minlos F. R. [Reflexes of Proto-Slavic *CelC in East Slavic Languages]. *Slavyanskoe yazykoznanie. XIII Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov. Doklady rossiiskoi delegatsii. Lyublyana, 2003* [Slavic Linguistics. 13th International Congress of Slavists. Contributions of the Russian Delegation. Ljubljana, 2003]. A. M. Moldovan (Ed.). Moscow: Indrik Publ., 2003, pp. 389–394. (In Russ.)

Palkowitsch, G. *Böhmisch-deutsch-lateinisches Wörterbuch mit Beyfügung der den Slowaken und Mähren eigenen Ausdrücke und Redensarten* [Czech-German-Latin Dictionary, with the Addition of Words and Expressions Used by Slovaks and Moravians]. Vol. 1 (A–N). Prague 1820.

Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian Dialects]. F.P. Filin, F.P. Sorokoletov, S.A. Myznikov (Eds.). Vols. 1–51–. Leningrad (Sankt-Peterburg): Nauka Publ., 1965–2019–.

Slovník jazyka staroslověnského [Dictionary of the Old Church Slavonic Language]. J. Kurz, Z. Hauptová (Eds.). Vols. 1–4. Prague: Publishing House of the Czechoslovak Academy of Sciences (Academia Publ.), 1958–1997.

Slovník slovenského jazyka [Dictionary of the Slovak Language]. Š. Peciar (Ed.). Vols. 1–6. Bratislava: Publishing House of the Slovak Academy of Sciences, 1959–1968.

Slovník slovenských nářečí [Dictionary of Slovak Dialects]. I. Ripka (Ed.). Vols. 1–2–. Bratislava, Veda Publ., 1994–2006–.

Slovník súčasného slovenského jazyka [Dictionary of the Contemporary Slovak Language]. K. Buzássyová, A. Jarošová (Eds.). Vols. 1–3–. Bratislava: Veda Publ., 2006–2015–.

Słownik prasłowiański [Proto-Slavic Dictionary]. F. Sławski (Ed.). Wrocław etc., The National Ossoliński Institute — Publishing House of the Polish Academy of Sciences, 1974–2001–. (In Polish)

Stanislav J. *Dejiny slovenského jazyka. I. Úvod a hláskoslovie* [History of the Slovak Language. Vol. I. Introduction and Phonetics]. 3rd, expanded ed. Bratislava: Publishing House of the Slovak Academy of Sciences, 1967, 709 p. (In Slovak).

Štolc J. *Slovenská dialektológia* [Slovak Dialectology]. Edited from the author's estate by I. Ripka. Bratislava, Veda Publ., 1994, 179 p. + 37 maps. (In Slovak).

Teush O.A. *Metody etimologicheskikh issledovanií: uchebnoe posobie* [Methods of Etymological Research: A University Textbook]. Moscow: INFRA-M Publ., 2019, 166 p. (In Russ.)

Trubachev O.N. [On Proto-Slavic Lexical Dialectisms in Sorbian Languages]. *Serbo-luzhitskii lingvisticheskii sbornik* [Linguistic Studies in Sorbian]. L. E. Kalnyn' (Ed.). Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1963a, pp. 154–172. (In Russ.)

Trubachev O.N. [On the Composition of the Proto-Slavic Lexicon (Problems and Tasks)]. *Slavyanskoe yazykoznanie. Doklady sovetskoj delegatsii. V Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov (Sofiya, sentyabr' 1963)* [Slavic Linguistics. Contributions of the Soviet Delegation. 5th International Congress of Slavists (Sofia, September 1963)]. V.V. Vinogradov (Ed.). Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1963b, pp. 159–196. (In Russ.)

Vaillant A. *Grammaire comparée des langues slaves. Tome III. Le verbe* [Comparative Grammar of the Slavic Languages. Vol. III. Verb]. Paris: Éditions Klincksieck Publ., 1966, 577 p. (In French).

Vaillant A. *Grammaire comparée des langues slaves. Tome IV. La formation des noms* [Comparative Grammar of the Slavic Languages. Vol. IV. Nominal Formation]. Paris: Éditions Klincksieck Publ., 1974, 809 p. (In French).

Wodtko D.S., Irslinger B., Schneider C. *Nomina im Indogermanischen Lexikon* [Nouns in the Indo-European Lexicon]. Heidelberg: Universitätsverlag Winter Publ., 2008, LXXX + 863 p. (In German).

Л. В. Куркина

*Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
lyukurkina@rambler.ru*

**ПРАСЛАВЯНСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ДИАЛЕКТИЗМЫ
ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО СЛОВАРЯ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЭССЯ, ВЫП. 1–41)***

Вост.-слав. диалектизмы, выделенные в материалах ЭССЯ (вып. 1–41) по принципу неучастия в славянских соответствиях, составляют один из фрагментов праславянского лексического фонда. Диалектизмы, ограниченные в своем распространении вост.-слав. территорией, периферийной по отношению к остальному славянскому миру, сохраняют архаичные явления, утраченные или слабо сохранившиеся в славянских языках: древние глаголы, отдельные звенья морфонологических отношений, лексико-словообразовательные единицы с точными индоевропейскими соответствиями. Особого внимания требуют локальные связи вост.-слав. диалектизмов с балтийскими языками.

Ключевые слова: праславянский язык, праславянские диалектизмы, восточнославянская лексика.

ЭССЯ, ориентированный на реконструкцию и этимологизацию праславянского лексического фонда, дает богатый материал для исследования разных аспектов праславянской проблематики. Одна из проблем, решаемых в словаре, основанном на максимально полном использовании всех доступных лексикографических источников, связана с изучением состава лексических единиц. Реконструируемый праславянский словарь представляет собой довольно сложное образование, в котором сосуществуют фрагменты с разными пространственными и временными характеристиками. Помимо общеславянской части, в составе словаря значительное

* Статья написана при реализации проекта «Лексика славянских языков как наследие и развитие праславянского лексического фонда: словообразовательный, семантический и этимологический аспекты анализа в лексикографическом представлении», поддержанного грантом РФФИ № 19-012-00059.

место занимают лексические единицы с ограниченными связями на славянской территории и изолированные образования, выделяемые по принципу неучастия в славянских соответствиях. При определении особенностей состава праславянского лексического фонда существенно введенное О. Н. Трубачевым понятие «праславянский лексический диалектизм», вытекающее из разработанной им концепции праславянского языка, основные постулаты которой сформулированы в докладе О. Н. Трубачева на V Международном съезде славистов 1963 г. и в «Перспективе» словаря и сводятся к следующему: 1) изначальная диалектная дробность исходной системы, 2) автономность праславянских лексических фондов славянских языков и диалектов, 3) возможность сохранения праславянских лексических диалектизмов в одном языке или части диалектов одного языка, 4) возможность этимологических соответствий и даже полных этимологических тождеств в родственных и.-е. языках для узколокальных диалектных явлений на общеславянском фоне [Трубачев 1963: 160–168; Трубачев 1963a: 154–172; Трубачев 1991–1993: 3–23].

При определении диалектной структуры праславянского языка, лингвистических истоков отдельных славянских языков и славянских языковых групп особый интерес представляет та часть праславянского словаря, которая приходится на изолированные лексико-семантические и лексико-словообразовательные единицы, стоящие вне славянских соответствий. Диалектно ограниченные, изолированные явления в славянском словаре, «несмотря на свою обычно небольшую численность и кажущуюся случайность, обладают определенной доказательной силой» [Трубачев 1963: 169]. Именно лексические диалектизмы являются показателями изначальной диалектной множественности исходной системы, через пространственные характеристики и этимологизацию диалектизмов открываются идиомы, недоступные для реконструкции с опорой на данные фонетики или морфологии. Из характеристик, выявляемых на общеславянском фоне, складывается представление о словообразовательных, морфонологических особенностях этой части словаря, соответственно, об общем этимологическом ландшафте отдельных диалектов и языковых групп. Каждая языковая группа, каждый из славянских языков и диалектов предоставляет материал для решения этих вопросов. Для получения полной картины полезно было бы провести сравнительный анализ лексических диалектизмов разных языковых групп, но это станет возможным после выявления корпуса изолированных явлений по материалам отдельных славянских языков и диалектов.

Обращаясь к проблеме лексической дифференциации на праславянском уровне, мы сосредоточим внимание на той части праславянских диалектизмов, которые отличительно характеризуют вост.-слав. языковую группу в составе праславянского лексического фонда, реконструируемого в ЭССЯ. Выбор предмета исследования обусловлен многими факторами и не в последнюю очередь богатством лексикографических источников по вост.-слав. языкам. В плане этимологической ретроспективы реализуются поиски лексических диалектизмов в отдельных вост.-слав. языках, в первую очередь в русском и белорусском языках в работах О. Н. Трубачева. В упомянутом докладе О. Н. Трубачева 1963 г. [Трубачев 1963: 170 и след.; Трубачев 1978: 16–25] предложен первый опыт выделения в праславянском словаре древних

диалектизмов двух вост.-слав. языков — русского и белорусского — и нижнелужицкого языка. Предварительная выборка этимологических примеров такого рода (в русском 70 лексем, в белорусском 67) относится к самому начальному этапу работы над ЭССЯ, когда были сделаны самые первые шаги по составлению праславянских словников отдельных славянских языков. Для русского языка основным источником стали словарь М. Фасмера, собственные этимологические наблюдения автора, а по белорусскому языку, при отсутствии к тому времени этимологического словаря белорусского языка, автором проделана большая предварительная работа по изучению опубликованных к тому времени лексикографических источников, список которых предваряет перечень приведенных диалектизмов. Это направление получило развитие в других исследованиях О.Н. Трубачева [Трубачев 1987: 17–28; Трубачев 1991–1993: 3–23], а также в работах других исследователей [Мартынов 1975; Козлова 1977].

За время, истекшее с момента выхода в свет концептуально значимой работы О.Н. Трубачева, материальная база исследований обогатилась новыми лексикографическими источниками, отражающими лексику разных областей и не только вост.-слав. территории. Существенные дополнения вносят опубликованные в последние годы новые исторические, диалектные словари, а также этимологические словари славянских языков с их особым вниманием к диалектной лексике (Аникин, БЕР, ЭСБМ, ЕСУМ), материалы ОЛА, исследования проблем славянской этимологии и т. д. Продолжая намеченное в работах О.Н. Трубачева направление, связанное с разграничением общего и частного в словаре, с поисками региональных явлений, не выходящих за пределы одной языковой группы — восточнославянской, основываясь на материалах ЭССЯ, с появлением новых публикаций мы имеем возможность внести некоторые уточнения в предварительные списки, составленные О.Н. Трубачевым, и перейти от представления диалектизмов списком в алфавитном порядке к структурному анализу и распределению их в плане относительной хронологии. Предметом рассмотрения станут вост.-слав. диалектизмы в том объеме, в каком их предоставляют опубликованные выпуски ЭССЯ (1–41), с небольшими дополнениями из этимологических публикаций. Работа над словарем далека от завершения, тем не менее по материалам словаря, в котором более 20 тыс. словарных статей¹, возможны некоторые наблюдения общего характера об особенностях вост.-слав. словаря как самостоятельного, автономного образования. В составе праславянского словаря диалектизмы, общие для всей вост.-слав. группы, и диалектизмы, ограниченные в своем распространении отдельными языками и диалектами, — русскими, белорусскими или украинскими. В количественном измерении диалектизмов, ограниченных в своем распространении только вост.-слав. группой, возможны колебания в ту и другую сторону.

¹ В самом начале работы, еще до составления словарных картотек по славянским языкам, предполагалось, что количество словарных статей составит приблизительно 7000. Далее предполагалось, что словарь охватит 200 а.л. и будет разделен на два тома, в дополнительный третий том войдут индексы по всем славянским языкам [Перспектив 36]. Реально исследуемый материал оказался сложнее, богаче и вышел далеко за рамки предварительных расчетов.

И это вполне понятно, если принять во внимание, что результаты ЭССЯ отражают достижимый уровень наших знаний об исходной системе, уровень компетенции составителей при восстановлении праславянского словника. Надо иметь в виду, что наши знания о праславянской лексике носят опосредованный характер, поскольку к реконструкции исходного лексического состава мы идем через анализ лексики, зафиксированной древними памятниками, самые ранние из них датируются IX в., а также лексики славянских языков и диалектов в их современном состоянии. В письменных источниках старого и нового времени фиксируется конечный результат развития, а предшествующая история слова, до появления первых письменных памятников, имеет большую протяженность во времени, и она богаче письменной фиксации. Мы не можем определить, какая часть истории слова осталась за пределами его письменной фиксации [Трубачев 1991–1993: 12; Трубачев. Труды 1: 124]. К восстановлению древней ступени в развитии слова мы идем через этимологический анализ всей совокупности лексических данных. Необходимо также учитывать, что в условиях смешанного заселения древней Европы, неустойчивости и проницаемости этнических границ, сосуществования разных этносов на праславянской территории [Трубачев 1982: 12] лексика как наиболее подвижная часть языка претерпевала изменения, которые приводили к утрате слов, разрушению этимологических связей, появлению межславянских заимствований, перестройке лексико-семантических отношений и т.п. В ходе развития на изначальные диалектные связи наслаиваются культурно-исторические процессы, которые приводят к нивелированию первоначальных диалектных различий и перестройке диалектных отношений. В отличие от данных фонетики, позволяющих по формальному принципу наметить некоторые этапы в развитии праславянского языка (ср. закон открытого слога, метатеза плавных, палатализации и т.д.), лексические единицы не обладают таким четким распределением во времени и пространстве. Не укладываются в предполагаемые схемы деления праславянского языка (сначала по вертикали, а потом по горизонтали) дробные, мозаичные диалектные связи лексики. В силу этих и других причин наши знания о составе праславянского языка остаются неполными.

В целом вост.-слав. диалектизмы, неравномерно рассеянные по всей территории, — это репертуар разнооформленных лексических единиц, отличительно характеризующих вост.-слав. группу в общеславянском масштабе. В рамках славянского языкового пространства прослеживаются ограниченные связи таких локальных вост.-слав. явлений с отдельными диалектами западной или южной групп. Такие «внутриславянские изолексы носят весьма сложный характер и представляют для нас не меньшую ценность, чем славянско-неславянские» [Трубачев 1963: 168]. Попутно, в случае необходимости отмечаются такие факты, но в целом этот аспект исследования остается за пределами нашего внимания.

Состав вост.-слав. словаря многослоен. Праславянские диалектизмы, неоднородные по своему составу, по своим словообразовательно-семантическим характеристикам распадаются на фрагменты, не имеющие устойчивых очертаний и не поддающиеся полному охвату по причине сложности и множественности

предмета исследования. Статус лексической единицы в праславянском словаре зависит от многих обстоятельств и не в последнюю очередь от полноты материала. Новые материалы позволяют внести уточнения в географию слова. В качестве примера можно привести рус. диал. *бу́га* ‘затопляемый весенним разливом береговой лес и кустарник’, которое с обнаружением соответствий в ю.-слав. языках — болг. диал. *бѹга* ‘сырое, топкое место’, макед. *буга* ‘плесень’ [ЭССЯ 3: 78] — утрачивает статус изолированного вост.-слав. образования [Трубачев 1963: 171]. Другой пример — блр. диал. *чыты* ‘трезвый’ [Трубачев 1963: 184] с ю.-слав. соответствиями [ЭССЯ 4: 124].

При более широком охвате материала по-разному трактуется состав продолжений праслав. диал. **ѣра* в ЭССЯ и SP. О. Н. Трубачев видит в диал. **ѣра* след старой непроизводной основы **ѣра* < **оѣра* (> лтш. *iēra* ‘волдырь на коже’), сохранившейся в укр. диал. *япа* ‘нарост на дереве’, ‘рубец, полоса на шкуре животного от сильного удара палкой’, *јапа* ‘опухоль на теле’, ‘нарост на стволе дерева’, блр. диал. *япа* ‘грыжа у скота’, полесск. *јапа* ‘нарост на березе, ольхе, клене’ [ЭССЯ 6: 56; Трубачев 1963: 184]. Ф. Славский расширяет состав продолжений праслав. **ѣра*, включая польск. диал. *јапа* ‘рот’, ‘морда, пасть’, блр. диал. *япа* ‘морда’, хорв.-кайк. *јѣра* ‘папа, отец’ [SP 6: 132].

Во многих случаях, особенно когда речь идет о словах с затемненной внутренней формой, словообразовательные связи лексической единицы в славянском словаре, принадлежность к тому или иному гнезду зависят от принимаемого этимологического решения. Этимология моделирует и корректирует выводы о статусе диалектизма в системе структурных отношений исходной системы. Нередко открытой остается возможность разного подхода к пониманию структуры слова, его истоков, связей на словообразовательном и морфонологическом уровне в составе праславянского словаря. Примером может служить недостаточно ясное рус. диал. (арханг.) *бу́жатъ* ‘умирать, издыхать, околевать, испускать дух’, которое в литературе трактуется по-разному и соответственно по-разному определяется возраст слова. При сближении с лит. *beĩgti* ‘оканчивать’, понимаемом как назальный вариант к *baĩgti*, восстанавливается исходная форма **bužati*/**bōžati* (?) [ЭССЯ 3: 104] с отнесением слова к наследию балто-славянской эпохи. При соотношении со словен. *bōžati* ‘нежно гладить, ласкать’ < **bogjati*, назальный дублет основы **bheugh-* [Bezljaj I: 36], рус. диал. *бу́жатъ* понимается как образование, родственное др.-инд. *bhujāti* ‘гнет’, нем. *biegen* ‘гнуть, сгибать’, греч. φεύγω ‘убегаю’, *baugētis* ‘бояться’ ([Аникин 5: 58–59], с обзором этимологий) < и.-е. **bheug(h)-* ‘гнуть’ (т. е. ‘умирать’ < ‘загибаться’), т. е. рассматривается как продолжение основы **bheug(h)-* ‘гнуть’ (Роконю 152–153), связанной метатезой с **gheubh-*. Если признать наиболее вероятным отражение в рус. диалектизме и.-е. основы **bheug(h)-* ‘гнуть’, то тогда появляется основание для чередования праслав. диал. **bužati* ~ вост.-слав. **bъgati*, **bъgadlo*, ср. рус. диал. *бгать* ‘гнуть, сгибать; мять, комкать’, укр. *бгати* ‘складывать, свертывать, вить’, блр. *бгаць* ‘пихать’, ‘тискать’, рус. диал. *гало* ‘снаряд для гнущия дуг, полозьев’ и т. п. При такой интерпретации русский диалектизм *бу́жатъ* становится одним из звеньев морфонологических отношений **bugati*: **bъgati*: **bygati* (рус.

диал. *bygáť*, *obygáť* ‘огибать, обогнуть’ [ЭССЯ 3: 115; Аникин 5: 271]. Чередующиеся основы функционировали в системе праславянского языка самостоятельно уже в отрыве от продолжений первонач. **gheubh-*. Семантическое отношение рус. *бўжать* ‘умирать’ ~ ‘гнуться, загибаться’ поддерживается ст.-слав. **гыбати** ‘гибнуть’, словен. *gibati* ‘погибать, подыхать’ и т. п. [ЭССЯ 7: 216–217].

Все эти обстоятельства, так или иначе связанные с пониманием этимологических истоков слова, приходится учитывать при отборе лексических диалектизмов.

Лексические диалектизмы имеют разную глубину во времени. О возрасте вост.-слав. диалектизма мы можем судить по особенностям структуры слова в системе парадигматических отношений отдельных языков и на общем фоне славянского словообразования, морфонологии, семантики. Возраст лексических единиц поддается определению в самом общем виде, в категориях — древнее образование, унаследованное из праславянского языка, и относительно позднее образование, построенное по актуальным словообразовательным моделям, или архаизм — новообразование определенной группы диалектов. За этими явлениями стоят разные процессы — отражение изначальных диалектных различий праславянского языка или каких-то древних отношений, дошедших до нас в преобразованном виде, или отражение относительно новых явлений позднего праславянского языка и даже исторического времени. Сообщаемые в словарной статье ЭССЯ сведения об особенностях словообразовательной структуры слова, его этимологических связях на славянском и индоевропейском уровне дают некоторые ориентиры при расчленении вост.-слав. диалектизмов, отграничении самой древней части в общем массиве вост.-слав. диалектизмов. Но при этом надо иметь в виду, что при распределении материала в плане относительной хронологии в ряде случаев, особенно для лексических единиц с прозрачной словообразовательной структурой, трудно провести временную грань между древним унаследованным образованием и относительно поздним образованием с воспроизведением модели, унаследованной из праславянского языка.

По этим и другим причинам состав праславянских лексических диалектизмов — величина искомая, подвижная, хронологически связанная со словообразовательными, морфонологическими особенностями исходной системы. При всех сложностях направление, ориентированное на структурирование праславянского лексического фонда, разграничение лексических пластов, различающихся пространственными и хронологическими характеристиками, входит в общую парадигму исследований праславянской проблематики. Выделение в общем массиве словаря изолированных явлений и определение их славянских и индоевропейских этимологических связей углубляет общий контекст исследования лингвоэтнических истоков славян.

Вост.-слав. лексические диалектизмы, не участвующие в славянских соответствиях, изолированные в составе праславянского словаря, весьма разнообразны по своей структуре. В составе этой части словаря 1) словообразовательные производные, построенные по активным словообразовательным моделям, унаследованным из исходной системы; 2) образования с древними формантами и структурно

близкими для них и.-е. соответствиями; 3) образования с родственными связями на уровне морфонологических чередований; 4) лексемы с отражением основы, слабо засвидетельствованной или вообще не засвидетельствованной на славянской территории; 5) слова с этимологически тождественными соответствиями на и.-е. уровне.

Чтобы подойти к древней части, наиболее показательной в лингвоэтническом отношении, поначалу важно выделить относительно поздний слой вост.-слав. диалектизм. Последовательно рассмотрим наиболее выразительные примеры из этих групп.

1.1 В составе вост.-слав. диалектизм большой массив образований, который можно отнести как к древнему наследию, так и к относительно позднему воспроизведению древних моделей в эпоху самостоятельного развития вост.-слав. диалектов и даже отдельных языков этой группы. Как правило, образования этого типа имеют прозрачную структуру производных от основ, хорошо засвидетельствованных в славянских языках. Этот слой образований наименее показателен при характеристике отличительных особенностей вост.-слав. диалектизм применительно к древнему уровню.

К образованиям с продуктивными суффиксальными формантами можно отнести производные с суф. *-ухъ / -уха* [Sławski. Zarys 1: 74–75]: ср. вост.-слав. **lovuxa*, **lovuška* ~ **loviti*, **lovъ* [ЭССЯ 16: 110], **lopotuxa* ~ **lopotati* [ЭССЯ 16: 63], **loskotuxa* ~ **loskotati* [ЭССЯ 16: 82], **kotuxъ* ~ **kotъ* ‘закут для животных’ [ЭССЯ 11: 208] и т. п.

В этом плане более показательны диалектные образования с непродуктивными и редкими формантами, хотя и для них остается вероятность независимого, позднего развития. Эти диалектизмы отражают сферу действия словообразовательных моделей, раскрывают состав вост.-слав. основ, способных к расширению этими формантами, в отличие от других славянских языков, и как следствие — демонстрируют на общеславянском фоне степень продуктивности формантов в одном ареале. К вост.-слав. диалектизмам, способным к сочетанию с некоторыми непродуктивными суффиксами, можно отнести образования с суф. *-yni* [Sławski. Zarys 1: 139–141] в др.-рус. *Ходыни*, имя собств. < **hodyni*, производн. от **ходъ* [ЭССЯ 8: 52], рус. диал. *космыня* ‘косматая женщина’ < **kosmyni*, производн. от **kosmъ / *kosma* [ЭССЯ 11: 147], др.-рус. *Медынка*, имя собств. < **medyni*, производн. от **medъ* [ЭССЯ 18: 72] и т. д.; с суф. *-znъ* рус. цслав. *чапазнъ* ‘надежда’ < **čajaznъ*, производн. от гл. **čajati* [ЭССЯ 4: 11]. В состав вост.-слав. локализмов входят праслав. диал. **lězvo*, производное с суф. *-vo, -va* от **lězti* [ЭССЯ 15: 39], **letva* (рус. диал. *летва* ‘отверстие в улье для пчел’) ~ **letěti* [ЭССЯ 14: 150], **logvo* (рус. *логво* ‘лежка’) ~ **leg-* [ЭССЯ 15: 248]; лексикализованные формы причастий на *-otъ*, ср. рус. олон. *мнут* ‘мялка’ < *тънотъ*, прич. от гл. **męti*, *тънр* — [ЭССЯ 21: 116], **košotъ* (др.-рус. *Кошута*, блр. *кашута*), прич. от гл. с корнем **kos-* [ЭССЯ 11: 191] и т. п.

Выпадает из круга массовых производных вост.-слав. **kъrmyslъ*. Средствами этимологического анализа в структуре вост.-слав. диалектизма **kъrmyslъ* (рус.

коромысло ‘деревянная дуга с выемками или крючками на концах для ношения ведер’, укр. *корóмисел*, блр. *карóмысел* ‘коромысло’), исторически тождественного кашуб. *čärměslë* pl. tantum ‘деревянные коромысла’, выделяются основа **kьrt-* (рус. *корма*) и суффиксальная группа *-ys-l-* [Трубачев 1972: 35–41; ЭССЯ 13: 228–229].

По причине массового характера образований и невозможности отграничить в их составе параллельные образования эта часть лексики остается наименее показательной в плане характеристики древних особенностей вост.-слав. словаря.

1.2 В славянских языках и особенно в диалектах немало образований с экспрессивными преф. **a-*, **če*, **ха-*, **ко-* и др. (см. [Бјелетић 2006] с характеристикой этих образований). Как правило, образования с этими архаичными префиксами не выходят за пределы славянских языков, они не имеют соответствий на и.-е. уровне. Естественно, что с появлением новых материалов вносятся уточнения в ареальные характеристики этих образований, отнесенных в ЭССЯ к узким вост.-слав. диалектизмам. Так, для вост.-слав. **čepуžiti* (ср. рус. диал. *чепыжиться* ‘щегольски одеваться’, ‘чваниться, величаться’, ‘надменно хорохориться’ < **če-* и **pyžiti se* [ЭССЯ 4: 58] в книге М. Белетич в качестве соответствия приведено с.-хорв. диал. *че-пйжит се* ‘возмущаться, протестовать’, с префиксальным вариантом *чи-пйжит се* ‘противиться, восставать, бунтовать’ и вариантом с преф. **ко-* в рус. диал. *ка-пыжиться* ‘важничать’ [Бјелетић 2006: 62, 315]. И это соответствие выводит русский диалектизм из категории узко изолированных образований.

Продуктивны образования с архаичным преф. **ča-/ *če-*, чередующимся с **ко-*. По данным ЭССЯ, в составе вост.-слав. диалектизмов с этим префиксом гл. **čaběniti* (?) (ср. рус. диал. *чабэнить* ‘гнуть, ломать или коверкать’, *чабэниться* ‘капризничать’, ‘важничать’²), с другим преф. *кобэнить* ‘ломать, корчить, неуклюже изворачивать’, *кобэниться* ‘кривляться, ломаться, корчиться’), далее к *бэни* ‘накладка на телегу, сделанная вроде санок для перевозки сена, соломы’, ст.-чеш. *benku*, *bienku* ‘мотовило, сновальня’ [ЭССЯ 4: 7: 10: 88; Бјелетић 2006: 130]; **čapolť* (ср. рус. диал. *чапoлoчь*, *чапoлoть* ‘раст. Hierochloa borealis, пестрец, черстянка’, укр. *чапoлoть*, *чапoлoч* ‘раст. Hierochloa borealis, Calamagrostis epigeios’) < *ča-* и *polť*, производн. от **pelti* [ЭССЯ 4: 20]; **čavěděti* (ср. укр. *чав’ядити* ‘хиреть, чахнуть’, *чав’ядити* ‘хиреть, болеть’ < *ča-* и корня **ved-* (см. **vednōti*) [ЭССЯ 4: 31], с другим оформлением глагольной основы с.-хорв. *ча-вєдати* ‘пропадать, гибнуть, истощаться’ [Бјелетић 2006: 155–157]; **čekьrda / *čekьrta* (ср. рус. *чехарда*, *чехорда*, *чихарда* ‘игра, где прыгают друг через дружку’, блр. *чекорда* ‘поросята; собрание детей’, ‘вид игры’, *чахарда* ‘чехарда’) < *če-* + глаг. основа **kьrt-*, соотносительно с гл. *čekьrtati* (ср. болг. *чегьртам* ‘скрести, скрежетать’) [ЭССЯ 4: 37–38] и т. д.

В славянских языках и особенно в вост.-слав. диалектах очень продуктивны образования с преф. **ka-/ *ко-* [Бјелетић 2006: 26–59]. Этот формант присутствует

² Здесь и далее из всего материала, послужившего основанием для реконструкции праславянского диалектизма, приводятся отдельные, наиболее выразительные примеры. Указание на источник информации отсылает к соответствующей словарной статье, где приведен в полном объеме материал, сведения об источниках материала и обзор этимологических версий.

в структуре вост.-слав. диалектизмов: **kodybati* / **kadybati* (ср. рус. диал. *кондобать* ‘с трудом идти, плестись’, *кандыбать* ‘идти прихрамывая’) < **ka-* / **ko-* и **dybati* [ЭССЯ ЭССЯ 9: 112; 10: 107]; **kodylba* / **kadylba*, **kadylby* (ср. рус. *колдоба* ‘выбоина, рытвина’, блр. *колдóба* ‘колдобина’) < **ka-* / **ko-* и основа гл. **dylbti*, **dylbati* [ЭССЯ 9: 107]; **kavьrza* / **kovьrza*, **kovьrzati* (ср. рус. *каверза* ‘интрига’, укр. *каверза* ‘проказа, проделки’, блр. *каверза* ‘каверза, подвох’) < **ka-* / **ko-* и основа гл. **vьrzi* [ЭССЯ 9: 167; ЭССЯ 12: 19; Калашников 1994: 85]; **kavьrtь* (ср. укр. диал. *каверт* ‘глубокая яма в реке’, блр. диал. *каверт* ‘водоворот’), с чередованием **kovortь* (ср. *кóворот* ‘верей’, укр. *кóворот* ‘водоворот’, блр. *кóварат* ‘колодезный ворот’) < **ko-* / **ko* и **vьrtěti*, **vortь* [ЭССЯ 9: 167; 12: 14]; **kouľьkь* (ср. рус. *коулок*) < **ko-* и производн. с суф. *-ьkь* от **ulica* [ЭССЯ 12: 5]; **koveža* (ср. др.-рус. *Ковеза*, личное имя собств., укр. *ковиза* ‘инструмент’, блр. *кавяза*) < **ko-* и **veža*, при более широком распространении варианта **kaveža* [ЭССЯ 12: 13; 9: 165; Бјелегић 2006: 54]; **kozvonь* (ср. рус. *кóзон*, *кóзен* ‘сустав’ и т. д.) < **ko-zvonь*, ср. *позвонок* [ЭССЯ 12: 26]; со знаком вопроса **kožegь* (ср. рус. диал. *кóжог* ‘костер’, ср. с другим преф. *обжег*) [ЭССЯ 12: 38]; **kovьrkati* (ср. рус. *коверкать* ‘ломать, портить’), вариант к **ko-vьrtati* [ЭССЯ 12: 18]; **kozorьjь* < **ko-* и **zor-* [ЭССЯ 12: 26] и т. д. Вариант этого префикса в форме **ku-* предполагается для вост.-слав. **kukožiti se* (ср. рус. диал. *кукожиться* ‘ежиться’), родств. **kukosa* (см. *кукса*, *кукиа* [ЭССЯ 13: 93]; *kuněga* (?) (ср. рус. диал. *кунэга* ‘неженка’, *кунежиться* ‘нежиться; упрямитесь’) < **ku-* и **něga*, **něžiti se* [ЭССЯ 13: 105]; **kunogьjь* (ср. диал. *куногий* ‘хромой’) < **ku-* + прилаг. от **noga* [ЭССЯ 3: 107].

Архаичный преф. **pa-* участвует в образовании некоторых вост.-слав. диалектизмов: **padora* — рус. диал. *пáдора* ‘буря, непогода’, блр. *падора* ‘пашенный лес’, производное от гл. **poderti* с удлинением вокализма префикса или, что менее вероятно, образование с преф. **pa-* от **dorь* [ЭССЯ 40: 168]; **padorga* — ст.-рус. *падорога* ‘непогода’, производное с преф. **pa-* + **dorga*, родств. лит. *dargà* ‘дождливая погода’ [ЭССЯ 40: 169]; **padьra* — рус. диал. *пáдра* ‘ненастье, вьюга, буря’ из **pa-* и корня инф. гл. **dьrati* или от гл. **podьrati* с удлинением префиксального вокализма [ЭССЯ 40: 182–183]; **pamьga* / **pamьgь* / **pamьža* — рус. диал. *пáмга* ‘туман, выпадающий в виде мелкого дождя’, *пáмжа* ‘непогода’, укр. *пáмег* ‘внезапный дождь’, производн. от **pomygnoti* / **pomyžiti* с удлинением гласного в префиксе [ЭССЯ 41: 97–98] и т. д.

В словаре ЭССЯ к вост.-слав. диалектизмам с редким преф. **a-* отнесены **abolнь*, ср. рус. диал. *ябулонь* ‘болонь в дереве’ (при *зáболонь* с той же корневой морфемой), производное от **bolna* [ЭССЯ 1: 48; Трубачев 1971: 268], со знаком вопроса **adera* (?) (ср. рус. диал. *ядера* ‘сварливый, неуживчивый человек’) при условии соотносительности с гл. **dьrati* [ЭССЯ 1: 52].

С некоторыми сомнениями к вост.-слав. диалектизмам в ЭССЯ отнесены образования с преф. **xa-*: **xalěpa* (?) / **xalipa* (?) (ср. рус. диал. *хáлена* ‘зимняя непогода, мокрый снег’, укр. *хáлена* ‘беда, несчастье’, блр. *хáлена* ‘слякоть’) < **xa-* и корня гл. **lěpiti* [ЭССЯ 8: 14; 9: 167]; **xalizь* (ср. рус. диал. *халéz* ‘лыстец’ и т. д.)

< возможно, *ха- и *liz- (лизать) [ЭССЯ 8: 14–15]; *хумордъ (ср. укр. химородь ‘причуда’) < *ху- + *мордъ, вариант к *хамордъ [ЭССЯ 8: 157].

Допускается выделение преф. *la-, *mo- в относительно поздних и, возможно, экспрессивных производных: *lagyz(d)a (ср. рус. диал. ла́гиза ‘лакомка’) < *la- и *gyzda [ЭССЯ 14: 16]; *moklěнь < *mo- и *klěнь (ср. рус. диал. моклен ‘рыба Squalis leuciscus, елец’ [ЭССЯ 19: 128]).

Эти образования, основы которых широко представлены в славянских языках, дают новые свидетельства сочетаемости известных основ с тем или иным формантом.

1.3. В составе вост.-слав словаря немало сложений, которые отнесены в ЭССЯ к праславянскому наследию. При отсутствии и.-е. соответствий сложения, построенные по активным моделям, в равной степени могут быть определены как древние образования и как образования относительно поздние. Ср. *čelomyja (рус. Челомна, гидр.) < *čelo + основа гл. *myti [ЭССЯ 4: 47]; *domažirь (ср. др.-рус. Домажирь (берест. гр.), укр. Domazyr, топ. < *doma + *žirь, к *žiti [ЭССЯ 5: 69]; *dobrožirь (ср. др.-рус. Доброжирь (берест. гр.) < *dobrь + *žirь [ЭССЯ 5: 45] и т. д. По одной из версий к и.-е. уровню восходит вост.-слав. диал. *mystь (ср. др.-рус. мысль ‘белка-летяга’, рус. диал. мысль, мыс ‘белка’) с предполагаемой исходной формой *müst(el)- (> лат. müstēla ‘ласка, каменная куница’, осет. mystulæg ‘ласка (зверек)’), определяемой как сложение основ *mus- ‘мышь’ и *tel- ‘носиться’ [ЭССЯ 21: 52].

2.1 Надежным показателем древности вост.-слав. диалектизмов остаются архаичные образования с и.-е. соответствиями на словообразовательном уровне. В составе таких диалектизмов находим ограниченное вост.-слав. диалектами существительное *ědmę (ср. др.-рус. ѣмена мн. ‘зерно, предназначенное для еды и для прокорма скота’, рус. диал. ёмены мн. ‘зерна, оставленные на прокорм людей и скота’, блр. ёме ср.р. ‘употребление в пищу’ и др.), производное с суф. men- от основы на согласный (< и.-е. *ed-men-) и точными соответствиями в лит. ėdmenė ‘съестное’, лтш. ėdmenis, ėdmanis, др.-инд. adma- ‘пища’ [ЭССЯ 6: 42; Трубачев 1963: 178].

Вост.-слав. *ěd(e)ra (ср. др.-рус. ѣдера ‘еда, пища’, рус. диал. їдера ‘кушанье, яства’ ~ словен. jádrna мн. ‘отверстие, через которое свинья просовывает голову в кормушку’) представляет собой производное с суф. -erь от корня гл. ėsti с соответствиями в греч. (гомер.) εἶδαρ, -ατος – ἦδαρ ‘еда, корм’, хетт. etri- (< edri) ‘кушанье, еда’, лув. adri ‘еда’, лит. ėdrà ‘корм; еда’ [Иванов 1957: 15; ЭССЯ 6: 39–40; SP 6: 117].

Вост.-слав. диал. *ě(d)sa / *ě(d)сь (ср. рус. яса ‘перемена кушаний’ и с.-хорв. jes ‘яд, отравя’, далее ješa ‘еда, пища’), возводимое к и.-е. ed-s-a, — один из немногих примеров расширения и.-е. основы элементом -s, ср. нем. Aas ‘падаль’ (< ‘пища’), лит. ėdesis ‘корм’ (< и.-е. *ēd-so-m) [ЭССЯ 6: 44; SP 6: 139].

Суф. -telь, характеризующий nomina agentis в праславянском языке [Sławski. Zaręs 2: 50–53], присутствует в структуре вост.-слав. диалектизма *ętelь, определяемого в ЭССЯ как праслав. (дослав.) реликт, производный от гл. *ęti, jьтq (ср. блр. диал. јáц’ел’ ‘низина, по которой весной протекает вода’, јáцл’ ‘ямка с водой как остаток водоема’) [ЭССЯ 6: 70–71].

Структуру производного с суф. *-telь* имеет вост.-слав. **ěstelь* (ср. др.-рус., рус.-цслав. *ѣстель* ‘питающийся’, макед. производн. *јастелив* ‘прожорливый’), имя деятеля, производное с суф. *-telь* от гл. *ěsti*, *ědmь*, ср. лат. *com-ēstor* ‘пожиратель’ [ЭССЯ 6: 53; SP 6: 99].

2.2 Часть вост.-слав диалектизмов с непродуктивными и даже редкими формантами *-r*, *-n*, *-ězгь* и др. обнаруживает соответствия в балтийских языках:

**bugьрь* / **bugorь* — рус. *бугор* ‘небольшой холм’, укр. *бугор* ‘бугор’, диал. *бугѣр* ‘горб’, возможно, с.-хорв. стар. *Bugor*, топ. этимологически тождественно лтш. *baūgurs* ‘возвышение, холм’ (< и.-е. **bheugh-* ‘гнуть, сгибать’) [Трубачев 1963: 171; ЭССЯ 3: 79; SP 1: 436];

**drebězгь* — рус. *дрѣбезг* ‘звон, звяканье разбиваемого стекла, падающих полос металла’ и др., производное на *-ězгь* от гл. **drebiti* с древней огласовкой корня. Точное соответствие в лит. *drebežna* ‘развалина’, ‘осколок’ подтверждает древность образования. Широко распространенный в славянских языках вариант **drobějзгь*, возможно, возник по аналогии от гл. **drobiti* [ЭССЯ 5: 105–106, 118; Варбот 1984: 91].

**dylь* / **dylь* — рус. диал. *дыл* ‘пыль’ и т. д., блр. *дыл* ‘самая мягкая мука при просеивании’, родственное лит. *dūlis* ‘туман, пар’, восходит к и.-е. **dhǵl-*, суффиксальному производному от **dhu-* (рус. *дуть*) [ЭССЯ 5: 200; SP 5: 202–203].

**ęтьнь(ь)* — рус. диал. *ятный* ‘ясный, явственный’ и т. д., производн. с суф. *-нь* от гл. **ęti* (при польск. *pojętny* ‘понятливый, сметливый’ с преф. *po-*), родственное лит. *(pa)įmtinas* ‘который нужно взять’ [ЭССЯ 6: 73–74; SP 6: 107];

**kubarь* / **kubrь* / **kubra* — рус. *кубарь* ‘детская игрушка’, производн. с суф. *-r* от **kubrь*, ср. лит. *kaūbras* [ЭССЯ 13: 77];

**lepestь* — рус. *ленесток*, расширение именной основы на *-es* суф. *-t*, ср. греч. *λέπος* ‘оболочка, кожаца, стручок’, далее к звукоподр. **lepati* [ЭССЯ 14: 122; Трубачев 1963: 173].

3.1. К несомненным показателем древности вост.-слав. диалектизмов следует отнести морфологические чередования. Важную роль в грамматическом строе как славянских, так и индоевропейских языков играет чередование *e: o*.

В составе лексики с этим чередованием отдельные образования унаследованы из индоевропейской эпохи. К таким древним диалектизмам, чередующимися с и.-е. основами, можно отнести вост.-слав. **čeviti / čevěti ~ *čuti* — блр. диал. *чóвиць* ‘бдеть’ и многочисленные производные: ср. блр. диал. *знечівили* ‘об опрометчивом действии без всякого сознания’, соврем. *знячѣўку* нареч. ‘неожиданно. внезапно’, ст.-рус. *нецивенья* ‘беспамятство’, укр. *знечѣв’я* ‘неожиданно’, рус. диал. *внецѣвелья* нареч. ‘в беспамятстве’ и др. [Меркулова 1977: 88–92]. В вост.-слав. диалектизмах отражение и.-е. первичной глагольной основы **keu-ei-* (или **keu-e-*) при ступени *o* в корне **kou-ei-* (или **kou-e-*) в других и.-е. языках, ср. с основой **kou-* греч. *κο(Ф)έω* ‘замечать, слушать, внимать’, лат. *caveō, cavere* ‘остерегаться, оберегаться’ [ЭССЯ 4: 100].

В праславянском языке чередование *e: o*, утратив связь с фонетическими явлениями, выполняло роль показателя определенных морфологических отношений. Отчетливо выступает чередование *e: o* в существительных, образованных

от глаголов с корневым *e*. Одним из показателей времени формирования такого соотношения основ является наличие или отсутствие и.-е. соответствий. Однако отсутствие ступени *o* или *e* за пределами славянских языков может свидетельствовать как о позднем формировании этого чередования уже в системе праславянского языка, так и об утрате соответствующий образований и.-е. языками [Кузнецов 1954: 30, 31]. Образования этого типа указывают на существование глагольных основ, утраченных вост.-слав. и шире — славянскими языками. Остановимся на некоторых образованиях этого типа.

drokь / *droka* — др.-рус. *Дрокъ*, ИС, др.-новг. *Дрочка* ИС, рус. диал. *дрок* ‘беспокойное поведение скота’, *дрочка* ‘избалованный, изнеженный ребенок’, укр. *дрік, дроку* ‘овод’, а также блр. диал. *здрок (здрык)* ‘овод’, зап. брянск. *здрык* ‘стрекоза’ [ЭСБМ 3: 327; Аникин 14: 364–365] сближаются с лит. *drākas* ‘шум, скандал’, ‘ссора, драка’, ‘вред, ущерб’ и особенно в значении ‘плотницкий топор’ [SP 4: 255], лтш. *dracis* ‘громкий шум с потасовкой’, *dracīt* ‘бранить, ругать’, *dracitiēs* ‘шуметь, спорить друг с другом’. Вост.-слав. образование имеет структуру производного от незасвидетельствованного гл. *drek'ti < *dr- / *der-* ‘драть’, ср. с более широким ареалом производный отыменной гл. **dročiti* в ю.-слав. и вост.-слав. языках (ср. рус. диал. *дрочить* ‘нежить, холить’, *дрочиться* ‘задираться’ и т. д.) [ЭССЯ 5: 124, 122–123; Fraenkel 101]. Сомнения в приблизительности деривации от гл. **derti* [Аникин 14: 364–365] отпадают, если принять во внимание, что фиксируемая современными источниками семантика, далеко отстоящая от значения исходной основы, обязана вторичным процессам — переносу наименования на растения, образованию имени от прозвища по апеллативу со значением ‘беспокойный человек’, ‘изнеженный ребенок’ и т. п. В стертом виде признаки исходной семантики сохраняют производные — *дрочить* ‘дразнить, сердить, раздражать’, ‘разъедать, точить’ [СРНГ 8: 205], ср. преобразования семантики в сходном направлении у гл. *драть*: *драться* ‘придираться сквозь что-л.’, ‘быстро расти (о растениях)’, производн. *деряба*, название растения и т. п. [СРНГ 8: 176, 29].

nerta / *nerto / *nertь* — ст.-рус., рус. *нерета* ‘рыболовный снаряд из прутьев’, ‘рыболовная снасть’, укр. *нѣрет* ‘вид рыболовной сети’, блр. *нѣрат* ‘мережа, верша’ и т. д.), первонач. ‘устройство, сплетенное, связанное из прутьев’ [ЭССЯ 25: 11–13], определяется как производное с суф. *-tь, -ta, -to* от несохранившегося гл. *nerti*, родственного лит. *nėrti* ‘вязать. плести’, *nerinys* ‘веревка’, ‘сеть’, *paris* ‘пути на ногах лошади’ и т. п. [Fraenkel 495–496; SP 2: 36].

**narokь* — рус. диал. *нарók* ‘металлический сачок, которым выбрасывают надолбленный лед из проруби’, ‘концы потолочных балок, выходящие в сени, на которые настилают доски для полок и полатей’ [ЭССЯ 23: 10] имеет структуру отглагольного образования. В простом виде и с приставками производный от него глагол также ограничен русскими говорами: ср. диал. *рочить веревку* ‘задеть, зацепить; привязать, закрепить’, *зарочить* ‘завязать, закрепить’, *зарочить* ‘закрепить [веревку] в снастях во время хода судна’, ‘зацепить, задеть за что-л.’ (Крючок-то у меня *зарочило*), ‘зацепить, задеть за что-л.’ (... *зарочила за пенек...*), *отрочить* ‘ослабить или отвязать (корабельную снасть)’, ‘отцепить что-л. от чего-л.’ [СРНГ

11: 6; 24: 302], с *a* в корне *ráčítъ* ‘подтягивать невод к берегу с помощью ворота’, ‘задевать, зацеплять бичевою за что-л. во время тяги судна’ [СРНГ 34: 349]. Разные объяснения предложены для глагола, утратившего словообразовательные и семантические связи в славянском словаре. По одной из версий истоки этого реликтового образования в гнезде и.-е. **rěk-*, значения которого распределяются по двум семантическим полям, связанным между собой в диахроническом плане, — ‘устраивать, располагать, производить’ (ср. др.-инд. *racayati* ‘изготавливать, составлять, сооружать’, гот. *rahnjan* ‘считать’ и ‘говорить’ ~ слав. **rekti*, **rěčь*, **rokъ*) [Варбот 1973: 23–24]. По другой версии, приведенные выше глаголы вместе с отглагольным диал. (арханг.) *оброча* ‘дощатая обшивка судна с наружной стороны, делаемая в два, три или более рядов, смотря по высоте судна’ [СРНГ 22: 211] отнесены к древней судовой терминологии. Исходный глагол, восстанавливаемый в форме **orčiti* с общим значением ‘цеплять, вязать’, признается родственным слав. **orkyta* ‘ракита’, также изолированному в славянском словаре [ЭССЯ 32: 173–175]. При обосновании родства исходят из типологии названия ракиты: большинство названий этого растения связано с глаголами со значением ‘плести, вязать’, ср. **vetъla* и **viti*, **vьrba* и **vorby* ‘мотовило’ [Меркулова 1981: 119–122].

Следует заметить, что употребление русских диалектизмов выходит за пределы судовой сферы. Заслуживает внимания семантика диалектизмов с разными приставками в СРНГ: ср. приведенные выше диал. *нарóк* в значении ‘концы потолочных балок’, а также *порóк* ‘длинный еловый или буковый шест, используемый при ручной валке леса’ (костр.) [СРНГ 30: 76], *óтрок* в значении ‘отросток, побег растения’ (свердл.) и особенно ‘комель, отпиленный от бревна’ (перм.) с производными на *-аль*, *-оль* — *отрокáль* и *óтроколь* ‘отросток, ответвление от чего-л.’ (новг.) и *отрóкнуть* ‘отбить, отбросить ударом палки’ (сев.-двин.) [СРНГ 24: 299], *рóкать*, *рóкнуть* ‘ударять; ударять палкой движущийся предмет (напр., летящий шар)’ (сев.-двин.) [СРНГ 35: 169].

Семантика диалектизмов, дошедшая в преобразованном виде, не дает четких ориентиров в поисках истоков слов с вокализмом *o* в корне. Достаточно определено лишь можно сказать, что из тех определений, которые получают диалектизмы в СРНГ, следует, что речь идет о палке, возможно, с острым, завитым завершением, используемой в качестве орудия, когда возникает необходимость что-л. отцепить, отвязать, а также при обшивке судна. Эта особенность реалии открывает возможность иного объяснения русского диалектизма — как образования, производного от утраченного гл. **rekti*, родственного лит. *ràkti*, *ràнку* ‘колоть, ковырять, копать’, лтш. *rakt* то же, далее др.-инд. *rkşara-* ‘острие, шип’ < и.-е. **er(e)k-*, **rek-*, **rok-* ‘разрывать, раздирать, раскалывать, расщеплять; мучить, терзать’ [Роконг 335; Fraenkel 694]. В таком случае русские диалектизмы со значением ‘отросток’, ‘шест’, ‘комель, отпиленный от дерева’ отражают промежуточную ступень, переходную от ‘колоть’ > ‘предмет с острым завершением’, а гл. *рóкать* ‘ударить; ударить палкой’ в плане словообразования является отыменным образованием.

С принятием этой версии на всем славянском пространстве хранителем и продолжателем и.-е. основы **er(e)k-*, **rek-*, **rok-* оказываются только русские диалекты.

nevenъ* — реликтовая форма, сохранившаяся лишь в рус. диал. (олон.) *нэвенный* ‘худой’ [Куликовский 64], по версии О. Н. Трубачева, этимологически родственна гл. **naviti* ‘мучить, умерщвлять, убивать’, производному от **navъ*, в свою очередь образованному от исходной формы с корневым *-o-* — гл. *noviti*, к отражениям которого с некоторой долей вероятности относят словц. *zanovit’ sa* ‘ожесточиться, закоренеть’, с.-хорв. диал. *zānovit* ‘помеха или скука’ [Варбот 1973: 30–35]. Русский диалектизм определяется как прич. страд. к гл. ***noviti* с ассимиляцией гласных [ЭССЯ 25: 64].

**lotokъ* / **lotoka* — др.-рус. *лотокъ* ‘доска для разделки теста’, рус. диал. *лоток* ‘род желоба’, ‘небольшое деревянное корыто, в котором дается корм животным’, укр. *лотокі, лотік, -току* ‘при водяной мельнице: канал, по которому течет вода, мельничный лоток’, блр. *лѳтак* ‘желоб; лоток’ [ЭССЯ 16: 98–100]. Истоки слова остаются до конца невыясненными. Из всех возможных объяснений, приведенных в ЭССЯ, остается наиболее убедительным предложенное О. Н. Трубачевым сближение со слав. **laty*, *-ъve* (ср. словен. *látva* ‘мелкая миска’), **latuša* / **latušьka* (ср. чеш. диал. *latuša* ‘горшок’) с начальным значением, имеющим связь с обозначением глины, земли, и продлением корневого вокализма *o* по отношению к родственным **lotokъ* / **lotoka*, далее родственным нем. *Letten* ‘глина’, с семантическим развитием в направлении ‘(глинистая) долина, овраг’ > ‘плоское корытце’ [Трубачев 1966: 219; ЭССЯ 14: 50, 52; ЭССЯ 16: 101].

Однако открывается другая возможность объяснения, если принять, что **lotokъ* / **lotoka* как обозначение корыта, желоба входит в тематическую группу, объединяющую названия разного рода емкостей, для которых характерна производность от глагола (ср. слав. **polъ* > цслав. *полъ*, словен. *pòl* ‘черпак’ ~ **pelti* ‘провеивать зерно’), то велика вероятность соотнесенности этого имени с корневым вокализмом *o* с засвидетельствованным в ю.-слав. языках гл. **lotati* / **lotiti* (ср. с.-хорв. чак. *lōtit* ‘гнать, преследовать’) с первоначальной семантикой быстрого движения. На основе этого глагола, включаемого в гнездо слав. **letěti* [ЭССЯ 16: 102] складывается производное на *-okъ* в качестве обозначения полукруглого углубления в виде корыта, желоба для стока воды, просеивания муки и т. п. с последующим перенесением названия на рельеф местности (‘овраг’, ‘русло’, ‘низина’ и т. п.). В таком случае вост.-слав. **lot-okъ* можно понять как образование, опосредованно в плане семантики связанное чередованием корневого вокализма с гл. **letěti*.

**morga* — рус. диал. *морѳга* ‘мягкий, вязкий грунт на дне озера’, отмеченное лишь в центральных районах Красноярского края [Краснояр. сл. 2: 350]. В СРНГ [18: 269] это слово отсутствует, приводятся лишь производные от него формы *мороговатый* ‘плохо видящий’ (перм.), *мороговать* ‘брезговать’ (перм., енис.), *мороговать* ‘стать пасмурной, облачной (о погоде); идти (о дожде)’ (вят.), *морогуша* ‘туча’ (Ср. Урал) [СРНГ 18: 269] (подробнее [Куркина 2011: 199–204]). Русский диалектизм, пропущенный в ЭССЯ, интересен тем, что расширяет географию слав. **morga*, к отражениям которого в литературе относят лишь польск. гидр. *Mroga*. Славянский диалектизм, родственные лтш. *mařga, mārga* ‘тихий дождь’,

лит. *márgas* ‘пестрый’, *maĩguoti* ‘переливаться’, *mirgėti* ‘мерцать, мигать’ < и.-е. **mer(ə)g^h-*) [Pokorny 734], интересен еще и отражением в корне вокализма в ступени *-o-*. Исходная ступень *-e-* в корне представлена в гл. **mergt'i* (чеш. диал. *třěc* ‘жмурить’), **meržiti* (ср. рус. диал. *мерэжить* ‘казаться, мерещиться’, ‘пестрить, рябить; брезжить, начинать светать’ (курск., волог.), блр. *мерэжыць* ‘идти мелкому дождю’, *мерэжыцца* ‘мерещиться’, чеш. *třěžit se* ‘мелькать перед глазами во время дремоты’), **mergь(jь)* (ср. укр. *мерегий* ‘бурый, с темными полосами, о масти’) [ЭССЯ 20: 5–7; 18: 98].

Вариантом к слав. диал. **morga* является диал. *мóрозá* ‘мелкий, с изморозью дождь; изморось’, ‘дождь со снегом’ (арханг., волог., твер., север.), также ограниченное русскими диалектами [СРНГ 18: 270], как и производный от него гл. **morzdžiti*: ср. рус. диал. *морозжить* ‘моросить’ [ЭССЯ 20: 16], костр. *морозжатъ* безл. ‘рябить (о большом количестве предметов)’, ср. *Когда ягод много, ... морозжит, но брать нельзя — больно мелкие* (К-ка СГРС).

**dorьbъ* — блр. *дóроб* ‘короб’, производн. рус. смолен. *доробок* ‘короб, корзина’, связан чередованием с гл. **derbati / *derbiti* (рус. диал. *деребать* ‘чесать, трепать, царапать’, *деребить* ‘драть, царапать’), который содержит древнее расширение и.-е. основы, представленной в гл. **derti* и восходит к и.-е. **dorьbho-*, ср. др.-инд. *darbhá-* ‘пучок (травы)’, *d̥rbhāti* ‘вить, плести’ [ЭССЯ 6: 74; ЭССЯ 5: 219; Проспект 47–48].

**dosogь* — др.-рус. *досѡгь* ‘свободное или удобное время’, ‘умение, ловкость, способность’, рус. *досуг* и др., укр. *досугий* ‘престарелый’, производное с вокализмом *-o-* от гл. **doseg(a)t'i* [ЭССЯ 5: 82–83].

По версии Зубатого [Zubatý 1893: 479] рус. диал. *мазгарь*, *мизгурь* родственны лит. *māzgas* ‘узел’, *mazgióti* ‘делать узелочки’, *mėgsti*, *mezgù*, *mezgiau* ‘вязать, завязывать’, лтш. *mazgs* ‘узел’, *megzt* ‘вязать’ и далее *māscā* ‘петля’, др.-исл. *möskvi*, *möskve*, ср.-нидерл. *maesche*, *masche* < **mēskō* < **mezg-* ‘вязать, связывать’ [Pokorny 746; ЭССЯ 18: 226–227]. Отношение корневого вокализма можно объяснить, предположив утрату славянскими языками производящего глагола с вокализмом *e*, родственного лит. *mėgsti*. Эта версия, поддерживаемая мотивационными отношениями ‘плести, вязать’ > ‘сеть, паутина’ > ‘паук’, принимается не всеми (ср. [Фасмер II: 558; Fraenkel 487]), но она остается наиболее вероятной.

3.2. Чередование *e: o* в именных образованиях. Этот ряд морфонологических отношений в вост.-слав. диалектизмах отражается в полном объеме или, что чаще, с сохранением одной ступени чередования.

**ętreba* — рус. диал. *ятреба* ‘утроба’ связанное чередованием с **ętroba* (< **ętroba*) (ср. рус. *утроба*), отражая типологически более древнее состояние [ЭССЯ 6: 71; 40: 86–88].

**obzerdь* и **obzorda / *obzordь* — рус. диал. *озерэд* ‘приспособление из жердей для просушки снопов’ и *озород*, *озорód* ‘длинный стог сена’, укр. *озерэд* ‘скирда, стог соломы’, ст.-блр. *зерем* ‘колонна бобров’, блр. *азярод*, диал. *озерэд* ‘высокая прямоугольная в основе кладка снопов’ и т. д.) < **zerd-me* ‘огороженное’ < и.-е. **g'herdh- / *g'hordh-* с вариантом в слав. **gordь*. Ближайшие соответствия в лит.

žárdas ‘сооружение для сушки зерна, льна, гороха’, лтш. *zārds* ‘стожары’, прус. *sardis* ‘забор, ограда’ (подробнее [ЭССЯ 31: 179–180; Трубачев 1963: 172, 179; Трубачев. Труды 1: 377; Fraenkel 1290–1291]).

Для праслав. диал. **xritati*, засвидетельствованного в др.-рус., др.-рус. цслав. *xritamti* ‘насмехаться’, *poxritamti* ‘публично позорить, подвергать поруганию’, *poxritamti* ‘посмеяться, отнестись с презрением, насмешкой’, *охреть* ‘позор, поругание’ [ЭССЯ 8: 98], вероятно, производных от имени, допустима связь на основе чередования *e: o* с приведенными в словаре Скока ([Skok I: 686], с пометой «неясно») словен. *hrétiti se* ‘быть противным, оскорбительным’, ‘быть раздутым’, *hrétiti se* ‘приседать, растопыривая крылья (о курице, наседке)’, ‘надуваться’ < праслав. **xrétiti se* [ЭССЯ 8: 93].

В семантике русских и словенских лексем присутствует смысловой компонент, который передает резко эмоциональную оценку ситуации. Внешне состояние недовольства получает выражение в мимике, напряжении лицевых мышц, в изменении всего облика, зрительно воспринимаемого как раздувание щек (ср. рус. диал. (ср.-урал.) *раздуваться* ‘рассердиться’ — [СРНГ 33: 334]). Специфическая семантика глагола делает возможной реконструкцию **xrétiti se* < **skrétiti* < **skroj-t* при отражении ступени *e* в слав. **skridlo* (ЭССЯ 8: 93). И-е. корень с гласным в ступени *-o-*, т. е. **(s)kroj-*, находит отражение в рус. цслав. *скрѣнь* ‘шутка’ (< слав. диал. **skrěнь*) с восстанавливаемой для него первонач. **skrět-нь* < и.-е. **(s)ker-* ‘резать’ (Меркулова 1982: 45–47), но не исключено, что это производное на *-n* от несохранившегося гл. ***skrěti* < **(s)ker-* ‘резать’ (подробнее см. [Куркина 2021: 142–146]).

**drozľ(jb)* — блр. *дрўзлы* ‘обрюзгший’ с структурно близким соответствием в лит. *drumzlùs, druñzlinas, drumžlùs* ‘мутный’, производными от гл. *druñsti* ‘мутить, взбалтывать’ [Fraenkel 106] < балт. **drumb-* с вторичной назализацией [Pokorny 252]. Другая ступень вокализма с отличиями в суффиксе в ст.-слав. *дрѡселъ, дрѡхль* ‘печальный, скорбный’, рус. *дряхлый* < **drex(ь)ľ(jb) / *drexьľ(jb)* [Трубачев 1963: 178; ЭССЯ 5: 112–113; ЭСБМ 3: 154].

3.3. Отражение чередования *oi: ū*

По версии ЭССЯ ограниченный русскими диалектами гл. *бырѣть* ‘течь быстро, с шумом, журчать на мелком и каменистом месте (о воде)’, ‘плыть, образуя волны при движении на мелком месте’ [СРНГ 3: 347] < **byriti* содержит удлинненную ступень корневого вокализма по отношению к общеслав. **buriti* [ЭССЯ 3: 151].

Для вост.-слав. **gluda* (рус. диал. *глыда* ‘глыба, ком; кусок’) с йотовым производным в болг. *глужд* ‘сук’, ‘узел’, макед. *глужд* ‘щиколотка’ допускается родство с герм. **klauta-* (ср.-н.-нем. *klôt* ‘ком, шар, ячко’, нем. *Kloss* ‘ком’) [ЭССЯ 6: 144] и на основе чередования *oi: ū* с рус. диал. *глыда* ‘ком, кусок’, возможно, польск. диал. *głyda* ‘икра ноги’ [SP 7: 164; Аникин 10: 332].

Вост.-слав. **gluzď* (рус. диал. *глузд* ‘ум. память, рассудок, толк’, укр. *глузд* ‘ум, разум, смысл, сознание’, блр. *глузды* ‘мозг’, ‘память, ум’) с отражением в исходе основы экспрессивной геминации **glud-* > **glud-d-* [ЭССЯ 6: 156] или мены *-d- /-zd-*, как в рус. *глудый* / *глуздый* [Аникин 10: 334], обнаруживает соотносительный вариант в рус. диал. *глызда* [Аникин 10: 357] с исходным корневым вокализмом *ū*.

Вероятно, экспрессивный вариант той же исходной основы, сложившийся относительно поздно в русских диалектах, в рус. арх. *глу́за* ‘ком, комок, кусок’ и *глыза* ‘твердая глыба или ком земли, льда’ [Аникин 10: 356] или словообразовательный вариант с общей исходной основой с **glyba*, **gluta* [Трубачев 1963: 178].

Рус. диал. *гмыриту* ‘подсматривать’, ‘мешкать, копаться’, ‘медленно делать’ < **gmyriti* : **gmuriti* (ср. болг. *гмурѣся* ‘нырять, лазать’, чеш. *hmúřit* ‘жмуриться, мигать’, рус. диал. *гмуриться* ‘хмуриться’) с вторичным наращением *g-* при первонач. корне **myr-* в **gmuriti* [ЭССЯ 6: 163].

**ковука*, **кавука* — рус. диал. *ковыка* ‘запятая’, ‘запинка, остановка’ и др.-рус., др.-рус. цслав. *кавычька* ‘крюковый знак’, рус. *кавыка*, укр. *кавіка* ‘запятая’. Производные с суф. *-ука* с отражением в корне дифтонга *ou* и с удлинением *би*, ср. словен. *kávelj* ‘крюк’, ‘росток’ [Plet.² I: 388], связано родством на основе чередования с **kuk-*, **кук-*, **кѣк-*, в составе которых предполагается суффиксальное *-k* на и.-е. уровне [ЭССЯ 9: 167; ЭССЯ 12: 15].

3.4. Отражение в вост.-слав. диалектизмах отдельных ступеней распавшихся морфонологических отношений.

Можно выделить ряд образований с отражением в корне вокализма в степени редукции. Рус. диал. *дво́хатъ* ‘тяжело вздыхать’ и соотносительный с ним гл. **dvošati* продолжают, по версии О. Н. Трубачева, и.-е. **dhy-es-* (ступень редукции корня, ср. полную ступень **dheu-s-*, **dhou-s* в слав. **duxъ*). Древняя огласовка в греч. **θFεσίς* ‘бог’, лат. *bestia* < **dhyes-* ‘зверь’, лит. *dvesėti* ‘дышать’ и т. д. [ЭССЯ 5: 169, 171].

Ступень редукции гласного в корне сохраняет вост.-слав. диал. **mьrěti* (*se*) (ср. рус. диал. *мреть* ‘колебаться, струиться, образуя марево’, укр. *мріти* ‘чуть виднеться вдали’, *мрітися* ‘мерещиться, грезиться’) и связанное с ним **mьr’a* (рус. диал. *мря* ‘непроницаемый туман’, укр. *мря* ‘туман, мгла’), родственные слав. **marъ* (ср. рус. диал. *мар* ‘сухой туман или мгла’, болг. *мараня* ‘mareво’ [ЭССЯ 21: 130–131; 17: 217]. В этом материале находит отражение модель морфонологических отношений типа **vьrěti* ~ **varъ*.

4. Некоторые вост.-слав. диалектизмы обнаруживают точные соответствия с индоевропейскими языками.

**bloska* — укр. *блоска* ‘клоп’, сближаемому О. Н. Трубачевым с лит. *blākė*, лтш. *blākas* ‘клоп’, первонач. ‘плоский’, к и.-е. *bhl-* ‘бить, давить’ [ЭССЯ 2: 125].

**četvьrgъ* — др.-рус., рус. цслав. *четвьргъ*, *четвергъ*, *четверкъ* ‘четвертый день недели после воскресенья’ с соответствием в лит. *ketvėrgis* ‘четырёхгодовалый’, *ketvėrgė* ‘двацатикопеечная монета’ [ЭССЯ 4: 94; SP 2: 182].

**dryнь* — рус. диал. *дрын* ‘палка, жердь’, укр. диал. *дрін* ‘палка’, возможно, к и.-е. **drūno-*, производн. от и.-е. **dru-* ‘дерево’, ср. др.-инд. *druṇa-* ‘лук’ (первонач. деревянный), перс. *durūna* ‘дуга’, ‘радуга’, ‘лук’ и др. [ЭССЯ 5: 145; Pokorny 214; SP 5: 33]. В одной из последних работ Л. Кралик высказал предположение, что за пределами вост.-слав. ареала праслав. диал. **dryнь* входит в состав слов. диал. *drīñica* ‘огороженное место, где днем содержатся гуси’, ‘ограда из горизонтально

прибитых планок’, которое интерпретируется как первонач. **drynbnica* ‘ограда из жердей, палок’, дериват от прилаг. **drynbnъ* [Králik 2017: 166–168; Králik 2020: 44]. Это означает, что древний праславянский диалектизм с глубокими и.-е. истоками сохранился в отдельных славянских диалектах, далеко отстоящих друг от друга на современной карте.

**ēz(g)ati* — рус. диал. *езгаться* ‘собираться, обещаться, хотеть’ и т.д. Восх. к и.-е. *ēg’-* / **ōg’-*, ср. греч. ἦ ‘(он) сказал’, перф. ἄνωγα, лат. *aiō* ‘говорить, утверждать’ (< **agiō* < **ag’-*), арм. *asem* ‘говорить’ (< **ag’-*) [ЭССЯ 6: 56].

**gajati* — др.-рус. *гагати* ‘каркать’ ~ др.-инд. *gāyati, gāti* ‘петь’ [ЭССЯ 6: 84].

**grěza, *grěziti* — др.-рус. цслав. *грѣза*, рус. *грѣза, грѣзиту* ~ лтш. *greizis* ‘косой’ [ЭССЯ 7: 119–120].

**gajati* — др.-рус. *гагати* ‘каркать’ ~ др.-инд. *gāyati, gāti* ‘петь’ [ЭССЯ 6: 84].

**jevīnъ* — рус. *овин* ~ лит. *juvienà*, авест. *уэвīн-* ‘хлебное поле’ [ЭССЯ 8: 187].

**kriti* / **krъnōti* — др.-рус. *крити, крѣноу* ‘купить, заплатить, получить’ [СДР IV: 298], укр. диал. *кринутис’а* ‘взяться, схватиться’, блр. *(да) крануцца* ‘дотронуться’. Др.-рус. глагол сохраняет архаичное чередование *ь* в презенсе перед *-не-* — *i* в основе инфинитива (< и.-е. **k^urei-/*k^uri-* — **krъnōti* < и.-е. *k^urī-ne*). Соотносительный гл. на *-nōti* является новообразованием, охватившим вост.-слав. и ряд и.-е. языков, ср. др.-инд. *kriṇāti* ‘покупать’ (с выравнением вокализма по другим формам, но с сохранением краткого *i* в ведийской метрике, ср. пали *kiṇāti* — [Зализняк 1984: 115–116], греч. πέρυησι ‘продавать (на вывоз)’, др.-ирл. *crenaim, crenim* ‘покупать’. С учетом и.-е. соответствий вост.-слав. **krъnōti* в славянском материале является древним диалектизмом [ЭССЯ 12: 160–162; 13: 74–75].

**kustъ* — вост.-слав. *куст* ~ лит. *kuokštas* ‘горсть, пучок’ (?) или др.-инд. *kúṣṭha* ‘растение’ др. [ЭССЯ 13: 137].

lěť* — рус. *леть* ‘течка’, укр. диал. *лїть* ‘половое влечение’, *лїмо* ‘оплодотворение’ [Фасмер II: 489] ~ ср.-кипр. *aelet* (ad-let-*) ‘боль, страдание’, др.-ирл. *álad* ‘рана’, кимр. *tra-lōto* ‘тревога, боль’ < **leto-* / **lěto-* / **loto-* ‘страсть, течка (у животных); гнев, ярость’. В словаре Покорного слав.-кельт. и.-е. диалектизм с особой семантикой выделен в самостоятельное гнездо [Роконю 680]. По структурным и семантическим основаниям вполне допустимо рассматривать приведенные вост.-слав. образования как одно из ответвлений распавшегося этимологического гнезда, объединяющего слав. **lěto* с исходным значением ‘теплый, горячий’, **lěiti* (блр. *лэциць* ‘подогревать воду’) [ЭССЯ 15: 12, 19–20, 8; ЕСУМ 3: 272].

5. В качестве дополнения можно привести некоторые вост.-слав. диалектизмы, сохраняющие производящие основы для именных или глагольных образований.

**astrъ* — укр. диал. *ястер* ‘ястреб’, к которому в SP [1: 160] добавлено слов. диал. *jaster* ‘быстрый взгляд’, сохраняет в чистом виде основу **astrъ* с неясными и.-е. истоками [ЭССЯ 1: 84–85 и SP 1: 160]. В других славянских языках эта основа в составе существительных с суф. *-ebъ* / *-qbъ* (ср. рус. *ястреб*, словен. *jástrob*) и производных глаголов — чеш. *jastriti, jastrit’*, *jastriti* ‘зорко, пристально смотреть’ и слов. *jastrit’* то же [ЭССЯ 1: 86].

Вост.-слав. производные **deg(ь)no* / **deg(ь)lo* (рус. диал. *дегλό*, *дягλό* ‘молоки рыбы’, *дягно́* ‘пена при кипячении толченого конопляного семени’, блр. диал. *дзягно́* ‘кушанье из конопля, приготовленное в виде киселя’ и т. д.) вместе с другими производными **dega*, **degъljь* подтверждают существование утраченного в праславянском языке гл. ***degt'i* [ЭССЯ 5: 25–26].

**glesti se* — рус. диал. *глястися* ‘глядеться’ — атематич. инф. (~ лтш. *glenst*), родств. **gleđeti* [ЭССЯ 6: 124].

В материалах ЭССЯ невелик объем праславянских диалектизмов, ограниченных вост.-слав. ареалом. По мере продвижения работы над словарем состав этой части праславянского словаря будет пополняться. Но выявленный даже в таком небольшом объеме отрезок словаря, ограниченный вост.-слав. ареалом, при всей пестроте и разнообразии позволяет сделать некоторые выводы.

По приведенным материалам, выделенным по принципу ограниченного распространения, поддается восстановлению одна из составных частей лексического фонда тех диалектных образований, которые участвовали в формировании вост.-слав. языковой группы. Следует подчеркнуть, что речь может идти именно о совокупности диалектных образований, участвующих в этом процессе. Контуры отдельных диалектов в этом идиоме не поддаются восстановлению.

Вост.-слав. диалектизмы встроены в систему словообразовательных и морфологических отношений праславянского языка. Существенна конкретизация материала этой части словаря с разграничением собственно праславянских образований и индоевропейского наследия. Вост.-слав. ареал — область экспансии славян. Применительно к зоне, периферийной по отношению к остальному славянскому миру, действует закон сохранения архаизмов. И, как видим, вост.-слав. диалектизмы отражают архаичные явления, неизвестные остальным славянским языкам. Средствами этимологического анализа поддаются восстановлению утраченные остальными славянскими языками отдельные звенья морфологических отношений (ср. чередование *e: o*), вост.-слав. материал дает основания для реконструкции глагольных основ, не засвидетельствованных в славянском языковом пространстве. Восстанавливаемые образования потенциально пополняют состав лексического фонда праславянского языка.

Нельзя не обратить внимания на соответствия с балтийскими языками в приведенном материале. По славянской территории рассеяны локальные связи балтийских языков с отдельными славянскими языками и диалектами. В литературе отмечена сосредоточенность балто-славянских изолексов в области болгарского языка и западной части южнославянского ареала, отмечено участие украинских и белорусских диалектов вместе с диалектами сербохорватского языка в локальных балтийских изолексах [Трубачев 1963: 189–193]. Приведенный материал даже в таком небольшом объеме свидетельствует о существовании локальных изолексов, объединяющих балтийские языки со всеми вост.-слав. языками или с составляющими их диалектами. Важно подчеркнуть участие в них только русских диалектов. Такие связи с балтийскими языками, требующие дифференцированного подхода, могли

стать результатом территориальной близости балтийских и отдельных славянских племен на каких-то этапах развития праславянского языка. Контуры этой большой проблемы, требующей детального исследования на большом славянском материале, лишь пунктиром обозначены.

Литература

Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 1–14. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2007–2019–.

Бјелетић М. Ис^{ко}врнути глаголи. Београд, 2006.

Варбот 1973 — Варбот Ж. Ж. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. III // Этимология 1973. М.: Наука, 1975.

Варбот 1984 — Варбот Ж. Ж. Праславянская морфонология, словообразование, этимология. М.: Наука, 1984.

Зализняк 1984 — Зализняк А. А. Наблюдения над берестяными грамотами // История русского языка в древнейший период. Под ред. К. В. Горшковой. М.: МГУ, 1984.

Иванов 1957 — Иванов В. В. О значении хеттского языка для сравнительно-исторического исследования славянских языков // Вопросы славянского языкознания №2. М., 1957.

Калашников 1994 — Калашников А. А. Из истории славянских синонимов // Этимология 1991–1993. М.: Наука, 1994. С. 79–88.

Козлова 1977 — Козлова Р. М. Белорусские регионализмы праславянского происхождения (на материале лексики восточного Полесья). АҚД. Минск, 1977.

Краснояр. сл. — Словарь русских говоров центральных районов Красноярского края. Т. 1–5. Красноярск, 2003–2010.

Кузнецов 1954 — Кузнецов П. С. Чередования в общеславянском «языке-основе» // Вопросы славянского языкознания. Вып. 1. М., 1954.

Куликовский — Куликовский Г. И. Словарь областного олонецкого наречия. СПб., 1898.

Куркина 2011 — Куркина Л. В. Заметки по русской этимологии // ОЛА 2009–2011 М., 2011.

Куркина Л. В. О некоторых глаголах эмоциональной сферы в «Житии Андрея Юродивого» // Слова, конструкции и тексты в истории русской письменности. Сб. статей к 70-летию А. М. Молдована. СПб.; М., 2021.

Мартынов 1975 — Мартынов В. В. Белорусский этимологический ландшафт // Slawische Wortstudien. Sammelband des internationalen Symposium zur etymologischen und historischen Erforschung des slavischen Wortschatzes. Leipzig, 11–123 X 1972. Bautzen, 1975.

Меркулова 1977 — Меркулова В. А. Русские этимологии. III (нецевенье, хорь, сколудина, хмыз, верпеть) // Этимология 1977. М.: Наука, 1979.

Меркулова 1981 — Меркулова В. А. Заметки по русской диалектной лексике // Этимологические исследования. Свердловск, 1981.

Прспект — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Прспект. Пробные статьи. Составлен О. Н. Трубачевым. М.: Наука, 1963.

Трубачев 1963 — *Трубачев О. Н.* О составе праславянского словаря (Проблемы и задачи) // Славянское языкознание. V Международный съезд славистов. М.: Изд. АН СССР, 1963 (= Трубаев. Труды 1: 260–310).

Трубачев 1963а — *Трубачев О. Н.* О праславянских лексических диалектизмах серболужицких языков // Серболужицкий лингвистический сборник. М.: Наука, 1963 (= Трубаев. Труды 1: 762–780).

Трубачев 1966 — *Трубачев О. Н.* Ремесленная терминология. Этимология и опыт групповой реконструкции. М.: Наука, 1966.

Трубачев 1971 — *Трубачев О. Н.* Из праславянского словообразования: именные сложения с приставкой *a-* // Проблемы истории и диалектологии славянских языков. Сб. статей к 70-летию чл.-корр. АН СССР В. И. Борковского. М.: Наука, 1971.

Трубачев 1972 — *Трубачев О. Н.* Из наблюдений по этимологии лексических локализмов (славянские этимологии 48–52) // Этимология 1972. М., 1974.

Трубачев 1978 — *Трубачев О. Н.* Этимологические исследования восточнославянских языков: словари // Вопросы языкознания 1978 № 3 (= Трубаев. Труды 1: 365–378).

Трубачев 1987 — *Трубачев О. Н.* Регионализмы русской лексики на фоне учения о праславянском лексическом диалектизме // Русская региональная лексика XI–XVII вв. М., 1987 (= Трубаев. Труды 1: 472–482).

Трубачев 1991–1993 — *Трубачев О. Н.* Праславянное лексическое наследие и древнерусская лексика дописьменного периода // Этимология 1991–1993. М.: Наука, 1994 (= Трубаев. Труды 1: 538–560).

Трубачев. Труды I — *Трубачев О. Н.* Труды по этимологии. Слово. История. Культура. Т. 1. М., 2004.

Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Перевод с нем. и дополнения О. Н. Трубаева. Т. I–IV. 2-е издание. М.: Прогресс, 1987.

Bezljaj — *Bezljaj F.* Etimološki slovar slovenskega jezika. Т. I–V. Ljubljana, 1976–2007.

Fraenkel — *Fraenkel E.* Litauisches etymologisches Wörterbuch. Т. I–II. Heidelberg, 1955–1965.

Králik 2017 — *Králik L.* Праслав. диал. **drynъ* ~ словац. диал. *driňica* ‘ограда; огороженное место’ и рус. диал. *зэдрына* ‘бревенчатый забор, бревенчатая стена’? // Jezikoslovni zapiski. 23, št. 2. Ljubljana, 2017.

Králik 2020 — *Králik L.* Etymológia a nářečová lexikografia (na materiáli Slovníka slovenských nářečí). Bratislava: VEDA, vydateľstvo SAV, Jazykovedný ústav L’udovíta Štúra SAV, 2020.

Pokorny — *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern-München: Francke, 1959.

Skok — *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. I–IV. Zagreb, 1971–1974.

Sławski. Zarys — *Sławski F. Zarys słowotwórstwa Prasłowiańskiego. Słownik prasłowiański. Vol. II. Wrocław, etc.: Zakład Narodowy im. Ossolinskich, 1976.*
Zubatý 1893 — *Zubatý J. Etymologien // AfslPh XV, 1893.*

Сокращения

БЕР — Български етимологичен речник. Т. 1–8–. София: Издателство на Българската Академия на науките / Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 1971–2017–.

ЕСМУ — Етимологічний словник української мови / Ред. кол.: О. С. Мельничук, І. К. Білодід, В. Т. Коломієць, Т. Б. Лукінова, Г. П. Півторак, В. Г. Складенко, О. Б. Ткаченко. Т. 1–6. К., 1982–2012.

К-ка СГРС — Картотека Словаря говоров Русского Севера. Кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета. Екатеринбург.

ОЛА — Общеславянский лингвистический атлас (Материалы и исследования). М., 1965 –.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / ред. В. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Л; СПб. Вып 1– 52–. 1966–.

ЭСБМ — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / Рэд. В. У. Мартынаў, Г. А. Цыхун, Р. М. Малько. — Мінск, 1978–.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева (вып. 1–31), О. Н. Трубачева и А. Ф. Журавлева (вып. 32), А. Ф. Журавлева (вып. 33–39), А. Ф. Журавлева, Ж. Ж. Варбот (вып. 40), Ж. Ж. Варбот (вып. 41). М., 1974–2018–.

SP — Słownik prasłowiański. Wrocław etc.: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1974 –.

L. V. Kurkina

V. V. Vinogradov Russian Language Institute RAS

(Moscow, Russia)

lyukurkina@rambler.ru

PROTO-SLAVIC LEXICAL DIALECTISMS OF THE EAST SLAVIC VOCABULARY (BASED ON THE DATA OF THE ESSJA, VOL. 1–41)

While working with the data of the ESSJa (vols. 1–41), one subject of study were the East Slavic dialectisms that stand out on account of the fact that they are not found to participate in any internal Slavic etymological correspondences. Such lexemes of limited distribution are nevertheless fragments of the Proto-Slavic lexical stock. The East Slavic territory was an area of expansion for the Slavs, and, as a rule, archaic phenomena tend to

be better preserved in peripheral regions in comparison with the rest of the Slavic world. East Slavic dialectisms retain some of the phenomena that are otherwise lost or poorly attested in the Slavic languages such as: ancient verbs, fragmentary links of derivational chains, lexical-structural units that have exact Indo-European correspondences outside of Slavic. Special attention should be paid to the exclusive connections between East Slavic dialectisms and their counterparts in Baltic languages.

Keywords: Proto-Slavic, East Slavic, lexical dialectisms.

References

- Anikin A. *Russkii etimologicheskii slovar'* [Russian Etymological Dictionary]. Iss. 1–14–. Moscow; St. Petersburg, 2007–2019–.
- Bezljaj F. *Etimološki slovar slovenskega jezika* [Etymological Dictionary of the Slovenian language]. Vols. I–V. Ljubljana, 1976–2007.
- Bjeletić M. *Is^{ko}vrnuti glagoli* [«Twisted» verbs]. Beograd, 2006.
- Bŭlgarski etimologichen rechnik* [Bulgarian Etymological Dictionary. Vol. 1–7–. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences / «Prof. Marin Drinov» Academic Publisher, 1971–2010–.
- Etimologicheskii slovar' slav'anskikh jazykov. Praslav'anskii leksicheskii fond.* [Etymological Dictionary of the Slavic Languages. Common Slavic Lexical Stock]. Vols. 1–41–. Moscow: Nauka Publ., 1974–2018–.
- Etimologichnyi slovník ukrains'kogo jazyka* [Etymological Dictionary of the Ukrainian Language]. Ed. O. S. Mel'nychuk, I. K. Bilodid, V. T. Kolomietz', O. B. Tkachenko etc. Vol. 1–6. Kiev: Naukova dumka Publ., 1983–2012.
- Etimologichny slovník belaruskay movy* [Etymological Dictionary of the Belarusian Language]. Vol. 1–. Minsk, 1978–.
- Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo jazyka.* [Etymological dictionary of the Russian language]. Vol. 1–4. Moscow: Progress Publ., 1964–1973.
- Fraenkel E. *Litauisches etymologisches Wörterbuch* [Lithuanian Etymological Dictionary]. Vol. I–II. Heidelberg, 1955–1965.
- Obszczeslavianskii lingvisticheski atlas (Materialy i issledovaniya)* [Common Slavic Linguistic Atlas (Materials and research)]. Moscow, 1965–.
- Ivanov Vjačeslav V. *O značenii het'skogo jazyka dlja sravnitel'no-istoričeskogo izučeniya slavianskikh jazykov* [On the significance of the Hittite language for the comparative-historical study of Slavic languages] // *Voprosy slavianskogo jazykoznanija* [Issues in Slavic Linguistics] №2. Moscow, 1957 (in Russ.).
- Kalashnikov A. A. *Iz istorii slavianskikh sinonimov* [From the history of Slavic Synonyms]. *Etimologiya* 1993–1994. Moscow, 1994.
- Kartoteka Slovar'a govorov Russkogo Severa* [Card file of the Dictionary of dialects of the Russian North]. Ural Federal University, Department for Russian Language, General Linguistics and Verbal Communication. Ekaterinburg.
- Kozlova R. M. *Belorusskiye regionalizmy praslavianskogo proishozhdeniya* [Belorussian regionalisms of Proto-Slavic origin (based on the vocabulary of Eastern Polesie)]. Thesis abstract. Minsk, 1977.

Králík L'ubor. *Praslav. dial. *dryнь ~ slovac. dial. driňica 'ograda; ogorohennoye mesto' i rus. dial. zádrypa 'brevenczatyi zabor, brevenczabaya stena' ?* [Proto-Slavic dial. *dryнь ~ slovac. dial. driňica 'fence; fenced area' and Russ. dial. zádrypa 'log fence; log wall'] // *Jezikoslovni zapiski* [Notes in Linguistics] 23, №2. Ljubljana, 2017.

Králík L'ubor. *Etimologia i dialektynaya lexikografia (na materiale "Slovarja slovackih dialektov")* [Etymology and dialect lexicography (based on the "Dictionary of Slovak dialects")]. Bratislava, 2020.

Kulikovskii G. I. *Slovar oblastnogo oloneckogo nareczija* [Dictionary of the regional Olonets dialect]. Saint Petersburg, 1898.

Kurkina L. V. *Zametki po russkoi etimologii* [Notes on Russian Etymology]. *Obshchezslavianskii lingvisticzeskii atlas* [Common Slavic Linguistic Atlas] 2009–2011. Moscow, 2011.

Kurkina L. V. *O nekotoryh glagolah emocional'noi sfery v «Zhitii Andrey a Yurodivogo»* [On some verbs of the emotional sphere in Life of Andrew the Fool] // *Slova, konstrukcii i teksty v istorii russkoi pis'mennosti* [Words, Constructions and Texts in the History of Written Russian]. Saint Petersburg, Moscow, 2021.

Kuznetsov P. S. *Cheredovaniya v obshchezslavianskom "yazyke-osnove"* [Alternations in the Common Slavic proto-language] // *Voprosy slavianskogo yazykoznanija* [Issues in Slavic Linguistics] №2. Moscow, 1954.

Martynov V. V. *Belorusskii etimologicheskii landshaft* [Belarusian etymological landscape] // *Slawische Wortstudien. Sammelband des internationalen Symposium zur etymologischen und historischen Erforschung des slavischen Wortschatzes* [Studies in Slavic Vocabulary. Proceedings of the International symposium on etymological and historical research]. Leipzig, 11–123, X, 1972. Bautzen, 1975.

Merkulova V. A. *Russkie etimologii* [Russian etymologies] III // *Etimologiya* 1977. Moscow, 1979.

Merkulova V. A. *Zametki po russkoi dialektnoi leksike* [Notes on Russian dialectal vocabulary] // *Etimologicheskiiye issledovaniya* [Etymological Research]. Sverdlovsk, 1981.

Obshcheslav'anskii lingvisticheskii atlas [Common Slavic Linguistic Atlas]. Moscow, 1965 –.

Pokorny J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch* [Indo-European Etymological Dictionary]. Bern; München: Francke, 1959.

Skok P. *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika* [Etymological dictionary of the Croatian, or Serbian, language]. Books I–IV. Zagreb, 1971–1974.

Sławski F. *Zarys słowotwórstwa Prasłowiańskiego* [An Essay in Word formation of the Common Slavic Language] // *Słownik prasłowiański* [Common Slavonic Dictionary]. Vol. II. Wrocław, etc.: Zakład Narodowy im. Ossolińskich Publ., 1976.

Slovar russkikh govorov central'nyh rayonov Krasnoyarskogo kraja [Dictionary of Russian dialects of the central districts of the Krasnoyarsk Region]. Vol. 1–5. Krasnoyarsk, 2003–2010.

Slovar' russkikh narodnyh govorov [Dictionary of Russian Dialects]. Ed. by F. P. Filin, F. P. Sorokoletov, S. A. Myznikov. Iss. 1–51-. Leningrad / Saint Petersburg: Nauka Publ., 1965–2019–.

Trubachev O.N. *Remeslennaya terminologiya v slavianskih jazykah. Etimologiya i opyt gruppovoi rekonstruktsii* [Crafts Terminology in Slavic Languages. Etymology and an Essay in Reconstruction of a Vocabulary Group]. Moscow: Nauka Publ., 1966.

Trubachev O.N. *O sostave praslavianskogo jazyka (Problemy i zadachi)* [On the Makeup of the Common Slavic Dictionary (Problems and Scope)] // *Slavianskoye jazykoznanie. V Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov* [Slavic Linguistics. 15th International Congress of Slavists]. Moscow, 1963.

Trubachev O.N. *O praslavianskih leksicheskikh dialektizmah serboluzhickih jazykov* [On the Proto-Slavic lexical dialectisms in the Sorbian languages] // *Serboluzhickii lingvisticheskii sbornik* [Papers in Sorbian Linguistics]. Moscow: Nauka Publ., 1963.

Trubachev O.N. *Iz nabl'udenyi po etimologii leksicheskikh lokalizmov (slavyanskiye etimologii 48–52)* [From studies on the etymology of lexical localities (Slavic etymologies 48–52)] // *Etimologiya* [Etymology] 1972. Moscow: Nauka Publ., 1974.

Trubachev O.N. *Praslavianskoye leksicheskoye nasledie i drevnerusskaya leksika dopis'mennogo perioda* [Proto-Slavic Lexical Heritage and Old Russian Vocabulary of the Pre-written Period] // *Etimologiya* 1991–1993. Moscow: Nauka Publ. 1994 (In Russ.).

Trubachev O.N. *Iz praslav'anskogo slovoobrazovaniya: imennyje slozheniya s prefixom a-* [From Proto-Slavic word formation: nominal compounds with a prefix a-] // *Problemy istorii i dialektologii slavianskih jazykov* [Issues in Slavic Linguistic History and Dialectology]. Papers in honor of the Academy of Sciences of the Soviet Union Corresponding Member V. I. Borkovsky's 70th Birthday. Moscow: Nauka Publ., 1971.

Trubachev O.N. *Etimologicheskoye izuceniye vostochnoslaviaskih jazykov; slovari* [Etymological studies of East Slavic languages: dictionaries] // *Voprosy jazykoznaniya* 1978, № 3 (= *Trudy po etimologii. Slovo. Istoriia. Kultura. Etimologiya* [Works in Etymology. Word. History. Culture]. Vol. 1. Moscow, 2004).

Trubachev O.N. *Regionalizmy russkoy leksiki na fone uceniya o praslavianskom leksicheskome dialektizme. Russkaya regional'naya lexika XI–XVII vv.* [Russian Lexical Regionalisms against the Background of the Theory of Proto-Slavic Lexical Dialectisms. Russian Regional Vocabulary of the 11th — 17th centuries]. Moscow, 1987.

Varbot Zh. Zh. *K rekonstrukcii i etimologii nekotorych praslav'anskikh glagol'nykh osnov i otglagol'nykh imen* [On the reconstruction and etymology of some Proto-Slavic verbal stems and verbal names]. III // *Etimologiya* [Etymology] 1973. Moscow, 1975.

Varbot Zh. Zh. *Praslavianskaya morphonologiya, slovoobrazovaniye i etimologiya* [Proto-Slavic morphonology, word formation and etymology].

Zalijnjak A. A. *Nabludeniya nad berestianymi gramotami* [Observations on birch bark letters]. // *Istoriya russkogo jazyka v drevneyshii period* [History of the Russian Language in its Earliest Period]. Moscow, 1984.

Zubaty J. *Etimologii* [Etymologies] // *Archiv für slavische Philologie* [Archive for Slavic Philology] XV, 1893.

Сокращения языков, диалектов, географические пометы

авест. — авестийский, арм. — армянский, арханг. — архангельский, балт. — балтийский, блр. — белорусский, болг. — болгарский, волог. — вологодский, вост.-слав. — восточнославянский, герм. — германский, греч. — греческий, др.-в.-нем. — древневерхненемецкий, др.-инд. — древнеиндийский, макед. — македонский, др.-ирл. — древнеирландский, др.-исл. — древнеисландский, др.-рус. — древнерусский, енис. — енисейский, и.-е. — индоевропейский, кимр. — кимрский, лат. — латинский, лит. — литовский, лтш. — латышский, лув. — лувийский, осет. — осетинский, перм. — пермский, перс. — персидский, польск. — польский, праслав. — праславянский, прус. — старопрусский, рус. — русский, север. — северный, слав. — славянский, слвц. — словацкий, словен. — словенский, ср.-кимр. — среднекимрский. ср.-нидерл. — средненидерландский, ср.-н.-нем. — средненижненемецкий, ср.-урал. — среднеуральский, ст.-блр. — старобелорусский, ст.-рус. — старорусский, ст.-слав. — старославянский, ст.-чеш. — старочешский, с.-хорв. — сербохорватский, твер. — тверской, укр. — украинский, хетт. — хеттский, цслав. — церковнославянский, чеш. — чешский.

Прочие сокращения

Атемат. — атематический, безл. — безличная форма, гл. — глагол, глаг. — глагольный, диал. — диалектный, инф. — инфинитив, первонач. — первоначальный, перф. — перфект, преф. — префикс, прич. — причастие, соврем. — современный, суф. — суффикс, топ. — топоним.

К. Лешбер

Institute for Linguistic and Cross-Cultural Studies/Berlin

(Германия, Берлин)

leschber@institute-lccs.com

Посвящается Г. П. Клепиковой

ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ ЯЗЫКА ДРЕВНЕЙШЕГО ПАСТУШЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Принимая во внимание не только имеющиеся данные исторического языкознания и палеолингвистики (частично не подтвержденные документально), но и самые новые результаты исследований в области археологии, генетики, этнографии и сравнительной мифологии, появляется возможность стратифицировать словарный состав южноевропейских языков и, в частности, специфический и с трудом поддающийся этимологизации лексикон балканских пастухов, в границах более масштабной архаической лексической системы.

Эта система, или своеобразная лексическая сеть, распространялась и развивалась вследствие миграций на обширном географическом пространстве в течение длительного периода времени, отражая важную эпоху в развитии человечества в рамках евразийской культуры на протяжении тысячелетий. Возникновение и становление этой лексической системы осуществлялось, безусловно, хронологически раньше собственно славянской или даже индоевропейской эпохи.

При исследовании евразийского словарного состава в многоаспектном контексте макро-компаративистики, можно констатировать для существенной части этого лексикона повторяющуюся закономерность.

Эта закономерность будет предварительно обозначена как своего рода «полный ряд лексических свидетельств» существования эускаро-вост.-кавказского *субстрата*, включающий повторяющийся образец распределения предполагаемых этимологически родственных слов с большой глубиной древности. Чтобы прояснить подобную специфическую конфигурацию, была предпринята попытка проследить доисторические неолитические корни евразийской пастушеской культуры.

Культура пастухов Юго-Восточной Европы и Карпатских гор рассматривается далее в более широком контексте.

Для большей части типичной для региона пастушеской лексики, например в румынском, албанском и соседних языках, отсутствуют убедительные

этимологические разъяснения, которые проникали бы в глубокую древность. В большинстве случаев мы имеем дело с не очень точными определениями «балканское слово» или «дакского происхождения». Часто невозможно привести убедительную исходную форму. Таким образом, трудно высказаться определенно по поводу реального существования реконструируемых форм.

В настоящей статье, с учетом сказанного выше, предлагаются экспериментальные подходы к решению проблем с неясными этимологиями.

Для иллюстрации этого подхода были выбраны следующие примеры: румын. *baci, baligă, bîr, colibă, mocan, ciut/șut, țarc, zară/zer*, болг. (ля) *бише, цик/чик, колиба*, албан. *bisht*.

Ключевые слова: этимология, балканское языкознание, пастушеская лексика, неолитическая революция, доисторические миграции, исследование субстрата

Уже давно известно, что в лексике европейских языков засвидетельствованы следы древнейших субстратов. Они представляют европейский словарный состав в лексическом и культурном отношении как часть экстенсивных архаических сетей, которые выходят за рамки индоевропейского контекста. По меньшей мере со времени выхода труда Хубшмида [Hubschmid 1960] одним из самых старых известных стратов считается евроафриканский субстрат, существование которого доказывается языковыми реликтами средиземноморского региона. Иверсен & Кроонен [Iversen & Kroonen 2017: 519, иллюстрация 5] в последнее время даже смогли предоставить доказательства того, что средиземноморский субстрат и другие более ранние субстраты Европы испытывали влияние разновидностей языков охотников и собирателей эпохи мезолита. Наконец, для праисторических времен можно подтвердить также древнейшее северноевразийское генетическое влияние носителей тех языков, которые предположительно можно назвать северноевразийскими [Lazaridis et al. 2013: 4]. Хубшмид [Hubschmid 1991: 142–143, 171] исходил в одной из своих более поздних работ из сходства субстратных пластов в восточных и западных районах Средиземноморья. Он показал это на материале названий растений и топографии. Его взгляды базируются в данном случае на большом лингвистическом опыте, приобретенном в ходе длившейся десятилетиями работы над языковыми субстратами на европейском, евроазиатском и средиземноморском пространстве. Недавно были найдены убедительные указания на наличие двух важных европейских стратов в эпоху неолита.

При этом речь идет:

I. о раннем интенсивном (неолитическом) влиянии семитских языков [например Иллич-Свитыч / Illič-Svityč 1964, Kroonen 2012a, b и др.],

и в особенности о влиянии

II. эускаро-кавказского (или также васконского) страта по определению С.Л. Николаева [1984: 29–31, Bengtson 2017a, Bengtson 2017b], чью аргументацию мы хотели бы описать далее.

С.Л. Николаев был одним из первых, кто разработал и применил этот научный подход в отношении лексики с неясной этимологией. О значении/важности

этимологического словаря сев.-кавк. языков [NCED] для этимологического исследования и реконструкции см. [Алексеев/Тестелец 1996: 3–18] и актуальную дискуссию в [Bengtson & Leschber 2022: 17–18, Korotayev et al. 2019: 301, 304].

Этот страт (см. II.) можно отнести к дене-кавказской языковой семье, а внутри нее — к западно-дене-кавказской ветви [Starostin 2014: 10, Bengtson 2017a]. Разделение северокавказского и васконского могло быть датировано возрастом около 8900 лет (6900 лет до н.э.) [Kassian 2010: 424, основываясь на Starostin 2010]. Первые следы неолитизации в Европе устанавливаются для периода между 7000 г. и 6500 г. до н.э., причем неолитизация Иберийского полуострова морским путем констатируется уже спустя непродолжительное время после начала неолитизации Юго-Восточной Европы. Разделение северокавказского и васконского выпадает в соответствии с этим точно на данный отрезок времени. Николаев [Николаев 1984: 29–30] пишет в своем труде «Кавказоидные элементы палеобалканского субстрата»:

«В др.-греч. языке имеется большое количество заимствований из языков, относящихся к сев.-кавк. семье языков (... образуя дене-кавказскую макросемью, глубина которой примерно 10–12 тыс. лет), либо близко им родственных кавказоидных». Видимо, «кавказоидные» языки были распространены до прихода индоевропейцев по всему европейскому Средиземноморью: об этом говорит наличие «кавказоидного» субстрата в итальянских языках, романских языках иберо-роман. группы, а также сохранение «кавказоидного» баскского языка на Пиренеях, родство которого с сев.-кавк. (но не картвельскими!) убедительно показал В. Чирикба в сборнике «Древняя Анатолия» [Чирикба 1985]. Отсюда следует, что попытка найти следы «кавказоидного» субстрата в современных балканских языках не будет бессмысленной. Приведем некоторые вызывающие интерес параллели «(палео)балканским» словам, не имеющим и.-е. и других надежных этимологий, из сев.-кавк. языков (...).

В многочисленных исследованиях автор настоящей статьи описала европейские субстраты и их влияние на европейский словарный состав, в частности в работах, посвященных тематической группе названий деревьев в латинском языке с потенциально субстратным происхождением [Leschber 2012], стратификации субстратов в европейском и средиземноморском пространстве [Leschber 2017] и потенциальному доисторическому субстратному влиянию, которое можно констатировать для праславянского [Leschber 2020]. Недавно были представлены два более объемных исследования по эускаро-кавказскому субстратному влиянию в западных индоевропейских языках [Bengtson & Leschber 2019], а также особо в догреческом [Bengtson & Leschber 2021]. В настоящее время предпринимается дальнейшее исследование специфики лексических субстратных влияний в регионе Средиземноморья. В дальнейшем будет выявлена особая роль эускаро-кавказского субстрата для балканской лексики.

Определенные геолингвистические конфигурации засвидетельствованных в балканских языках слов без однозначной этимологии в протоиндоевропейском

(ПИЕ) уже давно вызывают ряд вопросов. В частности, топографические названия демонстрируют их наличие не только:

а) в Европе: в балканских языках, во всем средиземноморском регионе, в итальянских и испанских диалектах, в вариантах южнофранцузского, в Альпах и в баскском языке, но и

б) в афроазиатских языках (например, в семитских и берберских языках Северной Африки);

в) в северокавказских языках;

г) часто в языке бурушаски в северном Пакистане,

д) почти во всех случаях в дравидийских языках южной Индии.

При интерпретации этих геолингвистических конфигураций статический подход пока не позволяет соотнести их с отдельными существующими донныне «младшими» языковыми семьями, так как исследуемые слова засвидетельствованы за пределами одной языковой семьи. У некоторых из исследуемых лексем можно предположить даже принадлежность к древнейшему борейскому пласту. Этот страт восходит к палеолиту, причем на понятие «борейский», его характеристики и импликации указывали Гелл-Манн и др. [Gell-Mann et al. 2009].

Часто субстратные слова, с одной стороны,

1. выявляются в отдельных индоевропейских языках, в семитских, дравидийских языках; все они ностратические языки, например, по определению Бомхарда [Bomhard 2021],

и, с другой стороны,

2. в западно-дене-кавказских языках, как и в баскском, северокавказских и бурушаски (в соответствии с определением Старостина [Starostin 2014: 10]). На основе анализа наличия формально и семантически сходных лексических аналогов в описанной ранее взаимосвязи, в Европе и граничащем с ней средиземноморском регионе очень древний евроафриканский (и, возможно, борейский) субстрат должен был испытать сильное влияние в виде наслоения на него неолитических дене-кавказских языков.

Неолитические миграции берут свое начало из мультифокусной исходной области в Западной Азии, Леванта, Месопотамии и горного хребта Загрос. С одной стороны миграции приводили к следующим переселениям:

I. предков современных басков морским путем, соответственно, через Средиземное море, на Иберийский полуостров;

II. второй неолитический поток почти одновременно через Анатолию на Балканы;

III. третья группа перемещалась из Анатолии на Северный Кавказ;

IV. предки носителей языка бурушаски заселились в области современного Пакистана, где их потомки теперь проживают только на севере [Tikkanen 1988: 305];

V. предшественники носителей дравидийских языков заселились вместе с эламцами в праисторическое время в Западной Азии.

Протодравидийские языки являются одной из двух субгруппировок, происхождение которых можно предположить из гор Загрос и которые образуют протозагросский (наряду с протодравидийским еще эламский) [Southworth & McAlpin 2015: 235]. Распад протозагросского датируется периодом от 4000 до н.э. [Southworth & McAlpin 2015: 237, fig. 30.2]. Протодравидийское неолитическое население перемещалось из гор Загрос через устье Инда в южный Пакистан, их последнюю засвидетельствованную (промежуточную) прародину на индийском субконтиненте [Kozintsev 2020: 134, карта 8, 140, карта 10]. В ходе связанной с ними неолитизации они заселили большую часть индийского субконтинента, где их потомки еще в настоящее время говорят на дравидийских языках, являющихся здесь преобладающей языковой семьей [Joseph 2018, Southworth & McAlpin 2015, 236, fig. 30.1]. В этих дравидийских языках, относящихся к ностратическим языкам, сохранились древнейшие реликтовые слова, относящиеся к неолитическому периоду (и основанные на доисторическом языковом контакте), которые сопоставимы с реликтовыми словами в средиземноморском регионе, а также на Балканском полуострове [Hubschmid 1960: 93, Lahovary 1963: 161–363]. Эта часть протодравидийского словарного состава, который восходит к неолиту, создает картину общества, основанного на животноводстве и обладающего сельскохозяйственными знаниями, хотя оседлость еще не была представлена [Southworth & McAlpin 2015: 237–238]. С точки зрения Бласко Феррер [Blasco Ferrer 2010: 91–92], в баскском в свою очередь проявляется разновидность архаического [в итальянском оригинале] «subsostrato», который был распространен во всем средиземноморском регионе и оставил после себя следы в дравидийском (и, по его мнению, также в урало-алтайском). Связи с прото-северокавказским этот автор не усматривает. Здесь нужно указать на обязательное отличие южно-кавказских/картвельских языков (напр. грузинского) от не родственных им северокавказских, о которых в данном случае идет речь (подробно о северокавказских языках, точнее: об общем происхождении северо-западных- и северо-восточных кавказских языков см. [Chirikba 2016], дополнительные данные см. [Matasović 2017, Bengtson 2021: 10–11]. Баскско-северокавказские параллели были отмечены уже давно такими языковедами, как Боуда, Лафон и Уленбек, в особенности см. Чирикба [1985]. Определенные семантические поля представлены в этом древнем субстратном словарном составе более часто: топографические названия, названия растений и животных как самый старый лексический пласт. Явно неолитический характер имеют семантические сферы «Сельское хозяйство» и «Животноводство», а также вокабуляр простого ремесла и строительства. Это совпадает с результатами исследований Станга [Stang 1972], который смог установить в индоевропейских языках многочисленные исключительные славяно–(балтийско–)германские изоглоссы (на кельтские изоглоссы здесь необходимо указать дополнительно), а именно: из сфер «флора», «фауна», «природные явления», кроме того, «простое ремесло» и «строительство».

Реликты подобного рода можно связать с представленными волнами переселений в эпоху раннего неолита.

1. Значение эускаро-кавказского субстрата для формирования праязыков Юго-Восточной Европы

Как уже описывалось в [Bengtson & Leschber 2021], давно рассматривается влияние догреческого субстрата, который оказал влияние на греческий язык. Однако о языковой принадлежности этого субстратного влияния до сих пор нет единого мнения. См. об этапах дискуссии у [Bengtson & Leschber 2021].

Для исследования догреческого, как нам представляется, целесообразен многоаспектный подход. Для периода времени, охватывающего многие тысячелетия, можно исходить из различных видов гетерогенного языкового влияния на формирование догреческого, так, чтобы было можно более точно говорить о «догреческих субстратах».

Наряду с возможными индоевропейскими источниками [см. Garnier & Sagot 2017] и представленным здесь эускаро-северокавказским влиянием, некоторые догреческие слова обладали более древним не-индоевропейским происхождением, при этом, с точки зрения Вацлава Блажека [на основании личного сообщения В. Блажека 6 сентября 2020 г. Дж. Д. Бенгтсону], нужно исходить из семитских и хурритских источников. С. Л. Николаев [1985] идентифицировал северокавказские заимствованные слова в хеттском языке и древнегреческом языке.

А. С. Касьян [Kassian 2010: 404] подтверждает подобный подход: «Ancient Greek dialects possess a number of North Caucasian loanwords, see [Николаев, 1985] (some [of] Nikolaev's connections are highly questionable, but some seem probative)».

При рассмотрении влияния северокавказских языков на индоевропейские языковые разновидности возникают две противоположные точки зрения:

либо а) субстратное влияние,

либо б) ранние языковые контакты между ПИЕ и прото-северо-кавказским или прото-западно-кавказским [см. подробнее: Старостин 1988].

В работах Bengtson & Leschber [2019, 2021] исследуются этимоны, которые говорят в пользу расширенного эускаро-кавказского субстрата, связанного с распространением сельского хозяйства и животноводства из Анатолии [Bengtson 2017a: 453–460; Bengtson 2017b].

Основополагающими критериями выбора изучаемой таким образом греческой лексики оказываются:

а) то, что греческие слова классифицированы в работе Beekes [2010] как «догреческие» и, возможно, неиндоевропейские;

б) то, что существуют возможные северокавказские когнаты [согласно данным в NCED Nikolaev/Starostin 1994] и/или

в) то, что вероятные когнаты могут быть идентифицированы в баскском, как это подробно представлено в работе [Bengtson 2017a].

Некоторые примеры в Bengtson & Leschber [2021] основываются на предложении С. Л. Николаева [1985]. Представляется целесообразным [см. Bengtson & Leschber 2021] использовать в качестве исходного положения то, что аутентичные догреческие слова были заимствованы из северокавказского не непосредственно, а с

включением лексических реликтов эускаро-кавказских локальных языков, которые связаны с протосеверокавказским языком, но не идентичны с ним. Эускаро-кавказский словарный состав также не должен был проникать в балканские языки исключительно через догреческий. Речь может идти в том числе о самостоятельных заимствованиях из распространенного далее на севере варианта эускаро-кавказского. Чирикба [1985] привел важные доказательства для существования потенциальной древней северокавказской предварительной ступени, являющейся общей для северо-западных и северо-восточных кавказских языков. Куликов [Kulikov 2012: 304–305] смог отчетливо выявить в глагольной системе индоевропейских языков в Европе специфическое северо-западно-кавказское влияние. Тем самым были представлены указания на северокавказское влияние не только на лексическом, но и на грамматическом уровне. По поводу предшествующих размышлений Уленбека и Педерсена в подобном направлении см. [Kortlandt 2009: 39–47]. Касьян [Kassian 2010: 425–426] приходит в своем важном труде к выводу, что «the donor of discussed loanwords [to PIE] was an extinct member of Basque–N.Cauc. stock [= Euskaro–Caucasian] that bordered on the Indo-Hittite area in the Chalcolithic Carpatho-Balkan region».

2. Неолитические корни скотоводческих культур в Карпатах и в Юго-Восточной Европе

На основании изложенных выше наработок можно принимать во внимание отчетливый культурный, а также языковой элемент эускаро-кавказского характера в контексте неолитизации Европы при зарождении животноводства и сельского хозяйства. В ходе исследований словарного состава [Bengtson & Leschber 2019, 2021] представляется обоснованным по-новому взглянуть на «трудную», с точки зрения этимологии, лексику региона Балкан и Карпат, так как связь с этим важным стратом убедительна. Доисторическое население карпатского региона находится в непосредственной связи с животноводческим населением эпохи неолита, которое в древности проживало южнее. Общая культура представлена линейной ленточной керамикой [Pechtl 2015: 556, Bánffy 2003: 18, Bánffy 2019: XIV]. Декстер [Dexter 2010: VII] исходит из того, что первые волны индоевропейской миграции в южную Европу ассимилировали различные культурные и языковые пласты в регионе, а последняя индоевропейская волна создала в конечном счете суперстрат для новообразованных смешанных языков и культур. По этой причине многие древнейшие реликтовые слова смогли сохраниться в праформах языков Юго-Восточной Европы. Отдельные группы скотоводов Юго-Восточной Европы с первоначально доиндоевропейским происхождением смогли отойти с равнин в горные районы, когда переселение носителей индоевропейских диалектов в эти области приняло массовый характер. Богатый документированный археологический материал подтверждает описанный процесс. Карта 2 «Отгонное скотоводчество в Европе» (по [Клепикова 1974: 18]) представляет обзор «районов прежнего и реликтового распространения типов пастушества» и «районов современного распространения». Для культурного пространства Юго-Восточной Европы Поручук [Poruciuc

2010: XIII–XIV], основываясь на [Нильсон 1972], исходит из того, что фольклорные данные предоставляют намного более древний материал, чем мифология. Это наглядно показано в [Vuholsti 1974: 254] с учетом центрального места комплексных образов пастухов в румынской народной поэзии. Типичная для региона Балкан и Карпат пастушеская лексика к тому же подчиняется лингвогеографическим закономерностям: архаические реликтовые слова сохраняются преимущественно в труднодоступных областях, например в горной местности. Это наглядно показала Г. П. Клепикова [1974] на многочисленных лингвогеографических картах. В них засвидетельствована трудная для этимологической интерпретации пастушеская лексика в регионе Карпат, а также, в форме реликтовых островов, в расположенных далее на юг — часто горных — областях Балканского полуострова.

Определенная часть пастушеской лексики Юго-Восточной Европы не поддается систематической однозначной этимологизации. Отсутствует единство в основных формах, которые характеризуются многочисленными звуковыми исключениями. С их потенциальными когнатами в других языках (частично вне областей собственно Карпат или Балкан) они вступают в противоречие на уровне фонетических закономерностей. Это иллюстрируют многочисленные этимологические дискуссии по поводу тех или иных слов (например в этимологическом словаре румынского языка [DER]). Отсутствуют этимологические разъяснения, которые достигали бы значительной глубины во времени. Многие гипотетические палео-балканские или протоиндоевропейские формы, которые должны лежать в основе этих слов — а также реальная связь с ними — нигде не подтверждены. В [Калужская 2001] отчетливо проявляется тенденция отдавать предпочтение гипотетическим индоевропейским исходным формам (в некоторых случаях частично следуя спорным индоевропейским этимологиям В. Орла [Orel 1998] для албанского языка), хотя этимологическая дискуссия на основе репрезентативных библиографических данных по обсуждению соответствующего слова хорошо документирована и может быть принята читателем. В конечном счете [по Калужской] лишь немногие из приведенных этимологически сложных слов, имеющих параллели в румынском и албанском языках, вообще отнесены к палеобалканскому субстрату, не говоря уже о неиндоевропейском [Калужская 2001: 145]. По нашему мнению, это не удовлетворяет степени сложности обнаруживающихся здесь связей, даже если выражается претензия на это [Калужская 2001: 149]. Конечно, в соответствующих случаях обращается внимание на ведущие далее размышления в [Николаев 1984]. Речь идет о неиндоевропейских доисторических компонентах вокабуляра языков Юго-Восточной Европы (в части этого словарного состава), которые, как показывает опыт, труднее реконструировать. На эти связи ясно указывалось еще в [Nikolaev 1984: 29–31]. Весь комплекс проблем отчетливо выступает в текстах Николаева [1985], Иванова [1985], Старостина [1985], Чирикба [1985] и Diakonoff & Starostin [1986].

Баккер [Bakker 2020: 4] признает очень убедительным теоретический подход Бенгтсона [Bengtson 2017a] относительно его баск. — северно-кавказских реконструкций. Все детали о баск. диал. источниках см. подробнее в научном труде Бенгтсона [Bengtson 2017]. Для комплексного обсуждения фонетических связей

я отсылаю к подробному изложению в [Bengtson 2017a] и уже основывающемся на этом [Bengtson & Leschber 2019, 2021]. Принципиальной является необходимость рассмотреть тот факт, что балканская/румынская пастушеская терминология хранит многие древние элементы, связь которых со словами в других регионах еще не выяснена окончательно. Это становится ясно на примере таких слов, как рум. *turg*, с их связью с древнеевропейским субстратом в Сардинии или в восточных регионах, особенно на Кавказе и далее [Leschber 2008: 182–183, Домосилецкая 2002: 121, 128, 165–168]. Родственные с ними слова встречаются в МДАБЯ на картах 76 и 90. Румын. *baci* и *țarc* следует рассматривать в аналогичном контексте и т. д.

4. Примеры балканской лексики из семантической сферы «пастушество и скотоводство» в алфавитном порядке:

4.1 Рум. *baci* ‘старший пастух, занимающийся приготовлением брынзы’, этим. словарь румынского языка [DER 2001: 66–67, No. 5856] в результате всестороннего обсуждения выводит: незнакомая этимология.

Ср. албанский *bac*, *bácë* ‘старший брат, дядя’,

этим. исследование этого примера в книгах Калужской и Домосилецкой [Калужская 2001: 21, Домосилецкая 2002: 5, 7, 8].

По мнению Скока [Skok 1: 85], выраженному в словарной статье к с.-хорв. *báč* ‘молочный фермер’) рум. слово является источником для всех подобных слов на Балканах и в Карпатах.

Болгарский этим. словарь [БЕР 1: 37] неправильно объясняет болг. слово *бач* (1) из венгерского источника.

Бенгтсон [Bengtson 2000: 24] видит этим. связи с (восточно)кавказскими языками и подчеркивает необходимость, взглянуть на терминологию местных пастухов в целом с более широкой точки зрения: «There is in fact a whole complex of pastoral cultural vocabulary connecting Basque, Caucasian, and Burushaski».

[Ср. NCED 1039, и Bengtson 2017a: 367–368, Q.8]:

«Basque **barace* (*baratze*, *baratz*, *bartze*) ‘garden, orchard’; PEC **bǎrǝV* > Hinukh, Bezhta, Hunzib *bež* ‘enclosure (for sheep), sheepfold’; Chechen *boža-l* ‘stall, stable’; etc. = etymology Q.8.

Footnote: Internal **-r-* in PEC **bǎrǝV* is reconstructed on circumstantial evidence. The retroflex affricate in Burushaski **bac*, ‘Ziegenstall, Schafstall’ may imply a lost **r*.

So, to get from ‘sheepfold’ to ‘shepherd’ may be possible».

«Баскский **barace* (*baratze*, *baratz*, *bartze*) ‘сад, фруктовый сад’; прото-восточно-кавказский (ПВК) **bǎrǝV* > гинухский, бежтинский, гунзибский *bež* ‘загон (для овец), овчарня’; чечен. *boža-l* ‘стоило, загон, хлев’; и т. д. = этимология Q.8.

Примечание: Внутренний **-r-* в ПВК **bǎrǝV* реконструирован на основе косвенных доказательств. Ретрофлексный аффрикатный звук на бурушаском **bac*, ‘загон для коз, загон для овец’ может означать потерю бывшего **r*.

Так что, возможно, и с точки зрения значения удастся перейти от ‘овчарни’ к ‘пастырю’».

4.2 Рум. *báligă, balebă* ‘навоз, помет крупного рогатого скота, коровий навоз’, албан. *baigë, balge, bag(ël)jë* ‘навоз, помет’,

согласно Калужской [Калужская 2001: 21] со ссылкой на статью С. Л. Николаева [Николаев 1984: 30]: рум. *baligă* ‘навоз, помет’, алб. *baigë* тж, с.-хорв. *bàlega* ‘помет’, [ERSJ 2, 126–126], слово заимствовано из румынского в украинский язык: *bal’oh, balýga, belega* тж.

Само румынское слово неизвестного происхождения, согласно [DER 2001: 74, No. 646] это слово балканского происхождения, по мнению [Russu 1981] — элемент дакийского субстрата.

Вопреки мнению Покорного [Pokorny 1959: 798–801: No. 1467] о том, что корень относится к и.-е. **pel-* (1) или (8) (ср. др.-греч. (Hes.) *πάλκος* ‘грязь, слякоть’ (в разделе, содержащем слова для обозначения болот, др.-гр. *πάλκος* : *πηλός* (Hes.), к др.-гр. *παλάσσω* ‘я обрызгиваю (что-то)’), по этим. словарю Бекеса [Beekes 2010: 1145–1146] это слово также неизвестного происхождения, т. е. без этимологии.

Ср. прото-нахс.-даг. **pñilç_wă* [NCED 874], ‘понос’.

См. Лаховари [Lahovary 1963: 358, 233–234, No. 290] баск. *bal-iga, bal-igar* ‘помет, навоз’, баск. *balu-ca* ‘мелкий камень, самородок’,

в соотношении с дравидийском *paru-kkai, pirrukai, purrukai* ‘овечий, козий и крысиный помет’ [DED 1984: 371, No. 4185].

4.3 Рум. *bîr* (междометие) [Калужская 2001: 23, Lahovary 1963: 223–224 No. 246], см. [Bengtson & Leschber 2019: 30–31]:

албан. *berr* ‘мелкий домашний скот, овца, баран, коза’ или реже ‘козел’;

ср. баск. *brrrrrra, bri* (для зова потерявшей овцы), рум. *bri* и *bâr* (для созыва стада овец), укр., польский *bir* (для зова овец) и мн. др. [Hubschmid 1955: 194–196; REW 2009: No. 1049].

Ср. эускаро-кавказский [детали ср. Bengtson & Leschber 2019]: баск. *barro* ‘годовалый баран’, с начальным *m-*: *marro* ‘некастрированный баран’; ср. *borro* ‘годовалый баран, в основном преим. бойцовый’.

Реконструирован для уровня прото-вост.-кавк. **mñarʒV* ‘овца’: табасаранский *marč*:, агульский *märč*:, даг. *maza*, и т. д.

[NCED 813: суффикс **-ʒV* ?] см. источники: [Dolgopolsky 2008: No. 225a, Militarev 2009: 101]: афразийский **bVr-* ‘(молодой) бык’, [DED 1984: 346, No. 3881]. Албан. *berr* от прото-албанского **barwa* [Orel 1998: 21], этим. связано с древнесеверн. *borgr* ‘свинья’, др.-в.-н./древневерхненемецкий *barug, baruh* тж, слав. **borvŋ* ‘кабан’, «германско-славянская изоглосса» [Kroonen 2013: 54].

4.4 Болг. (ля) *бише* ‘подзывное слово для коров’,

ср. [Hubschmid 1955: 196–197] рум. *bociu* ‘подзывное слово для телят’ [Вакарелски 1937: 9, Leschber 2016: 116], родств. слова в баск., и, кроме этого, в Альпах, на Балканах, в Польше, на Кавказе, на Памире, мн. примеров у Лаховари [Lahovary 1963: 232, No. 283].

[Bengtson 2017a: 351–352] подчеркивает связь с сев.-вост.-кавказскими словами: арчинский *biš* ‘телец’; гунзиб *biše* ‘телец’, [NCED 1048], может быть и [NCED 296] ‘крупный рогатый скот’.

Согласно [Berger 1998: 59], на бурушаски *bóso* ‘приходи!’ (призыв, адресованный теленку), [Berger 1998: 65] *boşoşo* ‘телец’.

4.5 Албан. *bisht* ‘хвост’, в румынском языке не засвидетельствован [Bengtson & Leschber 2019: 31].

[Lahovary 1963: 212 No. 37] приводит как пример баск. *buztah* ‘хвост’,

ср. эускаро-кавк.: баск. **busta-n* ‘хвост’, [Bengtson 2017a: 259, A.47]:

ср. в сев.-вост.-кавк.: цахур. *biṭ* / (obl.) *biṭ* :e- ‘хвост’ < прото-лезг. **p:olc*; — тж [ТОВ]; ср. также индо-иран. субстратное слово **pusća-* ‘хвост’ [Lubotsky 2001: 313; Turner 1962–1985: #8249];

ирл. *bod*, др.-ирл. *bot* ‘хвост, penis’ < прото-келт. **buzdo*. Баск.-албан. сравнение см. Шухардт [Schuchardt 1912]. Касьян пишет «Celtic **buzdo* is indeed one of the several attested Celtic stems for ‘tail’...but this one most likely represents a borrowing from a Basque-like lect» [Kassian 2013: 192]. Албан. *bisht* < прото-албан. **būšta*, производное и.-е. **bhuhx-* ‘расти’ [Orel 1998: 27]. [Bengtson & Leschber 2019: 31]: «We find Orel’s solution quite *ad hoc* and dubious (what is **-šta* ?)».

4.6 Болг. *cik*, *čik* ‘приманка для коз’,

[Leschber 2016: 116, МДАБЯ 2009: 38–39, 40–41],

Ср. эускаро-кавк. уровень в книге Бенгтсона [Bengtson 2017a: 352, N.17]: ср. баск. **siki-ro*, **siki-te*, см. источники более детально у Бенгтсона: баск. диал. *zikhiro* ‘кастрированный баран’, *zikiro*, *zikhi(r)u*, баск. диал. *tzikiro*, (експр.) *xikiro*, *txikiro* / *čikiro* тж, *zikite* ‘кастрированная коза’ и т. д.

Там же много примеров из языков Северного Кавказа: андийский *c’ek’ir* ‘козленок’, ахвахский *č’ek’e*, каратинский *c’ik’er*, цезский *cek’i* ‘козленок’; лакский *cuk’u* ‘коза’; адыгейский *č’ac’ə* ‘козленок’ и т. д. < прото-сев.-кавк. **zikʷ* / **kizʷ* ‘коза, козленок’ [NCED 1094].

Ср. бурушаски **čhigir* ‘коза’ [Berger 1998: 76, Starostin 2005: 187, Bengtson & Leschber 2019: 31].

4.7 Болг. *koliba*, рум. *colibă* ‘хижина, лачуга’ и т. д., считается очень ранним заимствованием из др.-греческого языка, и восходит к языку коренного балканского населения; у этой лексемы есть много родственных слов в балканских языках и, возможно, в более отдаленных регионах [БЕР 2, 555–556, Skok 2, 124].

Николаев [Николаев 1985: 69, по. 16] заявляет, что «др.-греч. *καλλῶ* ‘деревянный домик, хижина’, не имеет надежной и.-е. этимологии, может быть сравнено с прото-сев.-кавк. **qə IV*».

Согласно Бенгтсон [Bengtson 2017a: 367, BCR: Q.5], баск. **o=ketu*: баск. диал. *okellu* ‘хлев, загон’, и т. д., в сев.-кавк.: дарг. (акушинский, урахинский) *qali* ‘дом,

комната', акушинский *qal-č* 'крыша'; табасаранский, агульский, рутульский *χal* 'дом' и т. д. < прото-сев.-кавк. **qǎ* *IV* 'дом, хижина' [NCED 889].

См. [Bengtson & Leschber 2021: 5–6] ср. др.-гр. *καλιᾶ* 'деревянное жилище, хижина, сарай, амбар, птичье гнездо'. «Etymological connection with ... *καλύπτω* ['to cover'], etc. is extremely doubtful» [Beekes 2010: 624]; «probable derivatives (are): *καλύβη* 'hut, cabin'; 'bridal bower'; 'sleeping tent'; *κόλυβος* 'farmstead' (Hesychius); variant *κολυβός*: The variant *κολυβός* ... shows that the word is Pre-Greek» [Beekes 2010: 628].

«Basque **o*=*ketu* matches PEC **qǎ* *IV* very well, phonetically and semantically: Basque **k* = PNC **q* and Basque **e* = PNC **ə* are regular» [Bengtson 2017a: 189–193; Bengtson & Leschber 2021: 6].

4.8 Рум. *moacán* 'овцевод' [Buhociu 1974: 264, Lahovary 1963: 246] к рум. *moácǎ* 'посох пастуха' с неизвестной этимологией; встречается во многих региональных вариантах: кроме рум. *moácǎ*, и *măcǎ*, *moagǎ*, *moahǎ*, *mos*, *močhiu*, *mog*, *mogǎ*, *muǎ* [DEX online, <https://dexonline.ro/definitie/moacǎ>].

Рум. *mosan* заимствован в болг. язык [БЕР IV 209–210].

Ср. Бенгтсон [Bengtson 2017a: 382–383, Q.54] баск. **mako*, **mak*- 'палка, трость', баск. диал. *mako* 'вилка', баск. диал. '(епископский) посох, пастуший посох', баск. диал. '(пастуший) посох, крючок', баск. диал. *maket* 'очень толстая палка, тяжелая дубинка', *mako-l* 'столб с крючком на конце, для стрижки тростника и папоротника', ср. прото-сев.-кавк. **bhǎnǎ* *V* 'столб' [NCED 295, ТОВ],

в сев.-кавк.: цезский *maq* 'короткая палка, стержень', бежтинский *maq* 'кол', гунзибский *maq* 'штaketник (из забора)' и мн. др., сино-кавк. этимология, ср. бурушаский **-pháyo* 'палка, трость' [Berger 1998: 320, 627].

4.9 Рум. *șut*, *ciut*, болг. *șut* 'безрогий' [Николаев 1984: 30, Калужская 2001: 47, Геров V 590–591] 'безрогий, бесхвостый, корноухий', и в албан., и в слав. языках [Домосилецкая 2002: 91, 95–97], для обозначения 'животных с отрезанными или маленькими ушами или хвостом' [Leschber 2016: 118, DER 2001: 209–210]. По мнению Клепиковой [Клепикова 1974: 76, 84–86], не общеславянское слово, с неясной этимологией, слово считается автохтонным на Балканах и в области Карпат, с возможными родственными словами в восточной Швейцарии и с распространением в северо-восточных итальянских диалектах Альп.

Николаев [Николаев 1984: 30] доказывает наличие в сев.-вост.-кавк. языках: цезский *sut* 'e, 'баран с короткими ушами', [NCED 1009] цезский **s:utV*, *sutu* 'баран с короткими ушами'.

Слово заимствовано на уровне доисторических неолитических языковых контактов в дравидийские языки, и впоследствии из дравидийских языков в санскрит [Leschber 2016: 116–119, Lahovary 1955: 324, Lahovary 1963: 227 No. 261, DED 1984: 175, Turner 1962–1985: 175, 176, Berger 1998: 95, 128, 248].

4.10 Рум. *țarc* 'загон для скота, ограда вокруг стога', албан. *cark*, *thark* 'сарай для животных, ограждение для овец', совр.-гр. *τσάρκος*.

По данным Калужской [Калужская 2001: 48], автохтонное слово неизвестного происхождения с распространением во всех соседних языках Балкана и Карпат [Домосилецкая 2002: 196, Russu 1970: 208–209], без каких-либо дальнейших связей с и.-е., с подробным обсуждением в Бенгтсон & Лешбер [Bengtson & Leschber 2019: 35]:

«Euskaro-Caucasian: ? (if *-k* is a suffix) NC: Chechen *zšāra* ‘wattle fence’, Ingush *zšar* id., Batsbi *zar* ‘wattle’, Tabasaran *at:ur* ‘enclosure, pen’, Rutul *ad:ar* id. < PEC **hazārV* ‘enclosure, wattle-fence’», см. детали в [NCED 512].

См. формально и семантически сходное слово бурушаский *tark* ‘хлев, сарай для животных’ [Berger 1998: 422]. Бенгтсон [Bengtson p.c. 2020] объясняет в личном письменном сообщении, что «it is tempting to add the Burushaski look-alike *tark* ‘хлев, сарай для животных’, but the expected sound correspondences would be PNC **ʒ* = Bur. **s*, or Bur. **t* = PNC **t* or **ʃ* [see Starostin 2005]».

4.11 Рум. *zără* ‘пахтанье’, рум. *zer* ‘сыворожка’ [Николаев 1984: 30, Калужская 2001: 50], *zerari* ‘пастухи’ [Vuhošić 1974: 254]. Г.П. Клепикова [Клепикова 1974: 133–138] реконструирует основную форму ⁺(*d*)*zer*, в рум. диалектах есть варианты *zăr*, *dzar*, *zără* и мн. др., рум. слово было заимствовано в украинский язык *дзер*, *зер* ‘сыворожка’, и также в болг. диал. *зара* ‘пахта’, в с.-хорв. и т. д. Однако источник арумынского слова — это албан. слово *dhallë*. Клепикова [Клепикова 1974: 133–138] упоминает болг. диал. *дзира* ‘вторичная сыворожка’, *зира* ‘первичная сыворожка’ и даже наличие в италороманских диалектах. Эти итал. диал. слова указывают на происхождение из южноевропейского субстрата, не будучи романско-индоевропейского происхождения, ср. итал. диал. *il tser*, *el tsir*, *su zoru* ‘сыворожка из (козьего) сыра’, арх. и диал. немецкое слово *Ziger* с неизвестной этимологией. Клепикова заключает «происхождение указанных терминов не совсем ясно».

Рум. этим. словарь [DER 2001: 853, No. 9485], впоследствии подробного обсуждения приходит к такому же выводу, и среди прочего называет совр.-греч. *τσίρρος* ‘сыворожка’ — Сках [Skach 2008: 32] подтверждает совр.-греч. *τσίρρος* ‘*sebum lactis*’, *τσίρρος* ‘сыворожка’ < совр. греч. *κίρρος* ‘сыворожка’. По мнению Бекеса [Beekes 2010: 702], сравни др.-греч. (прил. м. р.) *κίρρος*, (прил. ж. р.) *κίρράς* ‘красно-желтый, желто-коричневый’, с неизвестной этимологией, и кроме этого, еще нет убедительного объяснения геминаты *-ρρ-*.

Пока связанное слово в баск. не найдено.

Ср. в прото-сев.-кавк. [по данным ГОВ]: **ʒ_əʃrV* ‘молозиво’, успешно реконструировано для прото-сев.-вост.-кавк. и прото-вост.-кавк. уровня, полное совпадения на фонет. уровне см. в этим. словаре сев.-кавк. языков [NCED 1092].

Библиография

Bakker, P. Review. Advances in Proto-Basque Reconstruction with Evidence for the Proto-Indo-European-Euskarian Hypothesis. J. Blevins 2018 // *Fontes Linguae Vasconum*, 130, 2020, 563–592.

Bánffy, E. Die balkanischen und lokalen (?) Wurzeln der Glaubenswelt der mitteleuropäischen Linearbandkeramik-Gruppen // *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hung.* 54, 2003, 1–25.

Bánffy, E. First Farmers of the Carpathian Basin. Changing patterns in subsistence, ritual and monumental figurines. Prehistoric Society Research Papers No. 8, Oxford & Philadelphia. 2019.

Beekes, R. Etymological Dictionary of Greek. Leiden: Brill, 2010.

Bengtson, J. D. Review of I. Čašule 1998: Basic Burushaski Etymologies // *History of Language* 6.1, 2000, 22–26.

Bengtson, J. D. Basque and its Closest Relatives: A New Paradigm. Cambridge, Mass.: Mother Tongue Press/Association for the Study of Language in Prehistory. 2017a.

Bengtson, J. D. The Anthropological Context of Euskaro-Caucasian // *Iran and the Caucasus* 21/1, 2017b, 75–91.

Bengtson, J. D. Some Notes on Nakh-Daghestanian (East Caucasian), gender marking in North Caucasian and (pre-)Basque, 2021 (manuscript).

Bengtson, J. D. & Leschber, C. Notes on Euskaro-Caucasian (Vasconic) Substratum in western Indo-European Languages // *Wékwos* vol. 5. *Revue d'études Indo-européennes*. R. Garnier, X. Delamarre, Les Cent Chemins, Arles: Éditions Errance. 2019, 11–50.

Bengtson, J. D. & Leschber, C. Notes on some Pre-Greek words in relation to Euskaro-Caucasian (North Caucasian + Basque) // *Journal of Language Relationship / Voprosy jazykovogo rodstva*, 2021, 19/2, 71–98.

Bengtson, J. D., Leschber, C. On criticism of S.L. Nikolayev // S.A. Starostin, A North Caucasian Etymological Dictionary. In: *Iran and the Caucasus*. Brill: Leiden-Boston, to appear 2022.

Berger, H. Die Burushaski-Sprache von Hunza und Nagar, 1–3. Wiesbaden: Harrassowitz. 1998.

Blasco Ferrer, E. Paleosardo. Le radici linguistiche della Sardegna neolitica. Berlin/New York. 2010.

Bomhard, A. A Comprehensive Introduction to Nostratic Comparative Linguistics. With Special Reference to Indo-European, 4th edition, Florence/SC. 2021 https://www.researchgate.net/publication/323987149_A_Comprehensive_Introduction_to_Nostratic_Comparative_Linguistics_4th_edition_2021, retrieved on 2021 12 12.

Buhociu, O. Die rumänische Volkskultur und ihre Mythologie. Wiesbaden: Harrassowitz. 1974.

Chirikba, V. From North to North West: How North-West Caucasian evolved from North-Caucasian // *Mother Tongue. Journal of the Association for the Study of Language in Prehistory* XXI, 2016, 1–27.

DED — *Burrow, T., Emeneau, M. B.* Dravidian etymological dictionary. 2nd ed., 1984. Oxford: Clarendon Press. <dsal.uchicago.edu/dictionaries/burrow/> (updated: Jan. 2006), retrieved on 2020-03-12.

DER — *Cioranescu, A.* Dicționarul etimologic al limbii române. 2nd ed., București: Saeculum. 2001.

DEX online — Dicționar explicativ al limbii române. 2004–2021. <https://dexonline.ro>, retrieved on 2020-12-01.

Dexter, M.R. Preface. In: *Poruciuc, A.* Prehistoric Roots of Romanian and Southeast European Traditions. Institute of Archaeomythology. Sebastopol-CA. 2010, p. VI–X.

Diakonoff, I.M., Starostin, S.A. Hurro-Urartian as an Eastern Caucasian Language. Münchener Studien zur Sprachwissenschaft, Beiheft, N.F. 12. München. 1986.

Dolgopolsky, A. Nostratic Dictionary. Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research. 2008. <www.dspace.cam.ac.uk/handle/1810/196512>, retrieved on 2020-08-10.

Garnier, R., Sagot, B. A shared substrate between Greek and Italic // Indogermanische Forschungen 122 (1), 2017, 29–60.

Gell-Mann, M., Peiros, I., Starostin, G. Distant Language Relationship: The Current Perspective // Journal of Language Relationship 1, 2009, 13–30.

Hubschmid, J. Haustiernamen und Lockrufe als Zeugen vorhistorischer Sprach- und Kulturbewegungen // Vox Romanica 14, 1955, 184–203.

Hubschmid, J. Mediterrane Substrate — mit besonderer Berücksichtigung des Baskischen und der west-östlichen Sprachbeziehungen // Romanica Helvetica 70. Bern: Francke. 1960.

Iversen, R., Kroonen, G. Talking Neolithic: Linguistic and Archaeological Perspectives on How Indo-European Was Implemented in Southern Scandinavia // American Journal of Archaeology, 2017, 121.4: 511–525.

Joseph, T. Early Indians. The Story of our Ancestors and where we came from. New Delhi, 2018, Juggernaut Books.

Kassian, A. Hattic as a Sino-Caucasian language // Ugarit-Forschungen, 41, 2010, 309–448.

Kassian, A. On Forni's Basque–Indo-European Hypothesis // The Journal of Indo-European Studies 41/1–2, 2013, 181–201.

Korotayev, A., Borinskaya, S., Starostin, G., Meshcherina, K. Evolution of Eurasian and African Family Systems, Cross-Cultural Research, Comparative Linguistics, and Deep History // Social Evolution and History 18.2, 2019, 286–312.

Kortlandt, F.C.C. Uhlenbeck on Indo-European, Uralic and Caucasian // Historische Sprachforschung 122, 2009, 39–47.

Kozintsev, A. On the Homelands of Indo-European and Eurasiatic: Geographic Aspects of a Lexicostatistical Classification // Journal of Indo-European Studies. 48, 1&2, 2020, 121–150.

Kroonen 2012a: *Kroonen, G.* Non-Indo-European root-nouns in Germanic: evidence in support of the Agricultural Substrate hypothesis // A linguistic map of prehistoric Northern Europe. Helsinki, 2012, 239–260.

Kroonen 2012b: *Kroonen, G.* On the etymology of Greek ἄγλις and γέλις 'garlic': an Akkadian loanword in Pre-Greek // Journal of Indo-European Studies, vol. 40, no. 3/4, 2012, 289–299.

Kroonen, G. Etymological Dictionary of Proto-Germanic. Leiden/Boston, 2013, Brill.

Kulikov, L. The Proto-Indo-European case system and its reflexes in a diachronic typological perspective: evidence for the linguistic prehistory of Eurasia // *Rivista degli Studi orientali, nuova serie*, vol. LXXXIV, 1–4, 2012, 289–309.

Lahovary, N. Contribution à l'histoire linguistique ancienne de la région balkano-danubienne et à la constitution de la langue roumaine // *Suite. Vox Romanica* 14, 1955, 310–346.

Lahovary, N. Dravidian Origins and the West. Bombay, Orient Longmans. 1963.

Lazaridis, I. et al. Ancient human genomes suggest three ancestral populations for present-day Europeans. — bioRxiv 2013. <doi.org/10.1101/001552>, retrieved on 2020-05-01.

Leschber, C. Zwei etymologische Mitteilungen: bulg. (dial.) *ràki* und rumän. *murg* // *Linguistique balkanique* XLVII, 2–3. Sofia, 2008, 177–184.

Leschber, C. Latin tree names and the European Substratum // *Studia linguistica Universitatis Iagellonicae Cracoviensis* 129, 2012, 117–125.

Leschber, C. Zu bulgarischen Lockrufen für Tiere des Hofes // *Zeitschrift für Balkanologie* 52/1, 2016, 116–119.

Leschber, C. On the Stratification of Substratum Languages // *B. S. Sandgaard Hansen et al.* (eds.), *Etymology and the European Lexicon. Proceedings of the 14th Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft*, 17–22 September 2012, Copenhagen. Wiesbaden, 2017, Reichert, 235–250.

Leschber, C. Obscure Prehistorical Accessions to the Slavic Lexicon. *Encyclopedia of Slavic Languages and Linguistics Online*. *M. L. Greenberg et al.* (eds.), Leiden/Boston: Brill. 2020.

Lubotsky, A. The Indo-Iranian substratum // *Mémoires de la Société Finno-ougrienne* 242. *Chr. Carpelan, A. Parpola, P. Koskikallio* (eds.). Helsinki, 2001, 301–317.

Matasović, R. The origin of gender in Northwest Caucasian. Paper presented at the conference *Historical Linguistics of the Caucasus*, École pratique des hautes études, Paris, April 2017, Available on Academia.edu.

Militarev, A. Proto-Afrasian Lexicon Confirming West Asian Homeland: Pastoralism // *Journal of Language Relationship*, 1, 2009, 95–106.

NCED: — *Nikolayev, S. & S. Starostin.* A North Caucasian etymological dictionary. Moscow: Asterisk Press. 1994.

Nilsson, M. P. The Mycenaean Origin of Greek Mythology // *Vermeule, E.* (ed.) Berkeley/Los Angeles, University of California Press. 1972 (1932).

Orel, V. *Albanian Etymological Dictionary*. Leiden, 1998, Brill.

Pechtl, J. Linearbandkeramik Pottery and Society // *The Oxford Handbook of Neolithic Europe*, ed. *C. Fowler et al.* Oxford: University Press, 2015, 555–572.

Pokorny, J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern. 1959–1969.

Poruciuc, A. *Prehistoric Roots of Romanian and Southeast European Traditions*. Institute of Archaeomythology. Sebastopol-CA. 2010.

REW — *Meyer-Lübke, W.* *Romanisches Etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg: Winter. 2009.

Russu, I. I. *Elemente autohtone în limba română*. București. 1970.

Russu, I. I. *Etnogeneza Românilor*. București. 1981.

Schuchardt, H. *Tsingurri*. *Revue internationale des études basques* 6, 1912, 104–110.

Skach, E. Die Lautgeschichte des frühen Slavischen in Griechenland im Lichte der Lehnbeziehungen. Dissertation. Universität Wien. 2008.

Skok — *Skok, P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika I–IV. Zagreb: JAZU. 1971–1974.

Stang, C. Lexikalische Sonderübereinstimmungen zwischen dem Slavischen, Baltischen und Germanischen. Oslo: Universitetsforlaget. 1972.

Starostin, G. S. Preliminary Lexicostatistics as a Basis for Language Classification: A New Approach // *Journal of Language Relationship/Voprosy jazykovogo rodstva* 3: 79–116. 2010.

Starostin, G. S. Evolution of Human Languages: Current State of affairs (03.2014). EHL Project. 2014. <<http://ehl.santafe.edu/EhlforWeb.pdf>>, retrieved on 2020-08-28.

Starostin, S. Sino-Caucasian. Comparative Glossary, <http://starling.rinet.ru/Texts/glossary.pdf>. 2005, retrieved on 2020-08-28.

Southworth, F. C. & D. McAlpin, South Asia: Dravidian linguistic history. In: *Bellwood, P.* (ed.) *The Global Prehistory of Human Migration*. Chichester, West Sussex: Wiley Blackwell, 2015, 235–244.

Tikkanen, B. On Burushaski and other ancient substrata in Northwestern South Asia // *Studia Orientalia* 64, 1988, 303–325.

TOB — Tower of Babel. Long Range Etymologies: *Starling database* (Version 2020). <<http://www.starling.rinet.ru/cgi-bin/main.cgi?flags=eygtnnl>>, retrieved on 2020-08-28.

Turner, R. L. A Comparative Dictionary of the Indo-Aryan languages. London etc.: Oxford University Press. 1962–1985.

Алексеев М. Е., Тестелец Я. Г. «Севернокавказский этимологический словарь» и перспективы кавказской компаративистики. Известия РАН. Отделение литературы и языка, 1996, 55.5: 3–18.

БЕР — Български етимологичен речник 1–8. 1971–2017. София: БАН.

Вакарелски, X. Изрази за примамване на някои домашни животни. СББАН, 1937, XXXI, 3–37.

Геров Н. Речник на българския език 1–5, Пловдив 1895–1904/1975–78², София.

Домосилецкая М. В. Албанско-Восточнороманский сопоставительный словарь. Скотоводческая лексика. Санкт-Петербург. 2002.

ЕРСЈ — Етимолошки речник српског језика, Свеска 2, ур. *А. Лома*, Српска Академија наука и уметности. Београд, 2006.

Иванов В. В. Об отношении хаттского языка к северозападнокавказским. — В: *Петровский, Б. Б.* Древняя Анатолия, Москва, 1985. 26–59.

Иллич-Свитыч В. М. Древнейшие индоевропейско-семитские языковые контакты. Проблемы индоевропейского языкознания: Этюды по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков. Москва, 1964, 3–12.

Калужская И. А. Палеобалканские реликты в современных балканских языках. Москва. 2001.

Клепикова Г. П. Славянская пастушеская терминология — ее генезис и распространение в языках карпатского ареала. Москва. 1974.

МДАБЯ — *Соболев, А. Н.* Малый диалектологический атлас балканских языков. Серия лексическая, III. Животноводство. Санкт-Петербург/Мюнхен, 2009.

Николаев С.Л. Кавказоидные элементы палеобалканского субстрата. — В: Античная балканистика. Карпато-балканский регион в диахронии. Москва, 1984, 29–31.

Николаев С.Л. Северокавказские заимствования в хеттском и древнегреческом. // Петровский Б.Б. Древняя Анатолия, 1985, Москва, 60–73.

Старостин С.А. Культурная лексика в общесерверокавказском словарном фонде. // Петровский Б.Б. (ред.) Древняя Анатолия, 1985, Москва, 1985, 74–94.

Старостин С.А. Индоевропейско-северокавказские изоглоссы // Древний Восток: этнокультурные связи, Москва: Наука, 1988, 112–163.

Чирикба В.А. Баскский и северокавказские языки // Петровский Б.Б. Древняя Анатолия, 1985, Москва, 95–105.

Corinna Leschber

Institute for Linguistic and Cross-Cultural Studies/Berlin

(Germany, Berlin)

leschber@institute-lccs.com

AN ESSAY FOCUSING ON THE CLASSIFICATION OF THE LANGUAGE OF ANCIENT SHEPHERDS IN SOUTHEAST EUROPE

Considering the most recent results of auxiliary disciplines, such as archaeology, genetics, ethnography and mythology, it is possible, in the context of unattested linguistic stages, to posit South European and more specifically Balkan shepherding vocabulary in a larger archaic lexical network.

The lexical network has expanded over space and a long period of time, illuminating certain important milestones in the development of humanity over several millennia, and often pre-dating the Slavic or even Indo-European context.

While investigating the Eurasian word-stock in a multifactorial macro-comparativistic context, a recurrent pattern was observed in relation to part of this vocabulary.

This pattern will be tentatively labelled a "complete attestation chain", comprising a recurrent distribution pattern of supposed etymological cognates.

In order to explain such a specific configuration, we trace the prehistoric Neolithic roots of Eurasian shepherding culture. The shepherding culture in Southeast Europe and the Carpathian mountain range will then be placed into this larger context.

Since a large percentage of the shepherds' typical vocabulary lacks a convincing deeper etymology, e.g., in the Romanian, Albanian and adjacent languages, we propose — while applying the aforementioned pattern model — experimental approaches to solving these complex etymological problems.

As an illustration we have chosen the following examples: Romanian *baci*, *baligă*, *bîr*, *colibă*, *mocan*, *ciut/șut*, *țarc*, *zară/zer*, Bulgarian (*lja*) *biše*, *cik/čik*, *koliba*, Albanian *bisht*.

Keywords: etymology, Balkan linguistics, shepherding vocabulary, Neolithic Revolution, prehistoric migrations, substratum research

References

Alekseev, M. E., Testelec, Ja.G. *Severnokavkazskii etimologicheskii slovar' i perspektivy kavkazskoi komparativistiki*. [A North Caucasian Etymological Dictionary and the prospects of Caucasian comparative linguistics] // *Izvestiya RAN. Otdeleniye literatury i jazyka* [Bulletin of the RAS. Section for Literature and Language] 55.5: 1996, 3–18.

Bakker, P. *Review. Advances in Proto-Basque Reconstruction with Evidence for the Proto-Indo-European-Euskarian Hypothesis*. J. Blevins 2018. // *Fontes Linguae Vasconum* [Origins of the Basque Language], 130, 2020, 563–592.

Bánffy, E. *Die balkanischen und lokalen (?) Wurzeln der Glaubenswelt der mitteleuropäischen Linearbandkeramik-Gruppen* [Balkan and Local (?) Roots of the Belief System of Central European Linear Pottery Groups] // *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hung.* 54, 2003, 1–25.

Bánffy, E. *First Farmers of the Carpathian Basin. Changing patterns in subsistence, ritual and monumental figurines*. // Prehistoric Society Research Papers No. 8, Oxford & Philadelphia. 2019.

Beekes, R. *Etymological Dictionary of Greek*. Leiden: Brill, 2010.

Bengtson, J. D. *Review of I. Čašule 1998: Basic Burushaski Etymologies*. // *History of Language* 6.1, 2000, 22–26.

Bengtson, J. D. *Basque and its Closest Relatives: A New Paradigm*. Cambridge, Mass.: Mother Tongue Press/Association for the Study of Language in Prehistory. 2017a.

Bengtson, J. D. *The Anthropological Context of Euskaro-Caucasian* // *Iran and the Caucasus* 21/1, 2017b, 75–91.

Bengtson, J. D. *Some Notes on Nakh-Daghestanian (East Caucasian), gender marking in North Caucasian and (pre-)Basque*. 2021 (manuscript).

Bengtson, J. D., Leschber, C. *Notes on Euskaro-Caucasian (Vasconic) Substratum in western Indo-European Languages*. // *Wékws* vol. 5. *Revue d'études Indo-européennes*. R. Garnier, X. Delamarre, Les Cent Chemins, Arles: Éditions Errance. 2019, 11–50.

Bengtson, J. D., Leschber, C. *Notes on some Pre-Greek words in relation to Euskaro-Caucasian (North Caucasian + Basque)* // *Journal of Language Relationship / Voprosy jazykovogo rodstva*, 2021, 19/2, 71–98.

Bengtson, J. D., Leschber C. *On criticism of S. L. Nikolayev* // S. A. Starostin, A North Caucasian Etymological Dictionary. In: *Iran and the Caucasus*. Brill: Leiden-Boston, to appear 2022.

BER — *Bălgarski etimologičen rečnik* [Bulgarian Etymological Dictionary] 1–8. 1971–2017. Sofia: BAN.

Berger, H. *Die Burushaski-Sprache von Hunza und Nagar* [The Burushaski Language of Hunza and Nagar], 1–3. Wiesbaden: Harrassowitz. 1998.

Blasco Ferrer, E. *Paleosardo. Le radici linguistiche della Sardegna neolitica* [Paleosardic. Linguistic Roots of the Neolithic Sardinia]. Berlin/New York. 2010.

Bomhard, A. *A Comprehensive Introduction to Nostratic Comparative Linguistics. With Special Reference to Indo-European*, 4th edition, Florence/SC, 2021. <https://www>.

researchgate.net/publication/323987149_A_Comprehensive_Introduction_to_Nostratic_Comparative_Linguistics_4th_edition_2021, retrieved on 2021 12 12.

Buhociu, O. *Die rumänische Volkskultur und ihre Mythologie* [Romanian Popular Culture and Mythology]. Wiesbaden: Harrassowitz. 1974.

Chirikba, V. *From North to North West: How North-West Caucasian evolved from North-Caucasian* // Mother Tongue. Journal of the Association for the Study of Language in Prehistory XXI, 2016, 1–27.

Čirikba, V. A. *Baskkii i severokavkazskie yazyki* [Basque and North Caucasian Languages] // Piotrovskij, B. B. (ed.) *Drevnjaja Anatolija* [Ancient Anatolia]. Moscow, 1985, 95–105.

DED — Burrow, T., Emeneau, M. B. *Dravidian Etymological Dictionary*. 2nd ed., 1984. Oxford: Clarendon Press. <dsal.uchicago.edu/dictionaries/burrow/> (updated: Jan. 2006), retrieved on 2020-03-12.

DER — Cioranescu, A. *Dicționarul etimologic al limbii române* [Etymological Dictionary of the Romanian Language]. 2nd ed., București: Saeculum. 2001.

DEX online — *Dicționar explicativ al limbii române* [Explanatory Dictionary of the Romanian Language]. 2004–2021. <https://dexonline.ro>, retrieved on 2020-12-01.

Dexter, M. R. *Preface*. // Poruciuc, A. *Prehistoric Roots of Romanian and Southeast European Traditions*. Institute of Archaeomythology. Sebastopol-CA. 2010, p. VI–X.

Diakonoff, I. M., Starostin, S. A. *Hurro-Urartian as an Eastern Caucasian Language*. Münchener Studien zur Sprachwissenschaft, Beiheft, N. F. 12. München. 1986.

Dolgopolsky, A. *Nostratic Dictionary*. Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research. 2008. <www.dspace.cam.ac.uk/handle/1810/196512>, retrieved on 2020-08-10.

Domosileckaja, M. V. *Albansko-vostočnoromanskii sopostavitel'nyi slovar'. Skotovodcheskaja leksika* [Albanian — Eastern Romance Comparative Dictionary. Pastoralist Vocabulary]. Saint Petersburg, 2002.

ERSJ — *Etimološki rečnik srpskog jezika. Sveska 2* [Etymological Dictionary of the Serbian Language. Issue 2], ed. A. Loma, Srpska Akademija Nauka i Umetnosti, Beograd, 2006.

Garnier, R., Sagot, B. *A shared substrate between Greek and Italic*. // Indogermanische Forschungen 122 (1), 2017, 29–60.

Gell-Mann, M., Peiros, I., Starostin, G. *Distant Language Relationship: The Current Perspective* // Journal of Language Relationship 1, 2009, 13–30.

Gerov, N. *Rečnik na bālgarskija ezik* [Dictionary of the Bulgarian Language] 1–5, Plovdiv 1895–1904/Sofia 1975–78².

Hubschmid, J. *Hausiernamen und Lockrufe als Zeugen vorhistorischer Sprach- und Kulturbewegungen* [Domestic Animal Names and Beckon Words as Evidence of Prehistoric Linguistic and Cultural Movements] // Vox Romanica 14, 1955, 184–203.

Hubschmid, J. *Mediterrane Substrate — mit besonderer Berücksichtigung des Baskischen und der west-östlichen Sprachbeziehungen* [Mediterranean Substrates — with Special Considerations on Basque and West-East Linguistic Relations] // Romanica Helvetica 70. Bern: Francke. 1960.

Illič-Svityč, V. *Drevneyshie indoevropsko-semitskie yazykovye kontakty* [Earliest Indo-European — Semitic Language Contacts] // *Problemy indoevropskogo yazykoznanija: Etyudy po sravnitel'no-istoricheskoj grammatike indoevropskikh yazykov* [Issues in Indo-European Linguistics: Essays In Historical-Comparative Grammar of the Indo-European Languages]. Moscow, 1964, 3–12.

Ivanov, V. V. *Ob otnoshenii khattskogo yazyka k severozapadnokavkazskim* [On the Relation of Hattic to Northwest Caucasian Languages] // Petrovskij, B. B. (ed.) *Drevnjaja Anatolija*, Moscow, 1985, 26–59.

Iversen, R., Kroonen, G. *Talking Neolithic: Linguistic and Archaeological Perspectives on How Indo-European Was Implemented in Southern Scandinavia* // *American Journal of Archaeology*, 2017, 121.4: 511–525.

Joseph, T. *Early Indians. The Story of our Ancestors and where we came from*. New Delhi, 2018, Juggernaut Books.

Kalužskaja, I. A. *Paleobalkanskije relikty v sovremennykh balkanskikh yazykakh* [Paleobalkan Relics in Modern Balkanic Languages]. Moscow. 2001.

Kassian, A. *Hattic as a Sino-Caucasian language* // *Ugarit-Forschungen*, 41, 2010, 309–448.

Kassian, A. *On Forni's Basque–Indo-European Hypothesis* // *The Journal of Indo-European Studies* 41/1–2, 2013, 181–201.

Klepikova, G. P. *Slavyanskaya pastusheskaya terminologiya — ee genesis i rasprostranenie v jazykach karpatskogo areala* [Slavic Pastoral Terminology: Its Genesis and Spread in the Languages of the Carpathian Area]. Moscow. 1974.

Korotayev, A., Borinskaya, S., Starostin, G., Meshcherina, K. *Evolution of Eurasian and African Family Systems, Cross-Cultural Research, Comparative Linguistics, and Deep History* // *Social Evolution and History* 18.2, 2019, 286–312.

Kortlandt, F. C. C. *Uhlenbeck on Indo-European, Uralic and Caucasian* // *Historische Sprachforschung* 122, 2009, 39–47.

Kozintsev, A. *On the Homelands of Indo-European and Eurasiatic: Geographic Aspects of a Lexicostatistical Classification* // *Journal of Indo-European Studies*. 48, 1&2, 2020, 121–150.

Kroonen 2012a: Kroonen, G. *Non-Indo-European root-nouns in Germanic: evidence in support of the Agricultural Substrate hypothesis*. // A linguistic map of prehistoric Northern Europe. Helsinki, 2012, 239–260.

Kroonen 2012b: Kroonen, G. *On the etymology of Greek ἄλλυς and γέλλυς 'garlic': an Akkadian loanword in Pre-Greek* // *Journal of Indo-European Studies*, vol. 40, no. 3/ 4, 2012, 289–299.

Kroonen, G. *Etymological Dictionary of Proto-Germanic*. Leiden/Boston, Brill, 2013.

Kulikov, L. *The Proto-Indo-European case system and its reflexes in a diachronic typological perspective: evidence for the linguistic prehistory of Eurasia*. // *Rivista degli Studi orientali*, nuova serie, vol. LXXXIV, 1–4, 2012, 289–309.

Lahovary, N. *Contribution à l'histoire linguistique ancienne de la région balkano-danubienne et à la constitution de la langue roumaine* [A Contribution to Ancient

Linguistic History of the Balkano-Danubian Region and the Composition of the Romanian Language] // Suite. *Vox Romanica* 14, 1955, 310–346.

Lahovary, N. *Dravidian Origins and the West*. Bombay, Orient Longmans. 1963.

Lazaridis, I. et al. *Ancient human genomes suggest three ancestral populations for present-day Europeans*. — bioRxiv 2013. <doi.org/10.1101/001552>, retrieved on 2020-05-01.

Leschber, C. *Zwei etymologische Mitteilungen: bulg. (dial.) rãki und rumãn. murg* // In: *Linguistique balkanique* XLVII, 2–3. Sofia, 2008, 177–184.

Leschber, C. *Latin tree names and the European Substratum* // *Studia linguistica Universitatis Iagellonicae Cracoviensis* 129, 2012, 117–125.

Leschber, C. *Zu bulgarischen Lockrufen für Tiere des Hofes [On Bulgarian Beckon Words for Hooved Animals]* // *Zeitschrift für Balkanologie* 52/1, 2016, 116–119.

Leschber, C. *On the Stratification of Substratum Languages* // In: B. S. Sandgaard Hansen et al. (eds.), *Etymology and the European Lexicon*. Proceedings of the 14th Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft, 17–22 September 2012, Copenhagen. Wiesbaden, 2017, Reichert, 235–250.

Leschber, C. *Obscure Prehistorical Accessions to the Slavic Lexicon*. *Encyclopedia of Slavic Languages and Linguistics Online*. M. L. Greenberg et al. (eds.), Leiden/Boston: Brill. 2020.

Lubotsky, A. *The Indo-Iranian substratum* // *Mémoires de la Société Finno-ougrienne* 242. Chr. Carpelan, A. Parpola, P. Koskikallio (eds.). Helsinki, 2001, 301–317.

Matasović, R. *The origin of gender in Northwest Caucasian*. Paper presented at the conference Historical Linguistics of the Caucasus, École pratique des hautes études, Paris, April 2017, Available on Academia.edu.

MDABJ — Sobolev, A. N. (red.) *Malyj dialektologičeskij atlas balkanskich jazykov. Serija leksičeskaja, III. Životnovodstvo* [Minor Dialectological Atlas of the Balkanic Languages. Series Vocabulary 3: Animal Husbandry]. Saint Petersburg/München, 2009.

Militarev, A. *Proto-Afrasian Lexicon Confirming West Asian Homeland: Pastoralism* // *Journal of Language Relationship*, 1, 2009, 95–106.

NCED: — Nikolayev, S. & S. Starostin. *A North Caucasian etymological dictionary*. Moscow: Asterisk Press, 1994.

Nikolaev, S. L. *Kavkazoidnye elementy paleobalkanskogo substrata* [Caucasoid Elements of the Paleobalkan Substrate] // *Antichnaja balkanistika, Karpato-balkanskij region v diachronii* [Ancient Balkanic Studies. Carpatho-Balkan Region in Diachrony]. Moscow, 1984, 29–31.

Nikolaev, S. L. *Severokavkazskie zaimstvovaniya v khettskom i drevnegrecheskom* [North Caucasian Borrowings in Hittite and Ancient Greek] // Piotrovskij, B. B. (ed.) *Drevnyaya Anatoliya* [Ancient Anatolia]. Moscow, 1985, 60–73.

Nilsson, M. P. *The Mycenaean Origin of Greek Mythology*. Vermeule, E. (ed.) Berkeley/Los Angeles, University of California Press. 1972 (1932).

Orel, V. *Albanian Etymological Dictionary*. Leiden, 1998, Brill.

Pechtl, J. *Linearbandkeramik Pottery and Society*. In: *The Oxford Handbook of Neolithic Europe*, ed. C. Fowler et al. Oxford: University Press, 2015, 555–572.

Pokorny, J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch* [Indo-European Etymological Dictionary]. Bern, 1959–1969.

Poruciuc, A. *Prehistoric Roots of Romanian and Southeast European Traditions*. Institute of Archaeomythology. Sebastopol-CA. 2010.

REW — Meyer-Lübke, W. *Romanisches Etymologisches Wörterbuch* [Romance Etymological Dictionary]. Heidelberg: Winter. 2009.

Russu, I. I. *Elemente autohtone în limba română* [Autochthonous Elements in the Romanian Language]. Bucureşti. 1970.

Russu, I. I. *Etnogeneza Românilor* [Ethnogenesis of the Romanians]. Bucureşti, 1981.

Schuchardt, H. *Tsingurri* // *Revue internationale des études basques* 6, 1912, 104–110.

Skach, E. *Die Lautgeschichte des frühen Slavischen in Griechenland im Lichte der Lehnbeziehungen* [Phonological History of the Early Slavic in Greece in the Light of Connections via Borrowings]. Dissertation. Universität Wien. 2008.

Skok — Skok, P. 1971–1974. *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika* [Etymological Dictionary of the Croatian, or Serbian, Language] I–IV. Zagreb: JAZU.

Stang, C. *Lexikalische Sonderübereinstimmungen zwischen dem Slavischen, Baltischen und Germanischen* [Lexical Matches between Slavic, Baltic and Germanic]. Oslo: Universitetsforlaget. 1972.

Starostin, G. S. *Preliminary Lexicostatistics as a Basis for Language Classification: A New Approach* // *Journal of Language Relationship* / *Voprosy jazykovogo rodstva* 3: 79–116. 2010.

Starostin, G. S. *Evolution of Human Languages: Current State of affairs* (03.2014). EHL Project. 2014. <<http://ehl.santafe.edu/EhlforWeb.pdf>>, retrieved on 2020-08-28.

Starostin, S. A. *Kul'turnaia leksika v obshcheseverokavkazskom slovarnom fonde* [Cultural Vocabulary in the Common North Caucasian Lexical stock] // Piotrovskij, B. B. (ed.) *Drevnyaya Anatoliya* [Ancient Anatolia]. Moscow, 1985, 74–94.

Starostin, S. A. *Indoevropsko-severnokavkazskie izoglossy* [Indo-European — Semitic Isoglosses] // *Drevnii Vostok: etnokul'turnye svyazi* [Ancient Near East: Ethnocultural Connections]. Moscow: Nauka, 1988, 112–163.

Starostin, S. A. *Sino-Caucasian. Comparative Glossary*. <http://starling.rinet.ru/Texts/glossary.pdf>. 2005.

Southworth, F. C., McAlpin, D. *South Asia: Dravidian linguistic history* // In: Bellwood, P. (ed.) *The Global Prehistory of Human Migration*. Chichester, West Sussex: Wiley Blackwell, 2015, 235–244.

Tikkanen, B. *On Burushaski and other ancient substrata in Northwestern South Asia* // *Studia Orientalia* 64, 1988, 303–325.

TOB — *Tower of Babel. Long Range Etymologies*: Starling database (Version 2020). <<http://www.starling.rinet.ru/cgi-bin/main.cgi?flags=eygttnl>>, retrieved on 2020-08-28.

Turner, R. L. *A Comparative Dictionary of the Indo-Aryan languages*. London etc.: Oxford University Press. 1962–1985.

Vakarelski, Ch. *Izrazi za primamvane na nekoi domašni životni* [Beckon Words for Some Domestic Animals] // *SbBAN XXXI*, 1937, 3–37.

О. М. Сергеева

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
etymol@mail.ru

К СЕМАНТИКЕ НАИМЕНОВАНИЙ ВЕТРА В ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ (В СВЯЗИ С ЭТИМОЛОГИЕЙ РУС. ДИАЛ. ОРЕБНЫЙ, РЕБУШКО)¹

В статье рассматривается возможность поиска этимологического объяснения для рус. диал. *орebный, ребушко* ‘(холодный) ветер’ на индоевропейской почве. В связи с этим обсуждается формальная близость данных слов к слав. **arēbъ*, касательно возможности наименования ветра по признаку ‘окраски’ приводятся в пример греч. *κακίας* (: лат. *saecus* и др.), *ζέφυρος* : *ζόφος* ; *γνοφίας* : *γνόφος*. Дается также альтернативная этимологическая гипотеза для *орebный* и *ребушко*.

Ключевые слова: этимология, семантика, индоевропейские языки, славянские языки, балтийские языки, русская диалектная лексика.

Данная статья написана в развитие предположения, выдвинутого в [Горячева 2018], где в числе прочих этимологически тёмных случаев рассматривается засвидетельствованное в рус. говорах Карелии *орebный* ‘холодный (о ветре)’ вместе с новг. диал. *ребушко* ‘северо-восточный ветер, дующий, согласно примете, к морозу’: автор предполагает для этих слов финно-угорское происхождение, сопоставляя их с вепс. *raibak* ‘холодный, студёный (о ветре)’ (с отсылкой на [Сл. вепсск. 462], где фиксируется указанное вепс. слово без этимологического комментария). Это объяснение выглядит правдоподобным с точки зрения географической локализации *орebный*, однако остаётся приблизительным в плане фонологических деталей. В поисках возможных альтернатив мы хотели бы прибавить к нему наблюдение, касающееся типологической параллели в именовании ‘(холодного) северного ветра’, отмеченной нами в ходе следующего рассуждения.

¹ Статья написана при реализации проекта «Лексика славянских языков как наследие и развитие праславянского лексического фонда: словообразовательный, семантический и этимологический аспекты анализа в лексикографическом представлении», поддержанного грантом РФФИ № 19-012-00059.

Допустив, что в основе обеих лексем лежит непроезвонное **(o)reb-*, мы задались целью в гипотетическом порядке оценить, возможно ли было бы всё-таки предположить для него славянское < и.-е. происхождение. С сугубо фонологической точки зрения в предполагаемом **(o)reb-* заманчиво было бы увидеть «чистый» (не назализованный) вариант корня, наблюдаемого в праслав. **arebъ*, о котором подробно см. [ЭССЯ 1: 74–75]. Традиционные этимологии, цитируемые с оговорками на указанных страницах ЭССЯ, связывают **arebъ* и близкородственные ему балт. примеры (лит. *jerubė*, латыш. *ierube* и т. д.), со следующими предполагаемыми сопранда других и.-е. языков: греч. ὄρφνη ‘темнота’; арм. *arjn* ‘тёмный, цвета земли’, др.-сканд. *jarpr* ‘коричневый’, *jarpi* ‘рябчик’, др.-верх.-нем. *erpf* ‘тёмно-коричневый’, др.-англ. *eorp* ‘тёмного цвета’ < прагерм. **erpaz*, ср. [Pokorny 333–334], где примеры из всех перечисленных языков сводятся под праформой **ereb-/orob-/rōb-*. Однако при внимательном рассмотрении практически каждого из этих случаев обнаруживаются трудности, затрудняющие либо исключаящие возведение их к общему прототипу. За *-rj-* в арм. слове теоретически может стоять *-rg^{uh}-* (что позволяет связать его лишь с ὄρφνη, но не с герм., балт. и слав. словами), *-rd^hi-* или *-ri-*, также оно может быть заимствовано из иранских (при возможном северокавказском посредстве) языков [Martirosyan 2008: 145]. Применительно к греч. слову равным образом необходимо иметь в виду, что ф в ὄρφνη может иметь иные прототипы, кроме **bh*. В частности, его пытались истолковать как связанное чередованием с ἔρεβος ‘первозданный мрак’ (мифол.) < **(e)reg^u-* (**org^u-s-nā* > ὄρφνη как **louk-s-nā* > λύχνη ‘светильник’ ?), что проблематично [Chantraine 366; 829–830] [Beekes 2010: 1114], однако если всё же держаться этой версии либо возводить ὄρφνη и *arjn* к совместному прототипу **(h)rg^{uh}n-*, то связь с **arebъ* автоматически становится невозможной. В стороне остаётся герм. **erpaz*, в отношении которого [Orel 2003: 85] воздерживается как от принятия версий о связи с чем-либо из перечисленного выше, так и от иных этимологических предложений. Наконец, для самого по себе **arebъ* не имеется надёжных объяснений назализации корневого *e-*, которые были бы основаны на внешних сравнениях (хотя ср. *-m-* в таких примерах, как лит. *jerumbė*, если это не вторичная эпентеза). Следовательно, необходимо либо объяснять возникновение этих фонологических особенностей на пра-балтославянском либо собственно праславянском (не ранее) хронологическом уровне, ср. обсуждение в [ЭССЯ: loc. cit.], либо принципиально менять подход к этимологии данной группы лексем, что едва ли предпочтительно: так, [Derksen 2008: 142–143; 435] вовсе предлагает считать слав. и балт., а также герм. (? — в качестве герм. когнатов упомянуты только др.-исл. *jarpr*, *jarpi*) слова восходящими к прототипу **(e)r(u)(m)b-*, происходящему, «несомненно», из не и.-е. источника (то же решение и в [Derksen 2015: 212] при анализе балт. случаев). Этот вывод основан, по-видимому, во многом на соображениях строго формального подхода к реконструкции без принятия во внимание возможности позднейшего варьирования по вторичным причинам (аналогические и народно-этимологические искажения, междиалектные заимствования и пр.); обратим внимание, что [ЭССЯ: loc. cit.] высказывается против «субстратной» гипотезы. Вместе с тем вывод показателен с точки зрения того,

насколько неоднозначны балт. и слав. случаи в плане сведения к общему прототипу. Все перечисленные трудности ставят под сомнение реконструкцию обще-и.е. **er(e)bh-* (?) ‘тёмный’, но оставляют возможность восстанавливать по крайней мере для герм., балт. и слав. языков праформу **er(e)b-* (*!/*er(e)(m)b-* для балтослав., где *m* — факультативная эпентеза?), от которой производны фитонимы и зоонимы, мотивированные по признаку ‘окраска’. Стоит оговориться, что семантика цветообозначения для данной основы может не быть первичной, см. [ЭССЯ 1: 74] о связи значений ‘рябой’ и ‘рубить’ (**rēb-*) (вопреки [Фасмер III: 535]): переход от ‘покрытый мелкими зарубками, отметинами’ к ‘рябой, неоднородно окрашенный, пёстрый’ представляется вполне интуитивным². Однако ср. также отношения *рябой* : *рубить* и *мрак*, *меркнуть* : *мерцать*.

Вернёмся к вопросу о том, может ли иметь отношение к обсуждаемой основе **(o)reb-* в *орешный*, *ребушко*. В плане семантики, вопреки первому впечатлению о малой убедительности, здесь может быть проведена аналогия с др.-греч. *κακίας* ‘северо-восточный ветер’, которое, в свою очередь, соотносят с лат. *caecus* ‘слепой, тёмный’ = ирл. *caech* ‘кривой (одноглазый)’ = гот. *haihs* ‘тж.’, также др.-инд. *kekara* ‘косоглазый’ [Chantraine 479]. Шантрэн при этом оговаривает, что это объяснение ему представляется «менее правдоподобным», чем производность *κακίας* от названия р. *Καίκος* в Эолиде. Вместе с тем ср. у него же уверенное установление связи между *ζόφος* ‘сумрак, темнота’ и *ζέφυρος* ‘западный или северо-западный ветер’ [id.: 399, 401] и упоминание *γυφίας* ‘название ветра’ в числе производных от *γυφός*, эллинистич. варианта к *δυφός* ‘сумрак, темнота’ [id.: 290] (в сущности, три лексемы *ζόφος*, *δυφός*, *γυφός* — взаимные дублеты, точный характер связи между которыми не прояснён). Таким образом, мы имеем три вероятных др.-греч. примера наименований ветров с семантической мотивацией ‘тёмный’. Для славянских языков такая мотивация не отмечается в качестве типичной, ср. [Кондратенко 2000: 45–52], и это может быть как доводом против интерпретации *орешный* и *ребушко* с отсылкой на греческие параллели, так и причиной, почему эта возможность легко могла бы быть упущена из виду при попытке объяснения этих слов.

Безусловно, следует иметь в виду, что приводимая аналогия не вполне надёжна в первую очередь потому, что, как было показано выше, основное значение **arēbь* не ‘тёмный’, а ‘пёстрый’. Интерес представляет пример семантической мотивации наименования ветра по признаку, связанному со зрительным восприятием.

В заключение укажем на ещё один и.-е. корень, который мог бы фонологически отвечать предполагаемому **reb-*, а именно **rebh-* ‘двигать(ся)’: ср.-верх.-нем. *reben*

² [ЭССЯ: loc. cit.] не отделяет **a-rēb-* от «синонимичного» **rēb-* < **roi-b-*: ср. лит. *raibas*, тж. с др. суффиксами *rainas*, *raīmas*, латыш. *raibs*, др.-прусс. *roaban*, др.-ирл. *rīabach* ‘пёстрый, пятнистый’, а также, возможно, континуанты прагерм. **raixōn* ‘косуля’ [Pokorny 859; Orel 2003: 295]. Может ли в основе этих последних примеров лежать некоторое **rei-*, первоначально не связанное с **rēb-* (ср. напр. **rei-* в др.-инд. *rikhati/likhati* ‘царапать’, *riṣati/liṣati* ‘выдёргивать’, греч. *ῥεῖκω* ‘ломать, давить’, лит. *riekti* ‘проводить первую борозду, делать первый надрез на хлебе’, лат. *rixa* ‘ссора’, др.-верх.-нем. *riga* ‘ряд, линия’ [Pokorny 858])? В таком случае стоило бы вести речь о формальной и семантической контаминации двух корней.

‘двигать, будоражить’, ср.-ирл. *reb* ‘игра; вероломство’, *rebaigim* ‘играю’, новоперс. *raftan* ‘идти’ [Pokorny 853]. Семантика др.-верх.-нем. глагола гипотетически допускает дальнейшее развитие значения, которое могло бы лечь в основу наименования ветра.

Литература

Горячева 2018 — *Горячева Т. В.* К этимологии некоторых русских диалектизмов // Труды ИРЯ им. В. В. Виноградова. Вып. 18. М., 2018. С. 85–94.

Кондратенко 2000 — *Кондратенко М. М.* Лексика народной метеорологии. Опыт сравнительного анализа славянских и немецких наименований природных явлений. München: Otto Sagner, 2000.

Сл. вепсск. — *Зайцева М. И., Муллонен М. И.* Словарь вепсского языка. Ленинград: Наука, 1972.

Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка в четырёх томах. Пер. с нем. и дополнения О. Н. Трубачёва. 4-е изд., стер. М.: Астрель : АСТ, 2009.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1–41–. М.: Наука, 1974–2018–.

Beekes 2010 — *Beekes, Robert S. P.* Etymological Dictionary of Greek. In two volumes. Leiden; Boston: Brill, 2010.

Chantraine — *Chantraine, Pierre.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. Paris: Éditions Klincksiek, 1968–1980.

Derksen 2008 — *Derksen, Rick.* Etymological Dictionary of the Slavic Inherited Lexicon. Leiden ; Boston: Brill, 2008.

Derksen 2015 — *Derksen, Rick.* Etymological Dictionary of the Baltic Inherited Lexicon. Leiden ; Boston: Brill, 2015.

Martirosyan 2008 — *Martirosyan, Hrach K.* Etymological Dictionary of the Armenian Inherited Lexicon. — Leiden — Boston: Brill, 2008.

Orel 2003 — *Orel, Vladimir.* A Handbook of Germanic Etymology. Leiden — Boston: Brill, 2003.

Pokorny — *Pokorny, Julius.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern ; München: Francke, 1959.

О. М. Sergeeva

V. V. Vinogradov Russian Language Institute RAS

(Moscow, Russia)

etymol@mail.ru

**TO THE SEMANTICS OF INDO-EUROPEAN WORDS FOR ‘WIND’
(CONCERNING THE ETYMOLOGY OF RUSS. DIAL. OREBNYI, REBUSHKO)**

The article considers possibilities of finding an Indo-European etymology for Russian dialectal *orebnyi* ‘cold (of wind)’, *rebushko* ‘north-east wind’. Formal resemblance between these cases and Slav. **arebъ* is discussed, a typological parallel for a color-related word for ‘wind’ is shown to exist in Ancient Greek *κακίας* (: Lat. *caecus* etc.), *ζέφυρος* : *ζόφος* ; *γνοφίας* : *γνόφος*. An alternate etymological option is suggested as well.

Keywords: etymology, semantics, Indo-European, Slavic, Baltic, Ancient Greek, Russian dialectal vocabulary.

References

Beekes, Robert S.P. *Etymological Dictionary of Greek*. In two volumes. — Leiden Boston: Brill, 2010.

Chantraine, Pierre. *Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots* [Etymological dictionary of the Greek language. History of words]. Paris: Éditions Klincksiek, 1968–1980.

Derksen, Rick. *Etymological Dictionary of the Slavic Inherited Lexicon*. Leiden; Boston: Brill, 2008.

Derksen, Rick. *Etymological Dictionary of the Baltic Inherited Lexicon*. Leiden; Boston: Brill, 2015.

Etimologičeskii slovar' slavyanskikhazykov. Praslavyanskii leksičeskii fond [Etymological Dictionary of the Slavic Languages. Proto-Slavic Lexical Stock]. Issues 1–41–. Moscow: Nauka Publ., 1974–.

Goryacheva T. V. *K etimologii nekotorykh russkikh dialektizmov* [To the etymology of some Russian dialectisms] // Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute. Iss. 18. Moscow, 2018. P. 85–94.

Kondratenko M. M. *Leksika narodnoi meteorologii. Opyt sravnitel'nogo analiza slavyanskikh i nemetskikh naimenovanii prirodnykh yavlenii* [Popular Meteorological Vocabulary. An essay in comparative analysis of Slavic and German words for natural occurrences]. München: Otto Sagner, 2000.

Martirosyan, Hrach K. *Etymological Dictionary of the Armenian Inherited Lexicon*. Leiden; Boston: Brill, 2008.

Orel, Vladimir. *A Handbook of Germanic Etymology*. Leiden; Boston: Brill, 2003.

Pokorny, Julius. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch* [Indo-European Etymological Dictionary]. Bern ; München: Francke, 1959.

Vasmer M. *Etimologičeskij slovar' russkogo jazyka*. [Etymological Dictionary of the Russian Language] In 4 vols. Rev. and augm. by Acad. O. N. Trubachev. 4th ed., stereot. Moscow: Astrel' : AST Publ., 2009.

Zaitseva M. I., Mullanen M. I. *Slovar' vepsskogo jazyka* [Veps Dictionary]. Leningrad: Nauka Publ., 1972.

М. Фурлан

Научно-исследовательский центр САНИ
Институт словенского языка им. Франа Рамовиша
(Любляна, Словения)
metka.furlan@zrc-sazu.si

СЛОВЕНСКОЕ *bic* ‘БАРАН’ — ДРЕВНЕЕ СЛАВЯНСКОЕ *NOMEN AGENTIS*

В статье представлена этимологическая интерпретация словенского зоонима *bic* ‘баран’, который в других славянских языках в таком же значении зафиксирован не был. Он восходит к первоначальному значению ‘тот, кто бьет’ и относится к этимологическому гнезду **biti* ‘бить, ударять и т. п.’.

Ключевые слова: этимология, зоонимы, подзывные слова, междометия, стяженные гласных, *poena agentis*, баран, словенский язык.

1. Этимология словенского *bic* ‘баран’¹

Олег Николаевич Трубачев в своей монографии «Происхождение названий домашних животных в славянских языках» (1960 г.) в главу о славянских наименованиях овцы включил также словен. диал. *bic* м.р. ‘баран’ и производные *bîcek*, *bîček* и *bica*, однако не привел для этих лексем потенциальных родственников в других славянских языках и также не дал этимологического объяснения для этого исключительно словенского этимологического гнезда [Трубачев 1960: 82]. Затем Франце Безлай в первом томе «Этимологического словаря словенского языка» эту ареальную гипотезу Трубачева смог лишь подтвердить и пришел к выводу, что данное словенское этимологическое гнездо произошло от «подзывных слов», обращенных к овцам *bic*, *bic* [Bezljaj ESSJ I: 20], которые он привел со ссылкой на словенско-немецкий словарь М. Плетершника, где содержится указание, что якобы в долине Савиньи в Штирии междометиями *bic*, *bic!* подзывают овец.

Хотя словенских примеров, относящихся к данному этимологическому гнезду, на сегодняшний день известно гораздо больше, родственники этого слова в других славянских языках так и не были найдены. Объяснение, что данное этимологическое

¹ Статья была написана в рамках проекта P6–0038, при финансовой поддержке ARRS.

гнездо восходит к «подзывным словам», как предполагал Безлай в указанном сочинении и вслед за ним эту точку зрения принял М. Сной [Snoj 2016: 58], более не представляется убедительным. А именно, исходную лексему данного этимологического гнезда *bic* м.р. 'баран' можно вывести из славянского *nomēn agentis* на **-ьсь* **bь/іьсь* 'тот, кто бьет', производного от глагола **bьjěšь* или его итератива **bīj-ā-ti*, относящегося к этимологическому гнезду **bīti* 'бить, ударять и т. п.' В то время как рефлекссы этого *nomēn agentis* даже еще и в словенском языке без труда можно связать со значением 'ударять/тот, кто ударяет', которое сложилось в процессе деривации, как можно видеть из словен. *bījās* м.р., род. п. *-ja* 'der Schlägerer, der Polterer' [Pleteršnik], старопрекмур. *bic* 'драчун' [Novak 2006: 12] и серб. *bījaц*, род. п. *bījца* 'меткий стрелок' [ЭССЯ 2: 96 сл.²; SP 1: 249; Речник САНУ I: 544], в пиротском говоре *биј'ц* 'то же' [Живковић 1987: 9], в результате семантической специализации слово стало обозначать барана, который бьет, то есть бодает рогами, языковая связь с этимологическим гнездом **bīti* полностью разорвалась. И именно утрата языковой связи с первоначальным этимологическим гнездом привела к тому, что от существительного *bic* 'баран' образовалось новое этимологическое гнездо.

2. Этимологическое гнездо от словенского *bic* м.р. 'баран'

Существительное *bic* 'баран' было отмечено только в долине реки Сочи и в окрестностях Гориции [Pleteršnik; Eḡjavec, LMS 1882/1883: 197]³, которые относятся к территории приморской диалектной зоны, а его многочисленные дериваты были зафиксированы также на территории каринтийской и приморской диалектных зон, некоторые из них попали даже в «Словарь словенского литературного языка» [SSKJ]. При установлении этимологии гнезда важно определить, какая из лексем была исходной при его формировании. Если в данном этимологическом гнезде именно существительное *bic* 'баран' послужило словообразовательной основой для всех остальных членов, следует указать словообразовательные модели, на основе которых от него были образованы отдельные зафиксированные члены. К тому же при установлении словообразовательных отношений между членами этимологического гнезда следует различать такие лексемы, которые были образованы непосредственно от *bic*, и такие, которые были образованы опосредованно. С точки зрения непосредственной и опосредованной словообразовательной связи членов этимологического гнезда их можно разделить на дериваты первой степени (непосредственные производные от *bic*) и на дериваты второй степени (опосредованные производные от *bic*) и т. д.

² В [ЭССЯ 2: 96] сербский пример дан с неверным ударением как *bījaц*, род. п. *bījца*. К данному значению см. также рус. диал. *бить дичь* 'стрелять' [Аникин III: 214].

³ Существительное было включено также в «Словарь словенского литературного языка», в нем для *bic* даются значения 'овца, ягненок', проиллюстрировано примером: *na, bic, jej!* [SSKJ I: 129] 'на, ягненок, ешь!' Если подойти к вопросу о значении лексемы *bic*, принимая во внимание все словенские фиксации этого существительного, то значение, которое указано в SSKJ, представляется неверным, так как *bic* означает только барана.

2.1. Дериваты первой степени от *bic* м.р. ‘баран’

а) Феминитив на *-a* от *bic* — *bica*:

bica ‘овца’: *zapazil je ujedо, ki je napadla bico* [заметил хищника, который напал на овцу] (сев.-зап. диал. — [SSKJ: I, 129]), *bica* ‘то же’ [Pleteršnik], *bica* ‘Schaf’ [Cigale 1860 II: 1331], каринт. рожан. *bica* [Šašel 1957: 4 s.v. *béqa*], в XVIII в. *biza* ‘Schaf, ouza’ [Gutsman], XIX в. *biza* ‘das Mutterfchaf’ [Murko 1833: 17].

Поскольку в славянской лексике находит подтверждение помен *agentis* на **-ьса* **biŭьса* ‘тот, кто бьет и т.п.’ = ст.-слав. *бишца* ‘драчун’, др.-рус. *бишца* ‘забияка, драчун’, рус. *бийца* ‘то же’, чеш. *bijce* ‘драчун’, которое всегда относится к мужскому грамматическому роду [ЭССЯ 2: 96 сл.; SP 1: 249], то представляется невероятным, что в словен. диал. *bica* ‘овца’ это образование сохранилось. На самом деле, феминитив на *-a* был образован только после того, как рефлекс помен *agentis* на **-ьсь* в словенском языке семантически специализировался и закрепился за наименованием барана.

б) Феминитив на *-ka* < **-ька* от *bic* — *bička*:

bička ж.р. ‘овца с короткой шерстью’ [Pleteršnik], примор. крас. *bička* ‘то же’ [Štrekelj 1887: 427].

с) Диминутив на *-ič* < **-it’ь* от *bic* — *bičič*:

bičič ‘молодой баран’ [Pleteršnik], из Цафа).

д) Дериваты на *-e* < **-ѣ(t-)* от *bic* — *bice* и *biče*:

примор. бриш. *bice* ‘ягненок, маленькая овечка’, также бранное [Erzetič 2007: 8]; долен. *biče* ‘баран’ (Драгованья Вас, Стары-Трг-об-Колпе — [SLA]; у этого производного первичная функция деривата уже утрачена и слово больше не обозначает детеныша овцы.

Эти два деривата исконно обозначали детеныша овцы и относятся к славянскому корпусу дериватов с этим суффиксом в функции обозначения детеныша животных или человеческого ребенка [Трубачев 1959: 38], а дериват *bice* из-за отсутствия реализации первой палатализации заднеязычных более поздний, чем *biče* и, вероятно, возник под воздействием основного существительного *bic*, которое оказало влияние на замещение ожидаемого фонетически *-č-* на аналогический *-c-*.

д) Диминутивы на *-ek* < **-ькъ* от *bic* — *biček* и *bicek*:

bičək м.р., род. п. *-čka* ‘ягненок мужского пола’ (долина Сочи)⁴, ‘баран с рогами’ (Крн — оба примера из Плетершника), примор. обсоч. *biček* ‘баран с рогами’ (Крн — Erjavec, [LMS 1879: 133], *biček* ‘баран’ (долина Сочи, окрестности Гориции — Erjavec, [LMS 1882/1883: 197]), горен. *bəčək* ‘баран’ (Церклье в области Гореньска — SLA), в XVIII в. *bizhk* ‘Lämmlein, agnellus’ с вариантом написания *wizhək* ‘junger Widder, aries juvenis’ (Pohlin) для того же самого фонетического значения в анлауте /bičək/, *bizhek* ‘Lämmlein, bizeka’ [Gutsman], XIX в. *bizhek* ‘Lamm, jagne’ и с тем же значением взятое из словаря М. Похлина *vizhek* [Freyer 1842: 6];

⁴ А *biček* в значении ‘бычок’, зафиксированное в XIX в. как *bizhek* [Murko 18331: 17], является диминутивом от *bik*, род. п. *bika* ‘взрослый самец коровы’ < праслав. **bŭкъ* ‘то же’.

bicek м.р., род. п. *-cka* ‘молодой самец овцы; ягненок’: *bicek je že začel butati* [ягненок начал бодаться] (сев.-зап. диал. — [SSKJ I: 129]), *bicek* ‘молодой баран’ [Pleteršnik].

Ожидаема была бы фонетическая реализация *bicek*, в то время как *bicek* от *biček* аналогично соотношению *biče* : *bice*, вероятно, образовалось под влиянием основного *bic* ‘баран’:

е) Каринтийский диминутив на *-ej⁵* *bičej* является поздним и, вероятно, образован путем замены уменьшительного суффикса *-ek* на каринтийский *-ej*, поэтому его следует считать дериватом первой степени:

каринт. рожан. *bičej*, род. п. *-a* ‘барашек’ [Šašel 1957: 5 s.v. bəq], с редукцией на конце слова каринт. обир. *bi:či* м.р., род. п. *-ja* ‘Lamm; junges Schaff’ [Karničar 1990: 159 s.v. jagnje].

2.2. Дериваты второй степени от *bic* м.р. ‘oven’

а) Диминутив на *-ica* от *bica* — *bičica*:

bičica ‘ягненок женского пола’ [Pleteršnik], *bičica* ‘овечка’ [Cigale 1860 II: 1331 s.v. *Schaf*], *bičica* ‘Schäflein’ [Janežič 1851: 13], примор. *bičica* ‘кличка овцы’ [Erjavc, LMS 1875: 224]), по данным SLA каринт. зил. *bičcā* ‘овца’ (Ратече — SLA), *bičca* ‘то же’ (Краньска Гора — [SLA]), в XVIII в. *bizhiza* ‘Schäflein, ouzhiza, binei, bizika’ [Gutsman].

То, что данный дериват является диминутивом, подтверждается ожидаемым значением ‘овечка’, а также нейтральным ‘овца’; это говорит о том, что со значение, предопределенное словообразовательной моделью, нейтрализировалось и производное слово имеет в отношении лексемы *bica* ‘овца’ статус только структурного деривата; из диминутивного значения ‘овечка’ развилось значение ‘ягненок’.

б) Дериват на *-ika* — *bicika*:

bicika ж.р. ‘овца’ [Pleteršnik], в XVIII в. *bizika* ‘ouza, ovis, Schaaf’ [Megiser 1744], *bizika* ‘Schäflein, ouzhiza, bizhiza, binei’, в результате редукции *bizeka* ‘Lämmlein, bizhek’ [Gutsman], /bicəka/ и полной редукции — *bicka* ‘овца’: *Za bickami se je pognala tudi belo oblečena deklica z žemljo v rokah* [За овцами погналась также одетая в белое девочка с булкой в руках] (диал. — [SSKJ I: 129]).

У данного деривата отмечаются все три значения, которые также есть и у лексемы *bičica*, поэтому *bicika* можно было бы охарактеризовать как синонимичный диминутив на *-ika* [Bajec 1950: 90] от *bica*. Из-за множественных диалектных соответствий типа *cincek* ‘род петуха’ : *cincika* ‘род курицы’, *cuzek* ‘жеребенок’ : *cuzika* ‘жеребенок женского пола’, *čunek* ‘кабан’ : *čunika* ‘свинья’, *gudek* ‘кабан’ : *gudika* ‘свинья’, *puček* ‘поросенок’ : *pučika* ‘свинья’, в которых второй член на *-ika* является феминитивом к первому на *-ek* и которые отражают внутреннюю словенскую реализацию и продолжение старой словообразовательной модели **porsьсь*

⁵ О функции каринтийского суффикса *-ej* см. [Bajec 1950: 21].

→ **porsīca* = словен. *prásec* → *prasica* [Furlan 2018: 121–122], более вероятно, что *bicika* является производным от *bicek* ‘молодой самец овцы; молодой баран’, то есть *bicika* является феминитивом от *bicek*.

с) Каринтийский диминутив на *-ej* от *bica* — *bicej*:

рожан. *bícěj* м.р., род. п. *-a* ‘овца’ [Šašel 1957: 4 s.v. *béqa*];

из-за значения ‘овца’ можно предположить, что это дериват от лексемы *bica* ‘овца’, в которой деминутивная функция, точно так же, как и в рожанском синониме *bácěj* м.р. ‘овца’ [Šašel 1957: 4 s.v. *béqa*], уже утрачена.

3. Словенское *bic* ‘баран’ и подзывные слова *bic, bic!* и *'biču 'biču 'biču'bət*

Когда Ф. Безлай предполагал, что словен. зооним *bic* ‘баран’ произошел от подзывного слова, обращенного к овцам, *bic, bic!* [Bezljaj ESSJ: I, 20], он недостаточно точно привел данные Плетершника о том, что в долине Савиньи в Штирии с помощью возгласа *bic, bic!* «дразнят барана, чтобы он бодался» [Pleteršnik]. Мужской род зоонима и междометие, относящееся к барану, таким образом, свидетельствуют о том, что обращение *bic* могло называть только барана и к тому же указывать на некоторую черту барана, это подталкивает к выводу, что окончание слова на *-c* может быть отражением старого существительного на **-ьсь*. А это говорит о том, что путь развития соотношения *bic : bic, bic!* как раз обратный тому, который предполагал Ф. Безлай, т. е. междометие в качестве подзывного слова вторично, а существительное *bic* — первично. Междометие же в роли подзывного слова возникло из существительного *bic*, так как барана часто подзывали этим словом:

bic м.р. ‘баран’ → междометие *bic, bic!*

Из диалектного словаря Петра Вайса 1998 года мы видим, что междометие *bic, bic!*, о котором сообщает словарь Плетершника, в долине Савиньи более не фиксировалось, однако было отмечено другое, более современное *'biču 'biču 'biču'bət*, которое используется для подзадоривания барана боднуть [Weiss 1998: 90].

Составляющее *'biču* исходно является притяжательным прилагательным на *-ev* от существительного *bic* ‘баран’, междометие же было образовано путем повторения первой части словосочетания **bičev but* в значении ‘толчок, бодание барана’⁶. Современное савиньское междометие, таким образом, является косвенным свидетельством того, что зооним *bic* ‘баран’ в прошлом также входил в состав савиньской диалектной лексики, и что междометие *bic, bic!* произошло от существительного *bic* ‘баран’, которое вместе с родственными ему словами находит подтверждение в трех диалектных зонах: приморской, каринтийской и штирийской.

⁶ С субстантивом *but* в словосочетании **bičev but = 'biču'bət* родственно *bútič* м.р., род. п. *-a* ‘баран’ [Pleteršnik], из Цафа) и толмин. междометие *bùt*, которым дети дразнят барана, чтобы он их боднул или ударил в подставленную ладонь или подошву обуви (Темлине — [Kenda 1926: 9]) от 3 л. ед. ч. импер. **búti* ‘ударь’ < **būti* от глагола СВ *bútiti* ‘ударить’, НСВ *bútati* [Furlan 2013: 119].

3.1. Зооним → междометие

В случае этимологически неясной лексики, особенно что касается зоонимов домашних животных, которых человек часто называет и подзывает, как в случае словен. *bic*, часто возникают объяснения, что это исходно подзывные слова, которые относятся к экспрессивной лексике и по этой причине гораздо труднее поддаются лингвистическому контролю, чем нейтральная лексика. Рассуждения о древних подзывных словах более или менее условны, ведь сама омонимия между зоонимом и подзывным словом еще недостаточный аргумент для утверждения, что зооним вторичен, а подзывное слово первично. Если в рамках микросистемы существует омонимия, как, например, в бришском говоре между междометием *ciba, ciba, ciba* ‘приглашение кур на кормление’ и зоонимом *ciba* ‘курица’ [Erzetič 2007: 12], и невозможно удовлетворительно объяснить возникновения ни междометия, ни зоонима, вопрос о первичности одного и другого члена остается открытым. Если же возможно, как в случае толминского междометия для подзывания овец ‘*oučk, 'oučk* [Čujec Stres I: 549], доказать, что междометие исходно является удвоенной формой именительного падежа множественного числа диминутива *ovčka* от *ovca*, которое в современном толминском диалекте звучит как ‘*a:uca*, явление подпадает под семантическую модель: зооним → междометие.

Такой семантической модели соответствует также *bic* ‘баран’. Автоматически утверждать, что все междометия в функции подзывных слов изначально являются зоонимами, разумеется, было бы неправильно, и об этом свидетельствует уже гореньское подзывное слово из Кропы, обращенное к козам: *sù: sù: sù:!* [Škofic 1996: 266], если мы, к тому же, обратимся к известному только в Каринтии омонимичному призыву, адресованному овцам или козам, в котором животным предлагается соль: *béla, maróglá sù-sù-sù!* [Šašel 1957: 115], станет очевидно, что в междометии *sù-sù-sù* сохраняется существительное *sól*, и что междометие вербализирует предложение, или подачу соли козам или овцам.

4. Словенское *bic* ‘баран’ < **bijьсь/бъйьсь*?

Если возводить словен. *bic* к *pomen agentis* на *-*ьсь* [SP 1: 100] от **bǐti* ‘бить’ возникает вопрос, от какой глагольной основы он был образован. Акутированную инфинитивную основу **bǐ-* не следует принимать во внимание, поэтому невозможно, чтобы в акцентологическом отношении существительное относилось к праславянской акцентной парадигме *a*. Зооним и омонимичное междометие *bic* были зафиксированы только на территории говоров с нетоническим ударением, поэтому запись в словаре Плетершника с циркумфлексом *bíc*, которая также была перенесена в SSKJ, не соответствует действительности, так как первичный источник Эрьявца с *bic* [Erjavec 1882/1883: 197] указывает лишь на долготу гласного *i*. Это допускает происхождение от той же самой основы с корневым **i* **bijьсь*, которая в ЭССЯ: 2, 96 и сл. и SP: 1, 249 реконструируется для серб. *бијац*, род. п. *бијца* ‘меткий стрелок’ [Речник САНУ I: 544]. Такой акцентологической основе исходного

существительного мог бы также соответствовать гореньский дериват *báčĕk* ‘баран’ < **biĭьсѣкь*, в котором из-за редукции безударного словенского *i* не произошло переноса ударения, который мы наблюдаем в *bīčĕk* [Pleteršnik] = *bīček* [Erjavec 1882/1883: 197]. Nomen agentis **biĭьсь* можно было бы вывести из итератива **biĭ-ā-ti* от **bъjĕšь*. Опускание конечного *-a-* глагольной основы **biĭ-ā-* при подобной деривации nomen agentis аналогично, как в славянских примерах типа **pisьсь* ‘тот, кто пишет’ (= словен. *pīsec*, род. п. *-sca* = хорв., серб. *pīšac*, род. п. *-sca*) от **pisāti* ‘scribere’.

В словенском языке древние сочетания звуков *праслав. редуцированный + *i* перед полным гласным развился в *полный гласный + i*, что в словенском языке отражается как *-ijV⁷*, производящая основа **biĭьсь* может быть образована из вторичной основы презенса **biĭĕ-* из *праслав. *bъjĕ-*, ср. *праслав. *trъjĕ* > словен. *trije*, ст.-слав. *триѣ*; *праслав. *bъjĕšь* > словен. *bījĕš*, хорв., серб. *bījĕš⁸*, ст.-слав. *бъжѣтъ/бижѣтъ*; *праслав. *prъjĭātelь* > словен. *prijātelj*, хорв., серб. *prijātelj*, ст.-слав. *прѣителѣ*.

Возможно, что в *bic* сохранился nomen agentis от **bъjĭсь* из основы презенса **bъjĕšь*. В позиции конца слова, которую можно отождествить с предконсонантной, звуковая последовательность **-ь/ъjь* реализуется как стяженная долгота, которая после совпадения **i* и **у* выглядит как словен. *i*, что демонстрируют определенные формы прилагательных на *-i* типа *sinji* < **-n’-ъjь* и *lepi* < **-p-ъjь*. То есть при образовании *bic* из **bъjĭсь*, род. п. **bъjĭсá*, в парадигме склонения мог возникнуть словенский фонетический рефлекс **bic*, род. п. **bicà*, который типологически тождествен словен. *i* в *stríc*, хорв., серб. *stríc*, род. п. *stríca*, хорв. чак. *strīc*, род. п. *strīcā* < **strýсь* < *праслав. *strъjĭсь* [Mikkola 1913: 65; Šivic-Dular 1998: 14], вероятно также в хорв., серб. *ubíca/ùbica* ‘убийца’ < **-bъjĭсa* от ст.-слав. *-убишца* ‘то же’.

Каким образом при наличии примеров типа *bic* < **bъjĭсь*, *stríc* < **strъjĭсь* можно понимать словен. *bījĕс* м.р., род. п. *-jca* ‘der Schlägerer, der Polterer’ [Pleteršnik], при диал. *líc* м. р. ‘воронка, Trichter’ [Štrekelj 1887: 391] также *lījĕс* м. р. ‘то же’ [Pleteršnik; SSKJ] < **liĭьсь*, в которых стяжение **-ь/ъjь-C/#* > *-i-C/#* не подтверждается. Оба примера, как и серб. *būjaу*, род. п. *būjца* ‘меткий стрелок’ и ст.-слав. *-убишца* ‘homicida’, можно трактовать как возникшие по аналогии из исходных **bъjĭсь*, **lъjĭсь* под влиянием глагольных производящих основ с последовательностью **-ijĕ-* как фонетическим рефлексом *праслав. *-ъjĕ-*. Но, в словен. диал. *kīс* ‘палочка’ [Pleteršnik] при *kījĕс* ‘палочка’ [Pleteršnik; SSKJ] < **kyĭьсь⁹* благодаря родственному лит. *kūjis* ‘молот кузнеца’ следует сделать выбор в пользу внутренней, уже словенской диалектной ассимиляции *-ij-* в *-i-* в закрытом слоге и перенос

⁷ Такое же развитие *-ij* отражается в словен. окончаниях род.п. мн. ч. на *-ij* < **-ъjь* напр. в *ladij* от *ladja*, *morij* от *morje*, *polij* от *polje* и т. д., в которых окончания более поздние, если сравнить их с род. п. мн. ч. имен существительных с **-i*-основой на *-i* < **-ъjь*.

⁸ Словен., хорв. и серб. примеры указывают на староакутированную основу **biĭĕ-*, которая из первоначальной основы презенса **biĭĕ-* < **bъjĕ-* возникла по аналогии с инфинитивом **bīti*.

⁹ Для этого существительного на территории восточной Штирии отмечен вариант *kijĕс* [Pleteršnik] < **kyĭьсь*.

основы с *-i-* также в им. п., например, *kijȁc*, род. п. *kijca* > диал. род. п. **kica* → *kic* м.р., род. п. *-a*.

Так как у существительного *bic* ‘баран’ и родственных ему лексем вариант типа *lījes*, *bījes* не подтвержден, его можно отнести к самому древнему пласту и вывести из праслав. **bъjьсь*.

4.1. Словенское *bic* ‘баран’ и хорватское кайкавское *bicko* ‘боров’ как иная семантическая специализация от **bъjьсь*

С такой же основой, как словен. *bic* ‘баран’, мы имеем хорв. кайкав. *bicko* ‘боров’ [РНKKJ I: 137], которое было образовано с помощью суффикса *-ko* вероятно, из того же самого существительного **bъjьсь* ‘тот, кто бьет и т.п.’, как словен. *bic* ‘баран’, но при этом произошла семантическая специализация и лексема стала означать хрюка, находящегося в состоянии спаривания. Употребление глагола **bīti se* при номинации животных во время спаривания известна даже шире, о чем свидетельствует белорус. *адбїцца* ‘покрыться, о кобыле’ и укр. закарпат. *kobyła vūdb’ilas’a* ‘кобыла покрылась’, в которых калькирование лит. *atsimūšti* ‘покрыться, о кобыле’, *mūštis* ‘бегаться, оплодотворяться’, *mūšti* ‘бить’ исключено [Аникин III: 215], поэтому литовский пример может служить только в качестве параллели при типологии семантического развития ‘биться’ → ‘оплодотворяться’, если учесть еще и серб. диал. *бити се* ‘нереститься (о рыбах)’ [РСГВ I: 104], рус. диал. *биться* ‘то же’ [Аникин III: 214].

Два примера, различных с точки зрения значения, которые можно фонетически связать с *pomen agentis* **bъjьсь* ‘тот, кто бьет и т.п.’, таким образом показывают, что имя существительное **bъjьсь* при переходе в животноводческую терминологию мог означать барана в период спаривания (словен.) или хрюка во время спаривания (хорв.). Обе семантические специализации являются поздними и возникли параллельно.

5. Развитие значения ‘тот, кто бьет’ → ‘баран’

Этимологическое объяснение словен. *bic* ‘баран’ из **bъjьсь* как *pomen agentis* от основы презенса **bъjьсь* от **bīti* ‘бить и т.п.’ обнаруживает, что это наименование относится к барану в период спаривания, когда “*se mrkači kdaj tako silno* «*trkajo*», *da kateremu črepinja roči*” [Novak 1942: 91] [племенные бараны иногда так сильно бодаются = дерутся, что у некоторых может треснуть череп]. Так же семантически мотивиран словен. синоним *trkác* ‘бодливый баран’ [SSKJ: V, 179] = *trkác* ‘Stosswidder’ [Pleteršnik], который зафиксирован уже в XVIII в. как *terkázh* ‘Stoßwidder, aries cornupeta’ [Pohlin] и является так же, как и *bic* ‘баран’ отглагольным *pomen agentis*, образованным, однако, с помощью суффикса *-č* < **-čь* от *trkati se -am se* НСВ ‘драться, бодаться рогами’, наприм. *ovni, kozli se trkajo* [бараны, козлы бодаются] [Pleteršnik] < **trkati se*. Также словен. *būtič* м.р. ‘баран’ [Pleteršnik] первоначально означало барана во время спаривания.

6. Заключение

Анализ только словенского и этимологически непроясненного обозначения барана *bis* продемонстрировал, что оно, вероятнее всего, является старым помен *agentis* **byǫsь* от **byǫěšь* к **bǫti* ‘бить и т. п.’ и что оно, так же как словен. синонимы *trkáč* и *būtič*, первоначально относилось к барану во время спаривания, когда бараны между собой дерутся рогами. Тот же помен *agentis* сохранился также в хорв. кайкав. деривате на *-ko bicko* ‘боров’, который в свою очередь указывает на другое направление семантической специализации из первичного значения ‘тот, кто бьет и т. п.’

Литература

Аникин, А. Е. Русский этимологический словарь III. Москва: Рукописные памятники Древней Руси, 2009.

Живковић, Н. Речник пиротског говора. Пирот: Музеј Понишавља — Ниш, 1987: Речник српскохрватског књижевног и народног језика I. Београд: САНУ, 1959. РСГВ — Речник српских говора Војводине I. Нови Сад: Матица Српска, 2000.

Трубачев, О. Н. История славянских терминов родства. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1959.

Трубачев, О. Н. Происхождение названий домашних животных в славянских языках. Москва: Издательство Академии Наук СССР, 1960.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков 1–41–. Москва: Наука, 1974–.

Vajec, A. Besedotvorje slovenskega jezika I: izpeljava samostalnikov. Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti, 1950:

Bezljaj, F. Etimološki slovar slovenskega jezika I: A–J (1976); II: K–O (1982); III: P–S (1995), dopolnila in uredila Marko Snoj, Metka Furlan; IV: Š–Ž (2005), avtorji gesel France Bezljaj, Marko Snoj, Metka Furlan, uredila Marko Snoj, Metka Furlan, V: *Kazala* (2007), izdelala Marko Snoj, Simona Klemenčič. Ljubljana: Mladinska knjiga, Založba ZRC, ZRC SAZU, 1976–2007.

Cigale, M. Deutsch-slovenisches Wörterbuch I–II. Herausgegeben auf Kosten des Hochwürdigsten Herrn fürstbischöfes von Laibach Anton Alois Wolf. Laibach, 1860.

Čujec Stres, H. Slovar zatolminskega govora I–II. Zatolmin: Stres inženiring, 2010–2014.

Erjavec, F. 1879: Iz pótnе torbe // Letopis Matice slovenske za leto 1879, Ljubljana, 1879, 118–147.

Erjavec, F. 1882/1993: Iz pótnе torbe // Letopis Matice slovenske za leto 1882 in 1883, Ljubljana 1883, 195–331.

Erzetič, E. Slovar narečnih, etimoloških in toponomastičnih izrazov vasi Gradno in Višnjevik v Brdih. 2. izdaja. Škofja Loka, 2007.

Freyer, H. Fauna der in Krain bekannten Säugthiere, Vögel, Reptilien und Fische: Nach Cuvier's System geordnet, mit Abbildungen-Citaten und Angabe des Vorkommens. Laibach: Gedruckt in der Eger'schen Gubernial-Buchdruckerei, 1842.

Furlan, M. Novi etimološki slovar slovenskega jezika: poskusni zvezek. Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU, 2013.

Furlan, M. Slovanska razmerja tipa **samъcъ* : **samica*: funkcija in nastanek besedotvornega vzorca // *Slavistična revija* 66/2, 2018, 107–127.

Gutsman, O. Deutch-windisches Wörterbuch mit einer Sammlung der verdeutschten windischen Stammwörter, und einiger vorzüglichern abstammenden Wörter. Klagenfurt 1789.

Janežič, A. Popolni ročni slovar slovenskega in nemškega jezika. Slovensko-nemški del. Celovec: V založbi J. Sigmundove knjigarnice, 1851.

Kenda, J. Slovarko gradivo s Tolminskega. Rokopis 1926. Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU v Ljubljani.

Megiser, H. Dictionarium quatuor linguarum. Klagenfurt 1744.

Mikkola, J. J. Urslawische Grammatik I. Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1913.

Murko, A. J. Slovensko-nemški in nemško-slovenski ročni besednik. Kakor se slovenščina govori na Štajerskim, Koroškim, Krajskim in v zahodnih straneh na Vogerskem. Slovensko-nemški Del. V Gradci 1833: V zalogi in na prodaj per Franci Ferstli; Deutsch-slowenisches und slowenisch-deutsches Handwörterbuch. Nach den Volkssprecharten der Slowenen in Steiermark, Kärnten, Krain und Ungarn's westlichen Distrikten. Deutsch-Slowenicher Theil. Grätz: Verlag der Franz Ferstl'schen Buchhandlung, 1833.

Novak, V. Ovčarstvo pod Stolom in v Planici // *Etnolog* 15, 1942, 89–95.

Pleteršnik, M. Slovensko-nemški slovar 1894–1895. Elektronsko izdajo iz leta 2006 uredile Metka Furlan, Helena Dobrovoljc in Helena Jazbec. Ljubljana: Založba ZRC, 2006 (Fran/Pleteršnik).

Pohlin, M. Tu malu besedishe treh jesikov 1781. Faksimile prve izdaje. München: Dr. Rudolf Trofenik, 1972.

RHKKJ — Rječnik hrvatskoga kajkavskoga književnog jezika I. Zagreb: Hrvatska akademija znanosti i umjetnosti, Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, 1984.

SLA — Gradivo za Slovenski lingvistični atlas. Dialektološka sekcija Inštituta za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU v Ljubljani.

Snoj, M. Slovenski etimološki slovar. Tretja izdaja. Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU, 2016.

SP — Słownik prastłowiański 1–. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1974–.

SSKJ — Slovar slovenskega knjižnega jezika I–V. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1970–1991.

Šašel, J. Rožanski narečni besednjak. Rokopis. Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU v Ljubljani, 1957.

Šivic-Dular, A. Kontraktacija v slovanskih jezikih // *Slavistična revija* 46/1–2, 1998, 5–43.

Škofic, J. Glasoslovje, oblikoslovje in besedišče govora Kroke na Gorenjskem. Disertacija. Univerza v Ljubljani. Filozofska fakulteta. Ljubljana, 1996.

Štrekelj, K. Morphologie des Görzer Mittelkarstialektes mit besonderer Berücksichtigung der Betonungsverhältnisse. Wien: In Commision bei Carl Gerold's Sohn, 1887.

Weiss, P. Slovar govorov Zadrečke doline med Gornjim Gradom in Nazarjami. Po-skusni zvezek A–H. Ljubljana: Založba ZRC, 1998.

Список сокращений

- белорус. — белорусский
- горен. — гореньский
- диал. — диалектный
- долен. — доленьский
- др.-рус. — древнерусский
- ед. ч. — singularis, единственное число
- ж.р. — femininum, женский род
- им. п. — именительный падеж
- импер. — imperativum, повелительное наклонение
- кайкав. — кайкавский
- каринт. зил. — каринтийский зильский
- каринт. обир. — каринтийский обирский
- каринт. рожан. — каринтийский рожанский
- л. — лицо
- лит. — литовский
- м.р. — maskulinum, мужской род
- НСВ — глагол несовершенного вида
- праслав. — праславянский
- примор. — приморский
- примор. бриш. — приморский бришский
- примор. крас. — приморский красский
- примор. обсоч. — приморский обсочский
- род. п. — genitivus, родительный падеж
- рожан. — рожанский
- рус. — русский
- СВ — глагол совершенного вида
- серб. — сербский
- словен. — словенский
- ст.-слав. — старославянский
- старопрекмур. — старопрекмурский
- толмин. — толминский
- укр. — украинский
- хорв. — хорватский

Metka Furlan

Fran Ramovš Institute of the Slovene Language

(Ljubljana, Slovenia)

metka.furlan@zrc-sazu.si

SLOVENIAN *BIC* ‘RAM’ AS AN OLD SLAVIC AGENT NOUN

The article presents an etymological interpretation of a Slovenian animal name *bic* ‘баран’, which is unattested in other languages with the same meaning. It goes back to an original meaning ‘one that beats’ and belongs with **biti* ‘to beat, hit, etc.’.

Keywords: etymology, zoonyms, beckon words, interjections, contraction of vowels, agent nouns, ram, Slovenian.

References

Anikin, A. E. *Russkij etimologičeskij slovar’* [Russian Etymological Dictionary] III. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevnej Rusi Publ., 2009.

ESSJa — *Etimologičeskij slovar’ slavyanskikh jazykov* [Etymological Dictionary of the Slavic Languages] 1–41–. Moscow: Nauka Publ., 1974–.

Rechnik srpskokhrvatskog knjizhevnog i narodnog jezika [Dictionary of the Serbo-Croatian Literary and Popular Language] I. Beograd: SANU, 1959.

RSGV — *Rechnik srpskikh govora Vojvodine* [Dictionary of the Serbian Speeches in Vojvodina]. I. Novi Sad: Matitza Srpska, 2000.

Trubachev, O. N. *Istoriya slavyanskikh terminov rodstva* [History of Slavic Kinship Terms]. Moscow: the USSR Academy of Sciences, 1959.

Trubachev, O. N. *Proiskhozhdenie nazvanij domashnikh zhivotnykh v slavyanskikh jazykakh* [Origins of Domestic Animal Names in Slavic Languages]. Moscow: : Publication of the USSR Academy of Sciences, 1960.

Zhivkovich, N. *Rechnik pirotskog govora* [Dictionary of the Pirot Speech]. Pirot: Ponišavlje Museum — Nish, 1987.

Bajec, A. *Besedotvorje slovenskega jezika I: izpeljava samostalnikov* [Word Formation in Slovene 1: Derivation of Nouns]. Ljubljana: Slovenian Academy of Sciences and Arts, 1950.

Bezljaj, F. *Etimološki slovar slovenskega jezika* [Etymological Dictionary of the Slovene Language] *I: A–J* (1976); *II: K–O* (1982); *III: P–S* (1995), augmented and edited by Marko Snoj, Metka Furlan; *IV: Š–Ž* (2005), entries by France Bezljaj, Marko Snoj, Metka Furlan, edited by Marko Snoj, Metka Furlan, *V: Kazala* [Indices] (2007), prepared by Marko Snoj, Simona Klemenčič. Ljubljana: Mladinska knjiga Publ., Publication of Research Centre of the Slovenian Academy of Sciences and Arts, 1976–2007.

Cigale, M. *Deutsch-slovenisches Wörterbuch* [German-Slovene Dictionary] I–II. Published at the expenses of Most Reverend Archbishop of Laibach Anton Alois Wolf. Laibach, 1860.

Čujec Stres, H. *Slovar zatolminskega govora* [Dictionary of Zatołmin Speech] I–II. Zatołmin: Stres inženiring Publ., 2010–2014.

Erjavec, F. 1879: *Iz pótne torbe* [From a travel bag] // *Letopis Matice slovenske za leto 1879* [Matica Slovenska Yearbook for 1879]. Ljubljana, 1879, 118–147.

Erjavec, F. 1882/1993: *Iz pótne torbe* [From a travel bag] // *Letopis Matice slovenske za leto 1882 in 1883* [Matica Slovenska Yearbook for 1882 and 1883]. Ljubljana 1883, 195–331.

Erzetič, E. *Slovar narečnih, etimoloških in toponomastičnih izrazov vasi Gradno in Višnjevik v Brdih* [Dictionary of dialectal, etymological and toponymic expressions of the villages Gradno and Višnjevik in Brda]. 2nd edition. Škofja Loka, 2007.

Freyer, H. *Fauna der in Krain bekannten Säugthiere, Vögel, Reptilien und Fische: Nach Cuvier's System geordnet, mit Abbildungen-Citaten und Angabe des Vorkommens* [Fauna of the mammals, birds, reptiles and fish known in Carniola: sorted according to Cuvier's system, with illustrations, citations and details of occurrence]. Laibach: Printed in Eger's Gubernial Printing House, 1842.

Furlan, M. 2013: *Novi etimološki slovar slovenskega jezika: poskusni zvezek* [New Etymological Dictionary of the Slovene Language: Sample volume]. Ljubljana: Publication of ZRC, ZRC SAZU, 2013.

Furlan, M. 2018: *Slovenska razmerja tipa *samъcъ : *samica: funkcija in nastanek besedotvornega vzorca* [Slovene relations of the type *samъcъ : *samica: function and emergence of a derivational pattern] // *Slavistična revija* [Slavic Review] 66/2, 2018, 107–127.

Gutsman, O. *Deutfch-windifches Wörterbuch* [German– Slovene dictionary]. Klagenfurt, 1789.

Janežič, A. *Popolni ročni slovar slovenskega in nemškega jezika. Slovensko-nemški del* [Complete hand dictionary of Slovene and German languages. Slovene-German part]. Celovec: J. Sigmund's bookstore publication, 1851.

Kenda, J. *Slovarsko gradivo s Tolminskega* [Vocabulary data from Tolmin]. Manuscript. Fran Ramovš Institute of the Slovene Language, Research Centre of the Slovenian Academy of Sciences and Arts in Ljubljana, 1926.

Megiser, H. *Dictionarium quatuor linguarum* [Four Language Dictionary]. Klagenfurt, 1744.

Mikkola, J. J. *Urslawische Grammatik* [Proto-Slavic Grammar] I. Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1913.

Murko, A. J. *Slovensko-nemški in nemško-slovenski ročni besednik. Kakor se slovenščina govori na Štajerskim, Koroškim, Krajnskim in v zahodnih straneh na Vogerskem* [Slovenian-German and German-Slovenian hand dictionary. Slovene as spoken in Styria, Carinthia, Carniola and in the western parts of Hungary]. Slovene-German Part. Gradec: Franz Ferstl's bookstore publication, 1833; *Deutsch-slovenisches und slowenisch-deutsches Handwörterbuch. Nach den Volkssprecharten der Slowenen in Steiermark*,

Kärnten, Krain und Ungarn's westlichen Distrikten [Slovenian-German and German-Slovenian at-hand dictionary. Based on Slovene as spoken in Styria, Carinthia, Carniola and in the western parts of Hungary]. German-Slovene Part. Grätz: Franz Ferstl's bookstore publication, 1833.

Novak, V. *Ovčarstvo pod Stolom in v Planici* [Sheep breeding around Stol and in Planica] // *Etnolog* [Ethnologue] 15, 1942, 89–95.

Pleteršnik, M. *Slovensko-nemški slovar* [Slovene-German Dictionary] 1894–1895. The 2006 electronic version edited by Metka Furlan, Helena Dobrovoljc and Helena Jazbec. Ljubljana: Publication of the Research Centre of the Slovenian Academy of Sciences, 2006 (Fran/Pleteršnik).

Pohlin, M. *Tu malu besedishe treh jesikov* [Vocabulary of three languages] 1781. Facsimile first edition. München: Dr. Rudolf Trofenik, 1972.

RHKKJ — *Rječnik hrvatskoga kajkavskoga književnog jezika* [Dictionary of the Kajkavian Croatian Language] I. Zagreb: Croatian Academy of Sciences and Arts, Institute for Croatian Language and Linguistics, 1984.

SLA — *Gradivo za Slovenski lingvistični atlas*. Dialectology Section of the Fran Ramovš Institute of the Slovene Language, Research Centre of the Slovenian Academy of Sciences and Arts in Ljubljana.

Snoj, M. *Slovenski etimološki slovar* [Slovene Etymological Dictionary]. Third edition. Ljubljana: Publication of the Research Centre of the Slovenian Academy of Sciences and Arts, 2016.

SP — *Słownik prasłowiański* [Proto-Slavic Dictionary] 1–. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk: Publication of the Polish Academy of Sciences, 1974–.

SSKJ — *Slovar slovenskega knjižnega jezika* [Dictionary of the Slovene Literary Language] I–V. Ljubljana: Slovenian State Publishing House, 1970–1991.

Šašel, J. *Rožanski narečni besednjak* [Dictionary of the Rožansko Dialect]. Manuscript. Fran Ramovš Institute of the Slovene Language, Research Centre of the Slovenian Academy of Sciences and Arts in Ljubljana, 1957.

Šivic-Dular, A. *Kontrakcija v slovanskih jezikih* [Contraction in Slavic Languages] // *Slavistična revija* [Slavic Review] 46/1–2, 1998, 5–43.

Škofic, J. *Glasoslovje, oblikoslovje in besedišče govora Kroke na Gorenjskem* [Phonetics, morphology and vocabulary of the Kropa speech in Gorenjska]. Dissertation. University of Ljubljana. Faculty of Arts. Ljubljana, 1996.

Štrekelj, K. *Morphologie des Görzer Mittelkarstdialektes mit besonderer Berücksichtigung der Betonungsverhältnisse* [Morphology of Görz Mittelkarst dialects with special considerations of the accent's properties]. Wien: In Commission bei Carl Gerold's Sohn, 1887.

Weiss, P. *Slovar govorov Zadrebke doline med Gornjim Gradom in Nazarjami* [Dictionary of speeches of the Zadrebka valley between Gornji Grad and Nazarje]. Sample volume A–H. Ljubljana: Publication of the Research Centre of the Slovenian Academy of Sciences and Arts, 1998.

М. И. Чернышева

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

chernysheva@bk.ru

ПРОБЛЕМЫ ОПИСАНИЯ СТАРОЙ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКИ В РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

В работе обсуждаются трудности описания иноязычной лексики в русской исторической лексикографии, обусловленные существованием в древнерусской письменности лексем разной степени адаптированности, а также наличием в переводных текстах иноязычных вкраплений. Исследование этого лексического пласта в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» показало непоследовательность при осуществлении отбора иноязычных слов и неупорядоченность их лексикографической обработки. Были выявлены также пропуски иноязычных лексем. Это упущение компенсируется включением в данную работу новых словарных описаний.

Ключевые слова: иноязычная лексика, русская историческая лексикография, «Словарь русского языка XI–XVII вв.», древнерусская письменность, славянская переводная литература.

Предлагаемая работа опирается на источники «Словаря русского языка XI–XVII вв.» (СлРЯ). Их сокращенные названия и полное библиографическое описание находится в последнем издании «Указателя источников» [Державина, Романова, Чернышева 2020]. Основным материалом исследования служили старые переводные тексты, сохранившиеся в древнерусских списках XI–XVI вв.

Одним из самых непростых вопросов при формировании словника исторического словаря русского языка является вопрос о включении иноязычной лексемы или отказа от ее использования.

В пользу включения говорит морфологическая адаптированность лексемы, ее словообразовательные связи, а также употребительность.

Что касается иноязычных вкраплений и морфологически неадаптированных лексем, то они, как правило, оказываются за пределами словника СлРЯ, как это случилось с лексемой *аксиось* (от греч. ἄξιος) ‘достоин’ — слово, произносившееся старшим епископом при обряде поставления в сан дьякона, священника,

епископа...¹. Слово оказалось отмеченным только в этимологических словарях русского языка [Фасмер I: 66; Аникин 1: 133]. На наш взгляд, особая культурно-историческая нагрузка этой лексемы и ее употребительность в памятниках русской письменности говорит в пользу ее включения в исторический словарь русского языка.

В подобного рода случаях решение о включении принимается индивидуально после рассмотрения конкретного слова с разных точек зрения с целью многостороннего описания исторического процесса заимствования иноязычной лексемы и при учете также культурного значения каждой подобного рода лексемы, находящейся в памятниках письменности указанного хронологического периода.

Особое внимание всегда уделяется случаям единственного употребления лексемы — *hara legomenon*.

Больше всего дискутируется в словарной среде вопрос о необходимости лексикографического описания «экзотизмов», которые служат для называния реалий других стран. Критерии включения/невключения остаются теми же.

Так, латинские названия месяцев, через посредство греческого языка вошедшие в язык раннеславянских памятников, встречаются уже в Остромировом евангелии 1057 г., они отмечены также в его оригинальных, непереуведенных, частях, например: **Мѣца априла**. (Месяцеслов) Остр. ев., 270 об. Эти названия функционировали с древнейшего времени в разных фонетических и морфологических вариантах, — см., к примеру, многочисленные варианты названия месяца *февраль* (от лат. *februarius*) в памятниках славянской письменности: **февроуаринъсѣ, февроуарѣи, февроуарѣ, февраль, февраль, феууарарь, февраль, феууларь** и др. [Miklosich: 1085; Срезневский III: 1353; Чернышева 1994а: 429]. Между прочим, заметим, что в Изборнике Святослава 1073 г. (древнерусском списке Симеонова сборника, созданного в царствование болгарского царя Симеона IX–X вв.)², при названиях латинских («римских») месяцев приведены указания по приему пищи: **а марта ља. сладъко љждь и пии љ. априла љ. репы не љжь...** Именно в этом контексте появляется впервые название свеклы в форме **сеуќла** (от греч. *σευќлов*)³: **љѣ. феууоуара љ. ки. сеуќла не љжь** (Изб. Св. 1073 г.³, 1155, л. 251).

Следует отметить непоследовательность введения в СлРЯ иноязычных слов, что во многом объясняется опасением упрека со стороны коллег в недостаточной мотивированности принятия решения о включении, как правило, редкой лексемы из другого языка. Например, *кронь* и *кроньсѣ* ‘название планеты Сатурн’ (*крѣнос*) представлено на равных правах в одной словарной статье [СлРЯ 8: 72], однако отсутствует *таурѣс* <ъ> из древнего списка названий македонских месяцев (Изб. Св. 1073 г.³, л. 251) при наличии в Словаре лексемы *таурь* ‘бык, вол’ [СлРЯ 29: 225].

¹ Подробнее см. в приводимой ниже словарной статье.

² Здесь и далее цитируется последнее издание 2015 г. (с индексом «три»): Изб. Св. 1073 г.³

³ В издании греческого оригинала представлена диалектная форма *сеуќлов*.

Из двенадцати именованый, как сказано в Изборнике Святослава 1073 г., «македонских месяцев», на самом деле — созвездий, в Словаре отмечены только четыре.

Мѣци по македономъ . а̑. таѹрос̑ . б̑. дидѹмь⁴ . г̑. каркинъ . д̑. львъ . е̑. парѡенос̑ . ж̑. зѹгос̑ . з̑. скорпиос̑ . и̑. тоѡотис̑ . ѡ̑. егокеръ . і̑. ѡдрихоос̑ . і̑а. нѡѡѡсъ . і̑в̑. криосъ. Изб. Св. 1073 г.³, 1155, 1157 (лл. 251–251 об.) — *α̑* Ταῦρος, *β̑* Δίδυμος, *γ̑* Καρκίνος, *δ̑* Λέων, *ε̑* Παρθένος, *ς̑* Ζυγός, *ζ̑* Σκορπίος, *η̑* Τοξότης, *θ̑* Αἰγώκερος, *ι̑* Ὑδροχόος, *ια̑* Ἰχθύς, *ιβ̑* Κρίος.

Имеют словарное описание: *каркинъ* и *каркинъ* м.р. ‘созвездие Рака’ (цитата из Ио. екз. Бог., 140. XII в.) с производным прилагательным *каркиновъ* [СлРЯ 7: 80]; *левь* (*львь*) ‘созвездие Льва’ (цитата из Гр. Наз., 193. XI в. [СлРЯ 8: 183]); *криосъ* ‘созвездие Овна’ (цитата из Сильв. и Ант. вопр. в списке 1512 г. [СлРЯ 8: 58]); *скорпиосъ* ‘созвездие Скорпиона’ с приведенной выше цитатой из Изб. Св. 1073 г. и со значительным словообразовательным гнездом, включающим формы от лат. *scorpio* [СлРЯ 24: 253]. В СлРЯ приведена также грецизированная форма *дидимось* из «Алфавита» XVII в. [СлРЯ 4: 245]), а морфологически адаптированная форма *дидѹмь* ‘созвездие Близнецов’ не отмечена; оказалась неучтенной также форма *дидимъ* из «Азбуковника» 1654 г., находящаяся в Картотеке ДРС⁵ (о передаче греч. υ «жицей» (-υ-), -ου- или, как результат итацизма, -и- — см. Чернышева 1994а: 448, там же литература вопроса; о сложности судьбы позднегреч. υ — см. ГСЭ II: 210). Оказалось неучтенным слово **тоѡотис̑<ъ>** ‘созвездие Стрельца’, хотя известны случаи включения в Словарь лексем с конечным *-исъ* в соответствии с греч. -ης в формах им. п.: *комисъ* — κόμης [СлРЯ 7: 262], *комитисъ* — κομήτης, при наличии морфологически адаптированных форм *комить*¹ и *комитъ*², которые имеют словоформы парадигмы сущ. м.р.: *комита* вин. п. ед. ч., *комиты* вин. п. мн. ч. [СлРЯ 7: 263]. В Словарь включена лексема *удрихъ* [СлРЯ 31: 221], однако за его пределами осталось **ѡдрихоос̑<ъ>** ‘созвездие Водолея’. Поскольку в рукописи чуть выше дан славянский перевод этого слова — **стрѣльць**, то есть основания полагать, что перед нами редкий пример использования в переводе приема «двуязычные дублеты».

Этот прием, характеризующийся тем, что в переводе приводится и оригинальное звучание лексемы (в данном случае — на греческом языке), и ее славянский перевод (подробнее: [Чернышева 1994б]), активно употреблен именно в перечне названий македонских месяцев. В данном случае славянская часть находится в рукописи выше самого списка (на л. 250d–251a): **овьнь, тельць, ракъ, львъ** (интересно, что это слово фигурирует и в группе грецизмов, и в славянской группе), **дѣвица, тарьмъ, стрѣльць, козьль рогъ, водолѣиць, рива**, затем эти лексемы повторно воспроизводятся уже в составе глосс на л. 250d и л. 251b с добавлением: **вл(изньцы)**⁶.

⁴ В словоуказателе представлена форма с конечным -ь: **дидѹмь** [Речник-индекс: 48].

⁵ Картотека ДРС, хранящаяся в Москве, в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН, является базисом «Словаря русского языка XI–XVII вв.».

⁶ Ранняя фиксация по сравнению с представленной в СлРЯ.

Для дальнейшего сопоставления со словарным описанием приведем теперь названия древнеегипетских месяцев (по лунному календарю) в славянском переводе Изборника, затем их написание в греческом оригинале (Изб.Св. 1073 г.³: 1156) вместе с коптским звучанием (в латинской транскрипции); в скобках приводится соответствие по юлианскому календарю.

Мѣци по кѣгѣпѣтъѣнем .ā. фармоуѣн .ḅ. пахонъ .ḡ. паḡни .ḏ. кпифи .ē. меори .ḥ. ѿѿѿъ .ḫ. фаофи .ī. аѿур .ḏ. хуак .ī. тḡви .īā. мехиръ .īḅ. фамеѿѿъ (Изб. Св. 1073 г.³: 1157, л. 251с) — α' Φαρμουθί, β' Παχών, γ' Παῦνι, δ' Ἐπιφί, ε' Μεσορί, ζ' Θώθ, ζ' Фаоφί, η' Αθύρ, θ' Χοιάκ, ι' Τυβί, ια' Μεχίρ, ιβ' Φαμενώθ (Изб. Св. 1073 г.³: 1156) — Paremoude (февраль-март), Pashons (март-апрель), Paoni (апрель-май), Epir (май-июнь), Meson (июнь-июль), Thout (июль-август), Raori (август-сентябрь), Nathor (сентябрь-октябрь), Koiak (октябрь-ноябрь), Tobi (ноябрь-декабрь), Meshir (декабрь-январь), Paremhat (январь-февраль), Paremoude (февраль-март).

Из всего перечня древнеегипетских месяцев в СлРЯ зафиксированы два названия: *пахонъ* [СлРЯ 14: 177] — основанием для включения послужило еще одно употребление в том же памятнике в форме род.п. *пахона* (Изб. Св. 1073 г.³: 1157, л. 247 об.) — и *афуръ* [СлРЯ 27: 231 — в дополнениях]. Все формы названий египетских месяцев с конечным *-и* морфологически неадаптированы, они не отмечены также в других памятниках письменности, все это стало основанием для отказа от их включения в Словарь. Что касается лексем с начальными *ф-* и *ѿ-*, а также *х-*, они относятся к неизданной части СлРЯ.

Непоследовательно представлены древнееврейские названия месяцев — только четыре именованья включены в СлРЯ.

Мѣци по иудеѣмъ .ā. нисан .ḅ. нарсъ .ḡ. сиḡан .ḏ. ѿамоуѣъ .ē. авъ .ḥ. илоуѣъ [вм.: илоуѣъ⁷] .ḫ. ѿерси .ī. марсоуан .ḏ. хаслеѿъ .ī. тивниѿъ .īā. саватъ .īḅ. адаръ (Изб.Св. 1073 г.³: 1155, л. 251б) — α' Νισάν, β' Ἰάρ, γ' Σιουάν, δ' Θαμοῦζ, ε' Ἄβ, ζ' Εἰλοῦλ, ζ' Θερσή, η' Μαρσουάν, θ' Χασλεύ, ι' Τιβήθ, ια' Σαβάτ, ιβ' Ἄδαρ (Изб.Св. 1073 г.³: 1154) — Nisan (март-апрель), Iyar (апрель-май), Sian (май-июнь), Tamuz (июнь-июль), Av (июль-август), Elul (август-сентябрь), Tishri (сентябрь-октябрь), Heshvan (октябрь-ноябрь), Kislev (ноябрь-декабрь), Tevet (декабрь-январь), Marheshvan (январь-февраль), Adar (февраль-март).

Из этого перечня включены в СлРЯ: *нисанъ* с цитатой из другого места Изб.Св. 1073 г.³, л. 249 об., в этой же словарной статье дана испорченная форма *ниса* — явно с утратой выносного *-н* из Усп. сб., 33. XII в. [СлРЯ 11: 381]; *авъ* — в словарной статье помимо указанной цитаты из Изб. Св. 1073 г. приводится еще одно употребление из Хрон. Г. Амарт., 102. XIV в. ~ XI в.: *нисанъ... .ā.- ѿсць, нами ḡлемы мартъ...*[СлРЯ 27: 223 — дополнения]; *адаръ* — с указанной цитатой из Изб.Св. 1073 г., а также из части Геннадиевской Библии, переведенной с латинского языка: (1 Езд. VI, 15) Библ. Генн. 1499 г. [СлРЯ 27: 224 — дополнения]; *тивифъ* — в словарной статье находится еще одна цитата из Изб.Св. 1073 г.³, л. 247 об., где

⁷ Именно такая форма приводится в словоуказателе [Речник-индекс: 71].

Экзарх Болгарский при обсуждении спорного с точки зрения этимологии и теологии понятия «хлеб насущный» (о хлебе, претворенном на литургии в тело Христово) — ἐπιούσιος (от греч. ἐπ(ι)- + εἶμι ‘быть, существовать’ или от греч. ἐπ(ι)- + εἶμι ‘идти’) для прояснения смысла включил в перевод: 1) само греческое слово **επιούσιονъ**¹¹ (τὸ... ἐπιούσιον), 2) сохранил в переводе существовавшую в его время двойную этимологическую трактовку этого понятия и 3) предложил смелое толкование ἐπιούσιος как **присносущьныи** ‘представляющий собою вечную сущность’ или ‘вечный’ [Sadnik 1983: 28; подробнее: Чернышева 2020: 224]. В словарной статье *присносущный* [СлРЯ 20: 21] указанная цитата не использована. Этот пассаж не удалось также обнаружить в словаре, посвященном терминологии Иоанна Экзарха Болгарского, где на **присносын** даны примеры, относящиеся к имени Бога [Терминологичен речник: 175]; форма **επιούσιν** зафиксирована в «Староболгарском словаре» [Стболг. II: 1302]. Для демонстрации уникального случая славянского этимологизирования, с одной стороны, и для сохранения понятийной и богословской нагрузки слова **присносущьныи**, с другой, неплохо было бы включить в Словарь указанную цитату вместе с оригинальным греческим названием **επιούσιονъ**.

Далее приводятся словарные статьи с описанием иноязычной лексики, не включенной в опубликованные выпуски СлРЯ и в его словарные дополнения. О том, что это неописанная лексема, свидетельствует знак * («звездочка») перед заголовочным словом. Отсылка «ср.» к лексеме без «звездочки» связывает заголовочное слово с материалом СлРЯ; отсылка со «звездочкой» указывает на соотнесение с новой лексемой. При необходимости в квадратных скобках внутри словарной статьи или после нее приводится пояснение или комментарий. Сохранено упрощенное графическое написание, принятое в СлРЯ. Если словоформа воспринимается как морфологически неадаптированная, то после заголовочного написания указывается, от какой формы она образована.

***АКСИОСЪ**, *от греч. ἄξιος. «Достоин» — слово, произносившееся старшим епископом при обряде поставления в сан дьякона, священника, епископа и повторявшееся трижды хором певчих.* И въ царскихъ дверяхъ приняли его митрополить и епископъ и повели его [Неофита] около престола, по чину, поюще... тутъ патриархъ говорилъ молитву и омофоръ положилъ, и возгласилъ: аксиось. Арс. Сух. Проскинитарий, 72. 1649–1653 гг. Святѣйший же патриархъ, возьмъ жезлъ, отдалъ поддиакону, въ то время пѣли: аксиось, аксиось, аксиось. (Чин возведения в патриархи) ДАИ VI, 238. 1672 г.

***АПЕЛЪБИ**, *м.* и **АПИЛЕОСЪ**, *м.* *Название македонского месяца.* Мѣси по елиномъ .ā. ксанфикъ .ḃ. артемисии... .ḥ. апилеос (Απὴλαῖος). Изб.Св. 1073 г.³, 1157. Вои же его убиено быс<тъ> .ēi. темъ въ третии днь мѣца апелѣя (Ἀπελλαίου). Флавий. Полон. Иерус. (Арх.), 280. XV в. ~ XI–XII вв. [представленные заголовочные формы отражают варианты звучания и написания этого названия в греческом языке].

¹¹ Форма **επιούσιονъ** отмечена в двух списках: XIV в. и XV в. [Sadnik 1983: 29], в основном списке: **επιούσινъ**.

***АСПАЛТЬ**, м. *Благовонное растение аспалаф (ср. греч. ἀσπάλαθος)*. И взне-сохся, яко лѣторасль, и яко кунаимен и аспалть аромать дах воню (ἀσπάλαθος). (Сирах. XXIV, 16–17) Библ. Генн. 1499 г.

***АСФИНФЪ**, м. *(Горькая) полынь (ср. греч. ἀψίνθιον, ἀψίνθιος)*. Имя звѣздѣ глѣтся еспинфъ (ἀψίνθιος)... [Толкование:] Звѣзду мѣнить дьявола съ нбсь спадъша... асфинфомъ же горѣсти пельнынѣи прикладываетъ и (в греч. иначе: τὴν διὰ τοῦ ἀψίνθιου δηλουμένην πικρίαν). Апокал., 42. XIII в. — Ср. ***еспинфъ**, **опсимв**. [греч. ψ обычно передается как *пс*, здесь, вероятно, метатеза с оглушением].

***АСФОДЕЛЬСКИЙ**, прил. *Полный цветущих асфоделий (лилий)*. Блядь есть искусивъшимъ мужа Меинос [ὁ Μίνως] онъ и Радамантус, яже съподобиша елли-нес асфодельскимы травникомъ (ἀσφοδέλων λειμώνων). Гр.Наз., 34. XI в.

*[**АХИЛА**], от лат. *anquilla* ‘угорь’. Ахили — угрь рыба. Алф.¹, 19. XVII в.

***БАЗИЛИКОНЪ**, м. *Василек или базилик (ср. греч. βασιλκόν)*. По-русски васил-ки... базиликонъ. Травник Любч., 178. XVII в. ~ 1534 г.

***БАСТРЯ**, м. или с. *Незаконнорожденный ребенок, бастард (ср. нем. Bastard)*. Бастря — от блудница рожденное отроча, еже есть таймичищъ или выблядок. Алф.³, 104 об. XVII в.

***ВАЛСАМНЫЙ** и ***ВЛАСАМНЫЙ**, прил. *Относящийся к бальзамному дере-ву*. Инакъ бо схыновъскыи клѣи бываетъ, иже зовуть слезу, инака же слеза власам-ная [вар. валсамная], аки вода, и нарѣфика въ Егуптѣ и Ливии инакы слезы имуть (ὁ ὀπὸς τοῦ βαλσάμου). Шестоднев Ио. екз.² (Б.), 262. XV в. ~ XIII–XIV вв. — Ср. **балсамовый**, **власамовый**.

***ВАСИЛОПАТЕРЪ**, м. *Отец царей (здесь как прозвище) (от греч. βασιλέων и πατήρ)*. Толико же почтенъ бысть царемъ блаженный Арсений, яко и василопа-теръ нарицатися. Хрон. 1512 г., 280. 1538 г.

***ВРАГИМИНЪ**, м. *Брахман (ср. греч. βραχμῖν от санскр. brahmán)*. Пере-грин... ся сам ужже, подражая Клина врагамина. Хрон. Г. Синк., 159. XV в.

***ГИГАСЪ**, м., от греч. γίγας. *Гигант*. Не сѣсаетъ же ся и ѿръ многыя ради силы и штуд<ь> [на поле: исполинъ, гигасъ] не сънабъдятся въ множествѣ силы своея [Пс. 117, 8–9]. Изб. Св. 1073 г.³, 397. — Ср. **гигантъ**.

***ГИМНОСОФИСТЪ (ГУМНОСОФИСТЪ)**, м. *Гимнософист — индийский философ-аскет (ср. греч. γυμνοσοφιστής)*. Языци роздѣлишася и суть расѣяни въ языцѣхъ и племенѣхъ... имена же ихъ суть се... гумнософисте, троглодуге (γυμνοσοφισταί). Изб.Св. 1073 г.³, 689.

***ГИРОКОМСТВО**, с. *Уход за стариками (ср. греч. γηροκομία)*. Скоп-ленъ же бѣ ... человѣкъ злодѣлатель, нравомъ лукавъ ... иже приемъ попече-ние гирокомства, и прочаа вся власти водяше горѣ и долу (τὴν ἐπιμέλειαν τῶν γηροκομουμένων). (Хрон. Манас.) Хроногр. 1512 г., 371. 1538 г. [то же — Ник. лет. IX, 86. XVI в.].

***ГНАФЕЙ**, м. *Белильщик (ср. греч. κναφεύς)*. Тьгда текъ единъ гнафеи, удари и въ лобъ дрѣвомъ... и умрѣтви и (τις κναφεύς). Панд.Ант.¹, 103. XI в. [то же — ВМЧ, Дек. 24, 2024. XVI в.].

***ГНАФЕОВЪ**, прил. Относящийся к белильщику. И рече Гъ къ Исаии: изиди противу Ахазу ты и ... сѣѣ твои къ купѣли вышняго пути села гнафеева (ἀγροῦ τοῦ κβαφέως). (Ис. VII, 3) Библия. Генн. 1499 г.

***ГНОСИСЪ**, от греч. γνῶσις 'познание'. Разум. Гносисъ — умъ. Алф.¹, 36. XVII в.

***ГОРПИЙ** и **ГОРПИЕОСЪ**, м. Название македонского месяца. Мѣси по елиномъ .ā. ксанфикъ .ḃ. артемисии... .ḣ. горпиеосъ (γορπιαῖος). Изб.Св. 1073 г.³, 1157. Скончавшимъ же ся уже приспамъ въ .ḣ. днь горпия мѣся, еже есть септябрь. Флавий. Полон. Иерус. (Арх.), 363. XV в. ~ XI–XII вв.

***ДЕСИИ**, м. Название македонского месяца. Мѣси по елиномъ .ā. ксанфикъ .ḃ. артемисии .ḣ. десии (Δαίσιος). Изб.Св. 1073 г.³, 1157. Низшедъ въ Кесарию въ .ḃ. днь мѣся десия (Δαίσίου). Флавий. Полон. Иерус. (Арх.), 265. XV в. ~ XI–XII вв.

ДЕСТРАРИОЛА** *вм.* [ДЕКСТРАЛИОЛА**], *жс.* Браслетик (*ср. лат. dextraliola* *мн. от dextraliolum*). Обуть же [Юдифъ] сандалиа ногам своимъ, приа же дестра-риола [на поле ркп. пояснение: иже ес<ть> украшение деснѣи странѣ, а ес<ть> имя умалено] и лилии. (Юдифъ X, 3) Библия. Генн. 1499 г. [форма *дестрариола* — результат порчи или упрощения; далее ассимиляция: -р- вместо -л-].

***ДИДИМЪ** и **ДИДУМЪ**, м. 1. Близнец. Дидимъ — близнецъ, рекше двоеникъ. Абз., 32 об. 1654 г.

2. Название месяца, соответствующего созвездию Близнецов. Мѣси по македономъ .ā. таурос .ḃ. дидумъ (Δίδυμος). Изб. Св. 1073 г.³, 1155. — Ср. **дидимось**.

***ДИКТАМЪ**, м. То же, что ***диктамонь**. Ростеть тутъ корень диктамъ имянуется... ко всему зѣло потребень. Козм., 295. 1670 г.

***ДИКТАМОНЪ**, м. Ясенец, дикий бадьян (*ср. греч. δίκταμον, δίκταμνον*). Ранень козелъ, изьядь диктамонъ зелие, яда стрѣл<ь>наго отместеть (δίκταμνον). Шестоднев Г. Пизиды, 29. XV в. ~ 1385 г. — Ср. ***диктамъ**.

***ДИМОТЬ**, м. и ***ДИМОТИ**, от греч. δημότης, *среднегреч. δημότις*). Человек из народа, простолюдин. Иди да поставитъ пѣпа, иже е отъ димоть... поставлень же бывъ мѣненыи отъ димоть, паче же димоти, рекше народникъ, нача ся въ умѣ кычити и величати (ἀπὸ δημοτῶν... ἀπὸ δημοτῶν... ὁ δημότης). Изб. Св. 1073 г.³, 511. Яко же о димоть, аще одина чясть ꙗря славить, другая же чясть не печалуетъ (ἐπὶ τῶν δημοτῶν). Патерик Син., 249. XI в.

***[ДИМОСИЯ]**, от греч. *мн. ср.р. δημόσια* *мн. от δημόσιος* 'общественный'. Рече пакы: оѣи наши и лица своя рѣдько умываху, мы же баня и дома сия [вм. первонач.: димосия (?)] — τὰ δημόσια] обрѣтаемъ (τὰ λουτρά τὰ δημόσια 'общественные бани'). Патерик Син., 267. XI в.

***ДИОСЪ**, м. Название македонского месяца. Мѣси по елиномъ .ā. ксанфикъ .ḃ. артемисии... .й. диос (Δίος). Изб. Св. 1073 г.³, 1157.

***[ДРАКОНАРИЙ]**, м. Драконарий — знаменосец, носивший знамя с изображением дракона (*ср. греч. δρακονάριος от лат. dracoenarius*). Нѣкто оѣць повѣда намъ, яко <дракон>арии [в ркп.: иарии] нѣкто повѣда ми, глѣя: брань имѣхомъ (δρακονάριος). Патерик Син., 59. XI в.

***ДРУНГАРИЙ**, м. *Командир военного подразделения (друнга) в византийской армии* (ср. греч. δρουγγάριος от лат. drungarius). Романъ, позаду паракимумена Костянтина шестуа, схъти его рукама и възгласи: «възмѣте и» и въскорѣ же си, сего възсхътивше, въ друнгарѣ Романа въ трииру введша (εις τὴν τοῦ δρουγγαρίου Ῥωμανοῦ τριήρη). Хрон. Г. Амарт., 549. XV в. ~ XI в.

***ДЬВЯВОЛЯ**, ж. *Дурная слава* (ср. греч. διαβολή). Великыи Василии написа [монаху]... Егда томляшеса къ премѣнению чѣстному нраву, уметуя свое имене, дому же угрожение и подружная бесѣды отмѣтаяся... доиде въ Иерѣсмь... кое сихъ конецъ? Прелюбодѣянѣи хвалѣ дьяволя ... язвѣ творить ушима нашима и сѣдцю (μοιχικῆς φήμης διαβολή 'дурная слава молвы о прелюбодееянии'). Хрон. Г. Амарт., 150. XIV в. ~ XI в.

***ЕВЕНСКИЙ (ЕВЕНЬСКИЙ)**, прил. *Сделанный из черного эбенового дерева*. Цѣца Уга Соломану блѣгя воня принесесе... и жѣзлы евеньскыа... и злато (ράβδους ἔβεννίνους). Козма Инд.², 70. XV в. ~ XII–XIII вв.

***ЕГОКЕРЬ**, м. *Греческое название месяца, соответствующего созвездию Козерога*. Мѣци по македономъ .ā. тауросθ. егокеръ [гlossen: козьль рогъ¹²] (Αἰγόκερος). Изб.Св. 1073 г.³, 1155. Да како вся Егильскыя жены [αἱ Γήλων γυναῖκες] не родишас<я> въ Егокерѣ или въ Удрисѣ (Αἰγοκέρω)? Сильв. и Ант.вопр.¹, 383. XV в.

***ЭКСПЛОРАТОРЬ**, м. *Разведчик, лазутчик* (ср. лат. explorator). Эксплоратори ниции, тако нарицаеми римляне, еллинскы же расоци, приидоша къ Нектонавови (ἑξπλωράτορες). Александрия, 6. XV в. ~ XII в.

***ЕЛЕФАНТОВЬ**, прил. 1. *Относящийся к слону (слону)*. Дом слоновный есть кость слонова [гlossen: елѣфантова] (ebur est os elephantis). Брун.Толк.Псалт., 220. XVII в. ~ 1535 г.

2. *Сделанный из слоновой кости*. Чюдо бо бѣ того [блаженного] зрѣти толико къ иже о Бозѣ житию имуща тщание... богатство же еже ничесоже стяжати... яко ничтоже держати множае любожител<ь>нымъ, иже всю ночь постелями мягкыи на одрохъ сѣдять елѣфантовѣхъ (ἐπὶ κλινῶν... τῶν ἐλεφαντίνων). (Ж. Харит.) ВМЧ, Сент. 25–30, 2179. XVI в.

***ЕПИУСИОНЬ**, от греч. ἐπιούσιον ср. р. от ἐπιούσιος 'насущенный'. Съ хлѣбъ есть начаткъ придушяаго хлѣба, иже есть присносущныи, епиусинъ [вар.: епиусионъ] бо елинскы речеть ся или придоущи, еже есть грядущааго вѣка, или еже есть на съблюденею существа нашего приемлемо (τὸ... ἐπιούσιον). Ио.екз. Бог.¹, III, 28. XII–XIII вв.

***ЕСПЕРИНА**, ж. *Вечерняя служба* (ср. греч. ἑσπερινός). Во единъ убо днь, сморивъ по есперинах, и утаився от своа братия, пребы внѣ ограды, крисяся за столпомъ (περὶ [вар.: μετὰ] τὸ λυχικόν). (Ж. Даниила Столп.) ВМЧ, Дек. 6–17, 847. XVI в.

***ЕСПИНФЬ**, м. *(Горькая) полынь* (ср. греч. ἀψίνθιον, ἀψίνθος). Имя звѣздѣ глѣтся еспинфъ... [Толкование:] Звѣзду мѣнить дьяволя съ нбсъ спадѣша... асфинфомъ же горѣсти пельнынѣи прикладываеъ и (ἀψίνθος). Апокал., 42. XIII в. — Ср. *асфинфъ, опсимъ.

¹² Отмечено в статье *козлерогъ* [СлРЯ 7: 224].

***ЕФИМЕРИЯ**, м. Смена, череда (иудейских священнослужителей) (ср. греч. ἐφίμερία). Бысть въ дъни Ирода цѣра Иудейска иереи етеръ именовъ Захария отъ ефимерия Авиа (ἐξ ἐφίμερίας). (Лк. I, 5) Остр. ев., 277 об. 1057 г.¹³

***ЗУГОСЪ**, м. Греческое название месяца, соответствующего созвездию Весы. Мѣси по македономъ .ā. таурос .ḃ. дидумь... .ḥ. зугос [глосса: яръм(ъ)] (Ζυγός). Изб. Св. 1073 г.³, 1155.

***ИА**, от греч. ἰα, мн. от ἰον. Фиалка (здесь: фиалки). Бѣаше же одѣнь [юноша] одежею бѣлѣпноу, от шию до перси его бѣлу ... от персии же до пояса, якоже иа и рода багряна, а от пояса до колѣну его, яко былъ зелено и китро лышашеся (ἰον). Ж. Андр. Юрод.¹, 227. XIV в. ~ XII в.

***ИАМВИЙСКИЙ (ИАМЪВВИСКИИ)**, прил. Ямбический. Съложена же бысть ...книга и стихи иамъвииски (διὰ στίχων ἰάμβων). (Ж. Феод. Студ.) Выг. сб., 235. XII в.

***ИАРСЪ**, м. Название второго месяца еврейского календаря (ср. греч. Ἰάρ от евр. Iyar). Мѣси по иудѣемъ .ā. нисан .ḃ. иарсъ (Ἰάρ). Изб.Св. 1073 г.³, 1155.

***ИВЕИНЪ**, от греч. формы вин. п. ἴβιν. Чибис. И сих гнушайтес<я> ... и вра-на ношнаго, и илилика, и ивеинъ, и порфуриона, и ородиона (ἴβιν). (Лев. XI, 18) Библ. Генн. 1499 г.

***[ИВИСЪ, м.]** от греч. ἴβις 'чибис'. Иви же коего получи учтля (ἴβις)? Шестоднев Г. Писиды, 35. XV в. ~ 1385 г.

***[ИЛУЛЬ]**, м. Название шестого месяца еврейского календаря (ср. греч. Εἰλοῦλ от евр. Elul). Мѣси по иудѣемъ .ā. нисан... .ḥ. илумъ [вм.: илуль?] (Εἰλοῦλ). Изб. Св. 1073 г.³, 1155.

***ИНИОХОСЪ**, м. Руководитель (ср. греч. ἡνίοχος). Азъ есмь дѣмонъ... иниохосъ идоломъ... питаю гоиты (ὁ ἡνίοχος). (Муч. Ирины) Усп. сб., 142. XII в.

***ИНУДРЪ**, м. Выдра (ср. греч. ἐνύδριος, ἐνυδρίς). Есть животь глѣмыи нудръ образъ имьи песьи... идеть же убо инудръ и помажетъ<я> каломъ... а енудръ Сѣса нашего лице есть (ἐνύδριος... ἢ ἐνυδρίς... ἢ δὲ ἐνυδρίς). Физ., 311. XV–XVI вв. — Ср. **енудръ, нудръ**.

***ИНЬЕ**, с. Затылок (ср. греч. ἰνίον). Трѣми же частями сълежачися глава, да съ преда ей лежить тѣмя... съзада же зовомое инье, еже есть тыль, межю же тыломъ и тѣменемъ есть коруфи, еже ес<ть> верхъ, сию же часть и съкрание зовуть, еже есть лобъ... а тѣмя иматъ мождени, кожею обьдержимы (ἰνίον). Шестоднев Ио. екз.² (Б.), 523. XV в.

***ИХФУСЪ**, м. Греческое название месяца, соответствующего созвездию Рыбы. Мѣси по македономъ .ā. таурос... .ā. ихфус (Ιχθύς) [глосса: рыба; выше на л. 251а, строка 8: рыба]. Изб. Св. 1073 г.³, 1157.

***КАСИДИЛЬ**, м. Мешочек (здесь: курительница ?) (ср. лат. cassidile). Помяну бо Товиа словеса аггла, изня от касидила своего часть печени, постави же ея на улие живо (de cassidile suo). (Тов. VIII, 2) Библ.Генн. 1499 г.

¹³ Пропущено в СлРЯ по недосмотру, зафиксировано в ряде словарей, в том числе: SJS, I, 586: 'черед'.

*[**КОЗЬЛОСКЕЛИСЪ**], м. *Передача полукалькой греч. эпитета Пана* τραγοσκελής ‘козлоногий’. Цркъы бѣаше, въ неиже бяше гоэльостекъникъ просто имы, къ сему же и корькодилы чытяху, и змии (<Σχολίον:> τραγοσκελής). Изб. Св. 1073 г.³, 785.

***КОНСИСТОРИ**, от греч. консистόρι(ον), лат. consistorium. *Здание суда (?)*. Цбрю же повелѣвъшю искати его [Саву]... и плещю бывъшю, и съшедшеся уличьници, обрѣтоша его въ угълѣ при стѣнѣ стояща въ дому нарицаемѣмъ коньсисто-ри, псалмы Давыдовы стихологисающа (εις τὸν... консистόριν). Ж.Сав.Осв., 273. XIII в.

***КОНХИЛА**, ж. *Раковина с улиткой (Purpura turex), из которой получали краску, использовавшуюся для окрашивания дорогой пурпурной ткани*. Иракль... обрѣте коньхиль играа бо на странѣ, яже над моремъ Турьска града, видѣ пса пас-тушьска ядуща нарицаемую коньхилу... и разумѣ, яко от конхилы есть багоръ на рунѣ (τὴν... κογχύλην... τὴν... κογχύλην... ἐκ τῆς κογχύλης). Хрон. И. Малалы, II, 472. XV в. ~ XIII в. — Ср. **конхиль**, **конхиль**.

***КОРУФИ**, от греч. корυφή. *Макушка*. Трети же частями сълежашися глава, да съ преда ей лежить тѣмя... съ зада же зовомое инье, еже есть тыль, межю же ты-ломъ и тѣменемъ есть коруфи, еже ес<тъ> верхъ, сию же часть и съкране зовуть, еже есть лобь... а тѣмя имать мождени, кожею объдержимы (корυφή). Шестоднев Ио. екз.²(Б.), 523. XV в.

***ЛИМОНАРИЙ**, м. *Название произведения Иоанна Мосха «Лимонарь», «Луг духовной» (ср. греч. Λεμωνάριον)*. Отъ Лимонария. Изб.Св. 1073 г.³, 628. Отъ Лимонария (ἐκ τοῦ Λεμωναρίου). Там же, 883.

***ЛОИ**, м. и ***ЛООСЪ**, м. *Название македонского месяца*. Мѣци по елиномъ .ă. ксанфикъ .ѳ. артемисииѳ. лоосъ (Λῶος). Изб.Св. 1073 г.³, 1157. Идоша на супостаты въ .ѳи. мѣця лоя нарекомыи августъ (Λῶου μηνός). Флавий.Полон.Иерус. (Арх.), 190. XV в. ~ XI–XII вв.

***ЛОРЪ**, м. *Пояс, повязка (ср. греч. λῶρος)*. Новаа цркви Фотиемъ патриархомъ обновлена быс<тъ> и сѣдна, црви въ лорѣ, рекше црскимъ обитиемъ, прошедшу, злато много и сребро раздаавшу и Нѣю [Νέαν] нарекшу, сказаема Нова (μετὰ λῶρου). Хрон. Г. Амарт., 524. XV в. ~ XI в.

***ЛОРОПОДЪ**, м. *Тот, у кого ноги, как у змеи, змееногий (о гиганте) (ср. греч. λωρόπους)*. И пришедъ противу великимъ вратомъ Синатовомъ, на многы часы нача зрѣти сушая на ней больваны, нарѣчаемыя грѣцкы лороподы, есть же образъ лороподомъ симъ чѣвцьскъ, а плесну мѣсто имѣють змѣвы главы (τοῦς... λωρόποδας). Ж. Андр. Юрод.¹, 288. XIV в. ~ XII в.

***МАРСУАНЪ**, м. *Название восьмого месяца еврейского календаря (ср. греч. Μαρσουάν от евр. Marheshvan)*. Мѣци по иудѣемъ .ă. нисан... .ѳи. марсуан (Μαρσουάν). Изб.Св. 1073 г.³, 1155.

***МЕХИРЪ**, м. *Название одиннадцатого месяца древнеегипетского календаря (ср. греч. Μεχίρ от коптск. Meshir)*. Мѣци по еугуптѣнемъ .ă. фармуфи .ѳ. пахонъ .ѓ. пауни... .ѳи. мехиръ (Μεχίρ). Изб.Св. 1073 г.³, 1157. Убывания убо слнцю лучает не часто по двою на десят мехиря мѣца. Козма Инд.², 201. 1495 г. ~ XII–XIII вв.

***НАРФИКЪ**, м. *Нартек* (растение *Ferula communis*). Инакъ бо схиновъскыи клѣи бываетъ, иже зовутъ слезу, инака же слеза власамная [вар. валсамная], аки вода, и нарѣфика въ Егуптѣ и Ливии инакы слезы имуть (νάρθηκές τινες). Шестоднев Ио. екз.² (Б.), 262. XV в. ~ XIII–XIV вв.

***НЕВРА**, ж. *Нерв* (ср. греч. νεῦρα мн. от τὸ νεῦρον). Невра — жила. Алф.¹, 150 об. XVII в.

***[НОИ]**, **ноеви**, мн., от греч. νόος. Ум, разум или мыслительное начало. Глѣють бо ... яко ноеви, рекше разумни, бяху кромѣ всего числа и имени (νόες). Хрон. Г. Амарт., 413. XV в. ~ XI в.

***ОРОДИОНЪ**, м. *Цапля или аист* (ср. греч. ἑρῳδιός). И сих гнушаитес<я> ... и вра-на ношнаго, и илилика, и ивеинъ, и порфуриона, и ородиона (ἑρῳδιόν). (Лев. XI, 18) Библи. Генн. 1499 г. — Ср. **еродий** [начальное о-, вероятно, результат ассимиляции].

***ПАПЕГЪ**, м. *Попугай*. Папег. Алф.¹, 171 об. — Ср. **папег**.

***ПАРЕНЕСИСЪ**, от греч. παραίνεσις ‘назидание, наставление, проповедь’; название сочинения Ефрема Сирина (IV в.). Книги стго Ефрѣмъ глѣмья гречьскимъ языкомъ паренесисъ. Сказаеть же ся паренеси притча, утѣшѣнне молѣнне. Ефр. Сир. I, 2. 1269–1289 гг.

***ПАРФЕНОСЪ**, м. *Греческое название пятого месяца, соответствующего созвездию Девы*. Мѣци по македономъ .ā. таурос .ḃ. дидумъ .ḡ. каркинъ .ḍ. лвъ .ё. парфенос [гlossa: дѣвица] (Παρθένος). Изб. Св. 1073 г., 1155.

***ПЕРЕДИКСИ**, от греч. περιδέξι(ον). *Название дерева (разновидность дуба)*. О дубѣ перидѣкъсиистѣмъ. Есть дубъ во Индии, перидикси тако зовомъ, и овощъ дуба того пресладокъ есть (δένδρον... περιδέξιον). Физ., 340. XV–XVI вв.

***ПЕРИДѢКСИЙСКИЙ**, прил. *Относящийся к названию дерева перидикси или перидикси (?)*. О дубѣ перидѣкъсиистѣмъ. Есть дубъ во Индии, перидикси тако зовомъ, и овощъ дуба того пресладокъ есть (περὶ δένδρου περιδέξιου). Физ., 340. XV–XVI вв.

***РОДА**, ж., от греч. ῥόδα, мн. от ῥόδον. *Роза*. Бѣаше же одѣнь [юноша] одежею бѣлѣпною, от шию до перси его бѣлу ... от персии же до пояса, якоже иа и рода багряна, а от пояса до колѣну его, яко былье зелено и китро лыщася (ἵον καὶ ῥόδον). Ж. Андр. Юрод.¹, 227. XIV в. ~ XII в.

***РОМАНИСЪ**, м. *Дверная задвижка, запор, засов* (ср. греч. ῥωμανίσιον). Повѣжь намъ, кымъ образомъ ключю и романису цѣлу сушу, како тыи внѣ быс<тъ> (τοῦ ῥωμανίσίου)? Ж. Вас. Нов.², 231. XV в. ~ XI в. — Ср. **романисть**.

***САВАТЪ**, м. *Название одиннадцатого месяца еврейского календаря* (ср. греч. Σαβάτ от евр. Shevat). Мѣци по иудѣемъ .ā. нисан... .iā. саватъ (Σαβάτ). Изб. Св. 1073 г.³, 1155.

***СЕУКЛЪ**, м. *Свекла* (ср. греч. σεῦκλον, σεῦτλον). Сеукла не яжь (σεύτλου [вар. сеύτλα]). Изб. Св. 1073 г.³, 1155. — Ср. **свекла**.

***СИУАНЪ**, м. *Название третьего месяца еврейского календаря* (ср. греч. Σιουάν от евр. Sian). Мѣци по иудѣемъ .ā. нисан... .ḡ. сиуан (Σιουάν). Изб. Св. 1073 г.³, 1155.

***СУКОТОКУЛА**, в.м. [**СУКОТУКУЛА**], м. *Ябеда, клеветник* (ср. греч. σукотόκυλα). Что бо имяху книги? Нужа слышати и посмѣятися яснѣ. Яко

сукотокула [пропущено: рече — φησίν] курия извъръша [вм.: извѣдѣше ‘ел’], и аки многы часы кланяние творя, моляшеся, и ина подобна сих смѣшнѣша. Таковых убо книгъ дѣла звааху отвѣщати (сукотѹко̀ла). ВМЧ, Апр. 1–8, 219. XVI в.

***ТАУРОСЪ**, м. *Греческое название месяца, соответствующего созвездию Быка*. Мѣци по македономъ ѣ таурос (Таῦρος). Изб.Св. 1073 г.³, 1155. — Ср. **таурь**.

***ТОКСОТИСЪ**, м. *Греческое название месяца, соответствующего созвездию Стрельца*. Мѣци по македономъ ѣ таурос... ѣ. токсотис (Τοξότης). Изб.Св. 1073 г.³, 1155. [ср. выше на л. 251а, в строке 4 слово переведено: стрѣльць].

***ТРОФЕА**, от лат. trophaea, мн. от trophaeum из греч. τρόφαιον. *Трофеи*. Иасонъ бо не прашаше упадения гражаном своим, ни помышляшляше [так!] преспѣвания на ужики лукаво быти, велми чающи врагом и не гражаном себѣ трофеа приати (trophaea). (2 Макк. V, 6) Библ. Генн. 1499 г.

***УДРИХООСЪ**, м. *Греческое название месяца, соответствующего созвездию Водолея*. Мѣци по македономъ ѣ таурос... ѣ. удрихоос (Υδροχόος). Изб.Св. 1073 г., 1155 [ср. выше на л. 251а, строки 6–7 слово переведено: водолѣиць]. — Ср. **удрихь**.

Литература

Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 1–14. М., 2007–2020–
Державина Е. И., Романова Г. Я., Чернышева М. И. Указатель источников // Словарь русского языка XI–XVII вв. Справочные материалы. Указатель источников. Словник (прямой) / Отв. ред. М. И. Чернышева. М., 2020.

Речник-индекс — Симеонов сборник (по Светославовия препис от 1073 г.). Т. 2. Речник-индекс. София, 1993.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I–III. СПб., 1893–1912.

Терминологичен речник на Йоан Екзарх / Под ред. А. Тотоманова и И. Христов. София, 2019.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. М., 1986–1987.

Чернышева М. И. Греческие слова, способы их адаптации и функционирование в славянском переводе “Хроники” Иоанна Малалы // В. М. Истрин. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. Подготовка издания, вступительная статья и приложения М. И. Чернышевой М., 1994. С. 402–462.

Чернышева М. И. К вопросу об истоках лексической вариантности в ранних славянских переводах с греческого языка: переводческий прием “двуязычные дублеты” // Вопросы языкознания. 1994, №2. С. 97–107.

Чернышева М. И. Новое прочтение словарных описаний // Славянская историческая лексикология и лексикография. СПб., 2019. Вып. 2. С. 143–150.

Чернышева М. И. Этимологизирование в древней славяно-русской письменности // Седми международен колоквиум по старобългаристика. Сборник доклади. София, 2020. С. 218–229.

Hatzidakis G. N. Einleitung in die neugriechische Grammatik. Leipzig, 1892.

Miklosich Fr. Lexicon linguae Slovenicae. Vindobonae, 1850.

Sadnik L. Johannes von Damaskus / Ἐκθεσις ἀκριβῆς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως in der Übersetzung des Exarchen Johannes. Bd. III / Ed. R. Aitzetmüller, L. Sadnik, E. Weiher. Freiburg i. Br., 1983 (Monumenta linguae slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertationes. Bd. XVI).

Сокращения

ГСЭ II — *Фасмер М. Греко-славянские этюды. II. Греческие заимствования в старославянском языке // Известия Отделения русского языка и словесности, т. XII, кн. 2. СПб., 1907.*

СлРЯ — *Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–31–. М., 1975–2019–*
Стболг. — Старобългарски речник. Т. I. София, 1999. Т. II. София, 2009.

SJS — *Slovník jazyka staroslověnského. Т. II. Praha, 1997 ; перизд.: СПб., 2006.*

M. I. Chernysheva

V. V. Vinogradov Russian Language Institute

(Russia, Moscow)

chernysheva@bk.ru

PROBLEMS OF OLD FOREIGN LANGUAGE VOCABULARY DESCRIPTION IN RUSSIAN HISTORICAL LEXICOGRAPHY

The paper discusses the complications in describing foreign language vocabulary in Russian historical lexicography, conditioned by existence of lexemes with different degrees of adaptation in the Old Russian script, as well as the presence of foreign language inclusions in translated texts. The study of this lexical layer in the "Dictionary of the Russian Language of the 11th-17th centuries" showed inconsistency in the selection of foreign words and the disorder of their lexicographic processing. The omissions of foreign language lexemes were also identified. This is compensated by the inclusion of new dictionary descriptions in this work.

Keywords: foreign language vocabulary, Russian historical lexicography, "Dictionary of the Russian language of the 11th-17th centuries", Old Russian writing, Slavic translated literature.

References

Anikin A. E. *Russkii etimologicheskii slovar'*. [Russian Etymological Dictionary. Iss. 1–14–]. Moscow, 2007–2020–.

Derzhavina E. I., Romanova G. Ja., Chernysheva M. I. *Ukazatel' istochnikov* [Index of Sources] // *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. Spravochnye materialy. Ukazatel' istochnikov. Slovník (přímou) /* Exec. ed. M. I. Chernysheva. Moscow, 2020 [Resource

Materials to the Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries. *Index of Sources. Word-Index (direct)* / Ed. M. I. Chernysheva]. Moscow, 2020.

Rechnik-index — *Simeonov sbornik (po Svetoslavoviya prepis ot 1073 g.)*. Vol. 2. Rechnik-index [Simeon's collection (according to the list of Svyatoslav of 1073) *Word-Index*]. Sofia, 1993.

Sreznevskij I. I. *Materialy dlia slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam* [Materials for the Dictionary of the Old Russian Language based on the Written Sources]. Vol. I–III. Saint Petersburg, 1893–1912.

Terminologichen rechnik na Ioan Ekzarh [Terminology Dictionary of Johannes the Exarch] / Ed. A. Totomanova and I. Hristov. Sofia, 2019.

Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka*. [Etymological Dictionary of Russian language. Vol. I–IV]. Moscow, 1986–1987.

Chernysheva M. I. *Grecheskie slova, sposoby ih adaptacii i funkcionirovanie v slavyanskom perevode "Khroniki" Ioanna Malaly* [Greek words, ways of their adaptation and functioning in the Slavic translation of the Johannes Malala's Chronicle] // Istrin V. M. *Khronika Ioanna Malaly v slavyanskom perevode* [Johannes Malala's Chronicle in Slavic Translation]. Edition prepared with a foreword and appendices by M. I. Chernysheva. Moscow, 1994.

Chernysheva M. I. *K voprosu ob istokakh leksicheskoi variantnosti v rannikh slavyanskikh perevodakh s grecheskogo yazyka: perevodcheskii priyom "dvojazychnnye dublety"* [On the question of the origins of lexical variation in early Slavic translations from Greek: translation technique "bilingual doublets"] // *Voprosy yazykoznaniya* [Issues in Linguistics]. Moscow, 1994. № 2.

Chernysheva M. I. *Novoe prochtenie slovarnykh opisaniy* [New reading of dictionary descriptions] // *Slavyanskaya istoricheskaya leksikologiya i leksikografiya* [Slavic Historical Lexicology and Lexicography]. Saint Petersburg, 2019.

Chernysheva M. I. *Etimologizirovanie v drevnei slavyano-russkoi pis'mennosti* [Etymologization in the ancient Slavic-Russian script] // *Sedmi mezhdunaroden kolokvium po starobŭlgaristika* [Seventh International Colloquium on the Old Church Slavic Linguistics]. Sofia, 2020.

Hatzidakis G. N. *Einleitung in die neugriechische Grammatik* [Introduction to Modern Greek Grammar]. Leipzig, 1892.

Miklosich Fr. *Lexicon linguae Slovenicae* [Lexicon of the Slavonic Language]. Vindobonae [Vienna], 1850.

Sadnik L. Johannes von Damaskus [Johannes of Damascus] / Ἐκθεσις ἀκριβῆς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως in der Übersetzung des Exarchen Johannes [The Ἐκθεσις ἀκριβῆς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως in Johannes the Exarchus' translation]. Vol. III / Ed. R. Aitzetmüller, L. Sadnik, E. Weiher. Freiburg i. Br., 1983 (Monumenta linguae slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertationes. Bd. XVI).

А. К. Шапошников

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
etymol@mail.ru

СКИФСКИЙ И ПРАБАЛТИЙСКИЙ ЯЗЫКИ — СОСЕДИ ИЛИ РОДСТВЕННИКИ? ЗЕМЛЯ БУДИНОВ — ПРОМЕЖУТОЧНАЯ ПРАРОДИНА ПРАБАЛТИЙСКОГО ЭТНОСА

В этой статье автор отстаивает позицию, что скифский и общепалтийский языки были родственны и однородны. Около ста явных изоглоссов тесно связывают скифские лингвистические древности с балтийскими и славянскими языками. Сверх того имеется ещё около 300 эксклюзивных скифо-балтийских и скифо-славянских изоглоссов. Одно из балтийских племён называлось будины. Их племенным экономическим и религиозным центром был Гелон (VII–III вв. до н. э.).

Ключевые слова: гидронимы, топонимы, имя собственное, апеллатив, этимология, сравнительный метод, изоглосса, лексикон, реликты скифского языка.

Скифский гидроним ΥΓΡΙΣ Ὑγρις (иногда испорчен переписчиками ΣΥΓΡΙΣ (Σ)ύγρις): ἐς δὲ Τάναϊν τοῦ τον ἄλλος ποταμὸς ἐσβάλλει τῷ οὐνομά ἐστι Ὑγρις [Hdt. IV, § 58, 124] транслитерирован средствами эллинской графики. Он передает довольно точно архетип **uigris* или **uigris* с мутацией носового смычного согласного в носовой призвук предшествующего гласного. Ср. праслав. **vegrь* < **v'agris* ~ **vigris* 'изгиб, извилина, излуцина реки', изначально связанное с балтийскими вариантами: др.-прусс. *wange* ~ лит. *vingis* / *vingris* 'излучина реки'. По общему мнению, этот гидроним обозначал реку Северский Донец, которая действительно весьма извилиста в нижнем течении, образует несколько значительных излуцин.

Эллинское свидетельство, к сожалению, не дает нам ответа на вопрос, использовалось ли это слово как имя нарицательное или как имя собственное в самом скифском языке.

Гидронимическая изоглосса: Ὑγρις (в стране свободных скифов на Северском Донце V в. до н. э.) ~ *вагрь*, *wihor*, *strywihor*, *wiż*, *strwiż* (в стране неуров на Верхнем Днестре) ~ *wange*, *strowange* (в стране брутеннов (пруссков) на реке Pregolis) ~ *vingis*, *vingris* (в стране литовцев). Первичная семантика апеллатива была 'излучина реки, речной меандр' [Шапошников 2014: 358–364]. Перед нами очевидная

скифо-балто-славянская гидронимическая изоглосса (даже изолекса!), одна из важнейших в числе подобных изоглосс Великой Скифии и п-ова Скифика.

Этот скифский гидроним оказывается в окружении гомогенных языковых реликтов скифского типа: скифская основа διδυμ- в некоторых именах собственных Διδυμόξαρος Χοδαίνου ἄρχων Ταναεῖτων, Διδύμαρχος ὁ Ἐντρέχης (CIRB №№ 182, 1242; Detschew 1976: 131, 136–137), скифская основа δίζα- также в составе имён собственных Δίζας Βείθυος κεντυρίων ὁ καὶ πρίνκιψ Θρακῶν, Δίζα γ' Ἐλένη (CIRB №№ 666, p. 863), скифское слово ἰστᾱκή в составе сложного топонима Турιστᾱκή (скорее ‘устье, истечение в море’, чем ‘исток’), с очевидными балтийскими родственными формами: лит. *didūmas*, *didžiūmas* ‘величие, старшинство’ [Fraenkel I: 93], лит. *didžia-dvāsis* ‘великодушный (о человеке)’, лит. *ištaka* ‘источник, исток’ (ср. праслав. **jǫztākā*) [Шапошников 2012а: 252–308]. Выходит, скифские языковые реликты являют более близкое родство с вост.-балт. языковым типом, чем с зап.-балт. или праслав. Это не удивительно ввиду их территориального соседства с ареалом лесостепной зоны, где многочисленные вост.-балт. топонимы хорошо известны. Обширный ареал балтийской гидронимии простирается к северу от Скифии и страны будинов, в бассейне верхнего Днепра (Топоров, Трубачёв 1962: карты № 2, 3, 8).

По моему глубокому убеждению, языковое родство констатируется наиболее достоверно и точно на основании комплекса регулярных соответствий на фонетическом, морфологическом, лексическом уровне сопоставляемых языков. Только такой комплекс регулярных соответствий является необходимым и достаточным условием для констатации языкового родства. Всякое одностороннее обоснование языкового родства, будь то на уровне только фонетики, или на уровне грамматики, неизбежно приводит к ошибочным, а в лучшем случае, к относительно истинным, приблизительным определениям [Mańczak 2008: 28–58].

Современный этап компаративистики предполагает большую убедительность цельнолексемных, а не корневых сопоставлений. Вероятностная обоснованность цельнолексемного сравнения (всего комплекса корней, аффиксов, инфиксов, флексий сопоставляемых слов) намного выше, чем корневого. Это в последние двадцать лет вполне осознано лингвистическим сообществом и вошло в практику не только сравнительно-сопоставительных, но и этимологических, и даже ономастических исследований.

В нижеследующем обобщающем изложении попытаемся констатировать языковое родство балтийских, славянских и скифского языков (о чём спекулятивная словесность твердит уже не одно столетие) вышеупомянутым методом цельнолексемного сравнения.

Рассмотрим вначале такое экзотическое языковое явление, как скифо-балто-славянские изоглоссы, начиная с полных сопоставительных рядов. Скифские формы приводятся в оригинальной графике VI–II вв. до н. э. с минимальной коррекцией окончаний. Лексический материал извлечён из сводного каталога скифских языковых реликтов Северного Причерноморья [Шапошников 2012: 252–308].

скиф. *αῦκαρα* ‘уж’, ‘угорь’ ~ лит. *ungurùs*, финн. *ankerias* ‘угорь’ ~ праслав. **ǫgorь* ‘угорь’ [ЭССЯ 40: 33–35];

скиф. αλδια(ς) ‘ладейный’ (антропоним Ἰ Αλδιος) ~ лит. *aldijà, eldijà* ‘вид лодки, однодеревка monoxylum’ ~ праслав. **oldi, *oldьja* ‘ладья’ [ЭССЯ 32: 53–54];

скиф. αλιζωνες / αλιζῶνες ‘ошьшане’ (этноним Ἰ Αλιζόνες или Ἰ Αλιζώνες (?), Ἰ Αλιζῶνες или Ἰ Αλιζῶνες(?)) ~ лит. *alksnà* ‘ольха’ ~ анто-слав. **olьšane* от праслав. сущ. **olьxa* ‘ольха’ [ЭССЯ 32: 81–82];

скиф. αλμας, αλμια, αλμηνη ‘ильм, вяз, бересто’ ~ лит. гидронимы *Almè, Almaja, Almenas, Almonè* ~ праслав. диал. **jьльть / *vьльть* ‘ильм, вяз, бересто’ [ЭССЯ 8: 222–223];

скиф. αλουτας, αλουθ(ων) гидроним ~ ст.-прус. *alu* ‘хмельной мёд’, лит. *alus*, лтш. *alus* ‘пиво’ ~ праслав. **olь* ‘хмельной напиток из пшеницы, ячменя; опьяняющий напиток; пиво; сикер’ из дослав. **ālūtās* ‘хмельной напиток’ [ЭССЯ 32: 80–81];

скиф. αμολουστα ‘пупавка, ромашка Kamille’ [Detschew 1976: 543] ~ лит. *amalas* ‘сладкий, кисло-сладкий’ ~ праслав. **omela* ‘омела (кислый плод)’ [ЭССЯ 32: 84];

скиф. (α)ουνδα ‘вода’ (гидроним *Avunda, Aunda-uzen*) ~ др.-прус. *wundan, unds*, лит. *vanduõ, -eñs*, жемайт. *unduo*, лтш. *ùdens* ‘вода’ ~ праслав. **voda* ‘вода’;

скиф. αργοτας ‘рогатый’ (антропоним Ἰ Αργότας, Ἰ Αργόδας, ойконим Ἰ Αργόδα ~ лит. *ragiùotas* ‘рогатый’ ~ праслав. **orgatь / *rogatь* ‘рогатый’;

скиф. αρελις / ερελις ‘орёл’ (гидроним *Апель, Епель, Опель*) ~ др.-прус. *arelie*, лит. *arëlis, erëlis*, лтш. *erelis* ‘орёл’ ~ праслав. **orьль / *erьль < *arilas* ‘орёл’ [ЭССЯ 32: 232–234];

скиф. αρμ(α), αρμακας ‘плечо’ ~ др.-прусс. *irmo* ‘рука, плечо’, лит. *armaĩ*, лтш. *ërmi* тж ~ праслав. **ramo* ‘плечо’;

скиф. αυ- преф. у- (этноним Αὐχάται, антропонимы Αὐασις, Αὐασκις) ~ лит. пристав. *au-liñkt*, лтш. пристав. *au-manis* ~ цслав. приставка и предлог **оу, ъ**, рус. **у**;

скиф. αυλας, αυλις ‘флейта’, ‘улинь, улей’ (антропоним Ἰ Αὐλος) ~ лит. *aulys, avilyš*, лтш. *aulis* ‘вид улья’ ~ др.-русс. эпоним **Оуль** или **Оуль** для этнонима **оулинчи < *ùlitji**, ст.-слав. **оулинъ** ‘углубление в дереве’;

скиф. βαβα, βαβας ‘боб’ или ‘баба’ (антропонимы Βάβας, Βάβης, Βάβος, Βάβα, Βάβου) ~ лит. *bóba*, лтш. *bāba* ‘старуха, баба’ или др.-прус. *babo* ‘боб’ ~ праслав. **baba* ‘термин родства детской речи’ [ЭССЯ 1] или праслав. **bobь* ‘боб’ [ЭССЯ 2: 148–149];

скиф. βουγης ‘топкое место’ (гидроним *BUCES / BUGES coreto Maeotis*, гидроним *Бай-Буга* в Феодосии) ~ лтш. *bauga* ‘топкое место у реки, плохая заболоченная почва’ ~ праслав. **búga* ‘сырое, топкое место, затопленный весенними разливами береговой лес и кустарник’ [ЭССЯ 3: 78];

скиф. βουρτους ‘дырявая древесина; борть’ ~ лит. *bùrtas* ‘жребий’, *bùrti* ‘колдовать’ ~ праслав. **bьrtva, *bьrtь, *bьrtь* ‘борть, душло дерева с ульем внутри’ [ЭССЯ 3: 132–133];

скиф. βρεδας ‘брод’ или ‘ель’ ~ лит. *brādas* ‘рыболовство’ [Pokorný 164] ~ праслав. диал. **bredь* ‘брод в озере’, ‘ива, ветла, тальник’, ‘верба’, ‘ракита’, ‘лоза’, ‘нижняя часть хлебного снопа’ [ЭССЯ 3: 11–13] и **brodь* ‘брод’ [ЭССЯ 3: 36–37];

скиф. γαδας, γαδα ‘пригожий’ или ‘почтенный, уважаемый’ (антропонимы Γάδας, Γάδα Γάδεις, Γάδειος) ~ лит. *guōdas* ‘Ehre, Verehrung, Bewirtung’, лтш.

gùods ‘Ehre, Ruhm’ [Fraenkel I, 159–160] праслав. **goditi*, **godь*, **godьb*, < и.-е. **g^had^h*- ‘гожий’ [ЭССЯ 6: 188–190, 191–192], болг. разг. *гадже*;

скиф. γαριαν ‘жар, жара’ (в сложном топониме Ἀζα-γάριον) ~ лит. *gāras* ‘(wasser)dampf, leidenschaftlicher Wunsch, heftige Begierde, eifriges streben, Eifer’, *garaī* ‘Kohlendunst’, лтш. *gars* ‘Dampf, Qualm in der Badestube, Geist, Seele u. a.’ ~ праслав. **garь*, **garь* ‘горение, нагар’ [ЭССЯ 6: 101–103] и **zarь* ‘жар’;

скиф. γερρας, τζερω ‘журавль’ ~ лит. *gėrvė*, лтш. *dzērve* ‘журавль’ ~ анто-слав. *žeravь* ‘журавль’;

скиф. γιρι ‘пойменный лес’ ~ лит. *girià*, диал. *gìrė* ‘лес’ ~ праслав. **gora* ‘гора, покрытая лесом’ [ЭССЯ 7: 29–31];

скиф. δει(υ)ο ‘божественный’ (скиф. эпитет Δεῖος, Δείου) ~ лит. *diẽvo* ‘божественный, -ая, -ое’ ~ праслав. **dìvь* ‘лесной дух’ [ЭССЯ 5: 35];

скиф. δουβα / δουλα ‘впадина, низина; яма, овраг, лощина’ ~ лит. *daubà* ‘лощина, овраг’, *įduba* ‘впадина’, *akiduobė* ‘глазная впадина’, лтш. *duobe* ‘яма, впадина’ ~ праслав. **dura* ‘яма, дыра’, ср. и.-е. **d^houb-* / *d^houp-* ‘глубокий’ [ЭССЯ 5: 157–158];

скиф. δουλας, δουλα, δουλω ‘безрогий’ (скиф. антропонимы Δούλας, Δούλα, этноним Δουλοσπόροι, др.-болг. династическое имя **Доруло**) ~ лит. *duõlas* ‘безрогий, комольй’, *dulėti* ‘делаться трухлявым, разлагаться’, лтш. *duoļš*, *duols*, *duolas*, *duolis* ‘безрогий’ ~ праслав. **dūlēti* ‘пухнуть, вздуться’, праслав. **dūlēti* ‘тлеть, гнить’ [ЭССЯ 5: 154];

скиф. δροβολους ‘дробное’ (антропоним Δροβόλους) ~ лит. *drobùlė* ‘Leinentuch, Laken’, лтш. *drābule* ‘Laken’ ~ праслав. **droba*, **drobiti*, **drobь*, **drobь*, **drobьlivь*, **drobьнь*, **drebiti*, **drobiti*, **drebь*, **drebьнь* (ЭССЯ 5: 117–122);

скиф. εισ-, ισ- преф. из- (антропонимы Εἰσ-γούδιος, Εἶσα) ~ лит. пристав. *iš-*, ст.-лит. *iž*, лтш. *iz* ~ анто-слав. пристав. **ьz-* [ЭССЯ 9: 6–12];

скиф. ζαλζας ‘железа’ / ‘железо’ ~ лтш. *dzelzs*, лит. *geležis*, жем. *gelžis* ‘железо’ ~ праслав. **zelza* / **zolza* ‘железа’;

скиф. ζεγετουσα ~ лит. глаг. *dėginti*, *dėgti* ‘жечь’, *degùs* ‘горючий’, *degùtas* ‘смола, дёготь’ ~ праслав. **degьть* [ЭССЯ 4: 204–205], **žegti*, **žьgь*;

скиф. ζειλας, ζηλας ‘зелье’ ~ лит. *žālias* ‘зелёный’, *žolė*, лтш. *zāle* ‘травя’ ~ праслав. **zельje* ‘отвар какого-л. растения; вино, зелье’;

скиф. ζελμς, ζελμ(ιv) ‘змея’ ~ лтш. *dzelva* ‘припухлость на коже’ ~ праслав. **žely*, *želьve* ‘черепаха’;

скиф. ηζους ‘берег, край (озера)’ ~ др.-прусск. *asy* ‘межа’, лит. *ežė*, лтш. *eža* тж ~ праслав. **ězь* ‘запруда, дамба, плотина’ [ЭССЯ 6: 59];

скиф. θια ‘тот, та, то, те’ ~ лит. *čiõn* ‘сюда’, *čià* ‘здесь, тут’ ~ праслав. **tě*, ср. др.-инд. *tyà* ‘тот, тот который’, др.-перс. *tya* ‘тот который’, алб. *së* (род., дат. пл., ед. ч. ж. р.) [Pokorny 1086–1087];

скиф. ιστακᾱ, ιστακη ‘исток, вытекание, истечение’ (в сложном гидрониме Тур-ιστάκη) ~ лит. *ištaka* ‘исток’ ~ анто-слав. **ьzтокь* ‘исток, истечение’ [ЭССЯ 9: 79–80];

скиф. каβα / χαβα, χαβαν ‘гадание по птичьему полёту; дурное предзнаменование, рок, дурное предчувствие, судьба’ ~ лит. *kabėti*, *kabóti* ‘висеть’ ~ праслав.

*koba, *kobъ, *koby < *kobēti, *kobiti ‘предвещать, предзнаменовать, предсказывать дурное’ [ЭССЯ 10: 86, 91–92, 93, 101];

скиф. диал. καῶνι, ακραναί ‘камень’ (топоним *carcatō, carcatogni, charcatogni, canchatogni, carcauogni, carcabogni, carcauo[gni]*, Акмонай ‘каменоломня, известняк’) ~ лит. *актид* ‘камень’ ~ праслав. **кату*, **камене* ‘камень’ [ЭССЯ 9: 137–140];

скиф. канта, кантио-, *cantio-* ‘землянка с очагом в углу’ (в этнониме *Cantio-captae*) ~ лит. *ка̃трас* < **kamtas* ‘кут’ ~ анто-слав. **ко̃тја*, ср. серб. *ку̃ћа* ‘дом’, болг. *къща* ‘дом с печью, отопливаемое жилье с очагом-кътом’ [ЭССЯ 12: 70–74];

скиф. *καπης*, *καλαϊαν* ‘копь, выкопанное’ (скиф. топоним *Кафа́, Кафа̃ς, Caffá, Cafá, Kefé* первоначально обозначал обширный эллинистический могильник ввиду города) ~ лит. *ко̃ра* ‘песчаная дюна’, *ка̃рас* ‘могильный холм’, *ка̃ра̃* ‘могилы, могильник’, лтш. *ка̃пс* ‘могила’, *ка̃па* ‘дюна, насыпь’ ~ праслав. **ко̃рь* ‘насыпь, копь’;

скиф. **ка̃пта-* в этнониме *Cantio-captae* ~ др.-прус. прич. прош. сврш. *enkoptis* ‘выкопанный, вырытый’, лит. глаг. *ка̃пти* ‘резать’ ~ праслав. **ка̃пати*, **ко̃пнѹти* ‘копать, копнуть’ ~ праслав. **ко̃рь*, **ко̃пти*, **ко̃пје*, **ка̃пати*, **ка̃паје* [ЭССЯ 9: 144–145; 11: 18–20], и.-е. **кōр-* / **кōр-*, **skap-*;

скиф. *кар̃пας*, *кар̃πια* ‘карп’ ~ лит. *Karpis*, лтш. *Karpa* ~ праслав. **ко̃рь* ‘карп’ [ЭССЯ 11: 90–93];

скиф. *кар̃σας*, *кар̃σω*, *кар̃σι-* ‘по левую руку’ или ‘кривое’ ~ лит. этноним *ку̃ŗšas*, *ку̃ŗšis* ‘курш’ ~ праслав. **к̃ьрхъ* ‘левый’ ‘пригоршня’ < и.-е. **к̃ьсо-* [ЭССЯ 13: 215, 240–241];

скиф. *ка̃л̃тас* ‘копатель’ (*Cantio-captae*) ~ др.-прус. прич. прош. страд. *enkoptis* ‘выкопанный’, лит. глаг. *ка̃пти* ‘рубить’ ~ праслав. **ка̃пати*, **ко̃пнѹти* ‘копать, копнуть’ [ЭССЯ 11: 21];

скиф. *ка̃ука̃ς* ‘нечто согнутое’ или ‘перун’ ~ др.-прус. *Kaukone, Kaukeyne, Kaukenynen*, лит. *ка̃йкас* ‘шишка’, особенно, *ка̃йкас* ‘домовик, дух, гном, карлик’, *ка̃укас*, *ка̃уко актио*, *ка̃ука спенис* ‘перун, белемнит’ ~ праслав. **кука* ‘крюк, кук’ < **ка̃ука* < ***ко̃ука* ‘крюк’, ‘изгиб реки’, ‘поворот дороги’ [ЭССЯ 13: 86–87, 94]; причем, праслав. форма м. р. **ку̃къ*, мн. ч. **ку̃кове* ‘ряженный’ идеально поясняет особенность латинского словообразования: *Caucoensis* < **Kaukoue-ensis*;

скиф. (аланизованное или германизированное) *ка̃фа* ‘могилы, могильные насыпи’ ~ лит. *ко̃ра* ‘песчаная дюна’, *ка̃рас* ‘могильный холм’, *ка̃ра̃* ‘могила, кладбище’, лтш. *ка̃пс* ‘могила’, *ка̃па* ‘дюна’ ~ праслав. **ко̃рь* ‘копь’ [ЭССЯ 11: 23];

скиф. *κε̃ρβα(τις)*, *cerbatis* ‘похожая на корзину’ ~ лит. *ка̃рбе* ‘засечка, царапина’ ~ праслав. **ко̃рбатъ(ь)* ‘неровный, шероховатый’ [ЭССЯ 11: 51];

скиф. *κο̃σ(σ)ας*, *κο̃σ(σ)ους* ‘дрозд’ ~ лит. *ку̃оса* ‘галка, Dohle, Saatkrähe’ [Fraenkel I, 284–285] ~ праслав. **ко̃сь* ‘дрозд’ [ЭССЯ 11: 175–177];

скиф. *κυ̃ρις* ‘кривой (рог)’ (в сложном гидрониме Ὑπα-κύρις, *Υραcares, Pacyris*) ~ др.-прусс. *сир̃вис* ‘Ochse’ ~ праслав. **кривъ* [ЭССЯ 12: 171–174];

скиф. *λα̃γυρα* ‘ложбина’ ~ лит. *атла̃га̃й* ‘поле, долго лежавшее под паром’ ~ праслав. диал. **лог̃ура*; производное с суф. *-ура* от **логъ*, **логво*, **логово* [ЭССЯ 15: 248–250];

скиф. λιπα, λιπο ‘лепной сосуд, лепная керамика’ ~ лит. *lip̃ti* ‘прилипнуть’ ~ праслав. **lipati*, **l̃rpti*, **l̃rpñti* [ЭССЯ 15: 119], ср. греч. λίπος ‘жир’;

скиф. λουπα, λουπα «?» ~ лит. *lur̃i*, *lur̃ti*, лтш. *lur̃t*, лит. *laurỹti*, лтш. *laur̃it* ‘облупить, снять кожуру’ ~ праслав. **lupa* [ЭССЯ 16: 177–188; Pokorny 690–691];

скиф. μαδλ- ‘благодарить (богов), молить’ ~ др.-пруск. *maddla*, лит. *maldà* ‘молитва’ ~ праслав. **modliti* ‘молить’ [ЭССЯ 19: 87–92];

скиф. μαεους, μαης, μαϊς ‘мановение, знамение, наваждение’ (скиф. антропонимы Μάης, Μαέους) ~ лит. *móti*, *móju* ‘махать рукой, подавать знак’, лтш. *māt*, *māju* тж. ~ праслав. **majati* [ЭССЯ 17: 132–134], ср. и.-е. **mā-* ‘махать рукой, кивать, украдкой, морочить, обманывать, колдовать’ [Pokorny 693];

скиф. μακαρα, μακαρες этноним (топоним *Macara*, *Machara*, *Machare*; этноним Μαχαρηνοι, Μακορες, *Macores*, *Machares*) ~ лит. *mākaras* ‘подвижный, бойкий человек; непоседа’, лит. *Makaraĩ*, лтш. *Makari* ~ праслав. **mokr̃ь(jь)* [ЭССЯ 19: 144–147];

скиф. νᾶ ‘наш, нас, нам (?)’ ~ прабалт. **nō*, лит. диал. *nuodu* ‘нас (двоих)’ ~ праслав. **na*, **naju* [ЭССЯ 21: 187; 22: 104];

скиф. ναυακας ‘новенький’ (антропоним Ναυακος) ~ лит. *nauj̃dkas* ‘новичок’, ‘новобранец’ ~ праслав. **novak̃ь* [ЭССЯ 25: 225–226];

скиф. νευρ(ας) (этноним Νευροί· Νευρων, Νευριται, *Neuroe*; хороним Νευρίς) ~ лит. ойконимы *porowa*, *Narāva*, *Nerāvai* ~ праслав. **norṽь* или **nuriti*, **nyr̃ēti*, *nyra*, **nyr̃ь*, **nyr̃ьk̃ь* [ЭССЯ 26: 63–66];

скиф. νο(ῦ)ης ‘источник’ или ‘неф смерти’ ~ др.-пруск. *nowis* ‘туловище, пень’, лит. *novis* ‘мучение’, *nōve* ‘терпение, смерть’, лтш. *nāve* ‘смерть’ ~ праслав. *naṽь* [ЭССЯ 24: 49–52], ср. глоссы ναύει· ῥέει, νῶντας· ῥέοντας и др.-греч. νόα· πηγῆ ‘источник’ из и.-е. **[s]nāu-* ‘течь, струиться’ [Mauey I: 81], и.-е. **nāu-s* ‘корабль’ и **nāu-s* ‘смерть, мертвец’ издавна отождествлялись;

скиф. οβουλη, ουβουλα ‘яблоко’ ~ лит. *obuol̃ys* ‘яблоко’ ~ праслав. **abl̃ьko* ‘яблоко’ [ЭССЯ 1: 44–47], ср. дакийский фитоним κινούβουλα ‘собачье яблоко; Weiße Zaunrube’ [Detschew 1976: 550];

скиф. οκταμα ‘восьмой’ ~ др.-пруск. *asmas* ~ праслав. **ost(ь)мь* ‘восьмой’ [ЭССЯ 36: 50–53];

скиф. πα- преф. ‘па-, по-’ (этноним *Pa-nasagorum*, гидроним Πα-συρίς) ~ лит. *pō-* ~ праслав. **pa-* именная форма приставки [ЭССЯ 40: 125];

скиф. παντι- ‘путь’ (в сложных топонимах Παντι-κάτης, Παντι-κάπαιον) ~ др.-пруск. *pent̃es*, *peentes*, *pintis* ‘путь’ ~ праслав. **p̃ot̃ь* ‘путь’;

скиф. παρα- / πορο- преф. ‘trans, через’ (в травск. топонимах Παράλισσον, Πορόλισσον, *Porolissum*, *Porolissensis* (Dacia), Πάραλος и этнонимах Παραλάται, *civitas Parasinum*) ~ лтш. *par-*, лит. диал. *paĩ-*, *peĩ-* ‘hindurch, hinüber’, ‘bei, zu’, лит. *par* ‘zurück, heim’ ~ праслав. **per-* ‘пере-, пре-’;

скиф. παρδ(α) ‘продать’ ~ лит. *pard̃uo* ‘продавать’ ~ праслав. **prodati* ‘продать’;

скиф. παρι-, с ретроградной метатезой παρι- преф. ‘вокруг, по бокам, со всех сторон / перед, впереди’ ~ лит. *par-*, *per-* тж ~ праслав. **per-* или **pro-*?;

скиф. πελεν-, πολων- ‘полынный (стан)’ ~ лит. *pelane* ед. ч., *pel̃ejums* мн. ч. ‘попынь’ ~ праслав. **pelyni*, **peliñь* ‘попынь’;

скиф. περκωνει (дат. падеж) ~ лит. *Perkunas*, лтш. *Perkons*; *Perkune* ~ праслав. **perunь* ‘ударяющий’ и анто-слав. **perkati* ‘ударять’, ср. болг. *пѣркам*, *пѣрна*, *пѣрвам* [БЕР V: 175];

скиф. πλάκια ‘плоская местность’ (топоним *Placia oppidum*) ~ лит. *plākė*, *-is* ‘невозделанная земля под паром, Brachsen, Brasten, blei, Plotze’, *plākanas*, глаг. *plākti*, *plakū*, лтш. *plāce*, *plācenis*, лтш. *pluoki* ‘местоположение, положение; слой, пласт’, лтш. глаг. *plakt* ‘становиться плоским, низменным, flach werden’, лит. *plākas* ‘пятно, клякса, Schmutzflecken, Kleks’, вост.-прусс. *plak* ‘пятно, Flek’ ~ праслав. **ploskь* ‘плоский’;

скиф. πλη ‘полная’ ~ лит. *pil(nas)*, лтш. *pīl(ns)* ‘полный’ ~ праслав. **pьl(nь)* ‘полный’;

скиф. πλινας ‘полный’ (антропоним *Plinos*) ~ лит. *pilnas*, лтш. *pīlns* тж ~ праслав. **pьlnь* тж;

скиф. πυρο, πυρι ‘очищенный огнѣм’ ~ др.-прусс. *pure* ‘костеръ’, лит. жем. *pūrai* ‘озимая пшеница’, *pūras* ‘зерно озимой пшеницы’, лтш. *pūri* ‘озимая пшеница’ ~ праслав. **pyro* ‘Triticum repens; полба’;

скиф. ρομβιτης, *rombites* ‘рыбный’ (гидроним ‘Ρομβίτη, Ρομβίτης, Ρομβίτου, Rombites’) ~ прусск. *Rumbith*, *Rumbytin* ~ дослав. **romba*, исходная форма для праслав. **ryba* ‘рыба’;

скиф. σαδης ‘сидящий’ ~ лит. *sōdas* ‘сад’ ~ праслав. **sady* ‘сад’ или **sadjь* ‘осевший’;

скиф. σαλδας ‘солод’, ‘сладкий’ ~ лит. *saldūs*, лтш. *salds* ‘сладкий’ ~ праслав. **soldь* ‘солод, лакрица’;

скиф. σαλ(ιας) ‘соль, солѣнный’ ~ др.-прусс. *sal*, лтш. *sāls* ~ праслав. **solь*;

скиф. (σ)αλιακμων ‘солѣнный камень’ ~ др.-прусс. *sal*, лтш. *sāls*, *sālis*, лит. *salyma* ‘солѣность’ и *akmiõ* ‘камень’ ~ праслав. словосложение **solь* и **kamy* ‘солѣнный камень’;

скиф. σαλονιτις ‘солончак, соленое место; солончаки, места избыливающие солью’ (гидронимы *Saloniti*, *Soloni-per*) ~ др.-прусс. *Saloniten* ~ праслав. **solньсь*, **solnica*;

скиф. σαυλιας, σωλ ‘солнце, солнечный’ (теофорные антропонимы Σαύλιος, Σαυλίου, Σαυλίω, теоним τῷ θεῷ Σῶλ) ~ др.-прусс. *saule*, лтш. *saūle*, лит. *saulė* ‘солнце’ < **saulijā*, лит. *saulės*, *saulėtas* ‘солнечный’ ~ праслав. **sьl-n-ьce* ‘солнце’;

скиф. σαυρας, σαυρομα ‘север’ (этноним Σαυρομάται, Σαυρομάτης, Συρμάται, *Sauromatae*, *Sauromata*) ~ лит. *šiaurė* ‘север, полярный край’, *šiaūras*, *šiaūras* ‘холодный, северный, суровый’, *šiaurės vėjas*, *šiaurūs*, *pašiaūris* ‘субарктическая зона’, *šiūras* ‘холодный, северный’, *šiūrūs* ‘резкий, холодный’ ~ праслав. **sěverь* < **č’auras* ‘север’;

скиф. σαυσα, σουσας, σῶσα ‘сухая’ (топонимы Σούσας, Σῶσαι, *Soza*) ~ др.-прусс. *sause*, лит. *saūsas* ‘сухой’, *sūs-ti* ‘сохнет, вянет’ ~ праслав. **suxa* < **sausā* ‘сухая’;

скиф. σερμας, σερμη, σερμαν, σερμαθ(ων), σερμαῖα ‘стремнина, течение, река’ (топоним Σέρμιον) ~ лит. *Sermas* ~ анто-слав. **serть* ‘течение, река’, ср. гидронимы серб. *Срѣм*, болг. *Стряма*, кривич. *Церем* и *Церемский* [Трубачев 1968: 284];

скиф. σκίλας ‘осколок’ (антропонимы Σκιλόρος, Σκίλας, *Scilus*) ~ лтш. *šķila* ‘осколок’, ‘полено’, лит. *skiltis* ‘отрезанный кусок’ ~ праслав. **ščelь*, **ščьль* ‘щель’;

скиф. σκυθαας, σκυθεω ‘щит’ (этнокон Σκύθης, Σκύθας, Σκυθεω, хороним *Scythia Minor, Scythia Magna*, Σκυθία ή μικρά, ή μεγάλη, ή παλαιά, этноним *Scythae*, Σκύθαι, σκυθικός, топоним *Scuti, Scutum, Skudra*) ~ др.-прусск. *scaytan* < *skaitan ср. р. ‘щит’ ~ праслав. *ščitъ < *sk’aitas м. р. ‘щит’, ср. и.-е. *skeit- / *skoit-, лат. *scutum* < *scoetum, др.-ирл. *sciath* ‘заслон, щит’;

скиф. σμερδης, σμερδιας ‘смердящий или благоухающий?’ (антропонимы Σμόρδος, Σμόρδο) ~ лит. *smiřdas* ‘тот, кто воняет’ ~ праслав. *smьrdь, *smьrděti, скорее, негативной семантики;

скиф. σουρας ‘кислый, горький, солёный’ ~ лит. *sūras*, лтш. *sūrs* ‘salzig, bitter; солёный, горький’, ст.-прусск. МН *Sure*, лтш. МН *Sūrupe* ~ праслав. *suroвь(jь), *syrъ(jь) ‘сырой’;

скиф. σπαργα ‘горячность, вспыльчивость’ ~ лит. *spurgas* ‘почка’ ~ праслав. *rьrgavъ ‘вспыльчивый’;

скиф. σπαιο ‘спорый’ (в сложных антропонимах Σπαρόβαϊς, Σπαρόφοτος, Σπαροφότου, этнонимах Σπόροι, Δουλοσπόροι) ~ лит. *spėrus* ‘быстрый, стремительный, спешный’, *sparūs* ‘пружинистый, упругий, гибкий, бойкий, живой’, *spāras* ‘опора, подпорка, стойка’, лтш. *spars* ‘сила, размах’ ~ праслав. *sporъ ‘спорый, обильный, щедрый’, ‘сильный, зрелый’;

скиф. στραυας, στρουας ‘струя’ (гидронимы Στραυος, Στρουας; *Дустров*) ~ лит. *srovė* ‘струя’ ~ праслав. *strūja, *obstrovъ;

скиф. στρωμων ‘стремнина, стремительный поток’ ~ лит. *straumiõ = sraumiõ* < *sroumõn ‘сильное течение, стремнина’ ~ др.-рус. **строумень** [Откупщиков 2001: 301–302];

скиф. στυρας, στυρακας ‘крепкий, сильный’ ~ лит. *stóras* ‘толстый, объёмистый’ ~ праслав. *starъ ‘старый’, ср. др.-инд. *sthirá-* ‘крепкий, сильный’;

скиф. συλη ‘ствол дерева’ (антропоним Συλεύς, -συλη с предположительным значением ‘лес’, ойконом *Шюли, Шюлю*) ~ др.-прусск. *sulis* ‘стойка’, лит. *šulas* ‘столб, косяк’ ~ сербо-хорв. *шўль* ‘чурбан, колода’, словен. *šúl’j* ‘отпиленный ствол дерева, бревно’, рус. диал. *шула, шуло* ‘заборный столб’ (смол.);

скиф. συρβελ ‘пиявка’ ~ лит. *siūrb-ti*, лтш. *surb-ti* ‘высасывать’ ~ праслав. *sьrbnъti ‘втянуть жидкость’;

скиф. така, такη ‘ток, течение’ (в составе сложн. топонима Тур-ισ-τακη) ~ лит. *taka* в составе *iš-taka* ~ праслав. *tokъ, *toka в составе *jьz-tokъ, *pro-toka;

скиф. ταλκας, *talca, talces* ‘толкающий, бьющий, ударяющий’ (в составе антропонимов Αν-τάλκης, Ροιμη-τάλκης, Σει-τάλκης, Σει-τάλκου) ~ лит. *talkà*, лтш. *talka* ‘работники, созванные на подмогу’, ~ праслав. *tolкъ, *tolka ‘трамбовка, давление, нажим’, ‘добровольная взаимопомощь’, ср. русск. *Толока*;

скиф. ταπλας ‘провал, промежуток’ ~ лит. *tárpas* ‘промежутки, пустота’ ~ цслав. **трапъ** ‘трап’ [Дуриданов 1976: 129];

скиф. ταυρας ‘тур, бык’ (гидроним *Taurus*, прежнее название р. Бай-Буга и р. Бык, этноним *Tauri, Taurici*, Ταυροι) ~ лит. *taūras* ‘бык, тур’, ‘опора моста’ ~ праслав. *turъ ‘тур’, ср. ст.-слав. **тоуръ**;

скиф. τελ(ιας) ‘поросенок’ ~ лит. *telias* ‘теленки’ ~ праслав. *tele, -ete ‘телёнок’;

скиф. *τἰλλης*, -εους ‘основание’ ~ лит. *tilės* ‘дощатый настил на дне лодки’, др.-прусс. *talus* ‘пол’, лтш. *tals, tale* ‘белильня льна’ ~ праслав. **tьlo* ‘дно, основание’;

скиф. торокка ‘ремень в сбруе’ (топоним Торокка) ~ др.-прусс. *tarkue* ‘ремень в сбруе’ ~ праслав. **torkъ* ‘ремешки сзади седла’, но ср. русск. диал. *торок* ‘торная дорога’;

скиф. *τραυσας*, *τραυσω* ‘хрупкий’ (этноним *Τραυσός* ἔθνος, антропоним Ἀγαθύρσους) ~ лит. *traušus* ‘ломкий, хрупкий’, *traūšiai* мн. ч. ‘хвощ’, ст.-лтш. *Trousz, traušs* ‘хрупкий’ ~ позд.-праслав. **truхъ*, ср. чеш. *trouch* ‘лесная почва’, ст.-русс. ЛИ **Трѣха, Трѣшь**, ст.-русс. **трѣхъ** ‘ленивый, печальный, мрачный’;

скиф. *тураς*, *τζουρ* ‘журчание, струя’ (гидронимы *Τυρας, Τύρης, Τυρ-ιστάκη* = *Чюрбаи* ‘исток реки Чюр’) ~ лит. *čiurėnti* ‘rieseln, sanft strömen; журчать, струиться’, *čiurlỹs, čiurkšlė* ‘Wasserstrahl, Strom; струя’, лтш. *čurēt* ‘mit Geräusch fließern’ ~ праслав. **tiverьci* (**Тиверьци**), болг. *чучур, чючурь* ‘носик для струйки воды’, ср. др.-инд. *tīvrá-* ‘быстрый, резкий’, инд. гидроним *Tīvrā*;

скиф. *туриλλας*, *τζουρουλος* ‘журчание’ ~ *čiurlỹs, čiurkšlė* ‘Wasserstrahl, Strom; струя’ ~ анто-слав. **tjurbьla* ‘журчание воды’, ср. новорос. *чурла*;

скиф. *ὕ(γ)ρις* ‘речной меандр’ (гидроним Ὑγρις) ~ др.-прусс. *wange*, лит. *vĩngis, vĩngris* ‘излучина реки’ ~ праслав. **vegrь* < **v’agris* ‘излучина реки’;

скиф. *ὕπα, ὄπα, ὕπανις* ‘водоём’ (в двусложных гидронимах Ὑπα-κύρις, Ὑπά-νις) ~ др.-прусс. *wuryan* ‘облако’, лит. *ùpė* ‘река’, *upė* < **upia* ‘вода’, лит. *Aise-upė*, лтш. *upe* ‘река, ручей’, *Aisa-upė* ~ дослав. **uōpa* ‘озеро, водоём’, ср. цслав., ст.-болг. **вапа** ‘озеро, лужа’, λίμνη, др.-инд. *vāpī* ж. ‘пруд продолговатой формы’;

скиф. *φуска* ‘пышный’ (топоним Φύσκη πόλις) ~ лтш. *puškis* ‘букет, пучок; кисть’ ~ праслав. **puxьnti, *puxьnъ* ‘пухлый, пышный’;

Эта сотня очевидных изолекс тесно связывает скифские языковые древности с балтийскими и славянскими языками. Обнаружено еще около 300 скифо-балтийских и скифо-славянских исключительных изоглосс [Шапошников 2012а: 252–308; Shaposhnikov 2019: 232–248]. В большинстве случаев скифские формы ближе балтийским, нежели праславянским (последние более видоизменились в фоно-морфологическом отношении).

Далее следует перечислить более сотни исключительных скифо-праславянских изоглосс, которые не разделяются балтийскими языками:

скиф. *ανα-* преф. ‘вверх, наверх’ ~ праслав. **na-* < и.-е. **anō-*, ср. греч. *ἀνά, ἄνω*;

скиф. *αράτραν* ‘орало’ ~ праслав. **oradlo* ‘орало’ по глаг. **orati* ‘пахать’ [ЭССЯ 32: 101–102];

скиф. *αυχαδας* ‘уход, удаление прочь’ ~ праслав. **uxodь*, ср. русск. *уход, уходить* и др.-греч. глоссы *αὐχάττειν· ἀναχωρεῖν, ἀναχάζεσθαι, χάζομαι, χάσομαι, ἐχασάμην* ‘уходить, отступать’;

скиф. *αψινθια* ‘тополь’ ~ праслав. **osina* < **opsina* ‘осина’ [ЭССЯ 32: 95];

скиф. *βε(ο)- / βι(ο)-* интенсив-префикс ‘?’ ~ праслав. **be-sěda* [ЭССЯ 1: 211–212], ср. русск. *беседа*;

скиф. *βειθυς, -υος* ‘битва’ ~ праслав. **bitva*, производное с суф. *-tva* от глаг. **biti* [ЭССЯ 2: 100–101];

скиф. βι- форма приставки **ambi* ~ праслав. **obi-* форма приставки **obъ-* [ЭССЯ];
скиф. βουρδ(ει) ‘доска’, ‘обрывистый берег’ ~ праслав. **bъrdo* ‘бёрдо’ [ЭССЯ 3: 164–166];

скиф. βουτας, βουτ(τ)ις ‘шишка, надутость’ ~ праслав. **butati* от и.-е. **b^heut-* / **b^hout-* ‘надуваться’ [ЭССЯ 3: 101–102, 103];

скиф. βριλων ‘брадобрей’ ~ праслав. **brilъ* по глаг. **briti* ‘брить’;

скиф. βρ- ‘вращение’ ~ праслав. **vъrěti* ‘повернуть’;

скиф. βωγος ‘желанный’ ~ праслав. диал. **bagati*, **bagajo*, ср. польск. *zabagać sie* ‘захотеть, пожелать’ (ЭССЯ 1: 123–124), **bažati*, **bažajo* [ЭССЯ 1: 172–173], ср. др.-греч. φώγω ‘жарить’;

скиф. γαδει(ος) ‘пригожий, возлюбленный’ ~ праслав. **godjъ(jъ)* ‘гожий’ < и.-е. **g^had^h-* [ЭССЯ 6: 188–190, 191–192], ср. болг. простореч. *гадже* ‘подружка’ и англо-сакс. *gegada* ‘товарищ’, нем. *Gatte* ‘супруг’;

скиф. γαινας ‘откормленный, видный, красивый, щедрый’ ~ праслав. **gojъntъ* ‘откормленный, толстый, видный, красивый, величавый, богатый, щедрый’ от глаг. **gojiti* [ЭССЯ 6: 197–198];

скиф. γασθει-, γαστει(ος) ‘гость’ ~ праслав. **gostъ* ‘гость’ [ЭССЯ 7: 67–68];

скиф. γοκων звукоподражание (?) ~ праслав. диал. **gukuntъ*, **gukati*, **gakati* [ЭССЯ 6: 89];

скиф. γουδιος ‘изуродованный, отвратительный’ ~ праслав. пристав. глаг. **jъz-gyditī*, в котором **gūd-* восходит к и.-е. ***g^uōd^(h)-* [ЭССЯ 7: 220–221];

скиф. γραυκ(α) ~ праслав. **grukati* < **grouk-a-* [ЭССЯ 7: 154–155];

скиф. δαδα ‘дед, дядя’ ~ праслав. **dědo*, **dědъ*, **d'ad'a* [ЭССЯ 4: 227–228];

скиф. δαυος ‘(собако)дав; волк’ ~ праслав. **davъ* ‘давящий’ [ЭССЯ 4: 198–199];

скиф. δεβελτας (форма прич. сврш. прош. на *-tō-s* от глаг. **debel-*, производного с суф. *-l-* от и.-е. корня **d^heb-* ‘толстый, крепкий’ ~ праслав. **debelъ* [ЭССЯ 4: 200–203], **doblъ(jъ)* ‘fortis, силен’ [ЭССЯ 5: 40];

скиф. δεβρη ‘крепкая; высокая’ ~ праслав. **dobrъ* [ЭССЯ 5: 45–46];

скиф. έβρας ‘козел, самец’ ~ праслав. **jъbrъ* из и.-е. **iebro-*, **eibros* ‘козел, самец’ [Трубачев 1968: 214; Detschew 1976: 163; ЭССЯ 8: 205–206];

скиф. ζ- (ζβ-, ζγ-, ζδ-, ζμ-) ~ праслав. позиционный аллофон s-mobile перед звонкими смычными *zb-*, *zg-*, *zd-*;

скиф. ζα(ι)- ‘приставка’ ~ праслав. **za-*;

скиф. ζα(ι)ελας ‘за пиво-эль’ ~ праслав. **za* и **elъkъ* ‘терпкий напиток’ [ЭССЯ 6: 22];

скиф. ζα(ι)πυρας ‘за пыро’ ~ праслав. **za* и **pyro*;

скиф. ζαβαγας, ζαβαγιας ‘за желанного’ ~ праслав. диал. **zabagati*, **zabažajo*, ср. польск. *zabagać sie* ‘захотеть, пожелать’ [ЭССЯ 1: 123–124];

скиф. ζαβαργας ‘за стог сена, за хлеб’ ~ праслав. **za* и **borgъ*; соотносительно с глаг. **(za)bergti* [ЭССЯ 2: 202];

скиф. ζαζελμς ‘за змея’ ~ праслав. **za* + **želъmъ*;

скиф. ζαζζους ‘за живость’ ~ праслав. **za* + **žъvanъ(jъ)*, ср. влр. диал. *жвавий* и польск. *żwawy*;

- скиф. ζαραζιστας ‘заразить’ ~ праслав. **zaraziti*;
- скиф. ζενθης, ζινθης ‘род; родом’, ‘сын’, ‘рождение’, ‘род, вид’ ~ праслав. **zēťь* ‘зять’;
- скиф. ζωβεις, ζοβην ‘жаба’ или ‘зоб’ (?) ~ праслав. **zobь* ‘зоб’ или **zābā* ‘жаба’;
- скиф. θαμφλας ‘тёплый’ ~ праслав. **teplь(jь)* ‘тёплый’;
- скиф. ιστρος ‘струящий воды’ ~ лит. *Įstra, Įsra* ~ праслав. **jьstra*, -ъ, ср. русск. *Истра*, и.-е. **s(t)ros* — произв. от глаг. корня **s(e)r-* ‘течь, струиться’ [Рокотну 910–911];
- скиф. καβυλη ‘кобыля’ ~ праслав. **kobyľja*, производное от **kobyļa* ‘кобыла’ [ЭССЯ 10: 100–101];
- скиф. κασταβωκας, κοστοβωκα ~ праслав. словосложение **kosto-bokъ*, аналогично **kosobok* ‘кособокий’ [ЭССЯ 11: 148, 157–158], ср. **kosti* ‘поведать сказку’ и **kostъ* ‘кость’ [ЭССЯ 11: 167–168];
- скиф. καταρας, κατζαρας ‘спорщики’ или ‘возничи’ ~ праслав. **kotera* ‘ссора, спор’ по глаг. **koterati se* [ЭССЯ 11: 200–201] или производное от глаг. **katjati*, **kotiti* [ЭССЯ 9: 164; 11: 205–207];
- скиф. кауко-, позд. τζουκα ‘каменистая вершина’ ~ праслав. **čuka* ‘вершина’ [ЭССЯ 4: 131], ср. сербо-хорв. *čuka*, болг. *чука*, вост.-роман. **čuka* ‘вершина горы, холма’, друм. *ciúca*, аром., мегл. *čucă*, алб. *çukë* ‘вершина горы, холма’;
- скиф. κοζα, κοζας ‘коза’ ~ праслав. **koza* тж [ЭССЯ 12: 19–20];
- скиф. κοζαρας ‘козарь’ ~ праслав. **kozarь* тж [ЭССЯ 12: 21–22];
- скиф. κοζι- ‘козий’ ~ праслав. диал. ***kozibitь*, ***kozičēťь* и **kozirogь* [ЭССЯ 12: 22];
- скиф. κοζιλας ‘козёл’ ~ праслав. **kozьľь*, -а, -у тж [ЭССЯ 12: 32–33];
- скиф. κοζινηες ‘козлята’ (Κοζινηης) ~ праслав. (анто-слав.) **kozēťь*, **kozē* тж [ЭССЯ 12: 22];
- скиф. κοζιστας ‘кожистый’ (Κοζιστης) ~ вост.-слав. (?) **kožistь(jь)* ‘кожистый’;
- скиф. кола, коло ‘круг, круглое; колесо; колесница’ ~ праслав. **kola*; **kolo*, **kolese* тж [ЭССЯ 10: 141–144];
- скиф. κομινικος ‘жмот’ (?) ~ праслав. **komina* ‘виноградные выжимки’ [ЭССЯ 10: 173];
- скиф. корок(ων)-, *corac(an)-* ‘горловина’ ~ праслав. **kьrkъ* ‘шея, горло’ [ЭССЯ 13: 210–211, 218–219; Журавлев 1990 II, 52];
- скиф. котυς, -υος ‘котва, якорь’ ~ праслав. **koty*, **kotьve* тж [ЭССЯ 11: 213–214];
- скиф. κудεακας ‘чудак’? ~ слав. диал. **čudakъ*, производное с суф. *-ak-* от праслав. **čudo*, **čudese* < **keud^h-es-* [ЭССЯ 4: 128–129];
- скиф. κυτα(ιαν), *cyta* ‘плетёные земляные укрепления’ ~ раннепраслав. **kūta*, **kūtaiom* ‘плетёные земляные укрепления’, праслав. **kyta*, **kytajь* [ЭССЯ 13: 279–280];
- скиф. λακουν, *lacoun* ‘стоячая вода, озеро’ ~ праслав. **loky*, -ъve ‘лужа, водоём’ [ЭССЯ 16: 10];
- скиф. λισας, *lissus* ‘silva; лес’ ~ праслав. **lěsь* ‘лес’ [ЭССЯ 14: 249–252];
- скиф. μαλδα ‘молодой’ ~ праслав. **moldь* тж [ЭССЯ 19: 174–179];

скиф. μαμια, μαμιας ‘матушка, кормилица’ ~ **tata* термин родства [ЭССЯ 17: 183–185];

скиф. μανης, μανιας, μανις ‘наваждение или дух умершего’ ~ праслав. **tana*, **tanь*, **tanь*, **tanьja* [ЭССЯ 17: 195–196; 201–203], ср. (совместные инновации) лат. *tānes* ‘души умерших’, *tāniae* ‘призраки мертвых, страшные приведения’;

скиф. μες (πλη) ‘месяц полный, полнолуние’, μησακας ~ праслав. **měs-ěsь* ‘месяц’ [ЭССЯ 18: 191–194] и **rylnь* ‘полный’;

скиф. μυσας, μουσαιας ‘мох, плесень’ (Μυσοι, Μοισοι, Μουσαϊος, Μουσέος) ~ лит. *mūsos*, *mūsaī* ‘плесень’ ~ праслав. **mьxь*, антск. **michьlь* [ЭССЯ 20: 177–178, 216–218], ср. и.-е. **meus-*, *musós* ‘влага, сырость’ [Pokorný 742];

скиф. νανα, νανεις, νανω, *nana* ‘няня, мама, тётя, бабушка’ ~ праслав. **nana* [ЭССЯ 22: 196–198];

скиф. ναπαρις ‘напор воды’ ~ праслав. **naporь* ‘напор’ [ЭССЯ 22: 225];

скиф. νευρα(ς) ‘вода’ ~ праслав. **nora* [ЭССЯ 25: 184–185] и **nyra*, **nyrь*, **nyrьkь* [ЭССЯ 26: 63–64, 65], ср. польск. *niura* (HW), *nur-* / *nyr-* ‘нора, яма’ [Rymut 1987: 167]

скиф. νιβλοβωρας ‘берущий, несущий (облака?)’ ~ праслав. **nebo*, **nebesе* [ЭССЯ 24: 101–104] и **borь* по глаг. **byrati*, ср. рус. *крахобор*, *Медоборы*;

скиф. ὄδα ‘вода’ ~ праслав. **voda* ‘вода’;

скиф. ὀιор ‘муж; вира’ ~ праслав. **vira*, ср. др.-русск. *вира*;

скиф. ὀρυοκας ‘отверженный’ ~ праслав. **vorgь* ‘изгнанный, отверженный’;

скиф. ορδ(η) ‘род, родоплеменная группа’ ~ праслав. **ordь* ‘род’ [ЭССЯ 32: 159–161];

скиф. οστα, οστου, οστι ‘устье’ ~ праслав. **ustьje* ‘устье’;

скиф. παλας ‘отец?’ ~ термин родства детской речи **papa*;

скиф. πατας ‘бить, избивать’ ~ дослав. **pat-* ‘бить, избивать’, ср. болг. диал. *паткам* ‘издавать шум’ [БЕР V, 95];

скиф. πειθε- (βειθε-?) ‘повиноваться’ ~ праслав. **běditi*, **u-bědjati*, рус. *убедить*, *убеждать* [ЭССЯ 2: 54–57], ср. др.-греч. πείθω, πείθομαι, πείσω, πείσομαι ‘убеждать, уговаривать, упрашивать, склонять, убеждаться, быть убеждаемым, повиноваться, слушаться, следовать, верить, доверять, полагаться’ и лат. *fido*, *fidus sum*, *fidere* ‘верить, доверять, полагаться’;

скиф. πικ(ας) ‘татуированный или пёстрый’ ~ праслав. **pisati*, **pyсь*, **pyсьсь*, **pyсьtrь*;

скиф. πο- преф. ‘по’ ~ праслав. **po-*;

скиф. πολεу(ων) ‘военное ополчение, войско, полк, толпа, народ’ ~ праслав. **rylkь* ‘толпа, народ, народное ополчение’, ср. алб. *plogu* ‘толпа’;

скиф. πολτυν ‘частокол’ ~ праслав. **plytнь(jь)* ‘плотный’ или **poltno*, производное с суф. *-no* от основы **polt-*, восходящей к и.-е. **pelt-*: **polt-*: **plot-* ‘ткань’;

скиф. πολας ‘статуя, идол’ ~ рус. оборот *поставить на попа*, т. е. вертикально;

скиф. πορας, *poris*, *porites* ‘напор воды’ ~ праслав. **porь* ‘напор, проход, брод’, ср. **perti*, **pyrь*;

скиф. ποσιδιμα ‘у седловины, седла’ ~ праслав. **posidimь(jь)* по глаг. **posiděti*, **posidjь*, ср. суф. *-imь(jь)*, *-ima(ja)*, *-imo(je)*, образующий отглаг. прилаг.: **sadimь*, **stavimь*, **(ne)(do)stižimь*, **(ne)vědimь*, **(ne)vidimь*, **(ne)verdimь* и мн. др.;

скиф. ποστύγια ‘по стезе, по торному пути’ ~ праслав. **po + *stьz’a* ‘стезя, следы животных и человека, протоптанные тропы и пути’, глаг. **postьgnoti*;

скиф. рокоβα ‘роковая’ ~ праслав. диал. **rokoba*, производ. с суф. *-oba* от **rokь*, ср. *жадоба, жалоба, злоба*;

скиф. ρουβουστα ‘?’ ~ праслав. *-osta*;

скиф. ρουκ(κ)ονιαν ‘?’ ~ праслав. **rykunь?*;

скиф. ρουκουστα ‘?’ ~ праслав. **rykosta* ?;

скиф. σαλινα ‘солонная (вода)’ ~ праслав. **solnь*, ср. русск. *солонна*;

скиф. σαυιας, *Olbia Savia* ‘левый’, ‘левобережный’, ‘левша’ ~ праслав. **šujь*, **šuja* ‘левый’, ср. русск. *ууй, Шуя*;

скиф. σει, *si* ~ др.-новг. *сѣ-* в составе антропонимов *Сѣбѣдь*; *Сѣземь*, *Сюземь*; *Сѣнѣзь*; *Сѣславь* [Васильев 2012: 88–89, 101, 326, 562, 614, 673, 730]; *Сѣстрань* с глаг. основой *сѣ-*, не получившей однозначной интерпретации; мне импонирует архаичная модель производящей именной основы с первым глагольным компонентом **sě-*, однокоренным **sěнь* на базе словосочетания **sěti, *sějь slavь* с первичным значением «да будет под сенью славы», вероятно, однокоренным глаг. **sьjati*; на худой конец, перед нами глаг. **sějati* ‘сеять’ (зд. «сей славу»);

скиф. σεκυρα, *sagara* ‘секира’ ~ праслав. **sekyra*;

скиф. σευθας, *seuthes* (?) ~ праслав. **šutь* ‘шут’;

скиф. σηστας ~ др.-прус. *Sestin, Seestin* ~ праслав. **(na)sěstь* ‘перекладина, жердочка для ночлега кур’, ‘скамейка-перекладина в лодке’;

скиф. σιδιμα ‘седловина’ ~ праслав. диал. производное с суф. *-ima* от **sěděti*;

скиф. σισας, *sises, sissa* ‘шишка’? ~ праслав. **šišь* ‘шишка’ (?);

скиф. σκεν-, *kiv-* ‘щенков’ ~ праслав. **ščene*, **ščeneŋe* ‘щенок’;

скиф. σκυλ(ης) ‘согбенный, склоненный, хилый’ ~ ранне-праслав. **skūl-* < **skyl-*, поздне-праслав. **xulь* ‘согбенный, согнутый, хилый’ [ЭССЯ 8: 156–157];

скиф. σμωρδο ‘смрад’ ~ праслав. **smordь* ‘запах, вонь, смрад’;

скиф. σπινθας, σπινθων ‘распятый’ (антропоним Σπινθων) ~ праслав. **pęть*, по глаг. **pьno*, **pęti* ‘распять’?

скиф. σταους ‘стан’ ~ праслав. *za-stava* ‘застава’;

скиф. στίγια ‘стезя, торный путь’ ~ праслав. **stьz’a* ‘стезя, следы животных и человека, протоптанные тропы и пути’, ср. др.-рус. *стѣзѣ*;

скиф. στρουνιας ‘подтянутый, стройный’ ~ праслав. диал. суш. **struna* по глаг. **strojiti*?

скиф. ταεις ‘тайный, затеваха (?)’ ~ праслав. **tajiti*, **těvati* ‘затаиться, затевать’;

скиф. ταξε / θαξης ‘(камне)тёс’, ‘слагающий текст’ ~ праслав. **tesь* по глаг. **tesati* ‘тесать’;

скиф. ταρυτα(υ)ας ‘терзающий сильных’ ~ праслав. **tьrzati, -ajь* ‘терзать, терзаю; разрывать’, **tьrgnoti* ‘отторгнуть, разорвать’;

скиф. ταρσας, ταρσους ‘труха’ ~ праслав. **tьrsa* ‘труха’;

скиф. *ταρων*, *τορωνα* ‘торное (место), водоток?’ ~ праслав. **torъ* ‘проторенное (место); течение воды’, ср. польск. *Toruń*;

скиф. *τατια*, *ταττιαν*, *τατυς*, *-υος* термин родства ~ праслав. **tata*, **t'at'a* термин родства;

скиф. *τετ(τ)ευος*, *tetes* термин родства ~ праслав. **t'atevo* от **t'at'a* термин родства;

скиф. *τοκας*, *τοκων* ‘ток, течение’ ~ праслав. **tokъ* по глаг. **tekti*, **teko* ‘течь, теку’;

скиф. *ιγαν* ‘иго, ярмо’ ~ праслав. **jъgo* тж [ЭССЯ 8: 206–208];

Эта сотня цельнолексемных соответствий скифского и праславянского языков весьма красноречиво свидетельствует в пользу их достаточно близкого языкового родства.

Имея перед глазами корпус скифо-балто-славянских изоглосс, можно сделать несколько замечаний относительно фонетики скифской языковой системы.

К сожалению, приходится отказаться от попыток отождествления скифской и др.-греч. просодии, поэтому скифские формы приводятся вообще без ударений, практически так, как они выглядят и в передаче греческим унциалом. О возможном наличии силового ударения могут свидетельствовать явления редукции безударных слогов.

Густое придыхание над гласным анлаутом отражает наличие в скифском протетических *j-* и *v-*, аналогичных праславянским.

Др.-греч. буква *υ* «ипсилон» передаёт не столько [u] (чаще долгий [ū]), сколько [iu], [ʼu] и особый [œ] < и.-е. [oi] с сопутствующей нередко палатализацией предшествующих дентальных *t'u-* > *čy-*.

Среди согласных обращают на себя внимание фрикативные *f*, *θ*, *χ*, очевидно, восходящие к и.-е. *p^[h]*, *t^[h]*, *k^[h]* по соседству с *i*, *u*, *k*, *r* (пресловутое правило «*ruki*»).

фрикативный или аффриката *θ* (ср. греч. *Σκύθαι* и клинопис. *Iškuzu*) продолжает глухой придыхательный (**θ* < **t^h*), этот звук появился по правилу «*ruki*» (**θ* < **t*) после *v* < *oi*. Единственный пример, когда *θ* вероятно передает **d^h* (πειθης) является результатом др.-греч. графического переоформления под влиянием греч. глаг. *πειθω* скиф. сущ. *βειδης*, аналога праслав. сущ. **bēda* и глаг. **bēditi*.

Так как звонкая аффриката типа [dz] регулярно передается в языковых реликтах греч. графикой как *ζ*, *τζ*, то я склоняюсь к мысли, что иногда скиф. *θ* передает глухую аффрикату типа [ts], о чем свидетельствуют уже клинописная передача *Iškuzu* [ʼiskutsu] и ущербная консонантная передача *אשכנז* [ʼaškenaz] вместо правильного *אשכזז* [ʼeškūz] (в результате неверного прочтения испорченной буквы «вав» в тексте протографа).

Заметная морфологическая особенность скиф. именного образования: сохранность полного комплекта древних окончаний *-ας*, *-ης* (м. р.), *-αν* (ср. р.) и *-ω*, *-ᾶ*, *-η* (ж. р.)

Употребительный скиф. суф. *-ων* соответствует как праслав. суф. деятеля *-итъ*, так и причастному суф. *-апъ*.

Скиф. суф. собирательной множественности *-ωνες*, *-ηνες* точно соответствует праслав. *-ане*, *-ēне*.

В результате целено-лексемного сопоставления скифских и праславянских основ приходим к неизбежному умозаключению об очень близком языковом родстве скифского и праславянского языков, явно не ареальной, а генетической природы.

Тем не менее, вышеперечисленные туземные языковые реликты не могли быть оставлены в Скифии (а также и на Скифском п-ове) ни диалектами прабалтийского языка, ни диалектами праславянского языка, так как они зародились в других ареалах: в Полесье (прабалтийский) и в Трансильвании (праславянский) соответственно. Наиболее вероятная атрибуция этих языковых реликтов — скифская [Шапошников 2006: 44–46; Он же 2008: 187–192; Он же 2012: 252–308; Он же 2014: 358–364]. Это — наследие собственно скифского языка, который оказывается в ближайшем языковом родстве с прабалтийским и праславянским, более того, он восходит к общему для них праязыковому архетипу, который локализуется в Финеидах (юго-восточном фракийском ареале) второй половины II тыс. до н. э. — первой трети I тыс. до н. э. [Шапошников 2012b: 546–552].

Редкие архаичные вост.-балт. топонимы иногда встречаются в бассейнах рек Орель, Ворскла, Псёл, Сулла и Десна. Но балтийские гидронимы и топонимы преобладают в бассейне Верхнего Днепра [Топоров, Трубачёв 1962: 236; Трубачёв 1968: 282–284, карты № 15, 16, 18]. Высокая концентрация «типичных» топонимов определенной языковой атрибуции в конкретном ареале указывает на то, что этот ареал является периферийным для данного языка, инновационный эпицентр которого находился где-то в другом месте, но составлял с периферией единый ареал [Трубачёв 2003: 250].

Этноним будины (лит. *Budiniškai*) из контекста Βουδῖνοι, ἔθνος Σκυθικόν, παρὰ τὸ δινεύειν ἐπάνω ἀμαξῶν ὑπὸ βοῶν ἐλκομένων· ἀμαξόβιοι γὰρ οἱ Σκύθαι. Παρμένων ὁ Βυζάντιος ἐν ἰάμβων πρώτῳ (St. Byz.: Parmeno I; Hdt IV, 21, 22, 102, 105, 108, 109, 119, 120, 122, 123, 136) есть производное с сингулятивным суф. *-in-* [Kniukšta 1971] от аналога и.-е. корня **b^heud^h- / b^houd^h- / b^hund^h-* ‘быть бодрым, бодрствовать’, ‘пробуждаться’, ‘бдеть’ (такое словообразование возможно как для скифского, так и для балтийских языков).

Вопреки традиционной эллинской интерпретации, топоним **Gelonos* может иметь балтийскую этимологию ‘сделанный из дуба’: этноним предка группы племен Γελωνός, Γελωνόν, Γελον, Γελωνῶν, Γελωνοί, Γελουιον, топоним города из дерева οὐνομα δὲ τῇ πόλι ἐστὶ Γελωνός (Hdt. IV, 10, 102, 108, 109, 120, 136; Plin.), *Gelunion* (Mela), сопоставимы с фрак. топонимом Γελουπαρα [Detschew 1976: 101]. Предпочтительнее толковать антропоним на основе лит. *geluō, geluonis* ‘колючка, острый шип, жало’, продолжения и.-е. диал. **g^uel-* ‘колоть, жалить’, **g^uel-ōn-* ‘дротик (оружие), колющее’ [Рокорну 1951: 470–471]. Этимология топонима (город, построенный из дерева) более убедительна на базе и.-е. **g^uel-*, **g^ul-*, **g^ulā-* ‘дуб’ [Рокорну 1951: 472]. Однако поселение могло быть названо и в память об основателе, каком-то Гелоне.

Этноним *Σαυρομάται, Σαυρομάτης, Συρμάται, Sauromatae, Sauromata* особенно близок территориально к ареалу вост.-балт. этнических групп (между реками Северский Донец и Дон). Он был скоропалительно атрибутирован вост.-иран. языкам.

Но гораздо вероятнее, что мы в данном случае имеем некое производное от аналога лит. *šiaurė* ‘север, полярный круг’, *šiaūras, šiaūras* ‘холодный, северный, суровый’, *šiaurės vėjas* ‘северный ветер’, *šiaurūs, pašiaūris* ‘субарктическая зона’, *šiūras* ‘холодный, северный’, *šiūrūs* ‘резкий, студёный’ [Fraenkel 1962: 978], ср. лат. *caurus* ‘сев.-вост. ветер’, праслав. **sěverь* ‘север’. Вторая часть словообразования *-mat-* может быть угорского происхождения (ср. др.-венг. этноним *Kuturgermatu*, эрзя ойконим *Арзамас*). Гидроним Северский Донец, невзирая на его поздний малороссийский облик, сохраняет важный вост.-слав. этноним *сѣверь*, праслав. **sěverь* ‘север’ [Шапошников 2012а: 292]. ср. фонетические изменения в *сѣверь* < **čävr-*, тиверьци — **tivr-*.

Гидроним *Толотый* восходит через ступень **teltyjь* к причастию **tylty(jь)*, сопоставимому с лит. сущ. *tiltas* ‘мост’ [Трубачёв 1993: 17]. Примечательно, что данная основа не удержалась иначе в праслав. апеллятивном словнике. Поэтому, было бы лучше говорить о вост.-слав. адаптации субстратного балтийского гидронима.

Гидроним *Върьскла, Ворьсколь, Ворскола, Ворскл, Ворскло, Worsklo, Vorszkola* (XVI–XVIII вв.) толкуется как двусложный с др.-мордов. *vur-* (совр. *vír*) ‘лес’ в составе [Топоров, Трубачёв 1962: 223–224; Трубачёв 1968: 138]. Ср. словообразование других гидронимов *Haiscul, Haiscul R.* (Santini 1777) и *Оскол, Оскал, Оскул, Вьсколь, Аскол* [Отин 2011: 233, 686]. Все они могут оказаться савроматского происхождения.

Топонимы, образованные от древних этнонимов с корнями **neur-* и **sel-*, имеющие балт. продолжения, специально рассматривались в публикации В. Н. Топорова [Топоров 2006].

Удивительное явление — исключительные болгарско-балтийские цельно-лексемные изоглоссы, которые, возможно, суть общее наследие того исторического периода, когда антские племена селились в местностях, прежде населённых будинами и обитателями города Гелона. Позднее часть антских племен, известных под собирательным именем *българе* (болгары) оставили Полтавскую область и переместились в Малую Скифию за Дунай. К слову, этот этноним сам по себе является примером подобного балтийскому словообразованию с суф. *-or-* ~ праслав. *-arь* [Непокупный 2003: 14–29; Он же 2006: 269–281].

Какая этническая группа оставила древние этнонимы и топонимы балтийского языкового типа в речном бассейне Ворсклы? Ответ напрашивается сам собой.

Насколько мы знаем, Гелон (*Gelonus, Γελωνός*) — самый большой город гиперборейцев в стране народа будинов (*Βουδῖνοι, Budini*) VII–III вв. до н. э. Как повествует Геродот (Hdt. Melpomene § 108), деревянный город под именем Гелон был в земле будинов, большого и многочисленного племени. Все будины имели светло-голубые глаза и рыжие волосы. Каждая сторона городской стены имела длину в 30 стадий (5,61 км). Городская стена была высокая и вся сделанная из дерева. Дома и святилища были также построены из дерева. Там были святилища эллинских богов с изваяниями, алтарями и деревянными храмами, выстроенными в эллинском стиле. Будины праздновали торжество в честь Диониса каждые три года и предавались вакхическому иступлению. Обитатели Гелона были сами некогда

эллинами. Они поселились среди будинов после изгнания из своих торговых поселений. Жители Гелона говорили частично на скифском языке, а частично — на эллинском. Будины имели свой собственный язык, отличный от языка гелонцев. Образ жизни будинов также был другой.

Археологи обнаружили этот город Гелон у слияния двух рек: Ворсклы и Сухой Груни (близь Полтавы) [Блаватский 1969: 33]. Это Бельское городище имеет общую площадь 4020,6 гектаров и протяженность укреплений (рвов и валов) 25200 м. Высота валов достигает местами 7,5–9 м, а глубина рвов достигает 5,5 м. Это была поистине мощная крепость, укрепленная рвами, валами и деревянными стенами. Она включала три крепости: Западное городище (72 гектара), Восточное городище (65,2 гектара), городок Куземинский (15,4 гектара), и еще не менее 9 больших внутренних поселений жилой и хозяйственной застройки.

Западное городище возникло в VII в. до н. э. Жилищами здесь служили большие подквадратные землянки (площадью около 50 м²), вкопанные в грунт на 0,6–1 м от поверхности. Археологи обнаружили много выбеленных белой глиной платформ округлой формы со скелетами и черепами принесенных в жертву животных и глиняными сосудами на них, а также жертвенники в виде выкопанных ям, в которых были найдены скелеты, черепа, отдельные кучки костей жертвенных животных, а изредка даже скелеты людей (!). Кроме того, обнаружено много жертвенных пепелищ.

Восточное городище появилось около 600 г. до н. э. Эта крепость имела иной дизайн укреплений. Деревянные подквадратные дома были площадью около 40 м². Землянки меньшего размера (площадью 9–20 м²) встречаются нередко на Восточном городище. Ритуальные зольники не обнаружены вообще. Керамика на Восточном городище значительно отличается от керамики Западного городища.

Около 40–50 тыс. жителей обитало во внутренних крепостях и других населённых кварталах великого города. Повсюду обнаружены руины ремесленных мастерских различных производств. Бельское городище было значительным ремесленным и торговым центром своего времени [Петренко 1989: 44, 46, 47, 48, 74–76, 80].

Было также обнаружено большое святилище, где археологи нашли алтари и большое количество глиняных вотивных скульптур, относящихся к культу плодородия. Найдены многочисленные вотивные глиняные изваяния быка, козла, рыси, бобра, лося, жертвенного ягнёнка, змей, птиц, крылатого коня, крылатого пса, птицы с головой человека, круглые и лунообразные печенья, небольшие горшочки, супницы, ковшики, букрании, дубинки, молоточки, копья, крестики, колёсики, кинжалы, ложки, ступки и пестики, чашки, изображение ига, дышла, плуга и т. д. [Шрамко 1983: 334–335; Он же 1985: 3–39].

Могилы насыпались над одиночными погребениями, количеством около 1000 в загородных местностях Скоробор и Осняга и около 200 в могильнике Мачухинский.

Наиболее вероятные области расселения нескольких восточно-балтийских племён соответствуют ареалам Ворсклинской, Северо-Донецкой и Посульской,

Юхновской и Воронежской локальных групп скифоподобных археологических культур, особенно — область будинов (Посульско-Северо-Донецкая археологические культуры) и в городе Гелон (с VII в. до н. э. в бассейне Ворсклы и Сухой Груни, Полтава) [Петренко 1989: 44, 46, 47, 48, 74–76, 80].

К сожалению, ошибочное мнение о вост.-иранской древне-осетинской природе этой культуры преобладало в историографии советского периода без какого-либо доказательства и верификации [Шрамко 1983: 334–335; Он же 1985: 3–39; Он же 1987]. Прабалтийские этнические группы оставили не только вышеперечисленные археологические культуры, но также некоторые другие земледельческие культуры лесостепной зоны: киевскую (меланхлены), восточно-подольскую (андрофаги) и западно-подольскую (невры). Академик Б. А. Рыбаков поспешно объявил все эти культуры праславянским наследием [Рыбаков 1979].

Ареалы Юхновской, Милоградской, Днепро-Двинской, Дьяконовской и Городецкой археологических культур VII–III вв. до н. э., вероятно, также являются наследием прабалтийско-финно-угорского племенного синоикизма. Это объясняет наличие балтийских топонимов и гидронимов в очерченном регионе. Это — область периферии прабалтийского языкового ареала. См. многочисленные публикации В. Н. Топорова и т. п. [Топоров 1992: 225–240].

Будины и граждане города Гелона были вытеснены к северу от своей первичной территории нашествием савроматов (волго-финно-угорских племён) в первой четверти III в. до н. э. А затем, в последней четверти II в. до н. э., их прежние коренные земли были захвачены сармато-туранскими племенами (вост.-иран. происхождения) из Закавказья.

Таким образом, мы приходим к умозаключению, что прабалтийский (гелонский), праславянский (агафирский) и скифский языки (праязыки) были близкородственными и гомогенными, происходили от предкового вида языка финейдов из провинций Европа и Гемимонт (Румелия). В классической древности скифогворящие и балто-говорящие народы жили веками по соседству в степной и лесостепной зонах соответственно, к северу от Чёрного моря. Самый важный и развитый центр прабалтийской этно-культурной и языковой общности был великий город Гелон на р. Ворскла (VII–III вв. до н. э.). Балто-говорящие племена были вытеснены со своих земель савроматами (волго-финно-угорскими племенами) и другими центральноазиатскими пришельцами (аланами и яссами) в III–II вв. до н. э. Прабалтийские беженцы нашли пристанище в густых лесах Русской равнины, где их топонимическое наследие всё ещё заметно.

Список литературы

Detschew 1976 — *Detschew D.* Die Thrakischen Sprachreste. 2 Auflage mit Bibliographie 1955–1974. Von Živka Velkova. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1976.

Fraenkel 1962 — *Frankel E.* Litauisches etymologisches Wörterbuch, Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag — Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1962.

Kniukšta — *Kniukšta P.* Имена прилагательные с суффиксом *-inis* и их грамматические синонимы в современном литовском языке. PhD diss. Vilnius, 1971.

Pokorny — *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, Bern, 1951.

Shaposhnikov 2019 — *Shaposhnikov A. K.* Whole-lexeme correspondences are the indicators of the degree of linguistic affinity. On the example of the Scytho-Balto-Slavic group of I.-E. family. // *Słowiańszczyzna dawniej i dziś — język, literatura, kultura.* Wrocław, 2019. S. 232–248.

Блаватский 1969 — *Блаватский В. Д.* О северной окраине Скифии Геродота. // *Древности Восточной Европы.* Москва: Наука, 1969. 29–33.

Непокупний 2003 — *Непокупний А. П.* Балти та південні слов'яни в їхніх лексико-словотвірних зв'язках: назви лісів і чагарників на *-or/-arь* // *Мовознавство* 2003 № 2–3. С. 14–29.

Непокупний 2006 — *Непокупний А. П.* Балто-слов'янський суфікс збірності *-or/-arь* // *Acta Balto-Slavica XXX* (2006). С. 269–281.

Отин — *Отин Е. С.* Гидронимия Дона: монография в 2-х т. Том 1: Верхний и Средний Дон. 2011. 575 с. Том 2: Нижний Дон. 2012. 792 с. Донецк: Юго-Восток.

Петренко 1989 — *Петренко В. Г.* Локальные группы скифообразной культуры лесостепи Восточной Европы (Ворсклинская группа) // *Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время.* Москва: Наука, 1989. С. 44, 46, 47, 48, 74–76, 80.

Рыбаков 1979 — *Рыбаков Б. А.* Геродотова Скифия. Москва: Наука, 1979.

Топоров 1992 — *Топоров В. Н.* О балтийской гидронимии Верхнего Поочья // *Linguistica Baltica* 1992. № 1. С. 225–240.

Топоров, Трубачёв 1962 — *Топоров В. Н., Трубачёв О. Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. Москва: Изд-во АН СССР, 1962; Приложение (Карты 1–13).

Трубачёв 1968 — *Трубачёв О. Н.* Названия рек Правобережной Украины. Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация. Москва: Наука, 1968.

Трубачёв 1993 — *Трубачёв О. Н.* Славянские тетради. Академик О. Н. Трубачёв. К истокам Руси (наблюдения лингвиста). Москва: Международный фонд славянской письменности и культуры, 1993.

Шапошников 2006a — *Шапошников А. К.* Неиндоиранское в скифском // *Международная конференция Северное Причерноморье: к истокам славянской культуры.* IV Чтения памяти академика О. Н. Трубачёва. Алушка — Херсонес, 22–26 сентября 2006 г. Киев — Москва, 2006. С. 44–46.

Шапошников 2006b — *Шапошников А. К.* Неиндоиранское в скифском // *Київська старовина.* № 6 (372). С. 49–72.

Шапошников 2008 — *Шапошников А. К.* Этимология языковых реликтов фракийского вида в Северном Причерноморье // *Международная конференция «Северное Причерноморье: к истокам славянской культуры»* (V Чтения памяти академика О. Н. Трубачёва), Алушка, 25–30 сентября 2008 г. Материалы конференции. Киев; Москва, 2008. С. 187–192.

Шапошников 2012а — *Шапошников А. К.* Языковые реликты фракийского облика в Северном Причерноморье // *Этимология / Отв. ред. Ж. Ж. Варбот; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. Москва: ИРЯ РАН 1963–. 2009–2011. — Москва: Пробел–2000. С. 252–308.*

Шапошников 2012б — *Шапошников А. К.* Финейды и восточно-индоевропейское языковое состояние // *Езикът и културата в съвременния свят. Материали от Международната научна конференция, проведена в Университет «Проф. Д-р Асен Златаров» — Бургас на 22 и 23 юни 2012 г. Велико Търново: ИК «Знак’ 94», 2012. С. 546–552.*

Шапошников 2014 — *Шапошников А. К.* Слав. *вдзрь* ~ лит. *vingris (upės)* ~ скиф. *ῥγρις* — гидронимическая изоглосса исключительной важности // 19. Slovenská Onomastická Konferencia. Bratislava 28. — 30. apríla 2014. Bratislava: Veda, 2015. С. 358–364.

Шрамко 1983 — *Шрамко Б. А.* Новые находки в городе Гелоне // *АО — 1981. Москва, 1983. С. 334–335.*

Шрамко 1985 — *Шрамко Б. А.* Культовые скульптуры Гелона // *Археологические памятники Юго-Восточной Европы (железный век и эпоха средневековья): Межвузовский сборник научных трудов. Курск: Курский госпединститут, 1985. С. 3–39.*

Шрамко 1987 — *Шрамко Б. А.* Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев: Наукова думка, 1987.

Аббревиатуры

АО = Археологические Открытия.

Hdt. = Herodotus hist. Hude, C., Oxford (Oxford Classical Texts) 1908 / 1970–1972 /, 2 vols.

CIRB = Corpus Inscriptionum Regni Bosporani. Ред. В. В. Струве. Л., 1965.

St. Byz. = Stephanus Byzantius.

Alexander K. Shaposhnikov

V. V. Vinogradov Institute of Russian Language

(Moscow, Russia)

etymol@mail.ru

SCYTHIANS & BALTS — NEIGHBOURS OR RELATIVES? THE LAND OF THE BUDINI AS AN INTERMEDIATE HOMELAND OF A COMMON BALTIC ETHNOS

In this article the author argues that Scythian and Common Baltic languages were cognate and homogenous. Fifty obvious isoglosses closely connect Scythian language antiquities to the Baltic and Slavic languages. There are 3 hundred more exclusive Scythian — Baltic and

Scythian — Slavic isoglosses. One of Baltic tribes was called Budini. Their tribal economic and religious center was called Gelonus (VII–III centuries BC).

Keywords: river name, place name, proper name, etymology, comparative method, isogloss, lexicon, relics of Scythian language.

References

Blavatsky V. D. *O severnoy okraine Skifii Gerodota* [Of the northernmost outskirts of Herodotus' Scythia] // *Drevnosti Vostochnoy Evropy* [Eastern European Antiquities]. Moscow: Nauka Publ., 1969. 29–33.

Detschew D. *Die Thrakischen Sprachreste* [Thracian Language Relics]. 2nd edition with bibliography 1955–1974. By Živka Velkova. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1976.

Fraenkel E. *Litauisches etymologisches Wörterbuch* [Lithuanian Etymological Dictionary]. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag; Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1962.

Kniukšta P. *Imena prilagatelnje s suffiksom -inis i ikh grammaticheskie synonymy v sovremennom litovskom yazyke* [Adjectives with the suffix *-inis* and their grammatical synonyms in modern Lithuanian]. PhD diss. Vilnius, 1971.

Nepokupny A. P. *Balty ta pivdenni slov'any v ikhnikh leksyko-slovotvirnykh zv'azkakh: nazvy lisiv i chagarnykv na -or-/ar-* [Balts and southern Slavs in their lexical-word-forming connections: names of forests and shrubs in *-or-/ar-*] // *Movoznavstvo* [Linguistics] 2003 № 2–3. P. 14–29.

Nepokupny A. P. *Balto-slov'ans'ky sufiks zbirnosti -or-/ar-* [Balto-Slavic collective suffix *-or-/ar-*] // *Acta Balto-Slavica* XXX (2006). P. 269–281.

Otin E. S. *Hydronymia Dona* [Hydronymy of the Don River]: monograph in 2 vols. Vol. 1: Upper and Middle Don. 2011. 575 p. Vol. 2: Lower Don. 2012. 792 p. Donetsk: Yugo-Vostok Publ.

Petrenko V. G. *Lokalnye gruppy skifoobraznoy kultury lesostepi Vostochnoy Evropy (Vorsklinskaya gruppa)* [Local groups of the Scythian-like culture of the forest-steppe of Eastern Europe (Vorskla group)] // *Archeologia SSSR. Stepi evropeyskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoye vremia* [Archeology of the USSR. The steppes of the European part of the USSR in the Scythian-Sarmatian time]. Moscow: Nauka, 1989: 44, 46, 47, 48, 74–76, 80.

Pokorny J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch* [Indo-European Etymological Dictionary]. Bern, München: Francke, 1959.

Rybakov B. A. *Gerodotova Scythia* [Herodotus's Scythia]. Moscow: Nauka Publ., 1979.

Shaposhnikov A. K. *Neindoiranskoye v skifskom* [Non-Indo-Iranian in Scythian] // *Mezhdunarodnaya konferencia Severnoye Prichernomor'ye: k istokam slavijskoy kultury*. [International Conference of the Northern Black Sea Region: Towards the Origins of Slavic Culture]. IV Readings in memory of Academician O. N. Trubachev. Alupka — Chersonesos September 22–26, 2006 Kiev — Moscow, 2006. p. 44–46.

Shaposhnikov A. K. *Neindoiranskoye v skifskom* [Non-Indo-Iranian in Scythian] // *Kyivs'ka starovyna* [Antiquities of Kiev]. 2006. №6 (372): 49–72.

Shaposhnikov A. K. *Etymologia yazykovykh reliktoiv thrakiyskogo vida v Severnom Prichernomor'ye* [Etymology of language relics appearing to be Thracian in the Northern Black Sea region] // International conference *Severnoye Prichernomor'ye: k istokam slavianskoy kultury* [Northern Black Sea region: to the origins of Slavic culture] (V Readings in memory of Academician O. N. Trubachev), Alupka, September 25–30, 2008 Materials of the conference. Kiev; Moscow, 2008. P. 187–192.

Shaposhnikov A. K. *Yazykovye relicty thrakiyskogo oblika v Severnom Prichernomor'ye* [Language relics appearing to be Thracian in the Northern Black Sea region] // *Etimologiya* [Etymology] / Exec. ed. Zh. Zh. Varbot; Vinogradov Russian Language Institute RAS. Moscow: Probel–2000 Publ., 2012. P. 252–308.

Shaposhnikov A. K. *Phineidy i vostochno-indoeuropeyskoye yazykovoye sostoyanie* [The Phineids and the East Indo-European Linguistic State] // *Ezikat i kulturata v savremennia sviat* [Language and Culture in the Modern World]. Proceedings of the International Scientific Conference held at the University “Prof. Dr. Asen Zlatarov”. Burgas on June 22 and 23, 2012. Veliko Tarnovo: Znak' 94 Publishing House, 2012. P. 546–552.

Shaposhnikov A. K. *Slav. ВЛГРЬ ~ Lit. vingris (upės) ~ Skif. ὕγρις gidronimicheskaya izoglossa isklyuchitel'noi vazhnosti* [Slavic ВЛГРЬ ~ Lithuanian vingris (upės) ~ Scythian ὕγρις — a hydronymic isogloss of exceptional importance] // *19. Slovenská Onomastická Konferencia* [19th Slovenian Onomastic Conference]. Bratislava, 2014. P. 358–364.

Shaposhnikov A. K. *Whole-lexeme correspondences are the indicators of the degree of linguistic affinity. On the example of the Scytho-Balto-Slavic group of I.-E. family* // *Słowiańszczyzna dawniej i dziś — język, literatura, kultura* [Slavic World in Past and Present — Language, Literature, Culture]. Wrocław, 2019. s. 232–248.

Shramko B. A. *Novyie nakhodki v gorode Gelone* [New findings in the city of Gelon] // AO — 1981. Moscow, 1983. 334–335.

Shramko B. A. *Kultovyye skulptury Gelona* [Cult sculptures of Gelon] // *Arkheologicheskie pamiatniki Yugo-Vostochnoy Europy (zheleznyi vek i epokha srednevekovia)* [Archaeological sites of South-Eastern Europe (the Iron Age and the Middle Ages)]: Interuniversity collection of research papers. Kursk: Publication of Kursk State Pedagogical Institute, 1985. P. 3–39.

Shramko B. A. *Belskoye gorodische skifskoy epokhi (gorod Gelon)* [The Belskoe settlement of the Scythian era (the city of Gelon)]. Kiev: Naukova Dumka Publ., 1987.

Toporov V. N. *O baltiyskoy hydronymii Verkhnego Poochia* [On the Baltic hydronymy of the Upper Oka area] // *Linguistica Baltica* [Baltic Linguistics]. 1992. №1. P. 225–240.

Toporov V. N., Trubachev O. N. *Linguisticheskiy analys hydronymov Verkhnego Podneprov'ia* [Linguistic analysis of hydronyms of the Upper Dnieper region]. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1962; Appendix (Maps 1–13).

Trubachev O. N. *Nazvania rek Pravoberezhnoy Ukrainy. Slovoobrazovane. Etymologia. Ethnicheskaya interpretacia* [Names of the rivers of the Right-Bank Ukraine. Word formation. Etymology. Ethnic interpretation]. Moscow: Nauka Publ., 1968.

Trubachev O.N. *Slavianskie tetradi. K istokam Rusi (nabliudenia linguista)* [Slavic Notebooks. To the origins of Russia (observations of a linguist)]. Moscow: International Foundation for Slavic Writing and Culture, 1993.

Abbreviations

AO = *Arkheologicheskie Otkrytia* [Archaeological Discoveries].

Hdt. = Herodotus hist. Hude, C., Oxford (Oxford Classical Texts) 1908 / 1970–1972 /, 2 vols. Hdt IV, 21, 22, 102, 105, 108, 109, 119, 120, 122, 123, 136.

CIRB = Struve V. V. *Corpus Inscriptionum Regni Bosporani*. Leningrad, 1965.

St. Byz. = Stephanus Byzantius.

Д. И. Эдельман
Институт языкознания РАН
(Россия, Москва)
joy.edelman@gmail.com

АРЕАЛЬНЫЕ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ИННОВАЦИИ В ЛЕКСИКЕ ИРАНСКИХ ЯЗЫКОВ

В статье рассматриваются некоторые необычные этимологические инновации в иранских языках, образованные в разные эпохи и в соответствии с различными ареальными и этнокультурными семантическими основаниями. Иллюстрациями служат три типа такого рода инноваций: 1) новые ареальные слова, построенные из иранского материала, но по субстратным моделям; 2) новые слова, базирующиеся на ареальных этнокультурных и этносемантических основаниях, связь которых с субстратом возможна, но не обязательна; 3) этнокультурные инновации в виде терминов родства и свойства, отражающих семейный уклад в определенном ареале или в замкнутой общине.

Ключевые слова: лексика, этимология, ареальный, словообразовательная модель, этнокультура, этносемантика.

Как известно, одна из особенностей истории иранской языковой семьи состоит в том, что носители древних праиранских диалектов относительно рано обособились от праиндоарийских и распространились по разным удаленным друг от друга ареалам обширного пространства Евразии, утратив постоянные контакты между собой (о времени филиации арийского единства, об истории миграции ираноязычных племен и распространения языков на современные ареалы существует большая литература). Этим история иранских языков отличается от истории индоевропейских семей, ареал формирования которых ограничивался Европой. Внешняя история отразилась на судьбе самих иранских языков. В некоторых ареалах они наслонились на разные неиндоевропейские языковые субстраты, в разное время взаимодействовали с языками разных семей, часть их входила в различные языковые союзы (на Кавказе, в южнороссийских степях, в горных регионах Центральной Азии). В более поздние, уже исторические периоды происходило взаимодействие иранских языков, уже сформировавшихся по отдельности.

Поэтому в лексике современных и зафиксированных вымерших иранских языков наблюдаются следы как неиранского воздействия, так и влияния одних иранских языков на другие, в том числе языков западноиранской генетической группы на восточноиранские и наоборот. Так, на востоке иранского ареала наблюдаются примеры субстратного влияния лексики языков восточноиранской группы (согдийского, бактрийского, бесписьменных языков и диалектов региона нынешних Таджикистана и Афганистана) на западноиранские (персидские и таджикские диалекты, белуджский язык и др.), распространившиеся сюда позднее. С другой стороны, последующее мощное культурное влияние престижных «больших» литературных языков западноиранской ветви (среднеперсидского, классического персидского, парфянского) на восточноиранские языки (пашто, или пушту, «малые» языки Памирско-Гиндукушского ареала) породило новые словообразовательные модели и примеры фонетического уподобления исконного слова аналогичному слову другого языка, престижного для данного ареала.

В разные периоды в языках различных групп и ареалов возникают новые слова, связанные с новыми реалиями, но состоящие из компонентов, продолжающих праиранские корни и основы. При этом нередко примеры позднего образования сходных слов в разных иранских языках из древнеиранских компонентов по ареально и типологически единым моделям, которые могут быть на деле не рефлексам единого древнего слова, а инновациями, спровоцированными одинаковыми семантическими основаниями, включая субстратные неиндоевропейские.

В связи со всеми этими процессами этимологический анализ лексики иранских языков вынужден считаться с моментами, «выпадающими» из «нормального» хода исторического развития праиранских лексем. Помимо учета закономерностей исторической фонетики каждого данного языка (а она в иранских языках очень различна), правил древнеиранского словообразования, а также помимо спонтанного относительно прозрачного развития семантики, приходится уделять немало внимания возможным «сдвигам» и «исключениям». Последние могут быть порождены ареальной этнокультурой и соответственно этносемантикой (иногда собственно иранской, иногда привносимой субстратом) либо воздействием «крупных» престижных иранских языков на «малые» языки и т. п.

Рассмотрим некоторые наиболее явные примеры таких этимологических «новшеств»: ареальных, типологических, этнокультурных и пр., — то есть в конечном счете этносемантических, построенных по исконным и субстратным моделям, но при этом имеющих достоверную иранскую этимологию, без заимствований из неиранских языков.

Ареальные элементы, возникшие благодаря субстрату или поддержанные субстратом

Для языков иранской семьи субстрат имеет особое значение, особенно учитывая, что современные иранские языки ни в одном ареале их бытования не являются аборигенными. В этих условиях некоторые новые слова, состоящие

из общеиранского материала (восходящего в конечном счете к индоевропейскому), оказываются не только относительно поздними, но и построенными согласно «странным» (иногда субстратным) моделям, представляя лексические единицы, прототипы которых и не должны были существовать в общеиранском и тем более в индоевропейском состоянии.

Один из наиболее ярких примеров субстратного влияния на разные иранские языки, как и на некоторые другие индоевропейские в разных ареалах, — числительные, построенные не по десятичному принципу.

К ним относится вигезимальная система словообразования числительных, базирующаяся на счете «двадцатками», о которой неоднократно приходилось писать (см. [Эдельман 1975 с литературой; Edelman 1999: 221–225], о географии ее распространения в индоиранских языках см. [Эдельман 1968: 92–93 и карта-вклейка 11]). Здесь для нас важно, что при обозначении больших чисел в качестве основы «двадцать» в живых и вымерших иранских языках выступают рефлексы праиранского **uī(n/m)śati* ‘двадцать’ (с **-n/m-* по аналогии с названием «тридцати», из арийск. **uī-ćati-* — формы дв. числа из и.-е. **(d)uī-km̥ti-* ‘две-десятки’).

Более сложный случай — отражение восьмеричной системы счета, которая проявляется как семантическая подоснова этимологии числительного «девять». Последнее строится в разных языках как обозначение числа, «находящегося за семью». Это прослежено островками в нескольких языках восточноиранской группы как результат возможного субстратного воздействия со стороны местных неиндоевропейских языков. Таково осетинское *farast* ‘девять’ < **pāra-ašta-* ‘за восемью, сверх восьми’ [Абаев ИЭСОЯ: I, 419–420, с литературой]. К нему по семантикотипологическому признаку близки числительные в диалектах пашто: *tērai* ‘девять’, букв. ‘перешедшее»; в диалекте вазири *tār pa wōta* ‘девять’, букв. ‘перешедшее через восемь’, включающие этимологический рефлекс корня **tar-* ‘проходить, переходить’ [Morgenstierne 1927: 51–52; 2003: 82], при том, что в литературном пашто сохраняются рефлексы праиранского **nauca-* ‘девять’ в виде *nəh, nə* ‘девять’. К языкам с новой «девяткой» относится и вымерший хорезмийский язык, где ‘девять’ обозначается словом *š̄δ* [*šād*], восходящим либо к корню **frad-* ‘увеличивать’ [Henning 1958: 118], либо к сочетанию **fra-ašta-* ‘за восемью’ (через этапы **šāšta* > **šāta-* > *šād* с *-δ* по аналогии с хорезм. *δ(y)s* ‘десять’) [Эдельман 1990: 186]; в любом случае число «9» обозначено здесь как «большее, чем восемь», а не «меньшее, чем десять». Поскольку в составе сложных числительных: осет. *nūdæx, ænūdæx* | *næwdæx*, хор. *nw’δ(y)s* ‘девятнадцать’, осет. *næwæz* | *næwæzæ*, хор. *nwyc* ‘девяносто’ и хорезмийского *nwsd* ‘девятсот’, — сохраняются рефлексы праиранского **nauca-* ‘девять’, замена его новообразованиями была относительно поздней, после утраты ассоциации обозначения «девяти» с данными исконными числительными. Эти инновационные обозначения «девяти» возникли под семантическим влиянием языков субстрата, имевших восьмеричную систему счета, подробнее [Эдельман 1990: 186–187; Edelman 1999: 225–227]. Следует оговориться, что четверично-восьмеричный счет восстанавливается еще для раннего индоевропейского состояния

и его понятийные продолжения прослеживаются в иранских языках и диалектах, однако приведенные выше слова не являются непосредственными рефлексами столь древних лексем¹.

Воздействие субстрата на собственно иранское словообразование затронуло даже слова, относимые обычно к основной, или так называемой ядерной, лексике (в иных терминах — к основному словарному фонду). Так, личные местоимения 2-го лица мн. числа 'вы' в большинстве юго-восточных иранских языков, как и в соседних с ними индоарийских и дардских языках, построены по инновационным моделям типа: **ta//tu-* + **-māxam* (в иранских языках), **ta-* + **-smākam* (в индоарийских). Вторые компоненты этих местоимений первоначально те же, что и вторые компоненты прототипов местоимений 1-го лица мн. числа 'мы' (ср. генитив праиран. **ahmākam* > **amāxam*, др.-инд. *asmākam*), а первые компоненты представляют своего рода препозитивный детерминатив 2-го лица, продолжающий этимологически элемент основы древнего местоимения 2-го лица ед. числа 'ты' (ср. праиран. ном. **tuçam*, ген. **taça*). Ареал распространения такого вторичного построения местоимений 2-го лица мн. числа с анлаутом **t-* охватывает определенные иранские, индоарийские и дардские языки, но не затрагивает нуристанские, рано отделившиеся от остальных арийских языков.

Причиной этого ареально и типологически единого новообразования в данных языках послужило относительно раннее фонетическое уподобление основы местоимения 2-го лица мн. числа основе местоимения 1-го лица мн. числа, особенно заметное в формах прилагательного-генитива².

Ср.:

1-е л. мн.ч. арийск. **asmākam* > праиран. **ahmākam* > **amāxam* > авест. *ahmākəm*, др.-перс. *amāxam* (при др.-инд. *asmākam*);

2-е л. мн. ч. арийск. **uśmākam* > праиран. **uśmākam* > авест. *uśmākəm*, *xśmākəm*, с дальнейшим изменением **uśmākam* > **(u)śmāxam* (при др.-инд. *yuśmāka(m)*, с наращением у- по аналогии с рефлексами праарийского **jūš-* < и.-е. **jūs-*, ср. авест. *uyš* в энклитической позиции, лит. *jus*, гот. *jūs*), см. [ЭСИЯ 4: 138]³.

¹ Внутренняя форма индоевропейского обозначения «восьми» **oktō* как двойственного числа от основы **okto-* 'четыре' подтверждается производным от последнего именем, сохранившимся в языке Авесты: *ašti-* 'мера ширины в четыре пальца', см. [Henning 1977 II: 347]. В народном счете в говорах таджикского языка отмечается традиционная аналогичная мера ширины с уже современным названием *чор-ангушт*, букв. 'четыре пальца'. О раннеиндоевропейском восьмеричном счете говорит и связь и.-е. **e-neuēn* 'девять' с и.-е. **neuos* 'новый'.

² Форма генитива наиболее показательна для этимологии, поскольку в иранских языках древний номинатив мн. числа утрачивается относительно рано, а исторический генитив становится в большинстве языков общекосвенным падежом, а затем единой формой мн. числа. Исключение — несколько юго-восточных иранских языков, где такой общей формой становится инструменталис, подробнее [Эдельман 1990: 209].

³ Происхождение первичных основ праарийских местоимений мн. числа: 1-е лицо — из и.-е. энклитики 1-го лица мн. числа **nes* в нулевой огласовке, то есть и.-е. **ns* > арийск., др.-инд. **as-* > праиран. **ah-*; 2-е лицо — из и.-е. энклитики 2-го лица мн. числа **ues* в нулевой огласовке, то есть и.-е. **us-* > арийск. (индоиран., дард., праиран.) **uš-* [Эдельман 1990: 54–55].

В дальнейшем в древнеиранских диалектах в основе местоимения 2-го л. мн. числа наблюдаются разные фонетические изменения, частично отразившиеся в языке Авесты: ср. варианты с озвончением $\check{s} > \check{z}$ в интервокальной позиции (авест. *uyžəm*), с утратой начального гласного в основе косвенных падежей (авест. *xšma-* < праиран. **šma-*). В результате этих процессов начальный слог с кратким гласным, оказавшийся перед компонентом **-māxat*, то есть в слабой предупредной позиции, подвергается сильной редукции, вплоть до отпадения. Аналогичные процессы ослабления начального элемента проходили в индоарийских языках.

Ср. рефлексы вариантов с утратой анлаута в местоимениях мн. числа в иранских языках разных ветвей, например: кл. перс. 1 л. *mā* ~ 2 л. *šumā*, тадж. 1 л. *mo* ~ 2 л. *šuto*, осет. 1 л. *max* ~ 2 л. *sumax* | *sumax*, ягн. 1 л. *mox* ~ 2 л. *šutox* и т. п.

В иранских языках Центральной Азии процесс фонетических изменений продвинулся дальше. В результате редукции первого слога, реальным стало фонетическое сближение лексем 1-го и 2-го л. мн. числа — рефлексов древних **ahmākam* и **ušmākam* — с совпадением в единое слово типа иранского **(V)māxat > *(V)māx*. Это вызвало вторичную поляризацию лексем 1-го и 2-го лиц мн. числа. Она происходила в разных языках ареала различными способами, причем определенные новые словообразовательные модели были общими с таковыми в соседних языках (индоарийских и дардских), что свидетельствует об их ареальном происхождении, скорее всего — субстратном.

Наиболее распространенный способ такого «размежевания» состоял в том, что за этой «совпавшей» единой лексемой закрепилось значение 'мы', а для 'вы' было образовано новое слово путем препозиции элемента-детерминатива **t(V)-*, соотносимого исторически с местоимением 2-го лица ед. числа 'ты'. В иранских языках данного ареала оппозиция местоимений мн. числа установилась согласно формуле **(V)māx* 'мы' ~ **t(V)māx* 'вы', например, шугн. *māš* ~ *tama* (из более раннего *tamāš*), руш. *māš* ~ *tama*, хуф. *māš* ~ *tama*, барт. *māš* ~ в говорах *tama*, *tamāš*, рош. *māš* ~ *tamāš*, сар. *maš* ~ *tamaš*; язг. *mox* ~ *tətox*, ишк. *məx(o)* ~ *təməx*, сангл. *ama/əx* ~ *təməx*. В современных индоарийских языках признаком 2-го лица является элемент *t-* в анлауте: хинди *ham* ~ *tum*, авадхи *ham* ~ *tum*, пахари *hamre* ~ *timor*, бходжпури *hamani* ~ *tohani*, панджаби *asī* ~ *tusī* и т. п.

Таким образом, иранская и индоарийская разновидности, сложившиеся относительно поздно и параллельно, представляют собой варианты «слепка» с единой ареальной модели, возникшей, по-видимому, под воздействием общего субстрата, в котором местоимения мн. числа были производными от местоимений ед. числа при помощи постпозитивных формантов, то есть 'вы' образовано от 'ты', как и 'мы' — от 'я'. Такие образования были характерны для дравидийских, гималайских и других языков Индостана, а также для языка бурушаски (ср. протодравидийские: **uāñ* 'я' ~ **uānt* 'мы', **nīñ* 'ты' ~ **nīnt*, **nīr* 'вы' [Уров 2013: 33], бурушаски *uñ*, *in* 'ты' ~ *ma* 'вы'). Аргументом в пользу дравидийского субстрата в Индостане и смежных регионах может служить частичное совпадение ареала распространения модели 2-го лица мн. числа с элементом *t-* в арийских языках [Эдельман 1968: 89–90 и карта-вклейка 9] с ареалом современного бытования дравидийских языков

[Коряков 2013: 578–581 и форзац]. В языках же Памиро-Гиндукушского региона влияние мог оказывать, как и в других случаях, язык бурушаски.

Важно подчеркнуть семантически общий принцип, который объединяет все эти языки в данном аспекте: при «опасной степени» фонетического сближения слов 'мы' и 'вы' поляризация и размежевание плана выражения этих понятий полными местоимениями реализовались путем создания новых словообразовательных способов особой маркировки понятия именно 'вы', а не 'мы', подробнее [Эдельман 1990: 209–213 с литературой]⁴.

Интересны случаи словообразования субстантивов из исконного иранского материала, но по субстратным моделям. Таковы, например, единичные названия парных частей тела в ареале воздействия субстрата в виде языка бурушаски. Имена: пашто *wrun*, *run* 'бедро', в диалектах также *wrūn*, *wrīn* 'бедро', в языке ванечи *wrənkay* 'берцовая кость', — восходят к праиранской основе **rāna-* 'бедро, бёдра' (из более раннего **hrāna-* из и.-е. **srēnā-* 'часть тела; бедро, ляжка' [Рокоту 1959: 1002]). В «Новом этимологическом словаре пашто» [Morgenstierne 2003: 91] указано, что происхождение анлаута *w-* неизвестно. Вместе с тем, мы знаем, что в ваханском языке (Южный Памир) имя *brin*, *b(ə)rin* 'колени, колени' продолжает более раннее **dba-rān(a)-* (из **dya-* 'два' + **rāna-*), как и ваханское *brət* 'локоть' (из **dya-* или **dūi-* + **aratn(a)-* 'локоть'), образованы по субстратной модели языка бурушаски, где названия парных частей тела содержат в анлауте префикс *lt-*, *t-* — результат усеченного числительного буруш. *alto* 'два', см. [Климов, Эдельман 1974: 160–162 с литературой и ссылками на аналогичные построения в баскском и абхазо-адыгских языках], подробнее о ваханских именах см. [Стеблин-Каменский 1979: 212–213; 1999: 102–103]. Это значит, что пашто *wrun* 'бедро' тоже может восходить к **dya-* 'два' + **rāna-* (ср. фонетическое развитие пашто *war* 'дверь' < **dūār-*), подробнее [ЭСИЯ 6: 457–458].

Ареальные этнокультурные и этносемантические инновации, связь которых с субстратом возможна, но не доказана

В этимологии лексики иранских языков различных ареалов наблюдаются результаты определенной лексико-семантической мотивированности в назывании и переименовании объектов и понятий, которая зависит в конечном счете от этнокультурных традиций того или иного социума. Эти традиции могут быть связаны с верованиями, с элементами быта, с семейным укладом и т. п.

Примерами такой мотивированности элементами видения мира и древними верованиями являются случаи вытеснения рефлексов праиранского названия

⁴ Другими, менее распространенными способами поляризации основ личных местоимений мн. числа 1-го и 2-го лица были: 1) использование энклитических местоимений — а) взамен ослабленного полного местоимения 2-го лица мн. числа (в хорезмийском языке *mvu* ~ *hvu*), б) взамен детерминатива **tu/a-* при основе **māx-*; 2) использование в значениях 'мы' и 'вы' разных падежных форм от единой общей основы **māx-* (в мунджанском *mox* ~ *tof*). В энклитических местоимениях, в том числе при вторичной энклизе, совпадение не исключалось (в языке пашто).

«Солнца (как светила)» именами верховных божеств, в соответствии с религиозными традициями данного социума и региона в определенную эпоху. Вначале это было имя индоиранского божества Митры, распространившееся в значении «солнце» практически по всему иранскому ареалу, а затем, после реформы Заратуштры (Зороастра), — имя верховного бога зороастрийцев Ахура Мазды. Следы последнего характерны для более узкого ареала языков Центральной Азии.

Рассмотрим материал:

В большинстве иранских языков в качестве обозначения «Солнца как светила» распространены рефлексы исконного праиранского названия Солнца: это праиран. **h(u)u̯ar-* / **h(u)u̯an-* > **x^var-* / *x^van-* : *hūr-* / *hūn-* из арийского **s(u)u̯ar-* : *sūr-* / *s(u)u̯an-* : *sūn-* 'солнце; Солнце (как божество)' (ср. др.-инд. *sūrya-* 'Солнце; божество-Солнце' и *svàr-*, *súvar-* 'солнце, солнечный свет; ясное сияющее небо'), восходящее к индоевропейскому **suu̯él-*, *su̯él-*, *sūl-* / **su̯en-* : *sun-* [Pokorny 1959: 881–882]. Рефлексы праиранских основ — авест. *hvar-*, *xvan-* 1) 'солнце (как светило), солнечный свет'; 2) 'Солнце (как имя божества)'; кл. перс. *x^var*, *xōr* 'солнце', согд. будд. *γwr*, *γwур*, согд. ман., хр. *xwr* [*xūr*, *xōr*] 'солнце', осет. *xūr* / *xor*; пашто зап. *lmar*, *almar*, вост. *ntar*, *nwar*, шугн. *xīr*, руш., хуф. *xor* и т. п., подробнее [ЭСИЯ 3: 438–443].

Замена его именем Митры наблюдается в иранских языках разных генетических групп и разных ареалов, причем это имя выступает как обозначение и божества, и светила.

В западноиранских языках: в среднеперсидском *mīhr*, *mēhr* (заимствованное из северо-западного источника, с отражением консонантной группы **-tr-* > **-θr* > *-hr*) употреблялось в разных значениях, включая уже омонимичные: I. 1) 'Божество Митра'; 2) календарные термины — обозначения месяцев и дней, посвященных Митре; II. 'солнце (светило)'. Далее в классическом персидском и современных персидском, таджикском, в языке дари Афганистана продолжения этого слова в виде *mēhr* используются для обозначения 'солнца (светила)' и как календарные термины. В других западноиранских языках рефлекс **mitra-* выступают просто как обозначения светила: гилянский *mēhr* 'луна, месяц', ормури (в диалектах) *meš*, *mešr* 'солнце' [Расторгуева 1990: 192].

В восточноиранских языках в продолжениях этого имени значение «Солнце как светило» более распространено и устойчиво. См. согдийский (манихейский) *myr* 'солнце' (заимствовано из среднеперсидского *mīhr*, наряду с календарными значениями) [Henning 1977: I, 499; Gharib 1995: 225]. В живых восточноиранских языках, включая малые бесписьменные языки и диалекты: пашто диал. *myēr*, ванец *mīr* 'солнце' [Morgenstierne 1927: 54], мунджанский *mīra*, *mīro*, верхний говор *mīrā* 'солнце' [Грюнберг 1972: 325–326]; йидга *mīra*, *mira* 'солнце' [Morgenstierne 1938: 228]. При этом в языках Центральной Азии рефлекс **mitra-* выступают также в композитах разновременного образования, где однозначно их отнесение именно к светилу: в вымершем бактрийском *μῑροασαβο*, *μῑροασαβο*, *μῑροααβο* 'восток' < **miθrāsāna-* 'восход солнца', букв. 'солнца восход' (ср. ср.-перс. *xwarāsān* 'восход солнца, восток' с рефлексом **xvar-*); бактр. *μῑροαφραβο*, *μῑροαφραβο*, *μῑροαφραβο* 'запад' < **miθra-niθrāna-* 'закат солнца',

букв. 'солнца заход' (ср. парф. *hwryfr'n* 'закат солнца, запад' с рефлексом **h(u)uar-*) и др. [Sims-Williams 2007: 233–234]; в живых малых бесписьменных языках: мунджанский *mirāvdyu* 'заход солнца', *mirów* 'восход солнца' [Грюнберг 1972: 325–326], йидга *mīra-avlasto* 'радуга', букв. 'солнца рукав', *mīra-lamdo* 'радуга', букв. 'солнца пола, подол' [Morgenstierne 1938: 228], см. подробнее [ЭСИЯ 5: 369–370].

Более позднее отождествление «Солнца» с верховным божеством находим в продолжениях имени верховного божества зороастрийцев **ahura-* + **mazdā(h)* — Ахурамазда, Ормузд, букв. 'Благая мысль' или 'Господь Мудрый' (см. авест. *Ahura. Mazdāh*): в вымерших языках этой группы: хотаносакском языке *urmayse* 'солнце', хорезмийском *rēmažd*; в малых живых бесписьменных языках: ишкашимском *remūzd*, сагличском *ormōzd*, зебаки *ōrmōzd* 'солнце', подробнее см. [Morgenstierne 1938: 381]; см. также [ЭСИЯ 1: 101–102].

Можно предположить, что эти последовательные замены исконного названия солнца именами верховных божеств: сначала общеиндоиранского Митра, а затем собственно иранского зороастрийского Ахура Мазда, — особенно существенные в языках восточного ареала иранского мира, объясняются древнейшим (доарийским субстратным?) ареальным культом верховного солярного божества. Приход в этот ареал ариозычных племен стимулировал лексическое выражение этого культа в разные эпохи.

Привязанность некоторых понятий к определенным ареалам ираноязычного мира и образование соответствующих этим понятиям слов по сходным (но не тождественным!) моделям из этимологически сходных древних элементов порождает иногда сходные слова, которые являются типологически едиными, но относительно поздними, не восходящими к единому праиранскому прототипу. Это можно проследить на истории образования названий некоторых местных артефактов.

В качестве примера такого ареального словообразования можно привести построение слов, обозначающих «водяную мельницу» в языках, относящихся к восточноиранской ветви, бытующих в горных регионах Памиро-Гиндукушского ареала, а также на территории, входившей в состав древней Согдианы (в основном в горной центральной части нынешнего Таджикистана). Это параллельные образования с несколько различными морфологическими формами от одних и тех же корней. Принцип образования слов типологически един: это исконная модель — композит, состоящий из основ: 1) праиранская **xvat-* 'сам, само-', связанная с местоименной основой **xva-*, **xvai-* 'сам, свой' (из индоевропейской производной основы на **-t-* от и.-е. местоимения **s(e)ye-* 'сам, свой' [Pokorny 1959: 882–883]); 2) именные и причастные образования от праиранского корня **ar-* 'молоть, размельчать; растирать' (продолжающего индоевропейский **al-* 'молоть, размельчать' [Pokorny 1959: 28–29]). Морфологическая характеристика второго компонента различна. В регионах Памиро-Гиндукушского ареала слово восходит к относительно раннему диалектному отглагольному имени **x^oat(a)-āraka-*, букв. 'само-молка' — через этап **x^oad-yārg*: мундж. нижн. *xīrγə*, мундж. верхн. *xuārga*, йидга *xīrγo*, *xirγo* 'водяная мельница'; ишк. *xədōri*, сангл. *xudāri*, *xodāri*, язг. *x^oayérg*, шугн. *xadōrj*, *xidōrj*, руш., хуф. *xadūrj*, барт. *xadōrj*, рош. *xadārj*, сар. *xadurj* 'водяная мельница'.

Вах. *x̄ydorg*, *x̄dorg*, *x̄ydorg*, *x̄dorg* — то же (возможно, раннее заимствование из шугнанского). Сюда же может быть отнесено и парачи *x̄ēra* 'водяная мельница', если это не заимствование. На территории, входившей в состав древней Согдианы, второй компонент восходит к имени, образованному от более древнего причастия настоящего времени: **x̄^vat(a)-ārana-*, **x̄^vat(a)-āranaka-*, букв. 'само-мельющая': согд. *γwłrnk*, *xwłrnk*, ягнобский *xutanna* 'водяная мельница', подробнее [ЭСИЯ 1: 203; Эдельман 2009: 113–114]. Смысловая подоплека этих построений в данных регионах едина: «водяная мельница — работает сама, без движущих усилий человека или животного», однако морфологические различия вторых компонентов не позволяют возводить эти слова к единому древнему прототипу.

Названия водяной мельницы в других местностях, в том числе и территориально относительно близких⁵, базируются на иных смысловых принципах. В западноиранском ареале отразилась другая модель названия водяной мельницы: из древнеиранского имени орудия от того же корня **ar-*, в виде **ar-tra-* или **ar-θra-* 'размельчитель' при диссимилиации *r* — *r* и контаминации с рефлексам корня **aš-* 'острый; камень' и с появлением конечного *-b* при ассоциации со словом *āb* 'вода': кл. перс. *āsyā*, *āsyāb*, *āsyāv* 'мельница', тадж. *osyob*, тал. *osyo* 'мельница' [ЭСИЯ 1: 202, 237].

Этнокультурные инновации, отражающие семейный уклад

Немалый интерес представляют «сдвиги» в терминологии родства и свойства, связанные с характером семейных отношений в разных ираноязычных социумах. Материал иранских языков горных районов Центральной Азии и «островков» на территории Ирана и Кавказа позволяет проследить зависимость элементов этой терминологии от характера традиционного семейного уклада в истории этносов, населяющих эти регионы.

В основном термины родства и свойства в иранских языках продолжают соответствующие праиранские и далее общеарийские, соответствующие древнеиндийским и в конечном счете восходят к индоевропейским. Вместе с тем, случаи замены этих терминов инновационными связаны в конечном счете с традицией семейных отношений в относительно замкнутых общинах.

Например, в горных районах Таджикистана, особенно на Западном Памире, и в прилегающих регионах Восточного Гиндукуша еще в середине XX века сохранялась традиция «большой семьи», которая жила в едином «большом доме», построенном по традиционным архитектурным канонам (с целой системой внутренних столбов-опор и нар, с очагом внутри дома и со световым и дымовым

⁵ Например, пашто *ž(a)randā* ж.р. 'водяная мельница' может быть производным от праиранского корня **gar-* 'тяжелый; раздавливать, раздроблять' (см. [ЭСИЯ 3: 180–184]), однако считается заимствованием из индоарийского источника [Morgenstierne 2003: 105]. К названиям мельницы см. также пушту *mešēn* и вторичное *mešēna* 'ручная мельница' из более раннего **mēkani-* — заимствования из греческого *μηχανή* — вследствие культурного влияния в ареале Греко-Бактрийского царства [Morgenstierne 2003: 48].

отверстием-окном в крыше)⁶. Семья состояла из пожилых родителей и их взрослых сыновей, имевших свои «малые» семьи. Практически это было продолжением классического патриархального рода, бытовавшего еще в индоевропейский период. Семья при разрастании расселялась: на Памире обычно старшие сыновья отделились, строя свои дома, а самый младший оставался в отчем доме и затем наследовал его.

Соответственно в такой семье жены братьев жили в одном и том же большом доме, а обозначения женщинами жены брата мужа — ятрови — имело коннотацию «живущая внутри того же дома, что и я». При этом в части иранских языков сохраняются рефлексы праиранского **iātar-* : **iādr̥-*, **iantar-* : **iant̥r-* 'ятровь — жена брата мужа' (из и.-е. **jenater-* : **jenatr-* 'ятровь — жена брата мужа'): например, перс. *jāri* (< **jad̥r̥-i-*), ормури *za* (< **iātā-*), пашто *yor* 'жена брата мужа' и др., подробнее см. [ЭСИЯ 4: 131–132] (к ним следует добавить кл. перс. *jārī* 'жена брата мужа', абиянеи *yāde* 'жена брата жены' и др. [Hassandoust 2014: II, 939–940]). Вместе с тем в ряде языков рассматриваемого ареала для обозначения ятрови наблюдаются значимые инновационные термины: шугн., руш., хуф., барт. *mijād*, рош. *mujad* 'жена брата мужа' < **hama-kata-* 'живущая в том же доме', букв. 'тот же дом' [Morgenstierne 1974: 44] из **hama-* 'тот же самый' [ЭСИЯ 3: 347–351] и **kata-* 'дом' [ЭСИЯ 4: 340 и сл.]. В таджикском диалекте района Матчи (центральная часть Таджикистана) засвидетельствовано *marozin* 'жены братьев по отношению друг к другу' < **ham(a)-raučana-* [Хромов 1970: 42], где компонент **raučana-* 'световое и дымовое окно или отверстие в крыше' восходит к основе **rauča(h)-* 'светящийся, светлый' от корня праиран. **rauk-* : **ruk-* 'свет, светлый, светить(-ся)' из и.-е. **leu-k-* 'свет, светить' (подробнее о корне и производных основах [ЭСИЯ 6: 413–424]); тем самым термин *marozin* практически означает 'живущие под одним и тем же окном в крыше', то есть в том же доме. Аналогичный смысл передается именем, построенным по иной словообразовательной модели, в ваханском языке: *andarč*, *andərč*, *antarč*, *antərč* 'жены братьев по отношению друг к другу' < др.-иран. **antara-čr̥-*, букв. 'внутренняя' то есть, '(живущая) внутри того же дома; внутри той же семьи' [Стеблин-Каменский 1999: 83].

Другой тип словообразования термина «ятровь» с иной семантической отсылкой наблюдается в осетинском: *fajnüst* | *fainostæ* 'ятровь, жена деверя' — из рефлексов **pati-* + *(s)*nauša-*, букв. 'невестка мужа' [Абаев ИЭСОЯ I: 417] из **pati-* 'господин, хозяин, супруг' и *(s)*nauša-* 'сноха, невестка' из праиран. **snušā-*, ср. осет. диг. *nostæ* 'сноха, невестка' из праиран. **snušā-* (с подъемом огласовки через этап **snaušā-* и с закономерным переходом праиран. **sn-* > осет. *n-* в анлауте), при совпадении со сходными обозначениями снохи в кавказских языках [Абаев ИЭСОЯ II: 190]⁷.

⁶ О почитании понятия «Дом», о символике частей интерьера существует большая этнографическая литература.

⁷ Ср. отражение термина «сноха, невестка» в других иранских языках, где продолжается праиранское **snušā-* из и.-е. **snuśó-s* [Pokorný 1959: 978] (ср. рус. *сноха*, др.-инд. *snuśā-*): кл. перс. *sunuh* 'сноха, невестка'; *sunhār* — то же; тадж. диал. *sinhor*, *sənor*; согд. ман. *šwnš*; пшт. *nžor* (с -r

Интерес представляет название «зять» в осетинском языке, этимологически и семантически отличное от названий в большинстве других иранских: осет. *siaxs* 'зять, жених', если принять этимологию **uīši-āxša-* '(в) дом принятый', отражающее понятие, которое могло возникнуть при матрилокальном браке [Абаев ИЭСОЯ III: 101–102], при этом в основной части иранских языков термин «зять» продолжает праиранское имя **zāmātar-* (производное от и.-е. **ǵem(ə)-* 'жениться' [Pokorny 1959: 369–370]): авест. *zāmātar-*, кл. перс. *dāmād*, тадж. *domod* (с закономерным отражением праиран. **z-* > др.-перс. **δ-* > *d-*), курд. *zava*; пашто *zum* 'зять, жених', ванец. *zōm*; сангл. *zəṁūd*, йидга *zamái* и т. п. [Эдельман 2009: 39, 125].

Особняком стоит случай «смещения», «сдвига» значения в терминологии родства, возникшего предположительно в глубокой древности и связанного с исторической традицией семейных отношений в относительно замкнутой общине. След этого явления зафиксирован уже XX веке в говорах зороастрийцев на территории Ирана в регионе города Йезд. Эта община сохраняет целый ряд бытовых, религиозных и языковых архаизмов, восходящих к Авесте и чуждых исламу и быту соседнего персоязычного окружения. Это обстоятельство отразилось и в терминологии родства. Исконный термин «брат», восходящий к праиранскому **brātar-* : **brātr-* 'брат; член большой семьи; кровный родственник' (из и.-е. **bhrāter-*) сохранился практически во всех иранских языках: например, авест., др.-перс. *brātar-*, кл. перс. *birādar*, *barādar*, тадж. *barodar* 'брат'; осет. (*æ*)*rvad* / *ærvadæ* 'родич, член рода', пашто *wror*, шугн. *virōd*, вах. *vryt* 'брат' и т. д., подробнее: [ЭСИЯ 2: 178–184, с литературой]). Однако в говорах зороастрийцев Йезда его заменяет термин *d(e)ver* 'брат', восходящий к праиранскому **daiϕar-* / **ǰaiϕar-* 'брат мужа, деверь' из и.-е. **dāiϕēr-*, **daiϕ(e)r-* 'брат мужа, деверь'; праиранский вариант **daiϕar-* объясняется продолжением в нем более раннего варианта **dhaiϕar-* (> **thaiϕar-* > **daiϕar-*). К варианту с анлаутом **ǰ-* восходят практически все зафиксированные названия деверя в живых иранских языках, например, таджикские юго-восточные говоры *hewar*, *yūwar*, ягн. *sewir*, *sīwir* 'деверь' (с закономерным *s* < **ǰ*), осет. *tīw* | *tew* (с закономерным *t* < **ǰ*), сангл. *tēw*, пашто *lewar* 'деверь' и др. [ЭСИЯ 2: 310–311]⁸. К варианту с начальным **d-* восходят только два слова, рано обособившиеся от имен с буквальным значением 'деверь': это кл. перс. *dēvar* 'хозяин (дома)' [Horn 1898–1901: 103, 168; Hassandoust 2014: II, 1407] и упомянутое выше *d(e)ver* 'брат' в диалектах зороастрийцев г. Йезда и его окрестностей. См. употребление этого термина в сочетаниях: *dever-šu*, *dver-mira*, *dver-e mira* 'брат мужа, деверь', *dver-zen* 'брат жены, шурина', *dver-e mas* 'старший брат', *dver-e kasog* 'младший брат', *dver xōnda* 'названный брат' [Молчанова 2008: 275].

Причина такой замены может быть объяснена традиционными семейными отношениями в глубокой древности: во времена правления Ахеменидов и Аршакидов

под влиянием терминов родства на **-tar*), мундж. *zəṁīyū*, йд. *zīnī*, *zīnio*, руш. *zinaw*, барт. *zināw*, сар. *zy/inal*, язг. *z(ə)ṅaw*; ишк. *uznbl*, сгл. *wuznəl* [Эдельман 2009: 125]; вах. *stəx* (*st-* < **sn-*) [Стеблин-Каменский 1999: 318].

⁸ Аналогичное отражение арийского **d-* в виде праиран. **d-* / **ǰ-* отмечается и в ряде других иранских слов, например, праиран. **dau-* / **ǰau-* 'зажигать, сжигать, гореть' [ЭСИЯ 2: 387–391].

у зороастрийцев сохранялся обычай родственных браков; исторически зафиксированы браки между братьями и сестрами, во всяком случае единокровными, причем не только среди правителей, но и среди простолюдин [Бойс 2003: 145–146]. Частично этот обычай подтверждается авестийским термином *xvaētvadaða-* (жен. род на *-dadā-*) — прилагательным, которое условно можно перевести ‘состоящий // -ая в родственном браке; женатый на родственнице’, из **xvai-t-* (< **h₂vai-t-*) ‘свой’ и производное от глагола праиран. **ad-* (< арийск. **adh-* < и.-е. **edh-*) ‘вести, приводить жену, жениться’ [Bartholomae 1904: 1860; Pokorny 1959: 1115–1116].

Если близкородственные браки у зороастрийцев были обычным явлением, то в такой семье в языке женщины («сестры-жены») термины «брат» (может быть, «брат по отцу») и «брат мужа» были равнозначны, первый мог заменяться вторым. А дальше в языке детей, усваивающих язык от матери (mother-tongue), это обозначение закрепилось и передалось следующим поколениям.

Заключение

Рассмотренные примеры этимологических «новшеств» интересны не только как образцы семантической типологии в диахронии, но и как свидетельства ареальных, этнокультурных и прочих семантических стимулов их появления. Такие «отклонения» в конечном счете придают этимологии ценность в междисциплинарной сфере изучения этнической истории.

Список сокращений

Названия языков и диалектов

- авест. — авестийский
- арийск. — арийский, праарийский
- бактр. — бактрийский
- барт. — бартангский
- вах. — ваханский
- гот. — готский
- диг. — дигорский (диалект осетинского языка)
- др.-перс. — древнеперсидский
- др.-инд. — древнеиндийский
- ишк. — ишкашимский
- кл. перс. — персидский язык классического периода (VIII–XV в. н.э.)
- курд. — курдский
- лит. — литовский
- мундж. — мунджанский
- осет. — осетинский
- парф. — парфянский
- перс. — персидский
- праиран. — праиранский
- рош. — рошорвский
- руш. — рушанский

сангл. — сангличский
сар. — сарыкольский
согд. будд. — согдийский (буддийские тексты)
согд. ман. — согдийский (манихейские тексты)
согд. хр. — согдийский (христианские тексты)
ср.-перс. — среднеперсидский
тал. — талышский
тадж. — таджикский
хор. — хорезмийский
хуф. — хуфский
шугн. — шугнанский
ягн. — ягнобский
язг. — язгулямский

Библиографические сокращения

ЭСИЯ 1–3 — *Расторгуева В. С., Эдельман Д. И.* Этимологический словарь иранских языков. Т. 1–3. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000–2007.

ЭСИЯ 4–6 — *Эдельман Д. И.* Этимологический словарь иранских языков. Т. 4. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2011; т. 5–6. М.: Наука — Восточная литература, 2015–2020.

Литература

Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.–Л.: Издательство АН СССР, 1958. Т. II. Л.: Наука, 1973; т. III. Л.: Наука, 1979; т. IV. Л.: Наука, 1989.

Бойс М. Зороастрийцы: Верования и обычаи / Пер. с англ. и прим. И. М. Стеблин-Каменского. — 4-е изд., испр. и доп. СПб.: Азбука-классика. Петербургское Востоковедение. 2003. 352 с. + вклейка (8 с.).

Грюнберг А. Л. Языки Восточного Гиндукуша. Мунджанский язык (тексты, словарь, грамматический очерк). Л.: Наука, 1972. 474 с. + карта.

Гуров Н. В. Дравидийские языки // Языки мира: Дравидийские языки / РАН. Институт языкознания. М.: Academia, 2013. С. 17–46.

Климов Г. А., Эдельман Д. И. К названиям парных частей тела в бурушаски // Этимология. 1972. М.: Наука, 1974. С. 160–162.

Коряков Ю. Б. Карты дравидийских языков и диалектов // Языки мира: Дравидийские языки / РАН. Институт языкознания. М.: Academia, 2013. С. 578–581 + форзац.

Молчанова Е. К. Йезди (зороастрийский дари) // Основы иранского языкознания. Среднеиранские и новоиранские языки. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН. 2003. С. 235–343.

Расторгуева В. С. Сравнительно-историческая грамматика западноиранских языков. Фонология. М.: Наука, 1990. 253 с.

Стеблин-Каменский И. М. «Колени» и «локти» памирского субстрата // Переднеазиатский сборник. III. История и филология стран Древнего Востока. М.: Наука, 1979. С. 212–214.

Стеблин-Каменский И. М. Этимологический словарь ваханского языка. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 480 с.

Хромов А. Л. Историко-лингвистическое исследование Ягноба и Верхнего Зеравшана. Душанбе, 1970.

Эдельман Д. И. Основные вопросы лингвистической географии (на материале индоиранских языков). М.: Наука, 1968. 112 с. + Приложение: карты-вклейки.

Эдельман Д. И. К генезису вигезимальной системы числительных // Вопросы языкознания, 1975, № 5. С. 30–37.

Эдельман Д. И. Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Морфология. Элементы синтаксиса. М.: Наука, 1990. 287 с.

Эдельман Д. И. Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Лексика. М.: Издательская фирма «Восточная литература», 2009. 280 с.

Bartholomae Chr. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner, 1904 (repr.: Berlin–New York: Walter de Gruyter, 1979). XXXII + 1999.

Edelman D. I. On the History of Non-decimal Systems and their Elements in Numerals of Aryan Languages // Numeral Types and Changes Worldwide. Ed. by J. Gvozdanović (Trends in Linguistics. Studies and Monographs 118). Berlin–New York: Mouton de Gruyter, 1999. P. 221–241.

Gharib B. Sogdian Dictionary. Sogdian-Persian-English. Tehran: Farhang Publications, 1995 / 1374. XLII + 517 + 58 + 32.

Hassandoust M. An etymological dictionary of the Persian language. Vol. I–V. Tehran. 2014 (in Persian: Farhang-e riše-šenāxti-ye zabān-e fārsi. ʔeld-e 1–5. Tehrān: Farhangestān-e zabān va adab-e fārsi, 1393).

Henning W. B. Mitteliranisch // Handbuch der Orientalistik. Abt. 1, Bd. 4: Iranistik, Abschnitt 1: Linguistik. Leiden–Köln: E. J. Brill, 1958. S. 20–130.

Henning W. B. Selected Papers. Vol. I–II. Leiden: Brill / Téhéran–Liège: Bibl. Pahlavi, 1977 (Acta Iranica, t. 14–15).

Horn P. Neupersische Schriftsprache // Grundriss der iranischen Philologie. Bd. I. Abt. 2. Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner, 1898–1901. S. 1–198.

Morgenstierne G. An Etymological Vocabulary of Pashto. Oslo: Dubwad, 1927.

Morgenstierne G. Etymological Vocabulary of the Shughni Group. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 1974. 119 p.

Morgenstierne G. Indo-Iranian Frontier Languages. Vol. II. Iranian Pamir languages: Yidgha-Munji, Sanglechi-Ishkashmi and Wakhi. Oslo: Aschehoug, 1938. XXIV + 562 + index 69 + вклейки — фотографии и карты.

Morgenstierne G. A New Etymological Vocabulary of Pashto (Compiled and Edited by J. Elfenbein, D. N. MacKenzie and N. Sims-Williams). Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2003. 139 p.

Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. I. Bern: Francke, 1959. 1183 S.

Sims-Williams N. Bactrian Documents from Northern Afghanistan. II, Letters and Buddhist Texts. London: Nour Foundation in association with Azimuth Editions, 2007. 326 p.

Joy I. Edelman

*Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
joy.edelman@gmail.com*

AREAL AND ETHNOCULTURAL INNOVATIONS IN THE IRANIAN LEXICON

The article discusses some unusual etymological innovations in Iranian languages formed in different eras and in accordance with various areal and ethnocultural semantic foundations. The article contains information on three types of such innovations: 1) new areal words, built from the Iranian material, but according to substratum models; 2) new words based on areal ethnocultural and ethnosemantic foundations which maybe depended to substratum but not essential; 3) ethnocultural innovations in kinship terms, reflecting the family structure in a certain closed community.

Keywords: vocabulary, etymology, areal, word-formation model, ethnoculture, ethnosemantics

References

Abaev V.I. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka* [Historical-etymological dictionary of the Ossetic language]. Vol. I. M.–L.: USSR Acad. of Sciences, 1958; vol. II. L.: Nauka Publ., 1973; vol. III. L.: Nauka Publ., 1979; vol. IV. Leningrad: Nauka Publ., 1989.

Bartholomae Chr. *Altiranisches Wörterbuch* [Old Iranian Dictionary]. Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner, 1904 (repr.: Berlin–New York: Walter de Gruyter, 1979). XXXII + 1999.

Boyce M. *Zoroastriitsy: Verovaniya i obychai* [Zoroastrians. Their religious beliefs and practices]. / Transl. from Engl. and notes by I. M. Steblin-Kamenskij. — 4th ed., with corrections and additions. Saint Petersburg: Azbuka-Klassika Publ.; Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2003. 352 p.

Edelman D.I. *Osnovnye voprosy lingvisticheskoi geografii (na materiale indo-iranskikh yazykov)* [Main topics in the study of linguistic geography (based on Indo-Iranian languages)] Moscow: Nauka Publ., 1968. 112 p. + maps.

Edelman D.I. *K genezisu vigezimal'noi sistemy chislitel'nykh* [On the genesis of the vigesimal system of numerals] // *Voprosy yazykoznaniiya* [Issues in Linguistics], 1975, № 5, p. 30–37.

Edelman D. I. *Sravnitel'naya grammatika vostochnoiranskikh yazykov. Morfologiya. Elementy sintaksisa* [Comparative grammar of East Iranian languages. Morphology. Elements of Syntax]. Moscow: 1990. 287 p.

Edelman D. I. On the History of Non-decimal Systems and their Elements in Numerals of Aryan Languages // *Numeral Types and Changes Worldwide*. Ed. by J. Gvozdanović (Trends in Linguistics. Studies and Monographs 118). Berlin–New York: Mouton de Gruyter, 1999. P. 221–241.

Edelman D. I. *Sravnitel'naya grammatika vostochnoiranskikh yazykov. Leksika*. [Comparative grammar of East Iranian languages. Vocabulary]. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 2009. 280 p.

ESIJA 1–3 — Rastorgueva V. S., Edelman D. I. *Etimologicheskii slovar' iranskikh yazykov*. [Etymological dictionary of the Iranian languages.]. Vol. 1–3. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 2000–2007.

ESIJA 4–6 — Edelman D. I. *Etimologicheskii slovar' iranskikh yazykov*. [Etymological dictionary of the Iranian languages]. Vol. 4. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 2011; vols. 5–6. Moscow: Nauka Publ. — Vostochnaya literatura Publ., 2015–2020.

Gharib B. *Sogdian Dictionary. Sogdian-Persian-English*. Tehran: Farhangian Publications, 1995 / 1374. XLII + 517 + 58 + 32 p.

Grjunberg A. L. *Yazyki Vostochnogo Gindukusha. Mundzhanskii yazyk* [Languages of East Hindukush. The Munji language]. Leningrad: Nauka Publ., 1972. 474 p. + map.

Gurov N. V. *Dravidiiskie yazyki* [Dravidian languages] // *Yazyki mira. Dravidiiskie yazyki* [Languages of the World: Dravidian languages]. Moscow: Academia Publ., 2013. p. 17–46.

Hassandoust M. *An etymological dictionary of the Persian language*. Vol. I–V. Tehran. 2014 (in Persian: Farhang-e riše-šenāxti-ye zabān-e fārsi. jeld-e 1–5. Tehrān: Farhangestān-e zabān va adab-e fārsi, 1393).

Henning W. B. *Mitteliranisch* [Middle Iranian] // *Handbuch der Orientalistik* [Handbook of Oriental Studies]. Abt. 1, Bd. 4: Iranistik, Abschnitt 1: Linguistik. Leiden–Köln: E. J. Brill, 1958. S. 20–130.

Henning W. B. *Selected Papers*. Vol. I–II. Leiden: Brill / Téhéran–Liège: Bibl. Pahlavi, 1977 (Acta Iranica, t. 14–15).

Horn P. *Neupersische Schriftsprache* [Modern Persian Literary Language] // *Grundriss der iranischen Philologie* [Foundations of Iranian Philology]. Bd. I, Abt. 2. Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner, 1898–1901. S. 1–198.

Khromov A. L. *Istoriko-lingvisticheskoe issledovanie Yagnoba i Verkhnego Zeravshana* [Historical-linguistic study of Yaghnob and Upper Zarafshan]. Dushanbe, 1970.

Klimov G. A., Edelman D. I. *K nazvaniyam parnykh chastei tela v burushaski* [On the names of paired parts of body in the Burushaski language] // *Etimologiya* [Etymology] 1972. Moscow: Nauka, 1974, p. 160–162.

Korjakov Ju. B. *Karty dravidijskikh jazykov i dialektov* [Maps of Dravidian languages and dialects] // *Languages of the World: Dravidian languages*. Moscow: Academia, 2013, pp. 578–581 and flyleaf.

Molchanova E. K. Jezdi (zoroastrijskij dari) [Yazdi (Zoroastrian Dari)] // *Osnovy iranskogo jazykoznanija. Sredneiranske i novoiranske jazyki* [Basics of Iranian linguistics. Middle Iranian and New Iranian languages] Moscow: Vostochnaia literatura Publ., 2003, p. 235–343.

Morgenstierne G. *An etymological vocabulary of Pashto*. Oslo: Dubwad, 1927.

Morgenstierne G. *Etymological vocabulary of the Shughni Group*. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 1974. 119 p.

Morgenstierne G. *Indo-Iranian Frontier Languages*. Vol. II. Iranian Pamir languages: Yidgha-Munji, Sanglechi-Ishkashmi and Wakhi. Oslo: Aschehoug, 1938. XXIV + 562 + index 69 + photos + maps.

Morgenstierne G. *A new etymological vocabulary of Pashto* (Compiled and Edited by J. Elfenbein, D. N. MacKenzie and N. Sims-Williams). Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2003. 139 p.

Pokorny J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch* [Indo-European Etymological Dictionary]. Bern: Francke, 1959. 1183 p.

Rastorgueva V. S. *Sravnital'no-istoricheskaja grammatika zapadnoiranskikh jazykov. Fonologija* [Comparative-historical grammar of West Iranian languages. Phonology]. Moscow: Nauka Publ., 1990. 253 p.

Sims-Williams N. *Bactrian documents from Northern Afghanistan*. II. Letters and Buddhist Texts. London: Nour Foundation in association with Azimuth Editions, 2007. 326 p.

Steblyn-Kamenskij I. M. «Koleni» i «lokti» pamirskogo substrata [«Knees» and «elbows» of Pamir substratum] // *Peredneaziatskij sbornik*. III. Istorija i filologija stran Drevnego Vostoka [Western Asia collection. III. History and philology of countries of Ancient East]. Moscow: Nauka, 1979.

Steblyn-Kamenskij I. M. *Etimologičeskii slovar' vakhanskogo jazyka* [Etymological dictionary of the Wakhi language]. Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 1999. 480 p.

Е. И. Якушкина
МГУ им. М. В. Ломоносова
(Россия, Москва)
jkatia@yandex.ru

**ОБЩАЯ ЛЕКСИКА СЕРБСКОХОРВАТСКИХ ГОВОРОВ (ОПЫТ
ГЕНЕТИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ОБЩЕСЕРБСКОХОРВАТСКОЙ
ЛЕКСИКИ НА МАТЕРИАЛЕ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИХ АНКЕТ)***

В статье дается генетическая и хронологическая классификация лексем, общих для говоров штокавского, чакавского и кайкавского наречий сербскохорватского диалектного континуума. Общая лексика выделена на основе сопоставления анкет, заполненных по вопроснику «Сербскохорватского диалектного атласа» и отражающих словарный состав говоров разных областей Сербии, Хорватии и Боснии и Герцеговины. Анализ предпринят с целью решения проблемы существования или отсутствия лексических инноваций, объединяющих говоры рассматриваемого континуума в разные периоды его истории. Исследование показало, что говоры данного региона переживали общие лексические инновации со словенскими говорами, с болгарскими говорами, а также и собственно сербскохорватские инновации.

Ключевые слова: сербскохорватские говоры, южнославянские языки, праславянский язык, диалектная лексикология.

В истории формирования лексики сербскохорватского диалектного континуума заслуживает внимания вопрос о составе той ее части, которая объединяет все сербскохорватские говоры или их большую часть. Этот общий вопрос состоит из нескольких более частных. Какова география позднеславянских лексических инноваций в прасербскохорватских говорах? Существовали ли общие лексические инновации в эпоху самостоятельной истории сербскохорватского языка? Если они существовали, то каким временем они датируются и какова география их распространения (локализация центра и периферии)?

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №19-012-00471 «Ареальное членение и ареальные связи сербскохорватских говоров в области лексики».

Для получения полного и релевантного ответа на поставленные вопросы необходимо фундаментальное, по возможности, корпусное, сопоставление лексики отдельных сербскохорватских говоров. В связи с отсутствием диалектных корпусов говоров разных сербскохорватских наречий остается прибегнуть к сравнению небольших по объему лексических списков. В данном исследовании в качестве таких списков используются анкеты, заполненные на основе 370 лексических вопросов сербскохорватского диалектного атласа [Upitnik za SDA]. По данному вопроснику были опрошены информанты из 22 пунктов (18 штокавских, 1 чакавский и 3 кайкавских) как путем классической полевой работы, так и путем письменного опроса лингвистов-носителей говоров (подробнее см. [Якушкина 2021]), и соответственно составлено 22 лексических списка¹.

Несмотря на то, что полученные списки представляют собой ответы на вопросы диалектологического атласа, то есть предназначены для того, чтобы показывать специфику говора, а не ядро его лексико-семантической системы, их все-таки можно трактовать именно как выборку ключевой лексики говора. Они организованы по тематическому принципу и охватывают лексику, относящуюся к 14 группам: «Человек и части тела», «Семья», «Одежда», «Дом», «Еда и приготовление пищи», «Земледелие и переработка зерна», «Домашние животные», «Птицы», «Дикие животные», «Деревья и фрукты», «Овощи и цветы», «Ремесла», «Природа», «Общественная жизнь».

В анализируемых анкетах были выделены значения, которые во всех обследованных пунктах выражаются одинаково, а также значения, которые выражаются одинаково в подавляющем большинстве случаев². Приступая к характеристике лексического слоя, который мы обозначили как «общий», нужно отметить, что действительно общей для протяженного диалектного континуума, то есть фиксируемой во всех без исключения говорах, в первую очередь может являться лексика, свойственная и другим славянским языкам, в первую очередь базовая, такая как *вода*, *глава*, *рука*, *нога*. Лексический состав территориально настолько варьируем, что даже при широком географическом распространении слова преобладают случаи частичного покрытия лексемой столь большой территории, как

¹ Список пунктов: Чабар, Шимляник, Доња-Пачетина, Сали, Сиче, Клокочевци, Нови-Град, Лакташи, Кола, Грдово, Бастаси, Приедор, Подновле, Мосоровичи, Любине, Господжинци, Дреновац, Бела-Црква, Дони-Присян, Горни-Стрижевац, Штрпце, Големади.

² В некоторых говорах общеславянские слова утрачены за счет вытеснения их локальными новообразованиями (ср. призренско-тимокское *гледџи* ‘зрачок’ при общем сербском и хорватском *зеница*). В качестве примера приведем несколько лексем, которые, хотя и не зафиксированы в некоторых анкетах, однако встречаются в большинстве пунктов, говоры которых относятся к разным наречиям сербскохорватского диалектного языка: *ваља* ‘годится’ (отсутствует в чакавской анкете, в славонской и сврлижско-заплавьской анкетах), *лубеница* ‘арбуз’ (в чакавском и двух призренско-тимокских пунктах вместо этого слова зафиксированы заимствования), *вбраца* ‘воробей’ (отсутствует в чакавском пункте), *воћњак* ‘сад’ (в некоторых штокавских пунктах вместо этой лексемы зафиксирован турцизм), *корњача* ‘черепаша’ (в чакавском пункте Сали *korenjača*, в кайкавском пункте Шимляник *žaba škvrnjača*, тимокско-лужицкое *жељћа*), *мекеће* ‘блеет’ (кроме кайкавского пункта Шимляник).

сербскохорватская. Поэтому часть общей сербскохорватской лексики закономерно составляет лексика **общеславянская** (*брат, жена, свекрва, заова, јетрва, венчати се, чельаде, стреха, брати, шапнути, шетати, длан, писмо* и др.). Часть выделенной нами общей лексики не является общеславянской, но также относится к праславянскому слою: *врећа* ‘мешок’ [Skok 3: 622], *кола* ‘телега’ [ЭССЯ 10: 141], *цреп* ‘черепица’ [ЭССЯ 4: 73], *јаребица*³ ‘куропатка’ [ЭССЯ 1: 73], *јарац* ‘козел’ [ЭССЯ 8: 181], *глежањ* ‘лодыжка’ [ЭССЯ 6: 118], *врабац* ‘воробей’ [Bezлај 4: 349], *лек* ‘лекарство’ [ЭССЯ 14: 192], *извор* ‘источник’ [ЭССЯ 9: 100]. Отдельную группу составляют **южнославянские** лексемы⁴: *зид* ‘стена’ [Bezлај 4: 410], *настух* ‘жеребец’ [Трубачев 1960: 60], *мољац* ‘моль’ [ЭССЯ 19: 206; Skok 2: 453], *лонац* ‘горшок’ [ЭССЯ 16: 35–36], *мачка*⁵ ‘кошка’ [ЭССЯ 17: 110], *лубеница*⁶ ‘арбуз’ [ЭССЯ 16: 154; БЕР 2: 484]. Среди южнославянских лексем отметим и слово *цепаница* ‘полено’, не включенное в ЭССЯ, но представленное во всех южнославянских языках (словен. *seranica* [Bezлај 1: 61], болг., макед. *цепеница* [РБЕ; ДРМЛ]), производное от **сѣрати* ‘рубить, колоть, расщеплять’ [ЭССЯ 3: 184].

Вторую группу среди общей сербскохорватской лексики составляют **словенско-сербскохорватские** семантические **инновации** — праславянские слова, претерпевшие семантические изменения и распространившиеся в словенских и сербскохорватских говорах в новом значении. Некоторые из этих инноваций распространились и на часть восточноюжнославянских говоров. Рассмотрим эти лексемы.

Жир ‘желудь’ (словен. *žir* ‘корм для свиней: плод бука и дуба’ [Pleteršnik]). Данная инновация представляется достаточно древней, поскольку в древнесербских текстах **želodь* не фиксируется, а **žirь* представлен [Даничић 1: 339]. Кроме сербскохорватских и словенских, она захватила часть западноболгарских [БЕР 1: 547] и македонских говоров [РМНП 2: 280]. Номинация **žirь* ‘желудь’ является специализацией более общего значения ‘корм’ (ср. семантический переход в говоре Истрии ‘общее название для плодов’ [Картотека ЭССЯ]). В крайних сербскохорватских говорах (в чакавских, зетско-сеницких говорах, в одном кайкавском и восточносербском пункте) сохраняется слово *желуд* [ОЛА 2011].

Брод ‘корабль’ [ЭССЯ 3: 36–37] (словен. *brod* ‘плот, лодка для переправы, корабль’ [SSKJ]). Значение ‘корабль’ фиксируется в словаре Даничица, что свидетельствует о древности значения [Даничић 1: 79].

Посао ‘дело, работа’ (словен. *posel* [SSKJ]). Слово производно от глагола **posълати* и первоначально означало послание [Skok 3: 13; Bezлај 3: 90], посла или

³ Согласно [Bezлај 1: 227] суффиксальная форма является южнославянской.

⁴ В данной группе встает вопрос о хронологии ее формирования: является ли образование слова праславянским процессом или конвергентным явлением послепраславянского периода развития южнославянских языков?

⁵ Слово *мачка* в этимологической литературе относится как к южнославянским словам [Bezлај 2: 159], так и к южнославянско-югозападнославянским [БЕР 3: 696–697].

⁶ Скок называет слово общеславянским [Skok 2: 322]. Согласно Безлаю, в словенском языке это слово представляет собой заимствование из сербскохорватского [Bezлај 2: 154].

дело, за которым посылают [RJAZU 10: 893]. Инновация не захватила восточные сербские говоры, где употребляется слово *работа*. В древнесербских текстах слово фиксируется в исходном значении ‘посол’ [Даничић 2: 388].

Клип ‘кукурузный початок’ (словен. *klip* [Pleteršnik]). В других славянских языках слово обозначает иные предметы длинной формы [ЭССЯ 10: 47].

Нераст ‘некастрированный самец свиньи’ (словен. *nerest* [Pleteršnik]). В других славянских языках слово распространено в значении ‘нерест, метание икры’ [ЭССЯ 25: 9].

Помимо семантических инноваций среди выделенной общей лексики есть несколько словообразовательных инноваций.

Рођак ‘родственник’ (словен. *rojak* ‘земляк’ [SSKJ]), это же значение встречается и в хорватских текстах [RJAZU 14: 117]). Слово представлено в древнесербском языке [Даничић 3: 53].

Водир, водижер ‘приспособление для заточки косы’, производное от **voda* (словен. *voder* [Pleteršnik], в восточной Штирии *vodir* [SSKJ]).

Третью группу составляют **болгарско-македонско-сербскохорватские инновации**. К этой группе в исследованном материале можно отнести следующие слова.

Воденица ‘водяная мельница’ [БЕР 1: 168]. В сербскохорватском слово фиксируется в древнесербских и старочакавских текстах [RJAZU 21: 223].

Презиме ‘фамилия’ [БЕР 2: 71], образовано от слова *име* с помощью приставки *през-* (**perz*) ‘через, кроме’ [Skok 3: 38] с первоначальным значением «прозвище, вместо имени», в сербских и хорватских текстах фиксируется с XVII века [RJAZU 11: 815].

Песма ‘песня’ [БЕР 5: 186]. Слово произошло путем ассимиляции из *песна* (ранее в с.-х. *pjesan*) [Skok 2: 672].

Лубичица ‘фиалка’ [ДРМЈ; РБЕ], производное от ботанического названия *љубица*, которое в свою очередь образовано от *љубити* ‘любить, целовать’ [RJAZU 6: 286].

Четвертую группу составляют собственно **сербскохорватские новообразования**, захватившие говоры всех трех наречий сербскохорватского языка⁷. В словенском, болгарском и македонском языках они отсутствуют.

Ждрал ‘журавль’. П. Скок называет слово сербскохорватской инновацией, возникшей из общеслав. *жерав* вследствие необходимости устранить омонимию со словом *жерав* ‘угли’ [Skok 3: 672].

Ваљати ‘годиться’, производное от *воља* ‘воля, желание’ [Skok 3: 564].

⁷ Как показало предыдущее исследование, слов, которые бы были общими для всех сербскохорватских говоров и в то же время не встречались бы в других славянских языках, обнаруживается не так много (среди слов, картографированных в ОЛА, их всего несколько *реч* ‘слово’, *боре* ‘морщины’, *загонетка* ‘загадка’, *погрешиш* ‘ошибется’). Оговоримся, что это слова, которые характерны для всех сербскохорватских пунктов ОЛА, что не значит, что они употребляются во всех без исключения сербскохорватских говорах (ср., например, *беседа* ‘слово’ в чакавских и некоторых штокавских говорах) [Якушкина 2018].

Корњача ‘черепаша’, производное от *кора* [Skok 2: 151].

Комушина ‘листья, в которых растет кукурузный початок’, производное от представленного в разных славянских языках *ком* (в с.-х. в значении ‘очистки’) [Skok 2: 130].

Среди общих инноваций собственно сербскохорватского периода выделяют также **займствования**: турцизмы (*бубрег* ‘почка’, *кичма* ‘позвоночник’, *чарапа* ‘носок’, *цеп* ‘карман’, *ћон* ‘подошва’, *улар* ‘повод’, *чамац* ‘лодка’⁸), грецизмы (*подрум* ‘подвал’, *ливада* ‘луг’, *комад* ‘кусок’, *ћак* ‘ученик’, *колиба* ‘шалаш’, *магарац* ‘осел’⁹), германизмы (*штала* ‘хлев’, в Далмации может быть из итальянского [Skok 3: 411]), итальянизмы (*ружа* ‘роза’, *бресква* ‘персик’).

Как показал анализ материала, среди общих сербскохорватских инноваций наибольшую группу составляют словенско-сербскохорватские лексемы, среди которых преобладают семантические трансформации, частично распространившиеся на восточноюжнославянские говоры. Датировка возникновения данных лексем, то есть их отнесение к позднепраславянскому или послепраславянскому периоду, представляет собой научную проблему, над решением которой предстоит работать. Собственно сербскохорватских общих словообразовательных инноваций обнаруживается немного, большую часть общих новообразований составляют займствования. Для более адекватного представления группировки южнославянских говоров по общности лексических процессов необходимо создание списков слов, которые бы содержали лексические выражения базовых значений.

Литература

Јакушикина Е. И. Компаративна анализа података српских дијалектолошких анкета // 50. Научни састанак слависта у Вукове дане. Београд, 2021. С. 193–198.

Трубачев О. Н. Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М., 1960. 116 с.

Јакушикина Е. И. Сербская и хорватская лексика в общеславянском лингвистическом атласе // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. Т. 77. № 1. С. 5–14.

Источники

Даничић — Даничић Ђ. Рјечник из књижевних старина српских. Београд, 1975. Т. 1–3.

Bezljaj — Bezljaj F. Etimološki slovar slovenskega jezika. Ljubljana, 1976–2007. Т. 1–5.

Pleteršnik — Pleteršnik M. Slovensko-nemški slovar. Режим доступа: <https://fran.si/>

⁸ Согласно RЈAZU, представлено только у Вука. В старых хорватских словарях и у хорватских авторов отсутствует.

⁹ Лексема отсутствует в чакавском пункте.

Skok — *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, 1–4. Zagreb, 1971–1974.

БЕР – Български етимологичен речник. София, 1971–. Т. 1–.

ДРМЈ — Дигитален речник на македонскиот јазик. — Режим доступа: <http://www.makedonski.info>.

ОЛА – Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Вып. 6. Рефлексы *е. М., 2011.

РБЕ — Речник на българския език. — Режим доступа: <https://ibl.bas.bg/rbe/lang/bg/>

РМНП — Речник на македонската народна поезија. Т. 1–. Скопје, 1983–.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1974–. Вып. 1–.

RJAZU — Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. D. 1–23. Zagreb, 1880–1976.

SSKJ — Slovar slovenskega knjižnega jezika. — Режим доступа: <https://fran.si/>

Upitnik za SDA — Upitnik za srpskohrvatski / hrvatskosrpski dijalektološki atlas. Институт за српски језик САНУ (рукопись).

Ekaterina I. Yakushkina

Moscow State University

(Moscow, Russia)

jkatia@yandex.ru

**COMMON VOCABULARY OF SERBIAN-CROATIAN DIALECTS
(AN ATTEMPT AT GENETIC CLASSIFICATION OF THE COMMON
SERBIAN-CROATIAN VOCABULARY BASED ON DIALECTOLOGICAL
QUESTIONNAIRES)**

The article deals with the genetic and chronological classification of the lexemes shared by the Shtokavian, Chakavian, and Kaikavian dialects of the Serbian-Croatian dialect area. The common vocabulary is identified with the help of a comparison of questionnaires filled out according to the questionnaire of "Serbo-Croatian dialect Atlas" and reflecting the vocabulary of the dialects of different regions of Serbia, Croatia and Bosnia and Hercegovina. The analysis is undertaken to try and resolve the issue of the existence or absence of lexical innovations that unite the dialects of this area in different periods of its history. The study showed that the dialects of this region experienced common lexical innovations with Slovenian dialects, with Bulgarian dialects. Serbian-Croatian common innovations exist too but in small numbers.

Keywords: Serbian-Croatian dialects, South Slavic languages, Proto-Slavic language, dialect lexicology.

References

B'lgarski etimologichen rechnik [Bulgarian Etymological Dictionary]. Sofiya, 1971–. Vol. 1–. (in Bulgarian).

Daničić D. *Rječnik iz književnih starina srpskih* [Dictionary of Old Serbian Language]. Beograd, 1975. Vols. 1–3. (in Serbian).

Digitalen rechnik na makedonskiot jazik [Digital Dictionary of the Macedonian Language]. — <http://www.makedonski.info>.

Etimologičeskii slovar slavyanskikh yazykov. Praslavyanskii leksicheski fond [Etymological dictionary of Slavic languages. Proto-Slavic Lexical Stock]. Ed. by O. N. Trubachev. Moscow, 1974 –. Iss. 1–41.

Obshheslavyanskii lingvisticheski atlas. Seriya fonetiko-grammaticheskaya [Common Slavic Linguistic Atlas. Series Phonetics and Grammar]. Iss. 6. *Refleksy *e* [Reflexes of *e]. Moscow, 2011.

Rechnik na b'lgarskiya ezik [Dictionary of the Bulgarian language]. —<https://ibl.bas.bg/rbe/lang/bg/> (in Bulgarian).

Rechnik na makedonskata narodna poeziya [Dictionary of Macedonian folk poetry]. Vol. 1–. Skopje, 1983–. (in Macedonian).

Trubachev O. N. *Proiskhozhdenie nazvanii domashnikh zivotnykh v slavyanskikh yazykakh* [The Origin of Domestic Animal Names in Slavic Languages]. Moscow, 1960. 116 p.

Yakushkina E. I. *Komparativna analiza podataka srpskih dijalektoloških anketa* [Comparative analysis of data from Serbian dialectological questionnaires] // 50. *Nauchni sastanak slavista u Vukove dane* [The Slavists' conference on Vuk's days]. Beograd, 2021 (in print). (in Serbian).

Yakushkina E. I. *Serbskaya i xorvatskaya leksika v obshheslavyanskom lingvisticheskom atlase* [Serbian and Croatian Vocabulary in the Common Slavic Linguistic Atlas] // *Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Series Literature and Language]. Vol. 77. № 1. P. 5–14.

**КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ
REVIEWS**

А. К. Шапошников

*Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
etymol@mail.ru*

**МЫЗНИКОВ С. А. РУССКИЙ ДИАЛЕКТНЫЙ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ
СЛОВАРЬ. ЛЕКСИКА КОНТАКТНЫХ РЕГИОНОВ. —
М.; СПб.: Нестор-История, 2019. — 1064 с. — ISBN 978–5-4469-1552-1**

Представляемый словарь составлен видным отечественным диалектологом, член.-корр. РАН С. А. Мызниковым. Словарь представляет собой системное описание заимствованной лексики, зафиксированной в русских говорах контактных регионов. Большая часть диалектного материала имеет финно-угорское происхождение, но представлены также балтизмы, тюркизмы и заимствования из других языков по данным лексикографических изданий, картотек диалектных словарей, а также по собственным записям автора-составителя. Значительная часть анализируемых лексических материалов ранее не попадала в поле зрения этимологов. В словаре представлен этимологический анализ около 18 тысяч слов. Словарь предназначен для лингвистов, диалектологов, этимологов, а также для широкого круга интересующихся историей и происхождением слов родного языка, живым русским языком и языковыми контактами.

Ключевые слова: этимон, этимологическое гнездо, диалектный ареал, языковой контакт, лингвогеография, неисконное / исконное слово, фонетическая адаптация, адстратное языковое взаимодействие, языковой субстрат, заимствование, проникновение.

Всех интересующихся происхождением русских слов и историей формирования и становления современной русской языковой общности и русского языкового союза порадовал выход в свет увесистого тома «Русского диалектного этимологического словаря» Сергея Алексеевича Мызникова, ведущего отечественного диалектолога и лексикографа современности. Порадовало это фундаментальное издание и узкий круг профессиональных этимологов.

Данная работа задумывалась автором как особый тип этимологического словаря, а именно — с тематической, по возможности идеографической структурой словника. Однако по истечении некоторого времени автор вынужден был вернуться к традиционному построению словаря — алфавитному, с организацией одно-типного материала в этимологические гнёзда.

Первоначально автор планировал составить словник исключительно из единиц прибалтийско-финского происхождения. Но в результате работы на других территориях в зонах контактов русского языка с другими языками автор решил включить все данные, которые попадали в поле его зрения.

Главные принципы, которые лежали в основе работы над данным проектом, формулируются во «Введении» в следующих положениях (с. 4–5):

1. детальный показ географии бытования слова, вплоть до населенного пункта;
2. показ этимологии слова в ареальном языковом микроконтексте, так как при этимологическом анализе неисконных слов важен не только учет внешней и внутренней формы слова, но и ареал их бытования;
3. учет специфики реалий материальной и духовной культуры контактирующих языков и этносов;
4. при анализе слов контактного происхождения автор следовал исследовательской методике В. Феенкера [Veenker 1992: 175–196] в таком порядке: а) определение места языкового контакта, б) определение качества и количества взаимодействующих языков, в) определение при каких условиях, обстоятельствах контакты происходили, г) когда и как долго продолжалось языковое контактирование;
5. автор придерживался более детального, конкретного (вплоть до диалектных особенностей) представления этимонов при выдвижении этимологической версии. Для него было важно показать результаты современного адстратного языкового взаимодействия. Ведь, как правило, слово заимствуется в какой-то одной, конкретно-исторической, диалектной форме, а не сразу в нескольких диалектных и исторических вариантах и заметно различных формах, тем более не в разновидностях праязыкового архетипа. До сих пор в кабинетной этимологии преобладает самый общий подход к выдвижению версии, подбор общезыковых данных языков-источников.

Состав словаря. В состав словаря включена лексика неисконного происхождения вне зависимости от территории ее бытования, а также исконная лексика, вошедшая из русского в другие контактирующие языки. См. словарные статьи «Жило», «Жира (Жир)» (с. 194).

Внимательно анализируются словарные данные, которые не являются вполне достоверными, а представляют собой разного рода неверные прочтения, ошибки, опечатки и т. п. Об оценке достоверности диалектных данных подробно повествуется в разделе предисловия на сс. 8–11.

В состав включена и детально проанализированная лексика прибалтийско-финского, а также пермского, марийского, мордовского происхождения. Лексика обско-угорского происхождения рассматривается в словаре с привлечением существующих разработок других авторов.

Балтизмы привлекаются для рассмотрения без каких-либо территориальных ограничений их распространения, преимущественно Северо-запада России.

Слова скандинавского происхождения бытуют в основном в северной части России.

Тюркизмы представлены в русских говорах очень широко, но заимствовались в разное время и при разных обстоятельствах из разных тюркских языков и диалектов (азербайджанского, алтайского, башкирского, казахского, киргизского, кумыкского, татарского, турецкого, хакасского, чувашского и др.). Еще одной характерной чертой тюркизмов в влр. диалектах является их проникновение иногда «из вторых рук», через финно-угорские, сармато-туранские, восточно-романские, греческие диалекты, например. Этот существенный для внешней и внутренней формы слова фактор часто упускается из виду кабинетной этимологией.

Заимствования из языков других групп и семей представлены в словаре спорадически, если только попадали в сферу внимания автора с внесением в этимологию каких-л. новых сведений.

Ареал обследования. Словарь охватывает материалы русских говоров, собранные автором на территории Псковской, Новгородской, Ленинградской, Смоленской, Тверской, Ярославской, Калужской, Костромской, Вологодской, Архангельской, Мурманской, Владимирской, Оренбургской областей, республик Карелия, Мордовия, Марий Эл, Чувашия, Татарстан, Удмуртия. Кроме того, широко использованы материалы по всем русским говорам с особым вниманием к контактными территориям. Основной единицей географической пометы является населённый пункт.

Источники диалектных данных. Значительные по объёму диалектные материалы были получены при полевом экспедиционном лингвогеографическом обследовании (ПЛГО) русских говоров и финно-угорских языков, большую часть их автор включил в корпус словаря. Привлечены также данные Северно-русской топонимической экспедиции (СТЭ) (под руководством А. К. Матвеева). Были использованы материалы картотек «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей» (КСРГК в СПбГУ), СРНГ (КСРНГ и КЛАРНГ в ИЛИ РАН), Пинежских говоров Г. Я. Симиной (Симиная в ИЛИ РАН и в Словарном кабинете им. Б. А. Ларина), а также всех доступных автору русских диалектных словарных картотек и изданных русских диалектных словарей, иногда во второй редакции.

В данном словаре использовались и диалектные оцифрованные данные.

Словник словаря. В первую очередь в корпус словаря включена неисконная апеллативная лексика, независимо от ее диалектного или общенародного характера; затем следует неисконная топонимия, особенно зафиксированная автором, для более объемного показа базовой апеллативной лексики, ономастических единиц в статусе микропонима или народного географического термина, особенностей иноязычного воздействия в каком-л. ареале; включена также лексика профессиональных арго, дающая неоценимые аргументы при выдвигании этимологической версии.

Структура словаря. Слова в словаре располагаются в алфавитном порядке, что облегчает пользовательский поиск; буквы е и ё не разделены на две алфавитные

позиции. Омонимы разрабатываются в отдельных словарных статьях с цифровым показателем после заголовочного слова, что облегчает и работу этимолога с гомогенными и гетерогенными омонимами.

Структура словарной статьи. Включение лексем в одну словарную статью обуславливается общностью их происхождения, происхождением из разных, но близкородственных источников, единой (влр.) словообразовательной деривацией от неисконных производящих основ, удобством анализа гетерогенных лексем, долго считавшихся гомогенными.

Форма заголовочного слова выводится из результатов анализа её происхождения или из частотности употребления.

После заголовочного слова приводится значение, иллюстрация (если необходимо очевидное подтверждение семантики), географическая помета, этимологическое толкование, с опорой на данные памятников письменности, данные ономастики (топонимии, антропонимии), показания сферы употребления слова, сравнительные примеры. Выразим общее мнение пользователей словаря о том, что автор иногда слишком скромно даёт помету «сравни» (вместо обоснованного «из»).

Фонетические варианты, имеющие устойчивый узус и различную ареальную дистрибуцию, могут подаваться в отдельных словарных статьях, в особенности если удастся показать их связь с различными языками (диалектами). Акцентологические варианты даются в одной словарной статье, в заголовок выносятся наиболее частотный вариант.

Грамматическая характеристика слова: имена существительные приводятся в форме именительного падежа единственного числа без указания рода, глаголы — в форме инфинитива.

Семантическая характеристика слова даётся в толкованиях значения, которые стремятся передать максимально точно семантику. В толкованиях автор пытался максимально разграничить значения, даже если они имеют сходный денотат или сводимы к одному понятию.

Очень важны методологически теоретические разделы Введения. Автор детально обзревает теоретические проблемы и общие положения темы «Заимствование — субстрат — проникновения», сс.15–18. В частности, рассматривается скандинавская биглоссия индоевропейских и финно-угорских языков; протоевропейский и раннеиндоевропейский субстрат в прибалтийско-финских языках; внутренние и внешние контакты между языками; периодизация архаизации (25–35 лет) и выпадение (70–80 лет) из словарного состава лексем, после отрыва от реалии и исчезновения понятия; фонетическая субституция в ранних заимствованиях из финно-угорских в др.-русс. язык и адаптация фонетически исконных моделей после перехода на русскую речь; адаптация исконной прибалтийско-финской фонетической системы к системе звуков заимствованного (русского) языка; первичная адаптация и дальнейшее освоение лексем.

Столь же важен раздел «Этимологические исследования диалектной лексики неисконного происхождения». Автор словаря начинает обзор литературы по вопросу

с фундаментального труда Яло Калимы [Kalima 1919] и завершает изданиями «Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера». Вып. 1 (А–И) под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург, 2004 [Матвеев 2001, 2004, 2007, 2015], «Материалы к словарю ранних прибалтийско-финских, чудских и саамских заимствований русского языка» [Шилов 2008] и «Материалы для этимологического словаря северно-русских говоров // Северно-русские говоры. Вып. 6–10 под ред. А. С. Герда [Герд 1995, 1999, 2003, 2004, 2008, 2009].

Завершающий раздел Введения различает хронологически дистантные тюркизмы в смешанных тюркско-финноугорских ареалах. Автор предлагает различать: а) ранние тюркизмы, по большей части общие для общенародного русского языка, б) поздние тюркизмы — результаты недавнего влияния живых тюркских языков.

За Введением следуют списки Сокращений: языки и диалекты сс. 24–29; периодические издания с. 29; прочие сокращения с. 30).

Корпус словаря охватывает сс. 31–965. Использованная автором методика анализа заимствований приводит нас к отказу от ряда считавшихся правдоподобными трактовок русских слов как заимствований в пользу исконно-русских и даже праславянских этимологий. И наоборот — некоторые диалектные слова, попавшие в этимологическую литературу как исконно-русские или праславянские, очевидно требуют трактовки как заимствования, исходя из несоответствия в семантике и наличия сходных этимонов в финно-угорских и др. языках. Русский диалектный этимологический словарь сразу становится незаменимым подспорьем и для праславянской этимологии, особенно для адептов кабинетной её разновидности, оторванной от реальности исторического языкового контактирования и неспособной отделять гетерогенную омонимическую лексику от гомогенной исконной.

Завершается словарь разделом «Литература и источники» (сс. 966–1005) и Словоуказателем, который был размечен С. В. Лесниковым в Словарном отделе ИЛИ РАН (сс. 1006–1062). Этот прямой словник очень облегчает поиск искомого слова. За что особая благодарность автору-составителю словаря.

Литература

Герд А. С. Материалы для этимологического словаря северно-русских говоров // Северно-русские говоры. Межвузовский сборник. Вып. 6 (А, Б, В, Г) / Отв. ред. А. С. Герд. СПб., 1995, сс. 85–107; Вып. 7 (Д, Е, Ж, З) / Отв. ред. А. С. Герд. СПб., 1999, сс. 117–140; Вып. 8 (И, К, Л, М) / Отв. ред. А. С. Герд. СПб., 2004, сс. 173–235; Вып. 9 (Н, О, П, Р) / Отв. ред. А. С. Герд. СПб., 2008, сс. 209–262; Вып. 10 (С — Я) / Отв. ред. А. С. Герд. СПб., 2009, сс. 144–176.

Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Часть I. Екатеринбург, 2001, 346 с.; Часть II. Екатеринбург, 2004, 369 с.; Часть III. Екатеринбург, 2007, 300 с.; Часть IV. Екатеринбург, 2015, 313 с.

Шилов А. Л. Материалы к словарю ранних прибалтийско-финских, чудских и саамских заимствований русского языка. М.: Наука, техника, образование, 2008. 44 с.

Kalima J. Die ostseefinnisshen Lehnwörter im Russischen // MSFOu [Memoires de la Societe Finno-Ougrienne] XLIV. Helsinki, 1919.

Veenker W. Finnougrisch-slavische Wechselbeziehungen // Finnisch-ugrische Sprachen zwischen dem germanischen und dem slavischen Sprachraum. Amsterdam — Atlanta, 1992.

A. K. Shaposhnikov

*V. V. Vinogradov Russian Language Institute RAS
(Russia, Moscow)
etymol@mail.ru*

**MYZNIKOV S. A. RUSSIAN DIALECT ETYMOLOGICAL DICTIONARY.
LEXICON OF CONTACT REGIONS. —**

**Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2019. — 1064 p. —
ISBN 978–5–4469–1552–1.**

The presented dictionary was compiled by a prominent Russian dialectologist, RAS corresponding member S. A. Myznikov. The dictionary is a systematic description of the borrowed vocabulary recorded in the Russian dialects of the contact regions. Most of the dialectal material is of Finno-Ugric origin, but Baltisms, Turkisms and borrowings from other languages are also represented according to lexicographic publications, card indexes for dialect dictionaries, as well as according to the author's own notes. A significant part of the analyzed lexical materials previously did not fall into the field of vision of etymologists. The dictionary contains an etymological analysis of about 18 thousand words. The dictionary is intended for linguists, dialectologists, etymologists, as well as for a wide range of people interested in the history and origin of words of their native language, Russian language and linguistic contacts.

Key words: etymon, etymological nest, dialectal area, language contact, linguo-geography, non-original / original word, phonetic adaptation, adstratic language interaction, language substrate, borrowing, penetration.

References

Gerd A.S. *Materialy dlya etimologicheskogo slovarya severno-russkikh govorov* [Materials for an etymological dictionary of northern Russian dialects] // *Severno-russkiye govory*. [Northern Russian dialects. Interuniversity collection]. Issue 6. (A, B, V, G) / Exec. ed. A.S. Gerd. Saint Petersburg, 1995, pp. 85–107; Issue 7 (D, E, F, Z) / Exec. ed. A.S. Gerd. Saint Petersburg, 1999, pp. 117–140; Issue 8 (I, K, L, M) / Exec. ed. A.S. Gerd. Saint Petersburg, 2004, pp. 173–235; Issue 9 (N, O, P, R) / Exec. ed. A.S. Gerd. Saint Petersburg, 2008, pp. 209–262; Issue 10 (S — Z) / Exec. ed. A.S. Gerd. Saint Petersburg, 2009, pp. 144–176.

Matveyev A. K. *Substratnaya toponimiya Russkogo Severa* [Substrate toponymy of the Russian North]. Part 1. Yekaterinburg, 2001, 346 p.; Part 2. Yekaterinburg, 2004, 369 p.; Part 3. Yekaterinburg, 2007, 300 p.; Part 4. Yekaterinburg, 2015, 313 p.

Kalima J. *Die ostseefinnisshen Lehnwörter im Russischen* [Baltic Finnish Borrowings in Russian] // *Memoires de la Societe Finno-Ougrienne* [Memoirs of the Finno-Ugric Society] XLIV. Helsinki, 1919.

Shilov A. L. *Materialy k slovaryu rannikh pribaltiysko-finnsskikh, chudskikh i saamskikh zaimstvovaniy russkogo yazyka*. [Materials for the dictionary of early Baltic-Finnish, Chud and Sami borrowings in the Russian language]. Moscow: Nauka, tekhnika, obrazovaniye Publ., 2008. 44 p.

Veenker W. *Finnougrisch-slavische Wechselbeziehungen* [Finno-Ugric — Slavic Mutual Connections] // *Finnisch-ugrische Sprachen zwischen dem germanischen und dem slavischen Sprachraum* [Finno-Ugric Languages Between the Germanic and the Slavic Linguistic Areas]. Amsterdam — Atlanta, 1992.

А. К. Шапошников

*Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
etymol@mail.ru*

**САНСКРИТСКО-СЕРБСКИЙ СЛОВАРЬ С ЭТИМОЛОГИЧЕСКИМ
КОММЕНТАРИЕМ.**

Рец.: Никий, Момир. Санскритско-српски речник. — Нови Сад: Прометеј, 2020. — XXIII, 1261 с. — (Библиотека Речници / Прометеј, Нови Сад; кнь. 8). — ISBN 978-86-515-1665-1.

Представляемый словарь составлен видным сербским этнологом Момиром Никичем. Двухязычный словарь, с дополнением толковой части словарных статей сербским сопоставительным лексическим материалом, показался автору-составителю свидетельством языкового родства санскрита и сербского языка. На основании систематических сопоставлений автор-составитель пришел к умозаключению о наибольшей близости сербского и санскрита в генетическом, ареальном и типологическом плане, близости на лексико-семантическом уровне двух языков разных групп и.-е. семьи. В словаре представлен этимологический анализ около 18 тысяч слов. Традиционно в санскритский словарь непременно включаются около 2000 примарных и секундарных корней. Словарь адресован переводчикам с санскрита на сербский, лицам, изучающим санскрит и индологию, а также широкому кругу интересующихся происхождением слов родного языка.

Ключевые слова: санскритская лексикография, ведический словарный запас, компаративистика, языковое родство, регулярные соответствия, фоно-морфологические схождения и расхождения языков, контрастивная лингвистика, сравнительная семантика, этимология деривационная и морфологическая.

Сербскую двухязычную лексикографию можно поздравить с выходом в свет основательного санскритско-сербского словаря Момира Никича, который, безусловно, является инновационным для сербской популярной языковедческой культуры и сербской национальной научной лингвистики, общего, индоевропейского и славянского языкознания.

Словарь начинается с Введения (VII–XXIII) в котором даётся обзор санскритской лексикографии в целом, европейской, славянской и российской в частности,

описания свойств словаря, структуры словарной статьи. Как и многие другие двуязычные санскритские словари, этот словарь также организован по системе письма деванагари. Значения слов приведены по их приоритету с особым вниманием к ведическим текстам (Ригведы, Самаведы, Яджурведы, Атхарваведы).

Традиционно в санскритский словарь непременно включаются около 2000 первичных и вторичных корней (2000 у Панини, 1943 в Дхатупатха, в поздних компендиумах 2056). В словаре М. Никича присутствуют и реконструированные корни (под астериском), не имеющие ссылок на цитируемые тексты.

Составитель декларирует традиционное разделение этимологии и грамматики в каждой словарной статье. При этом составитель разделяет этимологию на деривационную (исходящую из производящих корней и основ) и морфологическую (разлагающую на части слова, словообразовательные элементы).

Сравнительно-сопоставительный подход к санскритскому слову составитель реализует указанием на соответствия в других и.-е. языках, а также на родственные слова санскрита и сербского языка (с оглядкой на цслав. и даже праслав. формы).

Сравнительно-исторический подход к подбору санскритской лексики составитель реализовал сообразно диахронии текстов (сначала Ригведа, затем Самаведа, затем Яджурведа, затем Атхарваведа, далее следуют Брахманы, Арьянаки, Упанишады, далее Махабхарата и Рамаяна, и наконец классические санскритские тексты (500 г. до н. э. — 500/1400 н. э.). Для этого составитель использовал систему помет в словарных статьях (с. XIX).

Оригинальной инновацией для сербской лексикографии является систематическое выявление санскритско-сербского языкового родства. Составитель пришел к умозаключению, что сербский лексический фонд ближе всего к старейшему ведическому фонду санскрита (с. XX), отмечая языковые факты, в которых он видит указания на историческое схождение и расхождение санскрита и сербского языков. Среди фоно-морфологических схождений он выделяет процессы палатализации, эвфонии (самдхи), вокализации и.-е. слоговых *r* и *l*, подударности числа, апофонии (чередования), падежные окончания, суффиксы, системы склонения и спряжения частей речи. Схождения очевидны в лексико-семантических группах анатомии человека, природной среды, цветообозначения, земного разнообразия, скотоводства и земледелия, жизни и смерти, пространственных ориентиров, терминов родства и свойства, общественной организации, государства, политики, религии, ритуала, военной терминологии. Расхождения наблюдаются в элиминировании дифтонгов, деаспирации, в упрощении системы согласных, в йотации, в появлении новых фрикативных и аффрикат (*жс*, *ч*, *джс*), в утрате модальных глагольных видов (конъюнктива, инъюнктива, древнего императива), старого перфекта, сигматического будущего и имперфекта, различия реализации вокалического *r*, йотацизм вокалического *l*, корневой супплетивизм и большее развитие суффиксации в ущерб словосложению и т. д.

Составитель объявляет далее, что языковое родство невозможно истолковать развитием из одного и того же источника или подвергать только правилам компаративного метода, которому помимо очевидных преимуществ присущи и некоторые

недостатки (с. XXII). При этом составитель ссылается на мнение А. Фокса [Fox 1995: 137–138] о недостатках компаративного метода («нелегитимная предположка об униформности протоязыка, которая противоречит фактам, полная регулярность в отношении изменений») и на новую лингвистическую теорию М. Дьюри и М. Росса [Durie & Ross 1996], одинаково уважающую как младограмматическую регулярность, так и нерегулярность и инновации. Составитель приветствует и обосновывает усилия этимолога в сравнении с компаративистом («историком языка»). Но смысл этих деклараций составителя становится понятен только при чтении словаря. Видимо, вышеперечисленные положения рассматривались им как оправдание подбора сербских соответствий по внешней схожести и семантическим совпадениям с санскритом, в угоду народной и кабинетной этимологии, вопреки результатам сравнительно-сопоставительной методики и основанной на ней позитивистской этимологии.

За Введением следуют списки сокращений и символов. Корпус словаря имеет объём 1261 страницы.

Нас более всего, разумеется, интересовали этимологические комментарии в отдельных словарных статьях, особенно с участием сербского и праслав. лексического фонда, чему стоит посвятить несколько заметок на полях словаря. Для удобства пользователя словаря сербские соответствия даны прописными буквами, что значительно облегчает нахождение нужного сопоставления. Сплошной вычитке подверглись словарные статьи на «букву» А (ок. 11 % совокупного словарного объёма).

Санскр. *aṃh-*, *aṃhati*, *áṃh-as*, *aṃhu* ‘стеснённое положение; нужда; беспокойство; бедствие’ справедливо сопоставлены с корнем сербск. УЗАК, УСКОСТ на с 1–2, ср. ЭССЯ 40;

Санскр. *á-kavāri* ‘нескупой, немудрый’ сопоставлено с серб. не-КОВАРАН не слишком убедительно с. 3;

Санскр. *ákṣa* ‘ось’ обоснованно сопоставлено с серб. ОСА с. 5;

Санскр. *akṣá*, *akṣán*, *ákṣi* ‘глаз’ сопоставлено с серб. ОКО, ОЧИ с. 5, 6, родство на уровне корня;

Санскр. *akṣṇauā* ‘поперёк’ сопоставление с серб. КОСО, что едва ли будет встречено сочувственно славянскими этимологами с. 6;

Санскр. *agní* ‘огонь’ сопоставлено с серб. ОГАЊ, ОГЊА, ОГЊИШТЕ с. 8–9;

Санскр. *agrāṇīka* ‘?’ неудачно сопоставлено с серб. ГРАНИЦА, а также с мнимыми хетт., греч., лат., лтш. соответствиями, восходящими к совсем иному и.-е. архетипу, с. 10;

Санскр. *aghāvat* ‘злой; плохой’ сопоставлено с серб. ОГАВАН (?) напрасно с. 11;

Санскр. *aṅka*, *āṅkas*, *aṅkin* ‘изгиб, сгиб; колено; сторона, бок; тело; знак, след; признак; цифра; число; акт, действие драмы’ сопоставлены с серб. КУКА, ОКУКА ошибочно, тут уместнее было бы сопоставление с па-ЈАК, глаг. корнем в серб. па́-ЈА-ти, па-ЈА́-м ‘смахивать паутину’ и праслав. **ra-jeḱь* / **ra-voḱь* с. 11;

Санскр. *aṅkurá* ‘вода’ сопоставлено с серб. КУПАТИ ошибочно с. 11;

Санскр. *aṅga*, *sāṅga* ‘тело, часть тела, член, вспомогательное средство’ сопоставлено с серб. СНАГА ошибочно с. 12;

Санскр. áṅgāra ‘древесный уголь’ сопоставлено с серб. УГАЛЬ, но УГАРАК тут неуместно, конфикация у-гар-ъкъ глаг. угарати, угорѣти с. 12;

Санскр. áṅgīras ‘один из семи мудрецов, автор гимнов Ригведы’ сопоставлено с серб. церковным грецизмом АНЂЕО неловко с. 12;

Санскр. áṅghri ‘нога, стопа’ напрасно сопоставлено с серб. НОГА с. 13;

Санскр. accha ‘ясный, прозрачный, чистый’ сопоставлено с серб. ЧИСТ с. 14;

Санскр. áchidyamāna ‘не отрезанный, неусечённый; не хрупкий (об игле)’ сопоставлено с серб. не-по-КИДАН неудачно, с. 14;

Санскр. ajā ‘коза’ сопоставлено с серб. КОЗА, КОЖА неудачно с. 15, зд. лучше цслав. *азьно*;

Санскр. ajña, ajñatā, ajñāta, ajñāti, ajñātvā, ajñāna ‘несведущий, незнающий; неразумный, глупый; незнакомый, неизвестный; неумный; незнание, невежество’ сопоставлено с серб. НЕЗНАЛИЦА, НЕЗНАЊЕ, НЕПОЗНАТ, НЕЗНАНА, НЕЗНАНАЦ, НЕЗНАЈУЧИ с. 16;

Санскр. añcala ‘край, кромка, кайма’ сопоставлено с серб. УГАО неудачно с. 16;

Санскр. añjas ‘мазь’ сопоставлено с серб. НАГЛО неудачно с. 17;

Санскр. aṭ, aṭana ‘странствие, путешествие’ сопоставлено с серб. ЛУТАТИ, ЛУТАЊЕ безосновательно, в крайнем случае с luṭh 17;

Санскр. aṇḍa ‘яйцо’ сопоставлено с серб. МУДО неудачно 17;

Санскр. átas ‘потом, затем; поэтому; отсюда, начиная с этого; с этих пор’ сопоставлено с серб. ОТУДА неудачно 18;

Санскр. áti ‘мимо; через; очень, чрезвычайно; совсем; в высшей степени, очень; над, сверх, по’ сопоставлено с серб. ЈОШ, цслав. ЕЩЕ 18;

Санскр. atitud (atityad?) ‘превосходящий’ сопоставлено с серб. ТУЧЕ неудачно 19;

Санскр. atiṣkānd, atiṣkade ‘перепрыгивать’ сопоставлено с серб. пре-СКОЧИТИ неудачно 23;

Санскр. atī, atyeti, atīta ‘проходить; преодолевать; прошедший, минувший’ сопоставлено с серб. ОТИЋИ, ОТИШАО поверхностно 23;

Санскр. *atta, (attā, attī, attikā), tatā ‘мать, сестра матери, старшая сестра, тёща/свекровь; отец; тятя’ сопоставлено с серб. ОТАЦ 24;

Санскр. attavua ‘годный в пищу’ сопоставлено с серб. ОТАВА неудачно 24;

Санскр. átha ‘теперь; затем, потом; и, но, однако; поэтому; но если; однако, конечно’ сопоставлено с серб. ОНДА, ПОТОМ, АКО неловко 26;

Санскр. *áthar ‘очаг’ сопоставлено с серб. ВАТРА удовлетворительно, но вот черногорск. од ватре тождественно болг. от вътре, гетерогенные слова 26;

Санскр. atho ‘затем, потом’ сопоставлено с серб. ЗАТО неудачно 26;

Санскр. ad, atti, ādáyati, adat, ádana, ádya ‘есть, поглощать’ сопоставлены с серб. ЈЕСТИ, ЈЕДЕМ, ЈЕДЕ, ЈЕДЕЊЕ, ЈЕСТИВ 26, 29;

Санскр. ádatta, adattā ‘не данный; не выданная замуж’ сопоставлено с серб. не-ДАТ, не-у-ДАТА 26;

Санскр. ádāna ‘нежертвующий, неподающий; недавание’ сопоставлено с серб. не-ДАВАЊЕ неловко 27;

Санскр. *ádīrga* ‘недлинный, недолгий, недлительный’ сопоставлено с серб. не-ДУГ 27;

Санскр. *adyá* ‘сегодня; сейчас’ сопоставлено с серб. ДАНАС, САДА неловко 29;

Санскр. *advivaṛṣa* ‘не достигший возраста двух лет’ сопоставлено с серб. не-ДВЕ године 29;

Санскр. *ádha* ‘или’ сопоставлено с серб. САДА, ОНДА неловко 29;

Санскр. *ádharma, adharāt, adharāñs, adharāk* ‘нижний; низший; низ, нижняя часть’ сопоставлено с серб. ДОЛЕ, НАДОЛЕ, ДОЊЕМ неудачно 30;

Санскр. *ádhi* ‘наверх, сверху; на; от, из; в отношении’ сопоставлено с серб. НАД, ИЗНАД неудачно 30;

Санскр. *adhika* ‘очень большой; чрезвычайный; превосходный; больший или лучший, чем’ сопоставлено с серб. ДИКА неудачно 31;

Санскр. *adhivasati* ‘надевает, натягивает’ сопоставлено с серб. ОДЕВАТИ, ОДЕ-ВЕН, ДЕНУТИ неудачно 32;

Санскр. *adhivāda* ‘оскорбление, обида’ сопоставлено с серб. УВРЕДА неудачно 32;

Санскр. *adhivīta* ‘получать’ сопоставлено с серб. УВИЈЕН, ОБАВИЈЕН неудачно, лучше вѣт 32;

Санскр. *adhyāpaka, adhyāpayaṭi* ‘заставлять читать или изучать, учить, наставлять’ сопоставлено с серб. ЪАК крайне неудачно 34;

Санскр. *ádhvān* ‘путь; путешествие; длина; пространство’ сопоставлено с серб. ИДЕЊЕ не слишком удачно 34;

Санскр. *an-, ana-* ‘местоимение, употреблённое в знач. 3 л. ед. ч.’ сопоставлено с серб. ОН, ОНА, ОНО 35;

Санскр. *ánagna* ‘не нагой’ сопоставлено с серб. не-НАГ 35, м. б., *anañgá* ‘бестелесный’;

Санскр. *anatīta* ‘неистекший’ сопоставлено с не-ОТИ-ШАО неловко, так как в серб. оти продолжает другой префикс *отъ / *отъ, не тождественный *ети (ещё), серб. шао — супплетивная форма глаг. 36;

Санскр. *ananūkta, ananūkti, ananūsua* ‘невыученный, неотвеченный’ сопоставлено с НЕ-УЧЕНО, НЕ УЧЕЊИ 36;

Санскр. *anabhra* ‘безоблачный’ сопоставлено с без ОБЛАКА неудачно, *ob-(v) lako < *ab-ualkan 39;

Санскр. *aná* ‘тем самым, таким образом, воистину’ сопоставлено с ОНО 41;

Санскр. *anādyá* ‘несъедобный’ сопоставлено с да се НЕ ЈЕДЕ, НЕЈЕСТИВ 42;

Санскр. *ānu* ‘за, вслед, к чему-л.; по, вдоль’ сопоставлено с ОНДА неловко 47;

Санскр. *anupī* ‘проводить, сопровождать; мирить, примирять’ сопоставлено с ПРИ-НЕТИ, ДО-НЕТИ неудачно, слав. протетич. формы j-/n-eti 50;

Санскр. *anunāda, anunāsika* ‘носовой; назализованный гласный’ сопоставлено с НОСНИ поверхностно 50;

Санскр. *anuṣvāraṃ* ‘продолжающий спать’ сопоставлено с ПОСПАНО неловко, так как приставки и суффиксы не соответствуют 54;

Санскр. *ānūka, anūsīna, anvañs* ‘спинной хребет; твёрдость характера; то, что следует после чего-л.’ сопоставлено с УНУК 54;

Санскр. anūthā ‘следовать; подниматься вслед’ сопоставлено с УСТАТИ после 54;
Санскр. anūdaka ‘нехватка воды, засушливость’ сопоставлено с без-ВОДНОСТ, не слишком ловко, гетерогенные аффиксы 55;

Санскр. anūdāhā ‘лишённый воды’ сопоставлено с НЕ-УДАТА 55;

Санскр. antār, antara, antarā, antarya, antra ‘внутри; между, в середине; изнутри; близкий, ближайший; внутренний; промежуток; внутренность; внутри, между’ сопоставлено с УНУТАР, УНУТАРЬИ, УНУТРА, УНУТРАШЬОСТ, ИЗНУТРИЦЕ, УТРОБА 56, 57, 58;

Санскр. antarīya, uttarīya ‘нижнее бельё, предмет одежды, поддеваемый под другой’ сопоставлено с АНТЕРИЈА поверхностно, грецизм в серб. 57;

Санскр. andhātamaśa, andhātamaśatā ‘сильная, густая тьма’ сопоставлено с ТАМА 59;

Санскр. āna ‘еда, пища, корм; рис’ сопоставлено с ХРАНА неуместно по семантическому сходству 59;

Санскр. annāda ‘принимающий пищу’ сопоставлено с који JEDE ХРАНУ неловко 59;

Санскр. annārtha, annārthin ‘просящий еды’ сопоставлено с жельан ХРАНЕ неловко 59;

Санскр. annāvṛdh ‘изобилующий пищей’ сопоставлено с који напредује ХРАНОМ неловко 59;

Санскр. anyā ‘другой, иной; отличающийся; некоторый, некий; общий, обычный; взаимно’ сопоставлено с ИНИ 59;

Санскр. anyāthā ‘иначе, иным способом; ошибочно; изменять, исказать; принижать’ сопоставлено с ИНАЧЕ неловко 59;

Санскр. anyadā ‘куда-либо; как-нибудь; однажды’ сопоставлено с некад ИНОГДА неловко 60;

Санскр. āra (ar-?) ‘прочь, в сторону, назад, вниз’ сопоставлено с ПО-зади 61;

Санскр. araṭi ‘непалящий, нежгучий; неуклюжий, неловкий; некрасноречивый, больной’ сопоставлено с не-ПАМЕТАН неловко 62;

Санскр. a-ṛatita ‘не падший’ сопоставлено с не-ОТПАДНИК неудачно 63;

Санскр. aratara, aratrarā ‘смущение, стыд’ сопоставлено с А-ПА-ТРАПА(В), м. б., āna-ḍṛāna тят-ляп? Неудачно 63;

Санскр. aratha ‘отсутствие пути; беспутье’ сопоставлено с БЕС-ПУТЬЕ 63;

Санскр. aradāna ‘великое или благородное свершение; подвиг’ сопоставлено с ДЕЛО 63;

Санскр. aradī ‘убегать, спастись бегством’ сопоставлено с (о)ДРПАТИ, ОДРПАНАЦ, АДРАПОВАЦ 63;

Санскр. aradrādhām ‘разрывом открывающий’ сопоставлено с ОДУВАТИ неловко 63;

Санскр. aradhūma, aradhūmatva ‘незадымленный’ сопоставлено с без ДИМА, БЕЗДИМНОСТ 63;

Санскр. aravāda, vāda ‘опровержение; исключение; порицание; упрёк’ сопоставлено с серб. СВАЂАЊЕ, СВАЂА 66;

Санскр. aravāhā, aravāhana ‘отвоз’ сопоставлено с серб. ОДВОД воде, ОД-ВОЂЕЊЕ неудачно 66

Санскр. aras, arasyá, arasyā, arasyú ‘активный, искусный в любом занятии; быть активным; активность’ сопоставлено с серб. ПОСАО, УПОСЛЕН неудачно 66, 67;

Санскр. arás ‘деятельный, усердный, старательный; дело; обряд, ритуал’ сопоставлено с серб. ЗАПОСЛЕН неудачно 66;

Санскр. arasavya ‘не с левой стороны; направленный влево,двигающийся справа налево’ сопоставлено с серб. НЕ-ЛЕВИ неудачно, сюда можно было бы привести слав. *шуйи* 67;

Санскр. arasalaví ‘слева’ сопоставлено с серб. на ЛЕВО неудачно 67;

Санскр. arahāra ‘присвоение, похищение, грабёж; удаление, устранение; укрытие’ сопоставлено с серб. ПОХАРА неудачно 67;

Санскр. ārāktāt (лучше ārāká?) ‘пришедший издалека; далеко’ сопоставлено с серб. НА-ОПАКО 67;

Санскр. arācīna ‘расположенный задом наперёд, позади, с запада’ сопоставлено с серб. ОПАЧИНА, на-ОПАКОСТ 68;

Санскр. ārāñc ‘лежащий сзади; западный’ сопоставлено с серб. ОПАКО, ОПАЧИНА, НАОПАКО не слишком ловко 68;

Санскр. arāya [ара-ауа] ‘отправление, отбытие; конец; упадок, разрушение; вред, ущерб; уменьшение, убавление’ сопоставлено с серб. ОПАСНОСТ неудачно: слав. **ob-pas-ъn-ostъ* 68;

Санскр. āri, tathāri ‘также, тоже’ сопоставлено с серб. ИПАК неудачно 69;

Санскр. arivati ‘понимать’ сопоставлено с серб. СХВАТИТИ неудачно 69;

Санскр. arūrvá ‘небывалый, невиданный прежде; новый, необыкновенный’ сопоставлено с серб. ПРВИ 70;

Санскр. areya ‘непригодный для питья’ сопоставлено с серб. није за пиће, не ПИЈЕ 70;

Санскр. ārgīya, argīti ‘неприятный, нелюбимый; вражда’ сопоставлено с серб. НЕ-ПРИЈАТАН, НЕ-ПРИЈАТЕЉ, НЕПРИЈАТЕЉСТВО 73

Санскр. arhena ‘не пенный’ сопоставлено с серб. без ПЕНЕ 74;

Санскр. abalá, abalāsa ‘бессильный, слабый’ сопоставлено с серб. СЛАБ, БОЛЕСТ неудачно 74;

Санскр. abalya ‘слабость, болезнь’ сопоставлено с серб. ОБОЉЕЊЕ, СЛАБОСТ, БОЛЕСТ неудачно 74;

Санскр. ābalyas ‘более слабый’ сопоставлено с серб. СЛАБИЈИ неудачно 74;

Санскр. abahu ‘немного, мало’ сопоставлено с серб. АБАЗ неудачно 74;

Санскр. abuddha, abuddhi, abuddhitā (сюда же abodha) ‘глупый; глупость; незнание, невежество’ сопоставлено с серб. БУДДАЛАСТ, БУДАЛА, БУДАЛАШТИНА неудачно 75;

Санскр. abudhyá ‘не быть пробуждённым’ сопоставлено с серб. да се не БУДИ 75;

Санскр. abjāda ‘рождённый в воде’ сопоставлено с серб. ЛАБУД неудачно 75;

Санскр. abruvat (+ abruvant) ‘неговорящий, невысказывающий’ сопоставлено с серб. који не ЗБОРИ неудачно 75;

- Санскр. *abhāgya* ‘несчастный’ сопоставлено с серб. УБОГ 76;
- Санскр. *abhí* ‘направление действия’ сопоставлено с серб. ДА БИ неудачно 76;
- Санскр. *abhicar*, *abhicāra* ‘околдовывать, очаровывать; колдовство, волшебство’ сопоставлено с серб. ЗАЧАРАТИ, ЧАРОЛИА, ЧАРАЊЕ 76;
- Санскр. *abhicī*, *abhicīnt* ‘размышлять над’ сопоставлено с серб. ОБУЋИ неудачно 77;
- Санскр. *abhidās* ‘относиться враждебно’ сопоставлено с серб. ОБЕДИТИ неудачно 77;
- Санскр. *abhidrā* ‘бежать, спешить; бросаться в’ сопоставлено с серб. (при)ТРЧАТИ неудачно 77;
- Санскр. *abhidhā(ti)* ‘приносить; запрягать; ставить; обозначать; назначать; говорить’ сопоставлено с серб. ПРЕДАТИ, ДЕТИ, НАДЕТИ 77;
- Санскр. *abhinabhyām* ‘кверху, ввысь’ сопоставлено с серб. НЕБЕСА 77;
- Санскр. *abhipat*, *abhipatyate* ‘отправляться, идти к; обращаться; доставаться, выпадать на долю; приниматься; доходить, достигать’ сопоставлено с серб. НАПАСТИ неудачно 78;
- Санскр. *abhipatana*, *abhipad* ‘летающий по направлению к’ сопоставлено с серб. НАПАД неловко 78;
- Санскр. *abhipā*, *abhipāti* ‘сторожить, иметь предметом внимания’ сопоставлено с серб. ПАЗИТИ 78;
- Санскр. *abhipā* ‘выпить чего-л.’ сопоставлено с серб. ИСПИТИ 78;
- Санскр. *abhimāna*, *abhimāna* ‘думать; хотеть, жаждать; угрожать; убивать; воображать; верить; считать за’ сопоставлено с серб. ОБМАНА, САМООБМАНА 79;
- Санскр. *abhiṅgā* ‘передача, доставка’ сопоставлено с серб. ПРЕВОЗ 80;
- Санскр. *abhiṅga*, *abhiṅga* ‘встреча; своевременно; в благоприятный момент; бесстрашный’ сопоставлено с серб. који се не БОЈИ, без БОЈАЗНИ 82;
- Санскр. *abhyantaram* ‘внутренность’ сопоставлено с серб. УНУТАР 83;
- Санскр. *abhyavaskand* ‘прыгать вниз или внутрь чего-л.’ сопоставлено с серб. УСКОЧИТИ неудачно 83;
- Санскр. *abhyutthāna* ‘подъём; идти навстречу’ сопоставлено с серб. УСТАЈАЊЕ неудачно 84;
- Санскр. *abhyucita* ‘обычный, привычный’ сопоставлено с серб. УОБИЧАЕН (ОБИЧА) ошибочно **ob-vučajb* 84;
- Санскр. *abhyūh* ‘покрывать чем-л.’ сопоставлено с серб. ОБУЋИ, ОБУТИ неудачно 84;
- Санскр. *abhṛā* < *abhṛa* ‘облако, туча, воздушное пространство’ сопоставлено с серб. ОБЛАК неудачно: **obvolk* 85;
- Санскр. *abhrarūṣ* ‘морось из облаков, дождь’ (RV X, 77, I) сопоставлено с серб. ПЉУСАК ОБЛАКА неудачно 85;
- Санскр. *abhrātṛ* ‘не имеющий брата’ сопоставлено с серб. без БРАТА 85;
- Санскр. *abhrīta* ‘облачный’ сопоставлено с серб. ОБЛАЧАН неудачно 85;
- Санскр. *abhrīya* ‘принадлежащий к или происходящий из облаков’ сопоставлено с серб. ОБЛАЧНИ, из ОБЛАКА неудачно 85;

- Санскр. abhṛūvilāsa ‘?’ сопоставлено с серб. ОБРВАМА неудачно 85;
- Санскр. āpa ‘натиск; стремительность; страх, боязнь’ сопоставлено с серб. MĀ, MĀX неловко, на худой конец *мáнути, мánём?* 85;
- Санскр. āpanas ‘невосприятие, недостаток восприятия; лишённый понимания или разума; глупый’ сопоставлено с серб. НЕ-(РАЗ)УМ (неразуман) неловко, лучше *не мнйти, мним* 85;
- Санскр. amanuṣya, -ta ‘отсутствие мужественности’ сопоставлено с серб. не-МУЖЕВНОСТ 85;
- Санскр. amantú ‘бессознательный’ сопоставлено с серб. НЕ-УМАН 86;
- Санскр. amandaḥṛdaya ‘умный + сердце’ сопоставлено с серб. весела СРЦА неловко 86;
- Санскр. amāra, amaratva ‘бессмертный’ сопоставлено с серб. БЕСМРТАН, БЕСМРТНОСТ, лучше не морити, не морија 86;
- Санскр. amarta, amartya ‘бессмертный’ сопоставлено с серб. БЕСМРТАН 86;
- Санскр. amartya-bhāva ‘бессмертие’ сопоставлено с серб. БЕСМРТНОСТ 86;
- Санскр. amā ‘дома, домой; у себя’ сопоставлено с серб. кући, ДОМА неудачно 86;
- Санскр. amātya ‘советник, министр; приближенный; придворный’ сопоставлено с серб. ДОМАЋИ 86;
- Санскр. amṛta, amṛtā, amṛtvá, amṛtyu ‘бессмертный; бог; бессмертие; мир богов; божественность; напиток бессмертия, нектар; целебный напиток, лекарство; вода; молоко’ сопоставлено с серб. БЕСМРТАН, БЕСМРТНОСТ 88, 89;
- Санскр. amṛtibhū ‘бессмертие’ сопоставлено с серб. БИТИ БЕСМРТАН 89;
- Санскр. amedhyá, mīḍha ‘неподходящий для жертвоприношения; нечистый, грязный; нечистоты, грязь’ сопоставлено с серб. ИЗМЕТ неудачно 89;
- Санскр. ambarāya ‘собирать вместе’ сопоставлено с серб. АМБАР, хотя составителю прекрасно известно происхождение последнего 89;
- Санскр. agra ‘далёкий, чужой’ сопоставлено с серб. ЛАНИ, праслав. *olnei не слишком убедительно 92;
- Санскр. aratní ‘локоть’ сопоставлено с серб. ЛАКАТ, цслав. *лакътъ* 93;
- Санскр. arantos, arata ‘скучный, вялый, апатичный; испытывающий отвращение, неудовлетворенный чем-л.’ сопоставлено с серб. АРАТОС / АРАНТОС неудачно 93;
- Санскр. aruṇa ‘красноватый, оранжевый; краснота; утренняя заря; солнце’ сопоставлено с серб. РУМЕН, РУМЕНИЛО, рана зора РУЈНА, АРУМ, АРУН неудачно 94;
- Санскр. aruṇī ‘красновато-коричневый’ сопоставлено с серб. РУМЕНИТИ неудачно 95;
- Санскр. aruṇá ‘красный; огненный; солнце; день; пламя, огонь; утренняя заря’ сопоставлено с серб. РУС неудачно 95, ср. более соблазнительное сопоставление с топонимом *Ориа*;
- Санскр. áruḥs ‘рана, болезненное место’ сопоставлено с серб. ОРАХ неудачно 95;

Санскр. *arká* ‘луч; солнце; гимн; песнопение; певец; вид дерева’ сопоставлено с серб. ЗРАКА неудачно 95;

Санскр. *arkín, arcí, arcimát* ‘излучающий; восхваляющий, воспевающий’ сопоставлено с серб. који ЗРАЧИ неудачно 95, 96;

Санскр. *artha, rādh* ‘цель; ради, для; причина, повод; преимущество; польза, выгода; вещь, предмет; богатство, достояние; деньги; дело; желание, стремление; потребность; смысл, значение; содержание; способ; запрещение; предмет иска’ сопоставлено с серб. РАД, РАДИТИ неудачно 96;

Санскр. *ard, árdati, ardáyati, ṛdati* ‘разлетаться, рассыпаться; просить о; мучить; бить ранить; убивать, умерщвлять’ сопоставлено с серб. ОБОРИТИ, РАЗОРИТИ неудачно 98;

Санскр. *árbha* ‘маленький, слабый, мальчик, ребёнок’ сопоставлено с серб. РОБ, цслав. РАБ 99;

Санскр. *ala, āra, ali* ‘пчела’ сопоставлено с серб. који има ЖАЛАЦ неудачно 100;

Санскр. *alaka* ‘завиток, локоть’ сопоставлено с серб. ЛОКНА неудачно 100;

Санскр. *alarka* ‘бешеная собака; сказочное животное’ сопоставлено с серб. АЛАКАТИ неудачно 101;

Санскр. *alasa, alasaṭā* ‘бледный; матовый; инертный’ сопоставлено с серб. ОЛОШ неудачно 101;

Санскр. *ávati* ‘проявлять благосклонность’ сопоставлено с серб. ЈАВИТИ 102;

Санскр. *áva* ‘расчленение или направленность действия прочь, в сторону, вниз’ сопоставлено с серб. ВАН неловко, это давно известное соответствие предлогу У, чего не принял во внимание составитель 102;

Санскр. *avasaṇa, avacinvat* ‘срывание, собирание (плодов); считывание, чиение’ сопоставлено с серб. ПОВУЋИ / СВУЋИ неудачно 103;

Санскр. *avatan* ‘опускать, спускать; ослаблять тетиву лука’ сопоставлено с серб. АЛВАТАН неудачно 104;

Санскр. *avataṃsa* ‘затемнение’ сопоставлено с серб. ЗАТАМЊЕНОСТ 104;

Санскр. *avarat, avarad; avarāta* ‘слетать, падать (вниз); спад, падение’ сопоставлено с серб. ПАСТИ, ПАДАТИ, ПАДАЊЕ 105;

Санскр. *avarāṇa* ‘упивание’ сопоставлено с серб. ПИЕЊЕ 105;

Санскр. *avabodha* ‘бодрствование; восприятие; знание’ сопоставлено с серб. БУДНОСТ 105;

Санскр. *avaleha, avalehana* ‘облизывание, лизание’ спо глаг. *avalih* опоставлено с серб. ЛИЗАЊЕ, ОБЛИЗИВАЊЕ не слишком ловко 106;

Санскр. *avavraśc* ‘откалывать, отрубать’ сопоставлено с серб. ИВЕР неудачно 106;

Санскр. *avasá* ‘еда, провиант’ сопоставлено с серб. ОВАС неуместно, хотя составитель знает правильное сопоставление с санскр. *yava, yávasa* 107;

Санскр. *avaskara, avaskṛī* ‘покупать, приобретать’ сопоставлено с серб. СКАРЕДНОСТ неудачно 107;

Санскр. *avaḥan, avaḥanana* ‘сбивать; убивать’ сопоставлено с серб. ОВРШИТИ, ВРШИДБА неудачно, лучше бы прогнати 108;

Санскр. avārā < a-rārā ‘эта сторона; ближайший берег реки’ сопоставлено с серб. ОВА страна, ближа ОБАЛА реке совсем неудачно 108;

Санскр. ávi, ávikā, avikā ‘баран; овца’ сопоставлено с серб. ОВЦА, цслав. *овьца* 108–109;

Санскр. avidhavā ‘не вдова’ сопоставлено с серб. не-УДОВА 110;

Санскр. ávivādin ‘не ругающийся с кем-л.’ сопоставлено с серб. који се не свађа 111;

Санскр. avihā ‘междометие’ сопоставлено с серб. АВАЈ, цслав. *оувы* 112;

Санскр. aveta ‘?’ сопоставлено с серб. АВЕТ неудачно 113;

Санскр. ávedin ‘несведущий’ сопоставлено с серб. АВЕТИЊА неудачно 113;

Санскр. ávya, avyaya ‘овечий’ сопоставлено с серб. ОВЧИЈИ 113, 114;

Санскр. áśnāti, āśita, áśna, áśnát ‘прожорливый; поедающий. пожирающий’ сопоставлено с серб. ЈЕСТИ, СИТ неудачно 115;

Санскр. áśan, aśman, aśna ‘камень’ сопоставлено с серб. КАМЕН 115, 117;

Санскр. lī + śáya ‘лежащий; постель, кровать; место стоянки; сон’ сопоставлено с серб. ЛЕЖАЈ неудачно 115;

Санскр. aśítā ‘съеденный’ сопоставлено с серб. ЈЕДЕН неудачно 115;

Санскр. aśīta, aśīti ‘восьмидесятый’ сопоставлено с серб. ОСАМДЕСЕТИ, ОСАМДЕСЕТ не слишком удачно 116;

Санскр. aśuci, aśucitva ‘нечистый, грязный’ сопоставлено с серб. НЕЧИСТ, НЕЧИСТОТА неудачно 116;

Санскр. áśrama ‘неутомимый; неутомимость’ сопоставлено с серб. НЕУМОРАН неудачно 117;

Санскр. aśravaṇa ‘неупоминание; недостаток’ сопоставлено с серб. НЕ СЛУША 117;

Санскр. aśrī ‘ребро, край; кайма, лезвие, острие’ сопоставлено с серб. ОШТРА страна, ОШТРИЦА, ОШТРИТИ 117;

Санскр. aśrī ‘невозвезение’ сопоставлено с серб. НЕСРЕЋА неясно 117;

Санскр. áśru, aśrā ‘слеза’ сопоставлено с серб. СУЗА, цслав. *сльза* неубедительно 117, 127;

Санскр. aṣṭa, aṣṭán ‘восемь’, aṣṭaguṇa, aṣṭāpad / pād / padī ‘восьмикратный’ сопоставлено с серб. ОСАМ, ОСМОСТРУК 118, 119;

Санскр. aṣṭamā ‘восьмой’ сопоставлено с серб. ОСМИ 119;

Санскр. aṣṭādaśan ‘восемнадцать’ сопоставлено с серб. ОСАМНАЕСТ 119;

Санскр. aṣṭi = aṣṭhi ‘кость’ сопоставлено с серб. КОШТИЦА сомнительно 119;

Санскр. as, asmi, asi, ásti, smaṣi, stha, santi ‘есмь, еси, есть, есмо, есте, суть’ сопоставлено с серб. ЈЕСАМ / САМ, ЈЕСИ / СИ, СМО, СТЕ, СУ 119;

Санскр. aśan aśrj ‘кровь’ сопоставлено с серб. АЗАН, праслав. **езвьнь* (?) неудачно 122;

Санскр. askṛdhoṃu ‘не находящийся в недостатке, изобильный’ сопоставлено с серб. не-ОСКУДАН неудачно 125;

Санскр. ásta (с отсылкой к sthā) ‘дом, жилище; местопребывание’ сопоставлено с серб. СТАН не слишком убедительно 125;

Санскр. ástā ‘брошенный’ сопоставлено с серб. копље ‘стрела’ (ОСТ-И) неловко 125,

Санскр. ástr, astrin ‘метатель, стрелок’ сопоставлено с серб. СТРЕЛАЦ сомнительно 126,

Санскр. astrá ‘метательное оружие, стрела’ сопоставлено с серб. СТРЕЛА, СТРЕЛЪАТИ 126;

Санскр. asthán, ásthi ‘кость’ сопоставлено с серб. КОСТ, КОШТИЦА неловко 126;

Санскр. asthā ‘неподходящее место’ сопоставлено с серб. САДА неудачно 126;

Санскр. asmá ‘без частицы «сма»’ сопоставлено с серб. ми СМО неловко 127;

Санскр. áha ‘конечно, хорошо; прямо; раз, именно’ сопоставлено с серб. АХА 128,

Санскр. ahastá ‘безрукий’ сопоставлено с серб. безрук (КЪАСТ) неудачно 128,

Санскр. áhi, āhi ‘змея’ сопоставлено с серб. УЖ, ГУЖ 129;

Санскр. ahima ‘без холода, не холодный’ сопоставлено с серб. без ЗИМЕ 129;

Санскр. áhraya < hrī ‘решительный, не смущающийся, сознающий свою власть’ сопоставлено с серб. не-СРАМЕЖЉИВ неудачно 129;

Санскр. áhrasva ‘не короткий, длинный’ сопоставлено с серб. не-КРАТАК неудачно 130.

Из 214 сопоставлений можно признать удовлетворительными или более-менее приемлемыми 68 примеров, т.е. примерно одну треть. Большинство корректных сопоставлений совпадают со словарём Монье-Уильямса.

Выводы из обозрения этих сопоставлений не слишком оптимистичный. Составитель значительно нарастил корпус санскритско-сербских этимологических и словообразовательных изоглосс за счет ошибочных сопоставлений лишь внешне отдалённо похожих, чаще всего этимологически гетерогенных слов и разных словообразовательных моделей, форм, которые зачастую не могут иллюстрировать даже аналогического и параллельного «схождения языков» с точки зрения лингвистической типологии и, тем более, «языкового родства» санскрита и сербского (да и других славянских) языков в свете генетической лингвистики.

При всей эпохальности появления фундаментального двуязычного санскритско-сербского словаря, безусловно, в высшей степени полезного для сербской лингвистики и филологии, данный словарь может оказаться затруднительным в использовании для учащихся и начинающих научных сотрудников из-за значительного числа необщепризнанных и/или допускающих более удачные иные толкования сопоставлений.

Литература

Fox A. Linguistic Reconstruction. Oxford, 1995.

Durie M., Ross M. The comparative method review: regularity and irregularity in language change. Oxford, 1996.

A. K. Shaposhnikov

V. V. Vinogradov Russian Language Institute RAS

(Moscow, Russia)

etymol@mail.ru

**A SANSKRIT-SERBIAN DICTIONARY WITH ETYMOLOGICAL
COMMENTARY.**

Review of: Nikić, Momir. Sanskritsko-srpski rečnik [Sanskrit-Serbian Dictionary]. — Novi Sad: Prometej Publ., 2020. — XXIII, 1261 p. — (Biblioteka Rečnici / Prometej, Novi Sad; Book 8). — ISBN 978-86-515-1665-1.

This dictionary was compiled by a prominent Serbian ethnologist, Momir Nikić. It is a bilingual dictionary, with the addition of the explanatory part of the dictionary entries with Serbian comparative lexical material which the author-compiler believes to be evidence of the close linguistic relationship between Sanskrit and Serbian. On the basis of systematic comparisons, the author-compiler draws conclusions as to purported close proximity between Serbian and Sanskrit in the genetic, areal and typological terms, specifically the similarities at the lexical-semantic level between the two languages, which belong to different groups of the IE family. The dictionary contains an etymological analysis of about 18 thousand words. Traditionally, about 2000 primary and secondary roots are included in Sanskrit dictionaries. The dictionary is aimed at translators from Sanskrit to Serbian, at persons studying Sanskrit and Indology, as well as at a wide range of people interested in the origin of words in their native language.

Key words: Sanskrit lexicography, Vedic vocabulary, comparative studies, linguistic affinity, regular correspondences, phono-morphological convergence and divergence of languages, contrastive linguistics, comparative semantics, derivational and morphological etymology.

References

Fox A. *Linguistic Reconstruction*. Oxford, 1995.

Durie M., Ross M. *The comparative method review: regularity and irregularity in language change*. Oxford, 1996.

Е. И. Якушкина

МГУ им. М. В. Ломоносова (Россия, Москва)

jkatia@yandex.ru

ЧЕЛОВЕК В ЗЕРКАЛЕ РУССКОГО ДИАЛЕКТНОГО ЯЗЫКА*

Рец.: Т. И. Вендина. Антропология диалектного слова.

М.; СПб.: Нестор-История, 2020. 684 с.

Монография Т. И. Вендиной «Антропология диалектного слова» посвящена реконструкции образа человека, его духовных ценностей и мировидения, отраженных в русской диалектной лексике. Наиболее объемными являются две главы исследования: «Человек в диалектном слове» и «Философия диалектного слова». В исследовании на обширном диалектном материале дана классификация значений, связанных с физическими, психическими, социальными и пр. характеристиками человека и его видением окружающего мира (природы, времени, пространства). Большую часть исследования составляет описание концептов русской традиционной духовной культуры на материале лексики: добро и зло, воля, судьба, труд и др.

Ключевые слова: диалектная лексикология, картина мира, русские народные говоры, образ человек в языке, народная аксиология, культурные концепты.

Новая монография Татьяны Ивановны Вендиной «Антропология диалектного слова» продолжает серию работ автора, посвященных русской диалектной и старославянской картине мира (Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм), 1998; Из истории кирилло-мефодиевского наследия в языке русской культуры, 2007; Средневековый человек в зеркале старославянского языка, 2002). Ее главным предметом является образ человека, физического и духовного, в русской диалектной лексике. Материалом для исследования преимущественно послужили «Словарь русских народных говоров» и словарь В. И. Даля.

Исследование состоит из пяти глав: «Человек в диалектном слове», «Русская природа в диалектном слове», «Философия диалектного слова», «Аксиология диалектного слова» и «Регулятивный принцип языка традиционной культуры».

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00471 «Ареальное членение и ареальные связи сербскохорватских говоров в области лексики».

В первой главе рассматриваются слова, обозначающие физические признаки человека, социальные характеристики, особенности поведения, родственные отношения, национальность и место рождения. Данную главу по способу презентации и обилию материала можно назвать *семантическим словарем русской диалектной лексики, обозначающей физические, психические и социальные признаки человека*. Каждый раздел содержит характеристику соответствующего поля, которая включает список значений, его образующих. Например, в поле «лицо человека» выделены следующие группы значений: характеристики формы и цвета глаз, особенностей взгляда, размера и формы головы и лба, носа, губ и т. д. Для каждой группы значений приводятся обширные списки лексем, эти значения выражающие. Представленная таким образом семантическая структура поля человеческой внешности чрезвычайно интересна, поскольку показывает, что привлекает внимание языковой личности при номинации. Так, волосяной покров на голове человека видится через следующие признаки: ‘лысый’, ‘кудрявый’, ‘длинноволосый’, ‘коротко стриженный’, ‘непричесанный’, ‘белокурый’, ‘темноволосый’, ‘рыжеволосый’, ‘седой’. Заметим, что существенные различия в концептуализации внешности имеют место даже в близкородственных языках, и классифицированный в монографии материал может быть использован как база для дальнейших сопоставительных исследований. Сошлемся на наблюдение проф. Срето Танасича (Сербия), что в сербских боснийских говорах широко употребимо слово *ријечница* ‘щелка между передними зубами, щербинка’ (в народном восприятии — важный атрибут красоты), для которого аналоги в других славянских языках практически отсутствуют. Не выделено данное значение и в материалах описываемой монографии. Безусловно, было бы интересно провести сопоставление представленного в книге материала и с восприятием черт человека, отраженным в русском литературном языке.

Второе, на что хотелось бы обратить внимание в связи с идеографической формой презентации лексики, это ценность конструируемых лексических парадигм. Среди названий признаков человека много экспрессивной лексики с затемненной внутренней формой, для прояснения которой могут иметь важное значение синонимические наименования. Хотелось бы также отметить, что собранный и классифицированный в монографии материал может послужить основой для исследования различных мотиваций обозначений одного признака, то есть стоящей за ним образностью.

Особенностью авторской трактовки материала является исследование *семантических взаимосвязей обозначений различных признаков*. Эти взаимосвязи реконструируются, во-первых, на базе многозначности, в том числе междиалектной: в разных говорах одно и то же слово может обозначать разные признаки, что указывает на связь понятий, а во-вторых, на основании экспликации диалектной семантики с помощью литературных слов, обозначающих разные признаки (ср. *байбак* ‘глупый, ленивый человек’), констатируется связь трудолюбия со скромностью, ловкостью, проворностью, болтливости — с лестью, скупостью, неряшливостью, глупости — со сварливостью и т. д. Явление семантического синкретизма диалектного слова, несомненно, представляет большой интерес и нуждается в исследовании.

Описание лексического выражения черт человеческого характера можно трактовать как презентацию *русской наивной психологии*: каким человек может быть с точки зрения носителя русского диалектного языка (ср., злоба, скупость, обман, легкомыслие, распушенность у женщин — наиболее часто лексически воспроизводимые значения отрицательного полюса; также в книге воссоздается и образ идеального человека через список признаков, ценимых обществом).

Во второй главе, посвященной видению носителем диалектного языка русской *природы*, выделяются признаки, которые актуализируются в названиях растений и домашних и диких животных, рельефа, ландшафтов. Важными представляются две особенности данного семантического поля, о которых пишет автор: это детализация при номинации некоторых природных объектов и явлений (лугов, болот, лесов, дождя) и предпочтение видовых наименований при назывании предмета (ср. распространение местных обозначений березы вместо общеславянского слова, причем локальные наименования развились из названий, которые первоначально были видовыми (*чистяк* о березе)).

Третья, самая обширная глава монографии, посвящена реконструкции концептов русской традиционной культуры. Среди них: жизнь и смерть, время, добро и зло, воля, правда и истина, дух и душа, судьба, красота и безобразие, совесть и стыд, терпение и смирение, тоска, труд и работа, слово, любовь и дружба, счастье и радость, знать и ведать, цвет, игра, единство. Концепты реконструируются путем анализа лексического структурирования понятия, дефиниционного анализа, анализа многозначности, мотивации, а также фразеологии. Например, для реконструкции концепта жизни важным оказывается то, что языковая личность закрепляет отдельные наименования за счастливой (*красованье*), богатой (*жирушка*), тяжелой (*погиба*), праздной (*зулуж*) и т. д. жизнью (примерно такие же формы жизни описываются и фразеологизмами); междиалектная многозначность отражает связь понятия жизни с семьей, домом, имуществом; внутренняя форма названий смерти позволяет говорить о восприятии жизни как пути. Рассматриваемые как часть концепта времени названия утра демонстрируют восприятие этой части дня как времени перед восходом солнца или после него, время до полудня, время работ, а вечер — время заката и досуга. Важной особенностью семантического поля времени является его антропологизация: осмысление времени в связи с понятием труда и праздности, а соответственно, и в связи с этическими категориями. Также время осмысляется через пространство (день — юг, ночь — север, будущее — сзади, прошлое — впереди), через процессы в природе, через события в жизни человека. Анализ номинаций добра и зла раскрывает, что включается народным сознанием в эти категории. Под добром подразумевается благодарность, щедрость, простота, имущество, большое количество (интересно, что смысл «много» ассоциируется и со злом). Не останавливаясь подробно на особенностях описания прочих концептов, отметим его исключительную ценность для реконструкции русского и, шире, славянского народного мировидения.

В четвертой и пятой главах автор резюмирует результаты своего исследования. В главе «Аксиология диалектного слова» выделяются духовные, социальные,

этические, эстетические ценности, актуальные для русского народного сознания. В заключительной главе «Регулятивный принцип языка традиционной культуры» автор формулирует окончательные наблюдения над антропологичностью процесса номинации в народном языке.

В заключение настоящего обзора хотелось бы отметить, что данная монография открывает большую перспективу и может стать отправной точкой для компаративных исследований народной лексики разных славянских языков. Многочисленные параллели, которые после прочтения монографии возникают с другими славянскими диалектами, эти параллели свидетельствуют о существовании общих семантических импульсов, идущих от древнеславянской культуры и направляющих развитие славянской лексики.

Ekaterina I. Yakushkina

Moscow State University (Russia, Moscow)

jkatia@yandex.ru

A PERSON IN THE MIRROR OF DIALECT RUSSIAN.

Review of: T. I. Vendina. *Antropologiya dialektного slova [Anthropology of a Dialect Word]*. Moscow — Saint Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2020. 684 p.

The work "Anthropology of the Dialectal Word" is devoted to the reconstruction of the image of a person, his spiritual values and worldview, as reflected in the Russian dialectal vocabulary. The most extensive chapters of the study are: "The Human in the dialect word" and "The Philosophy of the dialect word". The study uses a wide range of dialect material to classify the meanings connected with, among others, the physical, mental, social characteristics of a person and their vision of the surrounding world (nature, time, space). The main part of the research is a description of the concepts of Russian traditional spiritual culture based on vocabulary: good and evil, will, fate, labour, etc.

Keywords: dialectal lexicology, linguistic image of the world, Russian dialects, the image of a person in the language, folk axiology, cultural concepts.

Научный журнал

ТРУДЫ ИНСТИТУТА РУССКОГО ЯЗЫКА ИМ. В. В. ВИНОГРАДОВА

№ 4. 2021

Оригинал-макет *Л. Е. Голод*
Дизайн обложки *И. А. Тимофеев*

Подписано в печать 00.00.2021. Формат 70×100 ¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 22,9. Заказ № 2622
Тираж 300 экз.

Адрес редакции: г. Москва, 119019, Волхонка 18/2

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86